Подається російською мовою

Томас Майн РИД

КВАРТЕРОНКА

Глава I. ОТЕЦ ВОД

ОТЕЦ ВОД! Я славлю твой могучий бег. Подобно индусу на берегах священной реки, склоняю я пред тобою колена и возношу тебе хвалу!

Но как несходны чувства, которые нас одушевляют! Индусу воды жёлтого Ганга внушают благоговейный трепет, олицетворяя для него неведомое и страшное грядущее, во мне же твои золотистые волны будят светлые воспоминания и связуют моё настоящее с прошлым, когда я изведал столько счастья. Да, великая река! Я славлю тебя за то, что ты дала мне в прошлом. И сердце замирает от радости, когда при мне произносят твоё имя!

Отец вод, как хорошо я знаю тебя! У твоих истоков я шутя перескакивал через тоненькую струйку, ибо в стране тысячи озёр, на вершине Hauteur de terre, ты бежишь крохотным ручейком. На лоно вскормившего тебя голубого озерка спустил я берестяной чёлн и отдался плавному течению, устремившему меня на юг.

Я плыл мимо берегов, где на лугах зреет дикий рис, где белая берёза отражает в зеркале твоих вод свой серебристый стан и тени могучих елей купают в твоей глади свои остроконечные вершины. Я видел, как индеец чипева рассекал твои хрустальные струи в лёгком каноэ, как лось-великан стоял в твоей прохладной воде и стройная лань мелькала среди прибрежной травы. Я внимал музыке твоих берегов — крику ко-ко-ви, гоготу ва-ва — гуся, трубному гласу большого северного

лебедя. Да, великая река, даже в далёком северном крае, на твоей суровой родине, поклонялся я тебе!

Всё вперёд и вперёд плыву я, пересекая один за другим градусы, широты и климатические пояса.

И вот я стою на твоём берегу, там, где ты прыгаешь по скалам и зовёшься водопадом Святого Антония и бурным, стремительным потоком прокладываешь себе дорогу на юг. Как изменились твои берега! Хвойные деревья исчезли, и ты нарядился в яркий, но недолговечный убор. Дубы, вязы и клёны сплетают шатром свою листву и простирают над тобой могучие руки. Хотя леса твои по-прежнему тянутся без конца и края, девственной природе приходит конец. Взор с радостью встречает приметы цивилизации, слух жадно ловит её звуки. Среди поваленных деревьев стоит бревенчатая хижина, живописная в своей грубой простоте, а из тёмной чащи леса доносится стук топора. Над поверженными исполинами гордо качаются шелковистые листья кукурузы, и золотые её султаны сулят богатый урожай. Из-за зелёных крон деревьев вдруг выглянет церковный шпиль, и молитва возносится к небу, сливаясь с рокотом твоих волн.

Я снова спускаю чёлн на твои стремительные волны и с ликующим сердцем плыву вперёд и вперёд, на юг. Я проплываю теснины, где ты с рёвом пробиваешь себе путь, и восхищённо всматриваюсь в причудливые скалы, которые то отвесной стеной поднимаются ввысь, то расступаются и мягкими изгибами вырисовываются на синеве небес. Я смотрю на нависшую над водой скалу, прозванную наядой, и на высокий утёс, на округлой вершине которого в далёкие годы солдат-путешественник разбивал свою палатку.

Я скольжу по зеркальной поверхности озера Пепин, любуясь его зубчатыми, похожими на крепостную стену берегами.

С волнением гляжу я на дикий утёс Прыжок любви, чьи обрывистые склоны часто отвечали эхом на весёлые песни беззаботных путешественников, а однажды эхо повторило скорбный напев — предсмертную песнь Веноны, красавицы Веноны, которая ради любви пожертвовала жизнью.

Вперёд несётся мой чёлн, туда, где безграничные прерии Запада подступают к самой реке, и взор мой с радостью скользит по их вечнозелёным просторам.

Я замедляю ход своего чёлна, чтобы посмотреть на всадника с разрисованным лицом, скачущего вдоль твоего берега на диком коне, и полюбоваться на гибких дакотских девушек, купающихся в твоих хрустальных струях, а затем — снова вперёд, мимо Скалистого карниза, мимо богатых рудами берегов Галены и Дюбюка и воздушной могилы смелого рудокопа.

Вот я достиг того места, где бурный Миссури яростно бросается на тебя, как будто хочет повлечь за собою по своему пути. С утлого судёнышка я слежу за вашим поединком. Жестокая короткая схватка, но ты побеждаешь, и отныне твой укрощённый соперник вынужден платить тебе золотую дань, вливаясь в твоё могучее русло, и ты величественно катишь свои воды вперёд.

Твои победоносные волны несут меня всё южнее. Я вижу высокие зелёные курганы — единственный памятник древнего племени, некогда обитавшего на твоих берегах. Но сейчас передо мной встают поселения другого народа. Сверкающие на солнце колокольни и купола вздымают в небо острые свои шпили, дворцы стоят на твоих берегах, а другие, плавучие, дворцы качаются на твоих волнах. Впереди виден большой город.

Но я не задерживаюсь здесь. Меня манит солнечный юг, и, вновь доверившись твоему течению, я плыву дальше.

Вот широкое, как море, устье Огайо и устье другого крупнейшего твоего притока, знаменитой реки равнин. Как изменились твои берега! Ни нависших скал, ни отвесных утёсов. Ты прорвался сквозь сковавшие тебя горные цепи и теперь широко и свободно прокладываешь себе путь через собственные наносы. Ты сам в минуту буйного разгула создал свои берега и можешь прорвать их, когда тебе вздумается. Теперь леса вновь окаймляют тебя — леса исполинов: раскидистые платаны, высокие тюльпанные деревья, жёлто-зелёные тополя поднимаются уступами от самой воды. Леса стоят на твоих берегах, и на своей широкой груди ты несёшь остовы мёртвых деревьев.

Я проношусь мимо последнего твоего большого притока, пурпурные воды которого лишь слегка окрашивают твои волны. Плыву вниз по твоей дельте, вдоль берегов, прославленных страданиями Де Сото[1] и смелыми подвигами Ибервиля[2] и Ла Салля[3].

Тут душу мою охватывает беспредельное восхищение. Лишь человек с каменным сердцем, бесчувственный ко всему прекрасному, способен взирать на тебя здесь, в этих южных широтах, не испытывая священного восторга.

Сказочные картины, сменяя одна другую, как в панораме, развёртываются передо мной. Нет на земле пейзажа прекраснее. Ни Рейн с его замками на скалах, ни берега древнего Средиземного моря, ни острова Вест-Индии — ничто не может сравниться с тобой. Ни в одной части света нет такой природы, нигде мягкое очарование не сочетается столь гармонично с дикой красотой. Однако взор не встречает здесь ни скал, ни даже холмов; лишь тёмные кипарисовые чащи, опушённые серебристыми мхами, служат фоном картине, и они не уступают в величавости гранитным утёсам.

Лес уже не подходит вплотную к твоим берегам. Его давно свалил топор поселенца, и на смену ему пришли золотистый сахарный тростник, белоснежный хлопок и серебристый рис. Лес отступил назад и теперь лишь издали украшает картину. Я вижу тропические деревья с

широкими блестящими листьями — пальмы сабаль, аноны, водолюбивую ниссу, катальпу с крупными трубчатыми цветами, душистый стиракс и магнолию с её восковыми лепестками. С листвой этих прекрасных туземок смешивают свою листву и сотни чудесных пришельцев: апельсин, лимон и фиговое дерево, индийская сирень и тамаринд, оливы, мирты и бромелии, а поникшие ветви вавилонской ивы составляют разительный контраст с прямыми стеблями гигантского сахарного тростника и копьевидными листьями высокой юкки.

Окружённые этой пышной растительностью, стоят виллы и роскошные усадьбы самой разнообразной архитектуры, столь же разнообразной, как и национальности населяющих их людей, ибо на твоих берегах живут люди самых различных наций, и все они принесли тебе свою дань, украсив тебя дарами всемирной цивилизации.

Прощай, отец вод!

Хоть я не родился под этим благодатным южным небом, но провёл здесь долгие годы и люблю эту страну даже больше, чем свою родину. Здесь прожил я дни светлой юности, возмужал и провёл бурные годы зрелости, и воспоминания об этих годах, полных неувядаемой романтики, никогда не изгладятся из моей памяти. Здесь моё сердце впервые познало Любовь — первую чистую любовь. Неудивительно, что страна эта всегда будет окружена для меня немеркнущим сиянием.

Читатель, выслушай историю этой любви!

Глава II. ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ

Как многие юнцы, вырвавшиеся из колледжа, я тяготился жизнью в отчем доме. Мной овладела жажда путешествий; я мечтал увидеть мир, знакомый мне пока только по книгам.

Вскоре мне удалось осуществить мою мечту. Без всякого сожаления смотрел я, как холмы моей родины скрываются за тёмными волнами, не тревожась о том, увижу ли я их когда-нибудь снова.

Хоть я и вышел из стен классического колледжа, я не чувствовал никакой склонности к классическим знаниям.

За десять лет, проведённых над напыщенными гиперболами Гомера, однообразными стихами Вергилия и скучными нескромностями Горация Фланка, я не проникся тем восхищением перед классической литературой, какое испытывают — или притворяются, что испытывают, — почтенные учёные с очками на носу.

Я не создан, чтобы жить в мире отвлечённых идей или в мечтаниях о прошлом. Я люблю окружающую меня реальную жизнь. Пускай дон-кихоты изображают трубадуров среди развалин старинных замков, а жеманные барышни посещают места, воспетые в путеводителях. Что до меня, то я равнодушен к романтике прошлого. В современном Вильгельме Телле я вижу лишь наёмника, готового продать силу своих мускулов любому тирану, а живописный лаццарони, при ближайшем знакомстве, представляется мне обыкновенным мелким воришкой.

Глядя на разрушающиеся стены Афин и развалины Рима, я замечаю лишь бесприютность и голод. Я не любитель живописной нищеты. Меня не трогают романтические лохмотья.

А между тем именно жажда романтических приключений заставила меня покинуть родной дом. Меня увлекало всё яркое и необыкновенное, ибо я был в том возрасте, когда человек больше всего влюблён в романтику. Да я и сейчас не изменился. Теперь я старше, но час разочарования для меня ещё не наступил и, думаю, никогда не наступит. В жизни много романтического — это не иллюзия. Романтика живёт не в светских гостиных с их нелепыми обычаями и глупыми церемониями; она не носит блестящих мундиров и сторонится

безвкусных придворных празднеств. Звёзды, ордена и титулы ей чужды. Пурпур и позолота убивают её.

Романтику надо искать в других местах — среди великой и могучей природы, хотя и не только там. Её можно найти среди полей и дубрав, среди скал и озёр, так же как и на людных улицах больших городов. Ибо родина её в человеческих сердцах — сердцах, которые охвачены высокими стремлениями и бьются в груди у людей, жаждущих Свободы и Любви.

Итак, я устремился не к старым классическим берегам, а в более молодые страны. В поисках романтики я отправился на запад. И я нашёл её и упивался ею под ярким небом Луизианы.

В январе 18 года я ступил на землю Нового Света, на землю, политую английской кровью. Любезный шкипер, который перевёз нас через Атлантический океан, доставил меня на берег в своей шлюпке. Я стремился увидеть места, где происходили последние исторические сражения; в ту пору я увлекался военной историей. Но мне хотелось осмотреть поле боя в Новом Орлеане не из простого любопытства. Я придерживался мнения, считавшегося в то время еретическим, что мирные люди, вынужденные взяться за оружие, сражаются в иных случаях не хуже наёмников-профессионалов, и что длительная военная муштра не служит непременным залогом победы. История войн при поверхностном изучении как будто опровергает это мнение; оно противоречит также и свидетельствам военных. Однако свидетельства профессионалов не имеют большого значения в этом вопросе. Разве можно найти хоть одного военного, который не старался бы выставить своё искусство в самом героическом свете? Кроме того, властители не жалели сил, чтобы ввести свои народы в заблуждение. Надо же было им найти какое-то оправдание для той чудовищной обузы, какой для нас является "регулярная армия".

Моё желание увидеть поле боя на берегах Миссисипи[4] имело прямое отношение к интересовавшему меня вопросу. Эта военная

операция служила веским доводом в мою пользу, ибо на этом месте шесть тысяч человек, никогда не слышавших команды: "Напра…во!", победили, разбили наголову и, можно сказать, почти стёрли с лица земли прекрасно вооружённую и обученную армию, вдвое превосходившую их числом.

После того как я побывал на месте этой битвы, мне довелось и самому участвовать во многих боях. И теорию, которую я в то время отстаивал, я впоследствии проверил на опыте. Вера в военную муштру — это заблуждение, а сила регулярной армии — иллюзия.

Через час я уже бродил по улицам Нового Орлеана, не думая больше о войне.

Мысли мои приняли другое направление. Передо мной, словно в панораме, развёртывалась кипучая жизнь Нового Света во всей её свежести и многообразии, и, вопреки принятому мною решению nil admirari — ничему не удивляться, — я невольно с удивлением озирался вокруг.

Одной из первых неожиданностей, поразивших меня, можно сказать, ещё на пороге моей жизни за океаном, было открытие, что я ни на что не годен. Я мог сослаться на свой аттестат и сказать: "Вот доказательства моей учёности — я удостоен высшей награды в колледже". Но на что он мог мне пригодиться? Те отвлечённые науки, которым меня учили, не имели никакого применения в реальной жизни. Моя логика была просто болтовнёй попугая. Моя классическая учёность лишь загромождала мою память. И я был так же плохо подготовлен к жизненной борьбе, к труду на благо своему ближнему и самому себе, как если бы изучал китайские иероглифы.

А вы, бездарные учителя, пичкавшие меня синтаксисом и стихосложением, — вы, конечно, назвали бы меня неблагодарным, если бы я высказал вам всё возмущение и презрение, которое охватило меня,

когда я оглянулся назад и убедился, что десять лет жизни, проведённых под вашей опекой, пропали для меня даром, что я глубоко заблуждался, считая себя образованным человеком, а на самом деле ровно ничего не знаю.

Итак, с некоторым запасом денег в кармане и очень небольшим запасом знаний в голове я бродил по улицам Нового Орлеана, удивлённо озираясь вокруг.

Но вот прошло полгода, а я ходил по тем же улицам уже почти без денег в кармане, но зато изрядно пополнив запас своих знаний. За эти шесть месяцев я приобрёл значительно больший жизненный опыт, чем за последние шесть лет моей жизни.

Этот опыт обошёлся мне недёшево. Взятые мною в дорогу деньги быстро исчезли в водовороте ресторанов, театров, маскарадов и "квартеронских балов". Немалую долю я оставил и в том банке, который называется "фараоном" и не выплачивает вкладчикам ни капитала, ни процентов.

Я даже боялся подсчитать все мои расходы. Но в конце концов я пересилил себя и подвёл итог. Оказалось, что после оплаты счёта в гостинице у меня остаётся ровно двадцать пять долларов! На двадцать пять долларов я должен был жить, пока напишу домой и получу ответ, то есть не меньше трёх месяцев, — ведь это было в ту пору, когда ещё не знали больших океанских пароходов.

Полгода я храбро грешил. Теперь я был полон раскаяния и хотел исправиться. Я даже охотно поступил бы на службу. Но вся моя школьная премудрость, которая не помогла мне сберечь кошелёк, была теперь бессильна пополнить его вновь. Во всём этом кипучем городе я не мог найти занятия, к которому был бы пригоден.

Без друзей, приунывший, немного пресыщенный и довольно сильно обеспокоенный своим ближайшим будущим, я слонялся по улицам. С каждым днём у меня оставалось все меньше знакомых. Я не встречал их больше в увеселительных заведениях, где они обычно собирались. Куда же они пропали?

В их исчезновении не было ничего таинственного. Наступила середина июня, стояла изнурительная жара, и с каждым днём ртуть в градуснике поднималась всё выше. Температура доходила до 100 градусов по Фаренгейту. Через неделю-другую можно было ожидать ежегодного, хотя и нежеланного, гостя, по прозвищу Жёлтый Джек, которого одинаково боялись и старый и малый. Страх перед жёлтой лихорадкой выгонял всё высшее общество из Нового Орлеана, и оно, подобно перелётным птицам, устремлялось на север.

Я не храбрее других. У меня не было никакого желания познакомиться с этим страшным болотным дьяволом, и я считал, что мне тоже лучше убраться подобру-поздорову. Для этого стоило только сесть на пароход и отправиться вверх по течению, в один из городов, куда не проникает тропическая малярия.

В то время одним из самых привлекательных северных городов считался Сент-Луис, и я надумал отправиться туда, хотя и не имел представления, на что буду там существовать, так как моих средств хватало ровно на дорогу.

Сказав себе, однако, что из двух зол надо выбирать меньшее, я твёрдо решил ехать в Сент-Луис. Итак, я собрал свои пожитки и поднялся на борт парохода "Красавица Запада", отходившего в далёкий "Город на холмах".

Глава III. "КРАСАВИЦА ЗАПАДА"

В назначенное время я был на борту парохода. Но оказалось, что, понадеявшись на аккуратность здешних пароходов, я пришёл слишком рано, чуть ли не за два часа до отплытия.

Однако я не даром потратил время — я провёл его с пользой, изучая своеобразное строение судна, на которое взошёл. Я сказал "своеобразное", ибо пароходы, плававшие по Миссисипи и её притокам, совершенно не похожи на пароходы других стран и даже на те, что плавают по рекам Восточных штатов.

Это чисто речные пароходы, они не могут выходить в открытое море, хотя некоторые из них и осмеливаются плавать вдоль техасского берега от Мобила до Галвестона.

Корпус у них построен так же, как и у морских судов, но значительно отличается глубиной трюма. У этих судов такая мелкая осадка, что остаётся очень мало места для груза, а палуба поднимается всего на несколько дюймов над ватерлинией. Когда же судно тяжело загружено, вода доходит до самого фальшборта. Машинное отделение находится на нижней палубе; там же установлены и большие чугунные паровые котлы с широкими топками, так как эти суда ходят на дровах. Там же из-за тесноты трюма размещают и большую часть груза; по всей палубе вокруг машин и котлов навалены кипы хлопка, бочки с табаком и мешки с зерном. Таков груз на судне, идущем вниз по течению. На обратном пути пароход везёт уже другие товары: ящики с различной утварью, сельскохозяйственные орудия, модную галантерею, доставленную на пароходах из Бостона, кофе в кулях из Вест-Индии, рис, сахар, апельсины и другие продукты тропических стран.

На корме отведено место для беднейшей части путешественников, так называемых палубных пассажиров. Здесь вы никогда не увидите американцев. Некоторые пассажиры — ирландские подёнщики, другие — бедные немецкие эмигранты, направляющиеся на отдалённый Северо-Запад, а в основном — темнокожие, иногда свободные, а чаще всего рабы.

Чтобы покончить с описанием корпуса, скажу ещё, что постройка судна с такой мелкой осадкой очень разумна. Это делается для того, чтобы оно могло идти по мелководью, весьма обычному на этой реке, особенно в периоды засухи. Вот почему чем меньше осадка, тем лучше. Один капитан на Миссисипи, хвастаясь своим судном, уверял, что, если выпадет сильная роса, он берётся провести его даже через прерии.

Если у парохода на Миссисипи лишь очень небольшая часть скрыта под водой, то можно сказать обратное о его надводной части. Представьте себе двухэтажный дощатый дом длиною около двухсот футов, выкрашенный в ослепительно белый цвет; представьте вдоль второго этажа ряд окошек с зелёными переплётами, или, вернее, дверей, открывающихся на узкий балкон; представьте себе плоскую или полукруглую крышу, покрытую просмолённым брезентом, а на ней ряд люков для верхнего света, словно стёкла в парнике; представьте себе два огромных чёрных цилиндра из листового железа, каждый десяти футов в диаметре и чуть ли не ста футов высотой, возвышающихся, как башни, — это дымовые трубы парохода; сбоку — цилиндр поменьше, или труба для выпускания пара, а впереди, на самом носу корабля, длинный флагшток с развевающимся звёздным флагом, — представьте себе всё это, и вы будете иметь некоторое понятие о том, что такое пароход на Миссисипи.

Войдите внутрь — и в первую минуту вас поразит неожиданное зрелище. Вы увидите роскошный салон длиной около ста футов, украшенный богатыми коврами и красиво обставленный. Вы отметите изящество обстановки, дорогие кресла, диваны, столы и кушетки; красоту расписанных и отделанных позолотой стен; хрустальные люстры, спускающиеся с потолка; по обеим сторонам салона десятки дверей, ведущих в отдельные каюты, и громадные раздвижные двери из цветного или узорчатого стекла, за которыми находится запретное святилище — дамский салон Короче говоря, вы увидите вокруг богатство и роскошь, к которым вы совершенно не привыкли, путешествуя по Европе. Вы только читали о подобной обстановке в какой-нибудь волшебной сказке или в "Тысяча и одной ночи".

И всё это великолепие порой находится в досадном противоречии с поведением того общества, которое тут расположилось, ибо в этом роскошном салоне встречаются грубые невежи наравне с изысканными джентельмеиами. Вы можете с удивлением увидеть сапог из свиной кожи, положенный на столик красного дерева, или чёрный от никотина плевок, измазавший узор на дорогом ковре. Но это случается редко, и теперь — ещё реже, чем в описанные мною дни.

Осмотрев внутреннее помещение "Красавицы Запада", я вышел на палубу. Здесь, на носу корабля, было оставлено свободное пространство, обычно называемое тентом, — прекрасное место для отдыха мужской части пассажиров. Верхняя палуба, на которой расположены каюты, выдаётся тут вперёд; её поддерживают колонки, опирающиеся на нижнюю палубу. Крышей ей служит штормовой мостик, выдвинутый вперёд, как и палуба, и укреплённый на тонких деревянных стойках; он защищает эту площадку от солнца и дождя, а небольшие перила делают её совершенно безопасной. Спереди и с боков она открыта, что даёт возможность пассажирам осматривать окрестности, а лёгкий ветерок во время хода судна навевает прохладу; вот почему тент — излюбленное место пассажиров. Для их удобства здесь стоят кресла и разрешается курить.

Только человек, совсем равнодушный к кипучей жизни толпы, отказался бы понаблюдать за ней час-другой на набережной Нового Орлеана. Усевшись в кресло и закурив сигару, я решил посвятить некоторое время этому интересному занятию.

Глава IV. ПАРОХОДЫ-СОПЕРНИКИ

Та часть набережной, которая была у меня перед глазами, именовалась портом. Штук двадцать или тридцать судов стояло у деревянных причалов. Некоторые пароходы только что пришли с верховьев реки и выгружали свои товары и пассажиров, очень немногочисленных в это время года. Другие, осаждаемые суетящейся толпой, разводили пары, тогда как остальные, казалось, были покинуты

своими экипажами и капитанами, которые, наверно, в это время веселились в шумных ресторанах и кабачках. Изредка показывался франтоватый конторщик в синих хлопчатобумажных брюках, белом полотняном пиджаке, дорогой панаме, в батистовой рубашке с пышным жабо и брильянтовыми запонками. Такой расфранчённый джентельмен появлялся на несколько минут у одного из опустевших судов, вероятно, чтобы заключить какую-нибудь сделку, и спешил обратно в город, где его ждали более интересные занятия.

Особое оживление на берегу было заметно против двух крупных пароходов. Один из них был тот, на котором я собирался отплыть. Второй, как я прочёл на штурвальной рубке, назывался "Магнолия". Это судно также готовилось к отплытию, о чём говорили суета на палубе, яркий огонь в топках и клубы вырывающегося со свистом пара.

На набережной разгружали последние подводы; пассажиры, боясь опоздать, спешили с шляпными картонками в руках; по сходням тащили ящики, сундуки, тюки, катили бочки; конторщики, вооружившись блокнотами и карандашами, считали и записывали груз; всё это свидетельствовало о скором отплытии парохода. Совершенно такая же сцена происходила и перед "Красавицей Запада".

Поглядев на эти приготовления, я вскоре заметил, что между командами пароходов происходит что-то не совсем обычное. Суда стояли у соседних причалов, и матросы, слегка повысив голос, могли переговариваться между собой, что они сейчас и делали. По некоторым долетевшим до меня фразам и презрительному тону, каким они были сказаны, я понял, что "Магнолия" и "Красавица Запада" были пароходами-соперниками. Вскоре я услышал, что они должны отчалить почти одновременно и собираются устроить гонки.

Я знал, что так называемые первоклассные пароходы нередко вступают здесь в подобные состязания, а "Магнолия" и её соперница относились к этой категории. Оба были пароходами высшего класса и по величине, и по богатству отделки; оба сопершали одинаковые рейсы

от Нового Орлеана до Сент-Луиса, наконец, обоими командовали опытные и популярные речные капитаны. Всё это неизбежно делало их соперниками, и чувства эти разделяли обе команды, от капитана до слуги-невольника.

Что касается судовладельцев и капитанов, то их соперничество основано на расчёте. Победившее судно завоёвывает себе популярность среди публики. Самый быстроходный пароход становится и самым модным, и хозяин может быть уверен, что списки его пассажиров будут всегда заполнены, несмотря на высокую плату за проезд, ибо у американца есть такая слабость: он готов истратить последний доллар, лишь бы потом говорить, что путешествовал на самом фешенебельном пароходе, так же как в Англии многие любят кстати и некстати упоминать о том, что они путешествовали первым классом. Тщеславие свойственно не одной какой-нибудь нации, это явление повсеместное.

Предстоящие гонки между "Красавицей Запада" и "Магнолией" разожгли дух соперничества не только среди команд этих судов, — возбуждение передалось и пассажирам. Кажется, многие из них так же увлекаются этими гонками, как англичане скачками. Некоторых, без сомнения, привлекал спортивный азарт, но скоро я заметил, что большинство держит денежные пари.

— "Красавица" должна победить! — кричал за моей спиной какой-то детина с золотыми запонками. — Ставлю двадцать долларов на "Красавицу"! Хотите пари, незнакомец?

— Нет, не хочу, — ответил я довольно сердито, так как он позволил себе бесцеремонно положить руку мне на плечо.

— Что ж, как хотите! — ответил он. — Ваше дело. — И, обращаясь к другому, закричал: — —"Красавица" победит, ставлю двадцать долларов! Двадцать долларов на "Красавицу"!

Сознаюсь, в ту минуту я предавался довольно грустным размышлениям. Я первый раз пускался в плавание на американском пароходе, и мне вспомнились многочисленные рассказы про взорвавшиеся котлы, пробоины в корпусах и судовые пожары. Я слышал, что гонки нередко приводят к подобным катастрофам, и у меня были основания верить этим рассказам.

Некоторые из пассажиров, наиболее трезвые и рассудительные, разделяли мои опасения; кое-кто даже говорил, что надо попросить капитана не разрешать гонок. Однако они знали, что останутся в меньшинстве, и ничего не предпринимали.

Больше из любопытства, чем из боязни, я всё же решил пойти к капитану и спросить, каковы его намерения. Оставив своё место под тентом, я спустился по сходням и поднялся на набережную, где находился капитан.

Глава V. ПРЕЛЕСТНАЯ ПОПУТЧИЦА

Не успел я заговорить с капитаном, как заметил приближающуюся к пристани карету, выехавшую, по-видимому, из французского квартала города. Это был красивый экипаж, которым правил хорошо одетый плотный кучер-темнокожий; когда экипаж подкатил поближе, я увидел, что в нём сидит молодая изящная дама.

Не знаю почему, но у меня появилось предчувствие, а может быть, и тайное желание, чтоб эта незнакомка оказалась моей попутчицей. Вскоре я узнал, что она и вправду хочет ехать на нашем пароходе.

Карета подкатила к берегу, и я увидел, как дама обратилась с вопросом к одному из стоявших поблизости пассажиров, а тот указал ей на нашего капитана. Догадавшись, что речь идёт о нём, капитан подошёл к экипажу и поклонился. Я стоял тут же рядом, и слышал каждое слово.

— Мсье, вы капитан "Красавицы Запада"? — спросила дама по-французски.

Капитан немного знал этот язык, так как постоянно общался с креолами.

— Да, мадам, — ответил он.

— Я хотела бы уехать на вашем пароходе.

— Я буду счастлив служить вам, мадам… Мистер Ширли, у нас найдётся свободная каюта? — обратился он к подошедшему стюарду.

— Это не важно, — сказала дама, прерывая его. — Мне каюта не нужна. Вы дойдёте до моих плантаций ещё до полуночи, и я не собираюсь спать на пароходе.

Слова "мои плантации", по видимому, произвели впечатление на капитана. Человек вообще не грубый, он стал ещё более любезным и внимательным. Владелец плантаций в Луизиане такое лицо, с которым нельзя обращаться небрежно, тем более, если это молодая и очаровательная дама. Кто мог быть с нею неучтивым! Во всяком случае, не капитан Б., командир парохода "Красавица Запада". Самое название его судна опровергало подобное предположение.

Вежливо улыбаясь, он спросил, куда должен доставить столь драгоценный груз.

— В Бринджерс, — ответила дама. — Моё поместье расположено немного ниже по течению, но там неудобная пристань, а у меня много груза, так что мне лучше высадиться в Бринджерсе.

И владелица кареты указала на вереницу гружённых ящиками и бочками подвод, которые только что подъехали и остановились позади её экипажа.

Вид этого груза произвёл ещё более благоприятное впечатление на капитана, который был частично и собственником судна. Он стал рассыпаться в любезностях перед своей новой пассажиркой и выразил готовность выполнить всё, что она пожелает.

— Мсье капитан, — сказала прекрасная дама приветливым, но серьёзным тоном, всё ещё не выходя из кареты, — я должна поставить вам одно непременное условие.

— Пожалуйста. Скажите, какое?

— Вот какое. Я слышала, что ваш пароход собирается устроить гонки с другим судном. Если это правда, я не могу быть вашим пассажиром.

У капитана вытянулось лицо.

— Однажды во время гонок я едва не погибла и твёрдо решила не подвергать себя больше такой опасности.

— Сударыня… — начал капитан и замялся.

— Ну что ж! — воскликнула дама. — Если вы не можете поручиться, что не устроите гонок, я подожду другого парохода.

Капитан стоял несколько секунд, опустив голову. Он, видимо, колебался. Принять условие — значило отказаться от предвкушаемого удовольствия и азарта гонки, от победы, на которую он рассчитывал, и от выгод, которые она ему сулила. Вдобавок все решат, что он не надеется на скорость своего судна и боится, что будет побеждён, а это

даст противнику возможность всюду хвастаться и уронит капитана в глазах команды и пассажиров, — все они уже слышали о предстоящих гонках. С другой стороны, как отказаться исполнить просьбу этой дамы, по правде говоря, далеко не безрассудную, а если вспомнить, что ей принадлежит большое количество груза, то даже очень благоразумную, тем более что дама — —богатая владелица плантации на "французском берегу" и может осенью послать с его пароходом несколько сот бочек сахара и столько же тюков табака, когда он пойдёт в Новый Орлеан. Все эти соображения, как я уже сказал, весьма подкрепляли просьбу дамы. Я думаю, что по зрелом размышлении капитан Б. пришёл именно к такому выводу, ибо после минутного колебания обещал исполнить эту просьбу, хотя и без большой охоты. Решение это, видимо, стоило ему некоторой борьбы, но всё же расчёт победил, и он сказал:

— Я принимаю ваше условие, сударыня. Судно не будет участвовать в гонках. Даю вам слово!

— Довольно! Благодарю нас! Я вам очень обязана, господни капитан. Будьте добры принять на судно мой груз. Карету я тоже беру с собой. Вот мой управляющий… Подите сюда, Антуан!.. Он присмотрит за всем. А теперь скажите, пожалуйста, капитан, когда вы думаете отчалить?

— Минут через пятнадцать, не больше.

— Вы в этом уверены, капитан? — спросила она с лукавой улыбкой, показывающей, что ей известно, с какой точностью ходят здешние пароходы.

— Совершенно уверен, мадам, — ответил капитан, — вы можете на это положиться.

— Тогда я не буду мешкать.

Сказав это, она легко соскочила с подножки кареты и, опершись на руку, любезно предложенную капитаном, прошла с ним на пароход; он проводил её в дамский салон, где она и скрылась от восхищённых взглядов, не только моих, но и других пассажиров.

Глава VI. УПРАВЛЯЮЩИЙ АНТУАН

Я был очень заинтересован появлением этой дамы. Меня не столько поразила её красота, хотя она была замечательно красива, сколько что-то в её манерах и осанке. Мне трудно передать своё впечатление, но в её обращении сквозила какая-то прямота, говорившая о самообладании и смелости. В её поведении не было ничего вызывающего, но чувствовалось, что это беспечное создание, весёлое, как летний день, способно, если понадобится, проявить редкую силу воли и мужество. Эту женщину назвали бы красавицей в любой стране. С красотой у неё сочеталось изящество манер и одежды, говорившее о том, что она привыкла бывать в светском обществе. К тому же она казалась очень молодой — ей было не больше двадцати лет. Хотя в Луизиане климат способствует раннему созреванию, и креолка в двадцать лет часто выглядит как англичанка на десять лет старше её.

Замужем ли она? Мне казалось это маловероятным; к тому же она вряд ли сказала бы "моя плантация" и "мой управляющий", будь у неё дома кто-то близкий, разве что она его очень мало уважала — вернее, даже если бы этот "кто-то" был для неё просто "никто". Она могла бы быть вдовой, очень молоденькой вдовой, но и это казалось мне малоправдоподобным. На мой взгляд, она совсем не походила на вдову, и не было никаких признаков траура ни в её одежде, ни в выражении лица. Капитан, правда, называл её "мадам", но он, очевидно, незнаком с ней, так же как и с французскими обычаями, иначе в таком неясном случае он назвал бы её "мадемуазель".

Хотя я был в ту пору ещё незрелым, зелёным юнцом, как говорят американцы, я всё же относился к женщинам с некоторым интересом, особенно если находил их красивыми. В данном случае моё

любопытство объяснялось многими причинами. Во-первых, дама была на редкость привлекательна; во-вторых, меня заинтересовали её манера говорить и те факты, которые я узнал из её беседы с капитаном; в-третьих, если я не ошибался, она была креолкой.

Мне ещё очень мало приходилось общаться с этими своеобразными людьми и хотелось узнать их поближе. Я слыхал, что они не расположены раскрывать свои двери перед заезжими англосаксами, особенно старая креольская знать, которая и поныне считает своих англо-американских сограждан чем-то вроде захватчиков и узурпаторов. Такая неприязнь укоренилась с давних времён. В наши дни она постепенно отмирает.

Четвёртой причиной, подстегнувшей моё любопытство, был брошенный на меня дамой пристальный взгляд, в котором светилось больше, чем простое внимание.

Не спешите осудить меня за эту догадку. Сначала выслушайте меня. Я ни одной минуты не воображал, будто в этом взгляде сквозило восхищение. Мне это и в голову не приходило! Я был слишком молод в то время, чтобы тешить себя такими выдумками. К тому же я находился в самом плачевном положении. Оставшись с пятью долларами в кармане, я чувствовал себя очень неважно. Мог ли я воображать, что такая блестящая красавица, звезда первой величины, богатая владелица плантации, управляющего и толпы рабов, снизойдёт до меня и станет заглядываться на такого бесприютного бродягу, как я?

Говорю истинную правду: я не обольщал себя подобными надеждами. Я решил, что с её стороны это простое любопытство и больше ничего.

Она заметила, что я иностранец. Моя наружность, светлые глаза, покрой одежды, быть может, какая-то неловкость в моих манерах

подсказали ей, что я чужой в этой стране, и возбудили в ней минутный интерес, самый невинный интерес к иностранцу, вот и всё.

Однако её взгляд ещё больше разжёг моё любопытство, и мне захотелось узнать хотя бы имя этого необыкновенного создания.

"Разузнаю у её управляющего", — подумал я и направился к нему.

Это был высокий, худощавый седой француз, хорошо одетый и такой почтенный с виду, что его можно было принять за отца молодой дамы. Он держался с большим достоинством, что свидетельствовало о его долгой службе в знатной семье. Подойдя к нему, я понял, что у меня очень мало надежды на успех. Он был непроницаем, как рак-отшельник. Наш разговор был очень короток, его ответы односложны.

— Мсье, разрешите спросить, кто ваша хозяйка?

— Дама.

— Совершенно верно. Это сказал бы всякий, кто имел удовольствие видеть её. Но я спрашиваю, как её имя.

— Вам незачем знать его.

— Конечно, если у вас есть причина держать его в тайне.

— Чёрт возьми!

Этими словами, которые он пробормотал про себя, закончился наш разговор, и старый слуга отвернулся, наверно называя меня в душе назойливым янки.

Затем я обратился к чёрному кучеру, но и тут потерпел неудачу. Он вводил своих лошадей на пароход и, не желая мне отвечать, ловко увёртывался от моих вопросов, бегая вокруг лошадей и притворяясь, что поглощён своим делом. Я не сумел выведать у него даже имя его госпожи и отошёл совсем обескураженный.

Однако скоро случай помог мне узнать её имя. Я вернулся на пароход и, снова усевшись под тентом, принялся наблюдать за матросами, которые, засучив рукава своих красных рубах и обнажив мускулистые руки, перетаскивали груз на судно. Это был тот самый груз, который только что прибыл на подводах, принадлежащих незнакомой даме. Он состоял главным образом из бочек со свининой и мукой, большого количества копчёных окороков и кулей с кофе.

"Припасы для её большого поместья", — подумал я.

В это время на сходни стали вносить груз совсем иного рода: кожаные чемоданы, портпледы, шкатулки из розового дерева, шляпные картонки и т. д.

"Ага, вот её личный багаж", — решил я, продолжая дымить сигарой. Следя за погрузкой этих вещей, я случайно заметил какую-то надпись на большом кожаном саквояже. Я вскочил с кресла и подошёл поближе. Взглянув на надпись, я прочёл:

"Мадемуазель Эжени Безансон".

Глава VII. ОТПЛЫТИЕ

Последний удар колокола… Члены клуба "Не можем уехать"[5] устремляются с парохода на берег, сходни втаскивают, кому-то из зазевавшихся провожающих приходится прыгать на берег, чалы втягивают на борт и свёртывают в бухты, в машинном отделении дребезжит звонок, громадные колёса крутятся, сбивая в пену бурую

воду, пар свистит и клокочет в котлах и равномерно пыхтит, вырываясь из трубы для выпускания пара, соседние суда покачиваются, стукаются друг о друга, ломая кранцы, их сходни трещат и скрипят, а матросы громко переругиваются. Несколько минут продолжается это столпотворение, и наконец могучее судно выходит на широкий простор реки.

Пароход берёт курс на север; несколько ударов вращающихся плиц — и течение побеждено: гордый корабль, подчиняясь силе машин, быстро рассекает волны и движется вперёд, словно живое существо.

Бывает иногда, что пушечный выстрел возвещает о его отплытии; порой его провожают в дорогу звуки духового оркестра; но чаще всего с парохода раздаётся живая мелодия старой матросской песни, исполняемой хором грубых, но стройных голосов его команды.

Лафанет и Карролтон скоро остаются позади; крыши невысоких домов и складов скрываются за горизонтом, и только купол храма Святого Карла, церковные шпили да башни большого собора ещё долго виднеются вдалеке. Но и они постепенно исчезают, а плавучий дворец плавно и величаво движется меж живописных берегов Миссисипи. Я сказал — живописных, но этот эпитет меня не удовлетворяет, хоть я и не могу подобрать другого, чтобы передать моё впечатление. Мне следовало бы сказать "величественных и прекрасных", чтобы выразить своё восхищение этими берегами. Я смело могу назвать их самыми красивыми на свете.

Я не смотрел на них холодным взором равнодушного наблюдателя. Я не умею отделять пейзаж от жизни людей — не только далёкой жизни прошлых поколений, но и наших современников. Я смотрел на развалины замков на Рейне, и их история вызывала во мне отвращение к прошлому. Я смотрел на построенные там новые дома и их жителей и снова чувствовал отвращение, теперь уже к настоящему. В Неаполитанском заливе я испытал то же чувство, а когда бродил за

оградой парков, принадлежащих английским лордам, я видел вокруг лишь нищету и горе, и красота их казалась мне обманом.

Только здесь, на берегах этой величественной реки, я увидел изобилие, широко распространённое образование и всеобщий достаток. Здесь почти в каждом доме я встречал тонкий вкус, присущий цивилизованным людям, и щедрое гостеприимство. Здесь я мог беседовать с сотнями людей независимых взглядов, людей, свободных не только в политическом смысле, но и не знающих мещанских предрассудков и грубых суеверий. Короче говоря, я мог здесь наблюдать если и не совершенную форму общества — ибо такой она будет лишь в далёком будущем, — то наиболее передовую форму цивилизации, которая в наши дни существует на земле.

Но вот на эту светлую картину ложится густая тень, и сердце моё сжимается от боли. Это тень человека, имевшего несчастье родиться с чёрной кожей. Он раб!

На минуту всё вокруг словно тускнеет. Чем мы можем восхищаться здесь, на этих полях, покрытых золотистым сахарным тростником, султанами кукурузы и белоснежным хлопком? Чем восторгаться в этих прекрасных домах, окружённых оранжереями, среди цветущих садов, тенистых деревьев и тихих беседок? Всё это создано потом и кровью рабов!

Теперь я больше не восхищаюсь. Картина утратила свои яркие краски. Передо мной лишь мрачная пустыня. Я задумываюсь. Но вот постепенно тучи рассеиваются, кругом становится светлей. Я размышляю и сравниваю. Правда, здесь люди с чёрной кожей — рабы; по они не добровольные рабы, и это, во всяком случае, говорит в их пользу.

В других странах, в том числе и моей, я вижу вокруг таких же рабов, причём их гораздо больше. Рабов не одного человека, но множества

людей, целого класса, олигархии. Они не холопы, не крепостные феодала, но жертвы заменивших его в наше время налогов, действие которых столь же пагубно.

Честное слово, я считаю, что рабство луизианских темнокожих менее унизительно, чем положение белых невольников в Англии. Несчастный чернокожий раб был побеждён в бою, он заслуживает уважения и может считать, что принадлежит к почётной категории военнопленных. Его сделали рабом насильно. Тогда как ты, бакалейщик, мясник и булочник, — да, пожалуй, и ты, мой чванливый торговец, считающий себя свободным человеком! — все вы стали рабами по доброй воле. Вы поддерживаете политические махинации, которые каждый год отнимают у вас половину дохода, которые каждый год изгоняют из страны сотни тысяч ваших братьев, иначе ваше государство погибнет от застоя крови. И все это вы принимаете безропотно и покорно. Более того, вы всегда готовы кричать "Распни его!" при виде человека, который пытается бороться с этим положением и прославляете того, кто хочет добавить новое звено к вашим оковам.

И сейчас, когда я пишу эти строки, разве человек, который презирает вас, который в течение сорока лет — всю свою жизнь — был вашим постоянным врагом, не стал вашим самым популярным правителем? Когда я пишу эти строки, яркие фейерверки ослепляют ваши глаза, хлопушки и шутихи услаждают ваш слух, и вы вопите от радости по поводу заключения договора, единственная цель которого — лишь крепче стянуть ваши цепи. А всего год тому назад вы горячо приветствовали войну, которая была так же противна вашим интересам, так же враждебна вашей свободе. Жалкое заблуждение![6] И сейчас я с ещё большей уверенностью повторяю то, что говорил себе тогда: честное слово, рабство луизианских темнокожих менее унизительно, чем положение белых невольников в Англии!

Правда, здесь чёрный человек — раб, и три миллиона людей его племени находятся в таком положении. Мучительная мысль! Но горечь её смягчает сознание, что в этой обширной стране всё же живёт

двадцать миллионов свободных и независимых людей. Три миллиона рабов на двадцать миллионов господ! В моей родной стране как раз обратная пропорция. Быть может, мой вывод неясен, но я надеюсь, что кое-кто поймёт его смысл.

Ах, как приятно оторваться от этих волнующих и горьких мыслей для спокойных размышлений, навеянных природой! Как отрадно мне было отдаться множеству новых впечатлений, наблюдая жизнь на берегах этой величавой реки! Даже теперь я с удовольствием вспоминаю о них; и когда я думаю о далёком прошлом, о местах, которые, быть может, мне никогда уже не придётся увидеть, я нахожу утешение в своей верной и ясной памяти, и её магическая сила вызывает перед моим умственным взором прежние знакомые картины со всеми их живыми красками, со всеми переливами изумруда и золота.

Глава VIII. БЕРЕГА МИССИСИПИ

Как только мы отчалили, я поднялся на штормовой мостик, чтобы лучше видеть места, по которым мы проезжали. Здесь я был один, так как молчаливый рулевой, стоявший в своей стеклянной будке, вряд ли мог сойти за собеседника.

Вероятно, читателю будет интересно узнать, что ширину Миссисипи часто преувеличивают. Здесь она достигает примерно полумили, иногда и больше, случается — и меньше. (Эту среднюю ширину она сохраняет на расстоянии более тысячи миль от своего устья.) Скорость её течения равна трём-четырём милям в час, вода желтоватая, с чуть красноватым оттенком. Жёлтую окраску даёт ей Миссури, тогда как более тёмный оттенок появляется после впадения в неё Ред-Ривер — —Красной реки.

Поверхность реки густо покрыта плывущим по течению лесом; тут и отдельные деревья и большие скопления вроде плотов. Наскочить на такой плот довольно опасно для парохода, и рулевой старается их обойти. Иногда плывущий под водой ствол ускользает от его взора, и

тогда сильный удар в нос судна сотрясает весь корпус, пугая неопытных пассажиров. Но опаснее всего коряги. Это вырванные с корнем деревья, намокшие и отяжелевшие. Их тяжёлые корни опускаются на дно и застревают в иле, который крепко держит их на месте. Более лёгкая вершина с обломанными ветвями всплывает на поверхность, но течение не даёт дереву выпрямиться и держит его в наклонном положении. Если вершина выступает из воды, опасность невелика, разве лишь в очень тёмную ночь. Но если она опустилась на один-два фута под воду, тогда коряга очень страшна. Пароход, идущий над ней против течения, почти наверняка погиб. Корни дерева, прочно засевшие в тине, не дают ему сдвинуться с места, а острые крепкие сучья пробивают обшивку судна, и оно может затонуть буквально в несколько минут.

Есть ещё так называемый "пильщик": это дерево, застрявшее на дне подобно коряге, но качающееся вверх и вниз по воле течения и напоминающее движения пильщика за работой — отсюда и его название. Судно, напоровшееся на такое дерево, иногда застревает на его сучьях, а бывает, и разламывается пополам от собственной тяжести.

По течению плыло много предметов, заинтересовавших меня. Стебли сахарного тростника, видимо уже отжатые в давильне (в сотне миль выше по течению я бы их не встретил), листья и початки кукурузы, тыквенные корки, пучки хлопка, доски от забора, иногда труп какого-нибудь животного с сидящим на нём ястребом или летающим вокруг чёрным стервятником.

Я находился в широтах, где водятся аллигаторы, но здесь эти большие ящеры встречаются редко — они предпочитают болотистые заводи или реки с дикими берегами. В быстром течении Миссисипи и на её возделанных берегах путешественник редко увидит крокодила.

Пароход приближался то к одному, то к другому берегу. Они тут наносного и сравнительно недавнего происхождения. Это полоса земли шириной от сотни ярдов до нескольких миль, которая постепенно

понижается, так что иногда кажется, что река течёт по вершине длинного гребня. Дальше лежит пойма — заболоченная равнина, каждый год затопляемая рекой и состоящая из озёр и топей, покрытых осокой и камышом. В некоторых местах эти дикие болота и трясины простираются миль на двадцать, а то и больше. Там, куда весенние воды доходят только во время разлива, равнина покрыта тёмными, почти непроходимыми лесами. Между обработанной полосой земли вдоль берега и широкой поймой тёмной стеной тянутся леса, образуя как бы задний план всего пейзажа и заменяя собой горные цепи, характерные для других стран. Эти леса состоят главным образом из гигантских кипарисов. Однако здесь встречаются и другие деревья, распространённые в этих краях, как, например, стираксовое дерево, виргинский дуб, рожковое дерево, нисса, тополь и многочисленные виды магнолий и дубов. Подлесок из карликовых пальм и разные виды тростника образуют густые заросли, а с ветвей деревьев свешивается длинной бахромой испанский мох — странный паразит, придающий лесу мрачный характер.

Между лесом и рекой лежат обработанные поля. В некоторых местах река течёт на несколько футов выше их уровня, но поля защищены дамбой — искусственной насыпью, возведённой на обоих берегах, которая тянется на несколько сот миль от устья.

Тут выращивают сахарный тростник, рис, табак, хлопок, индиго и кукурузу. На полях работают партии чёрных невольников в полосатых и ярких одеждах, чаще всего голубого цвета. Я вижу большие фургоны, запряжённые мулами или быками: они выезжают с полей или медленно двигаются вдоль берега. Вижу, как стройный креол в хлопчатобумажной куртке и ярко-синих штанах скачет верхом на небольшой испанской лошадке по прибрежной дороге. Вон богатая усадьба плантатора, окружённая апельсиновыми рощами, большой дом с зелёными жалюзи, прохладными верандами и красивой оградой. Дальше — огромный сарай для сахарного тростника или навес для табака, или склад для хлопка; а возле них множество чистеньких

деревянных хижин, сбившихся в кучу или растянувшихся в ряд, словно купальни на модном курорте.

Теперь мы плывём мимо плантации, куда съехались гости и идёт шумное веселье — по-видимому, это местный праздник. В тени деревьев стоит много осёдланных лошадей, среди них немало под дамскими сёдлами. На веранде, на лужайке перед домом и в апельсиновой роще гуляют мужчины и дамы в нарядных платьях. Слышится музыка, пары танцуют на открытом воздухе. И я невольно завидую этим счастливым креолам и их беззаботной жизни аркадских пастушков.

Картины одна другой живописнее проходят у меня перед глазами, разворачиваясь в красочную панораму. Захваченный этим зрелищем, я на время забыл про Эжени Безансон.

Глава IX. ЭЖЕНИ БЕЗАНСОН

Нет, неправда, я не забыл Эжени Безансон. Её нежный образ не раз мелькал в моём воображении, и я невольно связывал его с местами, мимо которых мы проезжали и где она, наверно, родилась и выросла. А весёлый праздник, в котором принимало участие много девушек-креолок, снова напомнил мне о ней, и, спустившись со штормового мостика, я вошёл в салон, надеясь опять увидеть заинтересовавшую меня незнакомку.

Однако сначала меня постигло разочарование. Большая стеклянная дверь в дамский салон была закрыта, и хотя в общем салоне было много дам, но среди них не оказалось прелестной креолки. Дамское отделение, расположенное на корме судна, считается святилищем, куда допускаются только те мужчины, у кого там есть знакомые, да и то лишь в определённые часы.

Я не принадлежал к числу таких счастливцев. Среди более сотни пассажиров судна я не знал ни одной души — ни мужчины, ни женщины: к счастью или к несчастью, но и меня никто не знал. При таких обстоятельствах моё появление в дамском салоне считалось бы нарушением приличий; поэтому я уселся в общем салоне и принялся наблюдать моих спутников.

Это была очень смешанная публика. Тут собрались богатые торговцы, банкиры, биржевые маклеры и комиссионеры из Нового Орлеана с жёнами и дочерьми, каждое лето уезжавшие на север, чтобы укрыться от жёлтой лихорадки и отдаться более приятной эпидемии — жизни на модном курорте. Были и владельцы хлопковых и кукурузных плантаций, расположенных выше по течению реки, возвращавшиеся домой, и мелкие торговцы из северных городов, и плотогоны. В холщовых штанах и красных фланелевых рубахах они сплавляли плоты за две тысячи миль вниз по течению и теперь возвращались обратно, разодетые в новенькие костюмы из чёрного сукна и белоснежные рубашки. Какими щёголями вернутся они домой, к истокам Солт-Ривер, Камберленда, Ликинга или Майами! Были здесь и креолы, старые виноторговцы из французского квартала, со своими семьями; костюмы их отличались живописностью: пышные жабо, собранные у пояса панталоны, светлые прюнелевые башмаки и массивные драгоценности.

Попадались тут и расфранчённые приказчики, которым разрешили покинуть Новый Орлеан на жаркие месяцы, и ещё более богато одетые молодые люди, в костюмах из тончайшего сукна, в белоснежных рубашках с кружевными жабо, особенно крупными брильянтами на запонках и толстыми перстнями на пальцах. Это были так называемые "охотники". Они собрались вокруг стола в курительной комнате; один из них вытащил уже из кармана новенькую колоду карт, выдававшую их истинную профессию.

Среди них я заметил и того детину, который так развязно предлагал мне держать пари. Он несколько раз прошёл мимо меня, бросая в мою сторону взгляды, которые никак нельзя было назвать дружелюбными.

Наш знакомец управляющий тоже сидел здесь. Не думайте, что должность дворецкого или управляющего лишала его права находиться в салоне первого класса. На американских пароходах нет салона второго класса. Миссисипи — это далёкий запад, и тут не знают такого разделения.

Надсмотрщики с плантаций обычно люди грубые, этого требует их профессия. Однако этот француз был явным исключением. Он казался очень почтенным старым господином. Мне нравилась его внешность, и я чувствовал к нему симпатию, хотя он, видимо, не разделял моих чувств.

Кто-то из присутствующих пожаловался на москитов и попросил открыть дверь в дамский салон. Несколько человек — и дамы и мужчины — поддержали эту просьбу. Это ответственное дело доверялось лишь стюарду. Обратились к нему. Просьба была обоснованна, а потому её следовало удовлетворить, и вскоре двери в "рай" раскрылись. Лёгкий сквозной ветерок подул вдоль длинного салона от носа к корме судна; не прошло и пяти минут, как в нём не осталось ни одного москита, кроме тех, что укрылись от сквозняка в каютах. Для пассажиров это было большим облегчением.

Стеклянную дверь разрешили держать открытой, что было приятно для всех, но особенно для кучки расфранчённых приказчиков, которые могли теперь беспрепятственно осматривать внутренность "гарема". Многие из них, как я заметил, воспользовались этой возможностью; они не глазели туда открыто, так как это сочли бы дерзостыо, но искоса посматривали в святилище или, делая вид, будто читают, бросали туда взгляд поверх книги, или ходили взад и вперёд по салону и, приближаясь к запретной границе, как бы невзначай заглядывали внутрь. У некоторых там, видимо, были знакомые, однако не такие близкие, чтобы это давало им право войти; другие были не прочь завязать знакомство, если представится случай. Я перехватил несколько выразительных взглядов, а иногда и ответных улыбок, свидетельствующих о взаимном понимании. Часто нежная мысль передаётся без слов. Язык порой приносит нам горькое разочарование.

Не раз бывал я свидетелем того, как он разрушал совсем уже созревший молчаливый договор двух любящих сердец.

Меня забавляла эта безмолвная пантомима, и я сидел несколько минут, наблюдая её. Поддавшись общему любопытству, я и сам время от времени невольно заглядывал в дамский салон. Я вообще люблю наблюдать. Всё новое интересует меня, а эта жизнь в салоне американского парохода была мне совершенно незнакома и казалась очень занятной. Мне хотелось ближе познакомиться с ней. Быть может, меня интересовало и ещё кое-что: я надеялся снова увидеть молодую креолку Эжени Безансон.

Моё желание вскоре исполнилось: я увидел её. Она вышла из своей каюты и прогуливалась по салону, изящная и оживлённая. Теперь на ней не было шляпы; её густые золотистые волосы были уложены на китайский манер — причёска, принятая и у креолок. Пышные волосы, собранные тяжёлым узлом на затылке, оставляли открытыми благородный лоб и стройную шею, что ей очень шло. Белокурые волосы и светлая кожа почти не встречаются у креолов. Обычно волосы у них чёрные, а кожа смуглая; но Эжени Безансон составляла редкое исключение.

Несмотря на кокетливое, почти легкомысленное выражение её лица, чувствовалось, что за этой внешностью скрывается сильный характер. Она была прекрасно сложена, а лицо её хоть и не отличалось классической правильностью черт, однако принадлежало к тем лицам, на которые нельзя смотреть без восхищения.

По-видимому, она знала некоторых своих попутчиц, так как непринуждённо разговаривала с ними. Впрочем, женщины быстро сходятся, а француженки — особенно.

Нетрудно было заметить, что говорившие с ней пассажирки относились к ней с уважением. Быть может, они уже знали, что ей принадлежит изящный экипаж с лошадьми. Весьма возможно!

Я продолжал следить за этой интересной дамой. Я не мог назвать её девушкой, ибо, несмотря на свою молодость, креолка производила впечатление особы, имеющей жизненный опыт. Держалась она очень свободно и, казалось, могла распоряжаться собой и всем, что её окружает.

"Какой у неё беззаботный вид! — подумал я. — Эта женщина не влюблена!"

Не могу объяснить, что привело меня к такому заключению и отчего оно доставило мне удовольствие, однако это было так. Почему? У нас с ней не было ничего общего. Она стояла настолько выше меня, что я едва осмеливался на неё взглянуть. Я считал её каким-то высшим существом и лишь изредка бросал на неё робкие взгляды, как смотрел бы на красавицу в церкви. Конечно, у нас с ней не было ничего общего. Через час уже стемнеет, а ночью она сойдёт на берег, и я больше никогда её не увижу. Я буду думать о ней ещё час или два, а может, и день, и чем больше буду сидеть и смотреть на неё, как глупец, тем дольше буду думать. Я сам плёл себе сети, зная, что стану вздыхать о ней и после того, как она сойдёт на берег.

Тут я решил бежать от этих чар и вернулся к своим наблюдениям на штормовом мостике. Ещё один взгляд на прелестную креолку — и я уйду.

В эту минуту она опустилась в кресло, так называемую качалку, и её движения ещё раз подчеркнули красоту и пропорциональность её сложения. Оказавшись лицом к открытой двери, она в первый раз взглянула в мою сторону. И, клянусь, она опять посмотрела на меня так же, как и в первый раз! Что означал этот странный взгляд, эти горящие

глаза? Она не сводила с меня пристального взора, а я не смел отвечать ей тем же.

С минуту её глаза были прикованы ко мне и смотрели не отрываясь. Я был слишком молод в ту пору, чтобы понять их выражение. Позже я сумел бы его разгадать, но не тогда.

Наконец она встала со своего места с недовольным видом, словно досадуя не то на себя, не то на меня, круто повернулась и, отворив дверь, вошла в свою каюту.

Мог ли я чем-нибудь оскорбить её? Нет! Ни словом, ни жестом, ни взглядом! Я не произнёс ни звука, даже не пошевелился, и мой застенчивый взор никак нельзя было назвать дерзким.

Я был очень озадачен поведением Эжени Безансон и, в полной уверенности, что никогда больше её не увижу, поспешил уйти из салона и снова забрался на штормовой мостик.

Глава X. НОВЫЙ СПОСОБ ПОДНИМАТЬ ПАРЫ

Время близилось к закату; огненный диск опускался за чёрную стену кипарисов, опоясавшую равнину с запада, и бросал на реку золотистый отблеск. Прогуливаясь взад и вперёд по обтянутой брезентом крыше, я смотрел на эту картину, любуясь её сверкающей красотой.

Но вскоре мои мечтания были прерваны. Взглянув на реку, я увидел, что нас догоняет большой пароход. Густой дым, валивший из его высоких труб, и яркий огонь в топках показывали, что он идёт на всех парах. Как его размеры, так и громкое пыхтенье говорили о том, что это первоклассный пароход. То была "Магнолия". Она шла очень быстро, и вскоре я увидел, что она нас нагоняет.

В ту же минуту до меня донёсся снизу разноголосый шум. Громкие, сердитые выкрики сливались с шарканьем и топаньем многих ног, бегущих по дощатой палубе. К этой суматохе примешивались и более резкие женские голоса.

Я сразу догадался, что это значит. Переполох был вызван появлением парохода-соперника.

До этого времени о соперничестве пароходов почти забыли. Как команда судна, так и пассажиры уже знали, что капитан не собирается устраивать гонки, и хотя этот "выход из игры" вначале вызвал громкое осуждение, однако постепенно общее недовольство улеглось.

Команда была занята укладкой груза, кочегары — дровами и топками, игроки — картами, а пассажиры — своими чемоданами или свежими газетами. Второй пароход отплывал позже, его потеряли из виду, и мысли о гонке вылетели у всех из головы.

Появление соперника сразу всех взбудоражило. Картёжники бросили недосданную колоду карт, надеясь начать более азартную игру; читатели поспешно отложили книги и газеты; пассажиры, рывшиеся в своих чемоданах, быстро захлопнули крышки; а прелестные пассажирки, сидевшие в качалках, вскочили с мест; все выбежали из кают и столпились на корме.

Штормовой мостик, на котором я стоял, был лучшим местом для наблюдения за приближавшимся судном, и вскоре многие пассажиры присоединились ко мне. Но мне захотелось посмотреть, что делается на верхней палубе, и я спустился вниз.

Войдя в общий салон, я увидел, что он совсем опустел. Все пассажиры, и дамы и мужчины, высыпали на палубу и, столпившись вдоль бортов, с тревогой смотрели на подходившую "Магнолию".

Я нашёл капитана под тентом, на носу парохода. Его окружала толпа чрезвычайно возбуждённых пассажиров. Все они кричали наперебой, стараясь убедить его ускорить ход судна.

Капитан, видимо пытаясь отделаться от этих назойливых просителей, расхаживал взад и вперёд по палубе. Бесполезно! Куда бы он ни направлялся, его тотчас окружала толпа людей, приставая всё с той же просьбой; некоторые даже умоляли его "ради всего святого" не дать "Магнолии" их обогнать.

— Ладно, капитан! — кричал один. — Если "Красавица" сдрейфит, пусть не показывается больше в наших местах, так и знайте!

— Правильно! — кричал другой. — Уж я-то в следующий раз поеду только на "Магнолии"!

— "Магнолия" — вот быстроходное судно! — воскликнул третий.

— Ещё бы! — подхватил первый. — Там не жалеют пара, сразу видно!

Я пошёл вдоль борта по направлению к дамским каютам. Их владелицы теснились у поручней и были, видимо, не менее взволнованы происходящим, чем мужчины. Я слышал, как многие из них выражали желание, чтобы гонка состоялась. Всякая мысль о риске и опасности вылетела у всех из головы. И я уверен, что, если бы вопрос о гонке был поставлен на голосование, против неё не нашлось бы и трёх голосов. Признаюсь, что я и сам голосовал бы за гонку; меня заразило общее возбуждение, и я уже не думал о корягах, "пильщиках" и взрывах котлов.

С приближением "Магнолии" общее возбуждение росло. Было совершенно ясно, что через несколько минут она догонит, а вскоре и опередит нас. Многие пассажиры не могли примириться с этой мыслью,

кругом слышались сердитые возгласы, а иногда и злобные проклятия. Всё это сыпалось на голову бедного капитана, так как пассажиры знали, что его помощники были за состязание. Один капитан праздновал труса.

"Магнолия" была уже у нас за кормой; её нос слегка отклонился в сторону; она явно собиралась нас обойти.

Вся её команда деловито сновала по палубе. Рулевой стоял наверху в рулевой рубке, кочегары суетились около котлов; дверцы топок накалились докрасна, и яркое пламя высотой в несколько футов вырывалось из громадных дымовых труб. Можно было подумать, что судно горит.

— Они топят окороками! — закричал один из пассажиров.

— Верно, чёрт побери! — воскликнул другой. — Смотрите, вон перед топкой их навалена целая куча!

Я посмотрел в ту сторону. Это была правда. На палубе перед пылающей топкой лежала гора каких-то темнокоричневых предметов. По их величине, форме и цвету можно было заключить, что это копчёные свиные окорока. Мы видели, как кочегары хватали их один за другим и бросали в пылающие жерла топок.

"Магнолия" быстро догоняла нас. Её нос уже поравнялся с рулевой рубкой "Красавицы". На нашем судне волнение и шум всё увеличивались. С нагонявшего нас судна слышались насмешки пассажиров, и от этого страсти разгорались ещё больше. Капитана заклинали принять вызов. Мужчины осаждали его; казалось, вот-вот начнётся драка.

"Магнолия" продолжала идти вперёд. Она шла уже с нами наравне, нос с носом. Прошла минута в глубоком молчании. Пассажиры и

команды обоих судов следили за их движением, затаив дыхание. Ещё минута — и "Магнолия" вырвалась вперёд!

Громкий, торжествующий крик раздался с её палубы, а затем на нас посыпались насмешки и оскорбления.

— Бросайте конец — мы возьмём вас на буксир!

— Где уж вашему ковчегу угнаться за нами!

— Да здравствует "Магнолия"! Прощай, "Красавица"! Прощай, старая развалина! — вопили пассажиры "Магнолии" среди взрывов оглушительного смеха.

Я не могу передать вам, какое унижение испытывали все, кто был на борту "Красавицы". Не только команда, но и пассажиры, все как один, переживали это чувство. Я и сам испытывал его гораздо сильнее, чем мог себе представить.

Никому не нравится быть в лагере побеждённых, хотя бы он и оказался там случайно: кроме того, всякий невольно поддаётся общему порыву. Настроение окружающих — быть может, в силу какого-то физического закона, которому вы не можете противиться, — сразу передаётся и вам. Даже когда вы знаете, что ликование нелепо и бессмысленно, вас пронизывает какой-то ток, и вы невольно примыкаете к восторженной толпе.

Я помню, как однажды, охваченный таким порывом, присоединил свой голос к крикам толпы, во всю глотку приветствовавшей королевский кортеж. Прошла минута, возбуждение моё остыло, и я устыдился своей слабости и податливости.

И команда и пассажиры, видимо, считали, что капитан, при всём своём благоразумии, сделал большой промах. Кругом стоял ужасный шум, и крики: "Позор!" — неслись по всему судну.

Бедный капитан! Всё это время я не сводил с него глаз. Мне было его очень жалко. Я был, вероятно, единственным пассажиром, кроме прелестной креолки, знавшим его тайну, и я не мог не восхищаться, с какой рыцарской стойкостью он держит своё слово.

Я видел, как пылали его щёки и гневно сверкали глаза. Если бы его попросили дать это обещание сейчас, он, надо думать, не согласился бы даже за все перевозки по Миссисипи.

В эту минуту, стараясь укрыться от осаждавших его пассажиров, он проскользнул на корму через дамский салон. Но и тут его сейчас же заметили и атаковали представительницы прекрасного пола, не уступавшие в настойчивости мужчинам. Некоторые насмешливо кричали, что никогда больше не сядут на его пароход, другие обвиняли его в неучтивости. Подобные обвинения могли хоть кого вывести из себя.

Я пристально следил за капитаном, чувствуя, что наступает решительный момент. Что-то должно было произойти.

Выпрямившись во весь рост, капитан обратился к толпе осаждавших его дам:

— Сударыни! Я и сам был бы счастлив, если бы мог удовлетворить вашу просьбу, но перед отъездом из Нобого Орлеана я обещал… я дал честное слово одной даме…

Но тут любезная речь капитана была прервана молодой особой, которая бросилась к нему с криком:

— Ах, капитан! Дорогой капитан! Не позволяйте этому мерзкому пароходу обойти нас! Дайте больше пару и обгоните его! Умоляю вас, дорогой капитан!

— Как, сударыня?! — ответил поражённый капитан. — Ведь это вам я дал слово не устраивать гонок. А вы...

— Боже мой! — воскликнула Эжени Безансон, ибо то была она. — И правда! Я совсем забыла!.. Ах, дорогой капитан, я возвращаю вам ваше слово... Увы! Надеюсь, что ещё не поздно! Ради всего святого, постарайтесь его обогнать! Слышите, как они издеваются над нами?

Лицо капитана просияло, но сразу опять омрачилось.

— Благодарю вас, сударыня, — возразил он. — К сожалению, должен сказать, что теперь уж нет надежды обогнать "Магнолию". Мы с ней в неравном положении. Она бросает в топки копчёные окорока, которые заготовила на этот случай, а я после того, как обещал вам не участвовать в гонках, не погрузил ни одного. Бессмысленно начинать гонку только на дровах, разве что "Красавица" гораздо быстроходнее "Магнолии", но мы этого не знаем, так как никогда не испытывали её скорость.

Положение казалось безвыходным, и многие дамы бросали на Эжени Безансон враждебные взгляды.

— Окорока! — воскликнула она. — Вы сказали — копчёные окорока, дорогой капитан? Сколько вам нужно? Хватит двухсот штук?

— О, это больше, чем надо, — ответил капитан.

— Антуан! Антуан! Подите сюда! — закричала она старику-управляющему.

— Сколько окороков вы погрузили на пароход?

— Десять бочек, сударыня, — ответил управляющий, почтительно кланяясь.

— Десяти бочек хватит, правда? Дорогой капитан, они в вашем распоряжении!

— Сударыня, я уплачу за них, — сказал капитан с просветлевшим лицом, загораясь всеобщим воодушевлением.

— Нет, нет, нет! Расходы я беру на себя. Это я помешала вам сделать запасы. Окорока были куплены для моих людей на плантации, но они им пока не нужны. Мы пошлём за другими… Ступайте, Антуан! Идите к кочегарам! Разбейте бочки! Делайте с ними что хотите, только не дайте этой противной "Магнолии" нас победить!.. Смотрите, как они радуются! Ну ничего, мы их скоро обгоним!

С этими словами горячая креолка бросилась к поручням парохода, окружённая толпой восхищённых пассажирок.

Капитан сразу ожил. Рассказ об окороках мгновенно облетел весь пароход и ещё больше разжёг возбуждение и пассажиров и команды. В честь молодой креолки прогремело троекратное "ура", что очень удивило пассажиров "Магнолии", которые уже несколько минут наслаждались своим торжеством и обгоняли нас всё больше и больше.

На "Красавице" все горячо взялись за работу. Выкатили бочки, выбили у них днища, окорока свалили на палубу перед топками и стали кидать их в огонь. Чугунные стенки топок скоро покраснели, давление пара увеличилось, пароход дрожал от усиленной работы машин, судовой звонок надрывался, давая сигналы, колёса вертелись всё быстрей, и пароход заметно увеличил скорость.

Надежда на успех угомонила пассажиров. Крики смолкли, и наступила относительная тишина. Слышались отдельные замечания о скорости пароходов, заключались новые пари, а кое-кто ещё вспоминал историю с окороками.

Все взоры были устремлены на реку и пристально следили за расстоянием между пароходами.

Глава XI. ГОНКА ПАРОХОДОВ НА МИССИСИПИ

Тем временем уже совсем стемнело. На небе не было ни луны, ни звёзд. В низовьях Миссисипи ясные ночи выпадают не так-то часто. Туман, поднимающийся с болот, обычно заволакивает ночное небо.

Однако для гонки света было достаточно. Желтоватая вода блестела светлой полосой на фоне тёмных берегов. Фарватер был широкий, а рулевые обоих судов, старые речные волки, прекрасно знали каждый проток и каждую мель на реке.

Пароходы-соперники были на виду друг у друга. Можно было и не вывешивать никаких фонарей, хотя на гафеле каждого судна горел сигнальный огонь. Окна кают на обоих судах были залиты светом, а отблеск огня из топок, где ярко пылали окорока, ложился на водную гладь длинной сверкающей полосой.

На том и на другом пароходе пассажиры выглядывали из окон кают или стояли, свесившись за борт, всячески выражая свой живой интерес.

К тому времени, как "Красавица" развела пары, "Магнолия" опередила её не меньше чем на полмили. Ничтожное расстояние, если один пароход значительно быстроходнее другого, но когда суда идут с почти равной скоростью, его очень трудно преодолеть. Поэтому прошло довольно много времени, прежде чем команда "Красавицы" убедилась в том, что мы нагоняем "Магнолию". Это довольно трудно определить на

воде, когда одно судно следует за другим. Пассажиры поминутно задавали вопросы команде судна и друг другу и строили всевозможные предположения на эту интересную тему.

Наконец капитан заявил, что мы нагнали "Магнолию" на несколько сот ярдов. Его слова вызвали бурную радость, впрочем не вполне единодушную, так как на борту "Красавицы" нашлись и такие отступники, которые держали пари за "Магнолию".

Прошёл ещё час, и всем стало ясно, что наше судно нагоняет соперника, ибо между ними осталось уже меньше четверти мили. Четверть мили на спокойной воде — небольшое расстояние, и пассажиры обоих судов могли громко переговариваться между собой. Этим сейчас же воспользовались пассажиры "Красавицы", чтобы отплатить своим противникам. На них посыпались насмешки, и все их прежние оскорбления были возвращены с лихвой.

— У кого есть поручения в Сент-Луис? Мы скоро там будем и готовы вам услужить! — кричал один.

— Ура, "Красавица"! Вот это молодчина! — вопил другой.

— Хватит ли вам окороков? — спрашивал третий. — Мы можем дать вам взаймы несколько штук!

— Что отвечать, если нас спросят, где вы задержались? — кричал четвёртый. — Мы скажем — в Черепашьей гавани!

Громкий взрыв хохота встретил эту шутку.

Приближалась полночь, но ни один человек на обоих пароходах и не помышлял об отдыхе. Увлечённые гонкой пассажиры и думать забыли о сне. Все, и мужчины и женщины, стояли на палубе или поминутно выходили из кают взглянуть на ход состязания. От возбуждения у

пассажиров, как видно, пересохло в горле, и многие уже были навеселе. Команда не отставала от них, и даже капитан был не совсем трезв. Никто не осуждал его за это, мысли об осторожности вылетели у всех из головы.

Приближается полночь. Машины лязгают и грохочут, а пароходы всё идут вперёд. Кругом стоит густой мрак, но никого это не смущает. Ярко пылают топки; над высокими трубами полыхает багровое пламя; пар гудит и воет в котлах; громадные плицы колёс сбивают в пену тёмную воду; деревянный каркас судна дрожит и стонет от напряжения, а пароходы рвутся вперёд.

Наступает полночь. Теперь между пароходами остаётся всего каких-нибудь двести ярдов. "Красавица" уже качается на волнах "Магнолии". Ещё десять минут — и её нос поравняется с кормой соперницы! Ещё двадцать минут — и торжествующий крик на её палубе прокатится вдоль берегов.

Я стоял около капитана и поглядывал на него с некоторой тревогой. Мне было неприятно, что он так часто спускается в буфет и уже сильно захмелел. Он только что вернулся на своё место у рулевой рубки и пристально смотрел вперёд. На правом берегу реки, примерно в миле перед нами, показалось несколько мерцающих огоньков. Увидев их, он вздрогнул и воскликнул с сердцем:

— Чёрт возьми! Ведь это Бринджерс!

— Да-а, — протянул рулевой из-за его плеча. — Быстро мы добрались до него, прямо сказать.

— Боже мой! Теперь я проиграю гонку!

— Почему? — спросил тот, не понимая. — При чём здесь гонка?

— Я должен тут пристать. Мне придётся… Я должен высадить даму, которая дала нам окорока!

— Вон оно что! — отозвался флегматичный рулевой. — А ведь чертовски жалко! — добавил он. — Ну что ж, раз надо, так надо… Ах, будь ты проклят! Ведь мы вот-вот обставили бы их. Верно, капитан?

— Ничего не поделаешь, — ответил капитан. — Поворачивай к берегу.

Отдав этот приказ, он быстро спустился вниз. Видя, как он возбуждён, я последовал за ним. На палубе против рубки стояла кучка дам, среди которых была и молодая креолка.

— Сударыня, — сказал, обращаясь к ней, капитан, — несмотря ни на что, мы всё-таки проиграем гонку!

— Почему? — спросила она удивлённо. — Вам не хватает окороков?.. Антуан! Вы достали всё, что было?

— Нет, сударыня, — возразил капитан, — не в этом дело. Благодарю вас за щедрость. Но вы видите эти огоньки?

— Вижу. Так что же?

— Это Бринджерс.

— Вот как! Уже?

— Да. Здесь я должен вас высадить.

— И из-за этого проиграете гонку?

— Конечно.

— Тогда, разумеется, я не сойду здесь на берег. Что для меня один день? Я не так стара, чтобы бояться потерять лишний день понапрасну. Ха-ха-ха! Я не допущу, чтоб вы из-за меня погубили репутацию вашего прекрасного судна! И не думайте приставать, дорогой капитан! Довезите меня до Батон Ружа, а утром я вернусь домой.

Вокруг послышались крики одобрения, а капитан бросился обратно к рулевому, чтобы отметить своё приказание.

"Красавица" по-прежнему следует за "Магнолией", и между ними по-прежнему около двухсот ярдов. Грохот машин, гудение пара, удары плиц по воде, треск обшивки и крики людей на палубе сливаются в оглушительный концерт.

Вперёд мчится "Красавица", вперёд, вперёд — и, несмотря на все усилия "Магнолии", догоняет её. Ближе, ещё ближе — и вот её нос сравнялся с кормой соперницы.

Вот он уже против рулевой рубки, вот уже против штормового мостика, вот против конца верхней палубы! Теперь их огни сливаются в одну линию и вместе отражаются в воде — они идут нос с носом!

Ещё минута — "Красавица" вырывается ещё на фут вперёд, капитан машет фуражкой, и громкий крик торжества раздаётся над рекой.

Этот крик не успел отзвучать. Едва он разнёсся в полуночной тиши, как его прервал оглушительный взрыв, словно целый пороховой склад взлетел на воздух. Он потряс небо, землю и воду! Раздался треск, во все стороны посыпались доски, люди с пронзительными криками взлетели вверх, дым и пар застлали всё кругом, и ужасный вопль сотен голосов раздался во мраке ночи.

Глава XII. СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПОЯС

Сотрясение неслыханной силы сразу же объяснило мне причину катастрофы. Я решил, что у нас взорвались паровые котлы, и не ошибся.

В момент взрыва я стоял около своей каюты. Если бы я не держался за поручни, то, наверно, вылетел бы от толчка за борт. Сам не сознавая, что делаю, я вернулся, шатаясь, в каюту, а из неё прошёл через другую дверь в общий салон.

Здесь я остановился и огляделся вокруг. Вся передняя часть судна была окутана дымом, и в салон врывался горячий, обжигающий пар. Боясь, что он настигнет меня, я бросился на корму, которая, к счастью, была обращена к ветру, сдувавшему с неё опасный пар.

Машина теперь умолкла, колёса не вращались, выпускная труба перестала пыхтеть, но вместо этого шума слышались другие ужасные звуки. Крики, ругань, проклятия мужчин, пронзительные вопли женщин, стоны раненых с нижней палубы, мольбы о помощи сброшенных в воду и тонущих людей — всё сливалось в отчаянный вопль. Как он был не похож на тот ликующий крик, который только что звучал на устах тех же людей!

Дым и пар скоро начали рассеиваться, и я мог разглядеть, что делается на носу парохода. Там был полный хаос. Курительная комната, буфет со всем его содержимым, передний тент и правая сторона рулевой рубки совсем исчезли, как будто под ними взорвалась мина, а высокие трубы опрокинулись и лежали на палубе. С первого взгляда я понял, что капитан, рулевой и все, кто находился в этой части парохода, погибли.

Эти мысли мгновенно пронеслись у меня в голове, и я не стал на них задерживаться. Я чувствовал, что остался цел и невредим, и моим первым естественным побуждением было постараться спасти свою

жизнь. Я сохранил присутствие духа и понимал, что второго взрыва быть не может, но видел, что пароход серьёзно повреждён и сильно накренился набок. Долго ли он продержится на воде?

Не успел я задать себе этот вопрос, как тотчас же получил ответ. Рядом послышался отчаянный крик:

— О Боже! Мы тонем! Тонем!..

Вслед за ним раздался другой крик: "Пожар!" — и в ту же минуту длинные языки пламени вырвались из глубины судна и взметнулись высоко вверх, до самого штормового мостика. Было ясно, что судно недолго будет нашим убежищем: нам предстояло либо сгореть на нём, либо пойти с ним ко дну.

Все мысли оставшихся в живых устремились к "Магнолии". Я тоже посмотрел ей вслед и увидел, что она дала задний ход и прилагает все усилия, чтобы скорей повернуть обратно: однако она уже была от нас на расстоянии нескольких сот ярдов. Когда наш пароход собирался пристать к Бринджерсу, он повернул в сторону от "Магнолии", и хотя в момент катастрофы они стояли на одной линии, их разделяла широкая полоса воды. Теперь "Магнолия" находилась от нас за добрую четверть мили, и было ясно, что пройдёт немало времени, пока она приблизится к нам. Сможет ли искалеченная "Красавица" продержаться это время на воде?

С первого взгляда я убедился, что нет. Я чувствовал, как палуба опускается подо мной всё ниже и ниже, а пламя уже угрожало её корме; огненные языки лизали деревянную отделку роскошного салона, и она вспыхивала, как солома. Нельзя было терять ни минуты! Оставалось либо самому броситься в воду, либо пойти ко дну вместе с судном, либо сгореть. Иного выхода не было.

Вы, вероятно, думаете, что я был смертельно испуган. Однако вы ошибаетесь. Я совсем не боялся за свою жизнь. И не потому, что отличался необыкновенной храбростью, а потому, что надеялся на свои силы. Довольно беспечный по натуре, я никогда не был фаталистом. Мне не раз случалось спасаться от смерти благодаря присутствию духа, сильной воле и находчивости. Поэтому я не был суеверным, не верил в судьбу и не полагался на авось, и если не ленился, то принимал необходимые меры предосторожности, чтобы избежать опасности.

Именно так я и поступил на этот раз. В моём чемодане лежало очень простое приспособление, которое я обычно вожу с собой: спасательный пояс. Я всегда держу его сверху, под рукой. Требуется не больше минуты, чтобы надеть его, а в нём я не боялся утонуть в самой широкой реке и даже в море. Уверенность в этом, а вовсе не исключительная храбрость придавала мне спокойствие.

Я побежал обратно в свою каюту, открыл чемодан и через секунду уже держал в руках пробковый пояс. Ещё секунда — и я надел его через голову и прочно завязал шнурки.

Надев пояс, я остался в каюте и решил не выходить из неё, пока судно не накренится ещё ближе к воде. Оно погружалось очень быстро, и я был уверен, что мне недолго придётся ждать. Дверь, ведущую в салон, я запер на ключ, а другую оставил приоткрытой, но крепко держал её за ручку.

Я недаром прятался в каюте: мне не хотелось попадаться на глаза охваченным паникой пассажирам, которые, не помня себя, метались по палубе, — я боялся их гораздо больше, чем реки. Я знал, что стоит им увидеть спасательный пояс, как они тотчас окружат меня, и тогда у меня не останется никакой надежды на спасение: десятки несчастных бросятся за мной в воду, будут цепляться за меня со всех сторон и потащат за собой на дно.

Я знал это и, крепко придерживая дверь, стоял и молча смотрел в щель.

Глава XIII. Я РАНЕН

Не прошло и нескольких минут, как перед моей дверью остановились какие-то люди и я услышал знакомые голоса.

Взглянув в щель, я тотчас узнал их: это были молодая креолка и её управляющий.

Нельзя сказать, что они вели связный разговор, — это были лишь отрывочные восклицания смертельно испуганных людей. Старик собрал несколько стульев и трясущимися руками пытался связать их вместе, чтобы сделать какое-то подобие плота. Вместо верёвки у него был носовой платок и несколько шёлковых лент, которые его хозяйка сорвала со своего платья. Если бы ему и удалось связать плот, он, пожалуй, не выдержал бы и кошки. Это была жалкая попытка тонущего человека схватиться за соломинку. С первого взгляда я понял, что такой плот и на минуту не отсрочит их гибели. Стулья были из тяжёлого палисандрового дерева и, вероятно, пошли бы ко дну от собственной тяжести.

Эта сцена привела меня в смятение. Она разбудила во мне самые противоречивые чувства. Передо мной стоял выбор — спасать себя или оказать помощь ближнему. Если бы я не надеялся при этом сберечь и свою жизнь, боюсь, что я послушался бы инстинкта самосохранения.

Но, как я уже говорил, за себя я не боялся, и передо мной стоял лишь вопрос: удастся ли мне, не рискуя собой, спасти жизнь и этой даме? Я быстро всё обдумал. Спасательный пояс был очень мал, он не мог выдержать нас обоих. Что, если я отдам его ей, а сам поплыву рядом? Я мог бы иногда браться за него — мне этого достаточно, чтобы

долго продержаться на воде. Ведь я хороший пловец. Далеко ли до берега?

Я посмотрел в ту сторону. Пылающее судно бросало вокруг яркий свет и далеко освещало реку. Я ясно видел тёмный берег. До него было не меньше четверти мили, да ещё предстояло одолеть сильное течение.

"Конечно, я доплыву до берега, — подумал я. — И будь что будет, а я попытаюсь спасти её".

Не скрою, что у меня были и другие соображения, когда я составил этот план. Должен сознаться, что к благородным побуждениям примешивалось и желание разыграть перед ней героя. Будь Эжени Безансон не молода и красива, а стара и безобразна, пожалуй… боюсь, что я оставил бы её на попечение Антуана с его плотом из стульев. Так или иначе, а я решился, и мне было некогда раздумывать, из каких побуждений.

— Мадемуазель Безансон! — позвал я из-за двери.

— Кто-то зовёт меня! — воскликнула она, быстро оборачиваясь. — Боже мой! Кто здесь?

— Сударыня, я хочу…

— Проклятие! — сердито пробормотал старик, когда увидел меня: он решил, что я хочу завладеть его плотом. — Проклятие! Плот не выдержит двоих, сударь.

— Он не выдержит и одного, — возразил я. — Сударыня, — продолжал я, обращаясь к его хозяйке, — эти стулья не спасут вас, а скорее потопят. Вот, возьмите. Это спасёт вам жизнь. — Тут я снял и протянул ей спасательный пояс.

— Что это? — быстро спросила она, но сразу всё поняла и воскликнула:

— Нет, нет, нет! Что вы, сударь! Спасайте себя! Себя!

— Я надеюсь доплыть до берега и без пояса. Наденьте его, сударыня! Скорей! Скорей! Время не ждёт. Через несколько минут судно пойдёт ко дну. "Магнолия" ещё далеко, к тому же она побоится подойти вплотную к горящему судну. Смотрите, какое пламя! Огонь приближается к нам... Скорей! Позвольте завязать вам пояс.

— Боже! Боже! Благородный незнакомец...

— Ни слова больше! Вот так... Готово! Теперь прыгайте в воду! Не бойтесь! Прыгайте и держитесь подальше от судна. Вперёд! Я прыгну вслед за вами и помогу вам. Скорей!

Испуганная девушка послушалась моих настойчивых уговоров и прыгнула в воду. В следующую секунду я увидел, как она показалась на поверхности реки: её светлое платье выделялось на тёмном фоне воды.

Тут я почувствовал, как кто-то схватил меня за руку. Я обернулся: это был Антуан.

— Простите меня, благородный юноша! Простите меня! — воскликнул он, и слёзы потекли у него по щекам.

Я не успел ответить ему, как увидел, что какой-то человек бросился к борту, с которого только что спрыгнула креолка. Он пристально смотрел на неё и, наверно, заметил спасательный пояс. Его намерения были ясны для меня. Он уже собирался прыгнуть в воду, когда я подбежал к нему. Я схватил его за ворот и оттащил назад. Тут пламя осветило его лицо, и я узнал наглого молодчика, который предлагал мне держать пари.

— Не спешите, сэр, — сказал я ему, всё ещё крепко держа его за ворот.

В ответ он выкрикнул страшное проклятие, и в ту же секунду в его поднятой руке сверкнул охотничий нож. Он выхватил его так неожиданно, что я не успел увернуться и почувствовал, как холодная сталь вонзилась мне в руку. Однако удар был не смертелен, и прежде чем негодяй успел замахнуться второй раз, я, как говорят боксёры, двинул его по скуле так, что он перелетел через стулья, а нож выпал из его руки. Я поднял нож и секунду колебался, не отомстить ли этому головорезу, однако мои лучшие чувства взяли верх, и я выбросил нож за борт.

Не теряя времени, я и сам прыгнул в воду. Пламя уже охватило рулевую рубку, у которой мы стояли, и жара становилась невыносимой. Бросив последний взгляд на судно, я увидел, что Антуан и мой противник дерутся среди стульев.

Белое платье служило мне путеводным ориентиром, и я поплыл за ним.

Течение уже отнесло девушку довольно далеко от тонувшего судна.

Я быстро сбросил в воде пиджак и башмаки, а так как был одет очень легко, то остальная одежда не стесняла моих движений. Сделав несколько взмахов, я поплыл совершенно свободно вниз по течению, следуя за белым платьем. Иногда я поднимал голову над водой и оглядывался назад. Я ещё опасался, как бы тот негодяй не поплыл вслед за нами, и готов был сразиться с ним в воде.

Через несколько минут я оказался уже возле моей подопечной.

Сказав ей несколько ободряющих слов, я взялся одной рукой за её пояс, а другой грёб, стараясь направить её к берегу.

Таким образом мы двигались к суше по диагонали, так как течение довольно быстро сносило нас вниз. Этот путь показался мне долгим и тяжёлым: если б он длился ещё дольше, я, наверно, не добрался бы до берега. Наконец мы были уже недалёко: но, по мере того как мы приближались к цели, мои движения становились всё слабее, и левая рука в последнем судорожном усилии сжимала пробковый пояс.

Однако я помню, как мы добрались до земли: как я с большим трудом карабкался по откосу, а моя спутница поддерживала меня: помню, как перед нами вырос большой дом, — мы вышли на берег как раз против него; помню, как я услышал слова:

— Вот удивительно! Ведь это мой дом! В самом деле, мой дом!

Я помню, как шёл по дороге и лёгкая рука поддерживала меня, как вошёл в ворота и попал в прекрасный сад со скамейками, статуями и благоухающими цветами; помню, как из дома выбежало много слуг с фонарями, и тут я увидел, что рука у меня в крови и с рукава капает кровь. Помню ещё испуганный женский крик:

— Он ранен!..

И больше ничего не помню.

Глава XIV. ГДЕ Я?

Когда я очнулся, было совсем светло. Яркое солнце заливало золотистым светом мою комнату, и косые тени на полу показывали, что сейчас либо раннее утро, либо скоро наступит вечер. Однако из сада слышалось пение птиц, и я решил, что должно быть утро.

Я лежал на низкой изящной кушетке без полога, но вместо него мою постель окружала тончайшая сетка от москитов. Белоснежные простыни из тонкого полотна, блестящее шёлковое покрывало, мягкий,

покойный матрац подо мной — всё свидетельствовало о том, что я лежу на роскошном ложе. Но я не мог наслаждаться его удобством и изяществом, так как пришёл в себя от сильной боли.

Вскоре я припомнил все события прошлой ночи — они промелькнули передо мной одно за другим. До той минуты, когда мы достигли берега и выбрались из воды, я помнил всё сопершенно ясно. Но что было потом, я не мог восстановить в памяти. Какой-то дом, широкие ворота, сад, деревья, цветы, статуи — всё смешалось у меня в голове.

Мне казалось, что среди всей этой путаницы передо мной встаёт необыкновенно прекрасное лицо — лицо молодой девушки. В нём было что-то чарующее. Но я не знал, видел ли я эту девушку наяву или она пригрезилась мне во сне. Черты этого лица стояли перед моими глазами так чётко и ясно, что, будь я художником, я мог бы их нарисовать. Но я помнил только лицо — больше ничего! Я вспоминал его, как куритель опиума вспоминает свои грёзы или как человек, видевший во время опьянения прекрасное лицо и только его сохранивший в памяти. Как ни странно, но я не связывал этот образ со своей ночной спутницей: он ничем не напомнил мне Эжени Безансон!

Была ли среди пассажирок на судне хоть одна, похожая на это видение? Нет, я не мог припомнить ни одной. Ни одна из них не возбудила во мне даже мимолётного интереса, за исключением креолки. Но черты этого воображаемого или виденного мною лица не имели с ней ничего общего. Это был совершенно иной тип.

В моей памяти вставала волна блестящих чёрных волос, вьющихся на лбу и спадающих на плечи крупными кольцами. Из этой тёмной рамы выступали черты, достойные резца великого скульптора. Нежный, красиво очерченный пунцовый рот, прямой, изящный нос с тонкими ноздрями, тёмные дуги бровей, глаза, окаймлённые длинными ресницами, — это лицо, как живое, стояло передо мной, и оно ничем не напоминало черты Эжени Безансон. Даже цвет лица был совсем другой. Кожа, не молочно-белая, как у креолки, хотя такая же прозрачная,

отличалась смуглым оттенком, который придавал румянцу на щеках более тёплую окраску. Лучше всего я запомнил или представлял себе глаза, большие, тёмно-карие, округлой формы; главная их прелесть заключалась в выражении, непонятном для меня, но пленительном. Они были очень блестящие, но не сверкали и не искрились, а скорее напоминали тёплое сияние самоцвета. Их взгляд не обжигал, но светился.

Несмотря на ноющую боль в руке, я довольно долго лежал, любуясь этим очаровательным образом, и спрашивал себя: живая ли это девушка или только сон? Неожиданная мысль пришла мне в голову. Я подумал, что, если, бы это видение было живым существом, я мог бы забыть ради него Эжени Безансон, несмотря на романтическое приключение, с которого началось наше знакомство.

Однако боль в руке в конце концов отогнала чудный образ и вернула меня к действительности. Откинув покрывало, я с удивлением увидел, что рана моя перевязана, и, по-видимому, опытным хирургом. Успокоившись на этот счёт, я осмотрелся вокруг, чтобы понять, где я нахожусь.

Комната, где я лежал, была невелика, и сквозь сетку от москитов мне нетрудно было разглядеть, что она обставлена богато и со вкусом. В ней стояла лёгкая, главным образом камышовая мебель, а пол устилали тонкие циновки из морской травы с яркими узорами. На окнах висели занавески из камки и муслина, под цвет стенам. Посреди комнаты стоял стол с богатой инкрустацией, а у стены — другой столик, поменьше, на котором возле узорной чернильницы лежали перья и бювар; рядом с ним стояли полки красного дерева, уставленные книгами. Камин украшали дорогие часы, а за его решёткой виднелись каминные щипцы с серебряными ручками тонкой чеканной работы. В это время года камин, конечно, не топили. Мне было бы душно даже под сеткой от москитов, но большая стеклянная дверь, а против неё широкое окно были открыты настежь, так что по комнате гулял лёгкий ветерок, проникавший и сквозь мою сетку.

Этот ветерок приносил в комнату чудесный аромат из сада. В окно и в открытую дверь я видел тысячи всевозможных цветов: красные, розовые и белые розы, редкостные камелии, азалии и жасмин, сладко пахнущее китайское дерево; а дальше я разглядел восковые листья и похожие на крупные лилии цветы американского лавра. Я слышал пение множества птиц и тихий равномерный плеск — по-видимому, журчание фонтана. Больше до меня не доносилось ни звука.

"Неужели я здесь один?" Я ещё раз внимательно осмотрелся вокруг. Да, должно быть, один, Я не увидел ни одного живого существа.

Меня удивила одна особенность моей комнаты. Казалось, она стоит на отлёте и не сообщается ни с каким помещением. Единственная дверь, которую я видел, так же как и доходившее до полу окно, вела прямо в сад, полный цветов и кустарников. По-видимому, рядом со мной никто не жил.

Сначала мне это показалось странным, но, поразмыслив, я понял, в чём дело. Американские плантаторы часто строят в стороне от большого жилого дома маленький павильон или летний домик и обставляют его со всеми удобствами и даже с роскошью. Иногда он служит комнатой для гостей. Вероятно, я находился в таком домике.

Во всяком случае, я был под гостеприимным кровом и попал в хорошие руки. В этом не могло быть никакого сомнения. Моя постель и всё, что меня окружало — например, приготовления к завтраку, замеченные мною на столе, подтверждали это. Но кто был моим хозяином? Или хозяйкой? Быть может, Эжени Безансон? Она, кажется, сказала что-то вроде: "Вот мой дом". Или мне это только померещилось?

Я лежал, размышляя и напрягая свою память, но так и не мог понять, чьим гостем я оказался. Однако у меня всё же было смутное чувство, что я попал в дом к моей ночной спутнице.

Под конец я начал беспокоиться и, будучи очень слаб, почувствовал даже некоторую обиду, что меня оставили совсем одного. Я бы позвонил, но около меня не оказалось колокольчика. В эту минуту послышался звук приближающихся шагов.

Пылкие читательницы! Вы, наверно, вообразите, что шаги эти были легки и неслышны, что ножки в маленьких шёлковых туфельках едва касались сыпучей гальки, чтобы не потревожить сон спящего больного: вы вообразите, что среди пения птиц, журчания фонтанов и упоительного аромата цветов в дверях появилось прелестное создание и я увидел нежное личико с большими кроткими глазами, устремлёнными на меня с немым вопросом. Вы, конечно, вообразите всё это — не сомневаюсь! Но вы жестоко ошибётесь: на самом деле было совсем не так.

Шаги, которые я услышал, были тяжелы, и через минуту на пороге моей комнаты показалась пара грубых башмаков из крокодиловой кожи, больше фута длиной, и остановилась прямо перед моими глазами.

Я немного поднял глаза и увидел две ноги в широких синих холщовых штанах, а взглянув ещё повыше, — могучую грудь под полосатой бумажной рубахой, затем две крепкие руки, широкие плечи и наконец лоснящуюся физиономию и курчавую голову чёрного, как смоль, темнокожего.

Голову и лицо я увидел последними. Но на них мой взгляд задержался всего дольше. Я снова и снова всматривался в темнокожего и наконец, несмотря на сильную боль в руке разразился неудержимым смехом. Если бы я умирал, я и то, кажется, не мог бы остаться серьёзным.

В физиономии этого чёрного пришельца было что-то до крайности комичное.

Это был высокий, коренастый темнокожий, чёрный, как уголь, с белыми, как слоновая кость, зубами и такими же сверкающими белками. Но меня поразило не это, а странная форма его головы, а также очертания и размеры его ушей. Голова у него была круглая, как шар, и густо обросла мелкими крутыми завитками чёрной шерсти, такими плотными, что казалось, будто они приросли к голове обоими концами, словно ворс. А по бокам этого шара торчало два громадных, оттопыренных, как крылья, уха, придававших голове невероятно забавный вид.

Вот что заставило меня рассмеяться; и хоть это было очень неучтиво, я не мог бы сдержаться даже под страхом смерти.

Однако мой посетитель, видимо, нисколько не обиделся. Наоборот, его толстые губы тотчас растянулись в широкую, добродушную улыбку, открыв два ряда ослепительных зубов, и он разразился таким же громким смехом, как и я.

Как видно, он был очень добродушен. И хоть его уши были похожи на крылья летучей мыши, но по характеру он ничем не напоминал вампира. Круглое чёрное лицо Сципиона Безансон, как звали моего посетителя, было воплощением доброты и веселья.

Глава XV. СТАРЫЙ ЗИП

Сципион заговорил первым:

— Добрый день, молодой масса! Старый Зип очень рад, что вы уже здоровы. Он очень рад!

— Сципион, так тебя зовут?

— Да, масса, — Зип, старый темнокожий. Доктор велел ему ухаживать за белым господином. Тогда будет довольна молодая мисса, белые люди, чёрные люди — все будут довольны! Ух-х!

Последнее восклицание, один из тех гортанных возгласов, какие часто издают американские темнокожие, больше всего напоминало фырканье гиппопотама. Оно значило, что мой собеседник кончил говорить и ждёт от меня ответа.

— А кто это "молодая мисса"? — спросил я.

— Боже милостивый! Разве масса не знает? Та самая молодая дама, которую он спас, когда загорелся пароход. Боже ты мой! Как здорово масса плавает! Переплыли половину реки! Ух-х!

— А теперь я в её доме?

— Ну конечно, масса, вы в летнем домике. Ведь большой-то дом в другом конце сада. Но это всё равно, масса.

— А как я попал сюда?

— Бог мой! Неужто масса и этого не помнит? Да ведь старый Зип принёс его сюда вот на этих самых руках! Масса и молодая госпожа вышли на берег прямо у ворот нашего дома. Мисса закричала, и чёрные люди выбежали и нашли их. Белый масса был весь в крови, он упал, а она приказала отнести его сюда.

— А потом?

— Зип вскочил на самую быструю лошадь, на Белую Лисицу, и поскакал за доктором, скакал, как дьявол! Ну, а доктор, конечно, приехал и перевязал руку молодому масса. Но как… — продолжал Сципион, вопросительно глядя на меня, — как молодой масса получил

эту большую гадкую рану? Доктор тоже спрашивал, а молодая мисса сама ничего не знала.

По некоторым соображениям я решил пока не удовлетворять любопытства моей чёрной сиделки и лежал несколько минут, размышляя. Действительно, моя спутница не знала о моём столкновении с тем негодяем. Да, а как Антуан? Добрался он до берега? Или… Но Сципион предвосхитил вопрос, который я собирался задать.

— Ах, молодой масса, — сказал он, и лицо его омрачилось, — мисса Жени в большом горе сегодня, и все люди в большом горе. Масса Тони, бедный масса Тони!

— Ты говоришь об управляющем Антуане? Что с ним? Он не вернулся домой?

— Нет, масса, боюсь, что он никогда, никогда не вернётся! Все люди боятся, что он утонул. Люди ходили в деревню, ходили по берегу вниз и вверх, всюду ходили. Нет Тони… Капитан взлетел кверху, прямо в небо, а пятьдесят пассажиров ушли на дно. Другой пароход вытащил нескольких человек, несколько доплыли до берега, как молодой масса. Но нет масса Тони, нигде нет масса Топи!

— Ты не знаешь, умел он плавать?

— Нет, масса, совсем не умел. Я знаю: он один раз упал в заводь, и старый Зип вытащил его. Нет, он совсем, совсем не плавал.

— Тогда боюсь, что он погиб.

Я вспомнил, что наше судно затонуло прежде, чем "Магнолия" подошла к нему. Я видел это, обернувшись, когда плыл. Те, кто не умел плавать, наверно, погибли.

— И бедный Пьер. И Пьер тоже.

— Пьер? Кто это?

— Кучер, масса. Вот кто.

— А, помню! Ты думаешь, и он утонул?

— Боюсь, что и он, масса. Старый Зип очень жалеет Пьера. Он был хороший темнокожий, этот Пьер. Но масса Тони, масса Тони… все люди жалеют масса Тони!

— У вас любили его?

— Все любили его — белые люди, чёрные люди, — все его любили! Мисса Жени тоже любила. Он всю жизнь жил у старого масса Сансона. По-моему, он был опекуном мисса Жени, или как это называется… Боже милостивый! Что будет теперь делать молодая мисса? У неё нет больше друзей. А старая лиса Гайар — очень нехороший…

Тут Сципион внезапно умолк, словно спохватился, что слишком распустил язык.

Названный им человек и определение, которое дал ему темнокожий, сразу возбудили моё любопытство, особенно его имя.

"Если это тот самый, — подумал я, — Сципион дал ему меткое прозвище. Но он ли это?"

— Ты говоришь про адвоката Доминика Гайара? — спросил я, помолчав.

Сципион вытаращил свои круглые глаза, сверкая белками, удивлённый и испуганный, и сказал, запинаясь:

— Да, так зовут этого господина. Молодой масса знает его?

— Очень немного, — ответил я, и мой ответ, видимо, его успокоил.

По правде говоря, я никогда не видел Гайара, но, живя в Новом Орлеане, случайно слышал о нём. У меня было небольшое приключение, в котором он принял косвенное участие и, надо сказать, сыграл некрасивую роль. Я сохранил острую неприязнь к этому человеку, который, как уже упоминалось выше, был адвокатом в Новом Орлеане. Это был, несомненно, тот самый Гайар, о котором говорил Сципион. Фамилия слишком редкая, чтобы её носили два столь похожих человека. Кроме того, я слышал, что у него плантация где-то выше по течению реки, — в Бринджерсе, как я теперь припомнил. Всё говорило за то, что это он. Если у Эжени Безансон не осталось друзей, кроме него, тогда Сципион был прав, говоря, что у неё нет больше друзей.

Слова Сципиона не только затронули моё любопытство, но вселили в меня смутную тревогу. Незачем говорить, что я был сильно заинтересован юной креолкой. Человек, спасший жизнь другому, притом красивой женщине, да ещё при таких необычайных обстоятельствах, не может оставаться равнодушным к её дальнейшей судьбе. Любовь ли пробудила во мне этот интерес?

Сердце моё, к моему удивлению, ответило: нет! На пароходе мне казалось, что я почти влюблён в эту девушку, а теперь, после романтического приключения, которое должно было бы усилить это чувство, я совершенно спокойно вспоминал события прошлой ночи и сам удивлялся своей холодности. Я потерял много крови — уж не вытекло ли вместе с ней и моё зарождавшееся чувство? Я пытался объяснить себе это странное явление, но в то время я делал ещё только первые

шаги в познании человеческого сердца. Любовь была для меня неведомой страной.

Одно удивляло меня: когда я пытался представить себе лицо креолки, передо мной с необыкновенной чёткостью вставали черты другого лица из мира моих грёз.

"Как странно, — думал я, — опять это прелестное видение! Плод моей больной фантазии. Ах, чего бы я не дал, чтобы этот образ оказался живым существом!"

Теперь я не сомневался: я не был влюблён в Эжени Безансон, однако и не относился к ней равнодушно. Чувство моё было дружбой, и интерес, который я испытывал, — дружеским участием. Это чувство было так сильно, что я тревожился за неё и мне хотелось узнать побольше о ней и её делах.

Сципион не отличался скрытностью; не прошло и получаса, как он рассказал мне всё, что сам знал о ней.

Эжени Безансон была единственной дочерью и наследницей плантатора-креола, умершего около двух лет тому назад; некоторые считали его очень богатым, другие уверяли, что дела его сильно расстроены. Надзор за всем своим поместьем он завещал Доминику Гайару вместе с управляющим Антуаном. Обоих назначили опекунами молодой девушки. Гайар был адвокатом Безансона, а Антуан — его старым слугой. Антуан всегда пользовался исключительным доверием своего хозяина, а в последние годы стал скорее его другом и компаньоном, чем слугой.

Через несколько месяцев Эжени Безансон достигнет совершеннолетия, но велико ли будет её наследство, этого Сципион не знал. Он знал только, что после смерти её отца Гайар, главный распорядитель всего имущества, давал ей очень много денег, сколько

бы она ни пожелала, и ни в чём её не ограничивал; что она была очень щедра и даже расточительна и, как выразился Сципион, "швырялась золотыми долларами, словно это простые камешки".

И Сципион принялся рассказывать мне о блестящих балах, которые она давала на своей плантации, а также о том, как дорого обходилась жизнь "молодой мисса" в городе, где она проводила большую часть зимы. Всему этому можно было легко поверить. Судя по тому, что мне пришлось наблюдать на пароходе, у меня создалось впечатление, что Сципион совершенно правильно описал свою госпожу. Натура пылкая и увлекающаяся, великодушная и несдержанная, легкомысленная в своих тратах, живущая только настоящим, не думая о будущем, — такая наследница была находкой для недобросовестного опекуна.

Я видел, что бедный Сципион очень привязан к своей хозяйке: при всём своём невежестве он подозревал, что всё это расточительство не доведёт её до добра.

— Я очень боюсь, масса, — сказал он, качая головой, — что так не может продолжаться всегда, всегда. Даже сам Колониальный банк и тот лопнет, если вечно швырять деньги на ветер.

Когда Сципион дошёл в своём рассказе до Гайара, он закачал головой ещё выразительней. У него были, очевидно, какие-то подозрения насчёт этого человека, но он не хотел их высказывать. Я узнал достаточно, чтобы убедиться, что этот Доминик Гайар и есть тот самый адвокат, который жил в Новом Орлеане на *** улице. У меня не осталось никаких сомнений, что это он. Юрист по профессии, но на самом деле биржевой спекулянт, дающий деньги в кредит, то есть попросту ростовщик, он был, кроме того, богатым плантатором, чьё большое поместье граничило с поместьем Безансонов, и имел более сотни рабов, с которыми обращался крайне жестоко. Всё это совпадало с тем, что я слышал о положении и характере известного мне Доминика Гайара. Несомненно, это он.

Сципион рассказал мне о нём ещё кое-какие подробности. Он был советчиком и товарищем старика Безансона "на его беду", как выразился Сципион: верный темнокожий думал, что Безансон сильно пострадал от этого знакомства.

— Масса Гайар не раз обманывал старого хозяина. Он надувал его много-много раз, можете поверить Зипу, — сказал он.

Ещё я узнал от него, что Гайар проводит летние месяцы в своём поместье, что он каждый день бывает в "большом доме", где живёт мадемуазель Безансон и где он чувствует себя как дома, а ведёт себя так, "будто всё принадлежит ему и он хозяин всей плантации".

Мне показалось, что Сципион ещё что-то знает об этом человеке, что-то определённое, но не хочет мне говорить. Ну что ж, вполне понятно — мы были слишком мало знакомы. Я видел, что он терпеть не может Гайара, но мне трудно было решить, потому ли, что он хорошо его знает, или в нём говорит инстинктивное чувство, очень сильно развитое у несчастных рабов, которым запрещено рассуждать.

Однако в его рассказе было слишком много фактов, чтобы считать это чувство инстинктивным. Он, видимо, действительно многое знал. Кто-то должен был сообщить ему эти сведения. От кого он их получил?

— Кто рассказал тебе всё это, Сципион?

— Аврора, масса.

— Аврора?!

Глава XVI. ДОМИНИК ГАЙАР

Я сразу почувствовал сильное, почти страстное желание узнать, кто такая Аврора. Почему? Быть может, это необычное, красивое имя

прозвучало особенно приятно для моего саксонского уха? Нет. Или это благозвучное слово вызвало у меня мифологические ассоциации, воспоминания о первых розовых лучах восходящего солнца или о нежном сиянии северной зари? Может быть, именно эти представления возбудили во мне такой восторг.

Однако прежде чем я успел разобраться в этом или задать Сципиону ещё вопрос, в дверях показались два человека: не говоря ни слова, они вошли в комнату.

— Это доктор, масса, — прошептал Сципион и отошёл в сторону, пропуская ко мне вошедших.

Мне нетрудно было догадаться, который из них доктор. Я сразу узнал его по внешности; я так же безошибочно определил, что высокий бледный человек, внимательно смотревший на меня, — врач, как если бы он держал в одной руке диплом, а в другой — дверную дощечку со своей фамилией.

Доктору было лет сорок; его приятное, спокойное лицо нельзя было назвать красивым, но зато оно выражало ум и сердечную доброту. Его предки, вероятно, прибыли сюда из Германии, но американская жизнь — вернее, политический строй смягчил жёсткие черты — отпечаток, наложенный веками европейского деспотизма, — и возвратил его лицу врождённое благородство. Позже, когда я лучше узнал американцев, я сказал бы, что он житель Пенсильвании, и так оно и было. Передо мной был воспитанник одной из крупных медицинских школ Филадельфии — доктор Эдвард Рейгарт. Это имя подтвердило моё предположение о его немецком происхождении.

Как бы то ни было, мой доктор с первого же взгляда произвёл на меня приятное впечатление.

Совсем иное чувство охватило меня, когда я взглянул на его спутника. Я сразу почувствовал к нему неприязнь, презрение, отвращение, ненависть! У него было чисто французское лицо, но не благородная внешность старого сурового гугенота; не был он похож и на таких наших современников, как Роллан или Гюго, как Араго или Пиа[7]; у него была одна из тех физиономий, какие сотнями встречаются возле биржи и за кулисами Оперы или злобно пялятся на вас из-под тысяч солдатских киверов. Чтобы кратко определить его внешность, я скажу, что он больше всего напоминал лисицу. Право, я не шучу: сходство было поразительное. Те же хитрые, бегающие глазки, тот же внезапный пронзительный взгляд, свидетельствующий о скрытом притворстве, о крайнем себялюбии и звериной жестокости.

Итак, спутник доктора был поистине лисой в человеческом образе со всеми её ярко выраженными чертами. Мы со Сципионом полностью сошлись в его оценке, ибо у меня не было ни малейшего сомнения, что передо мной Доминик Гайар. Да, это был он.

Он был небольшого роста и худощав, но, видимо, из тех, кто может хорошо постоять за себя. В нём чувствовались гибкость и коварство хищника и такие же повадки. Свои хитрые раскосые глазки он почти всё время держал опущенными. Чёрные и блестящие, как у ласки, они были выпуклы, но не круглы, а скорее конусообразны, и зрачок казался как бы вершиной тупого конуса. Лицо его постоянно кривилось в усмешке, и это придавало ему циничное и презрительное выражение. Тот, кто знал за собой какую-нибудь ошибку, слабость или вину, мог бы подумать, что она известна Доминику Гайару и что он насмехается над ним. Когда Гайар узнавал о каком-нибудь несчастье, случившемся с другим, его улыбка становилась ещё более язвительной, а маленькие выпуклые глазки блестели с явным удовольствием. Он любил только себя и ненавидел своих ближних.

У него были жидкие прямые чёрные волосы и тёмные мохнатые брови; бороды он не носил, и на его мертвенно-бледном лице выделялся огромный нос, похожий на клюв попугая. Одежда Гайара говорила о его

профессии и состояла из тёмного сюртука и чёрного шёлкового жилета, а на шее вместо галстука у него был повязан широкий чёрный бант. На вид ему было лет пятьдесят.

Доктор пощупал у меня пульс, спросил, как я спал, посмотрел мой язык, снова пощупал пульс, а затем дружески посоветовал мне лежать как можно спокойнее. Он объяснил, что я ещё очень слаб, так как потерял много крови, но он надеется, что через несколько дней я снова окрепну и буду здоров. Сципиону было поручено следить за моим питанием и приготовить мне на завтрак жареного цыплёнка, чай и гренки.

Доктор не спросил меня, как я был ранен. Сначала мне это показалось странным, но потом я решил, что он просто не хочет меня тревожить. Он, верно, боялся, что воспоминания о событиях прошлой ночи взволнуют меня. Но я так беспокоился за Антуана, что не хотел молчать, и спросил, есть ли какие-нибудь известия о нём. Нет, они ничего не слыхали. Он, несомненно, погиб.

Я сообщил им, при каких обстоятельствах расстался с ним, и, конечно, рассказал о моём столкновении с наглым пассажиром, который ранил меня. При этом от меня не ускользнуло странное выражение, с каким Гайар выслушал мой рассказ. Он слушал меня чрезвычайно внимательно, а когда я упомянул о плоте из стульев и заметил, что Антуан и минуты не продержался бы на воде, мне показалось, что тёмные глазки адвоката сверкнули злобной радостью. Без сомнения, лицо его выражало скрытое торжество, на которое противно было смотреть. Быть может, я не заметил бы этого или, во всяком случае, не разгадал, если бы не рассказ Сципиона. Но теперь я безошибочно понимал Гайара, и хотя он несколько раз лицемерно воскликнул: "Бедный Антуан!" — я прекрасно видел, как он втайне торжествует при мысли, что старый управляющий утонул.

Когда я кончил свой рассказ, Гайар отвёл доктора в сторону, и они несколько минут разговаривали вполголоса. До меня долетали лишь

отдельные слова. Доктору было, видимо, всё равно, слышу ли я его, тогда как его собеседник старался говорить тихо. По ответам доктора я понял, чго Гайар хочет отправить меня в гостиницу ближайшего селения. Он ссылался на "неудобное положение", в котором окажется молодая девушка — Эжени Безансон — одна в доме с чужестранцем, молодым человеком, и так далее и тому подобное.

Доктор считал эти соображения неосновательными и не хотел меня увозить. Сама мадемуазель Безансон не хочет этого, даже и слышать не желает! Добрый доктор Рейгарт считал "неудобное положение" сущим вздором. В гостинице нет необходимых удобств; кроме того, она переполнена другими пострадавшими. Тут говоривший понизил голос, и я мог уловить только отдельные слова: "иностранец", "не американец", "потерял всё своё имущество", "друзья далеко", "в гостинице не примут постояльца без денег". На это Гайар ответил, что готов взять на себя все расходы.

Последнюю фразу он нарочно сказал громко, чтобы я её услышал. Я был бы благодарен ему за подобное предложение, если бы не подозревал, что его великодушием кроется какое-то тайное намерение. Но доктор решительно возражал против этого плана.

— Это невозможно, — сказал он. — Начнётся жар… Большой риск… Не возьму на себя такую ответственность! Скверная рана. Большая потеря крови… Должен остаться здесь, хотя бы первое время… Можно перевезти в гостиницу дня через два, когда он окрепнет.

Обещание перевезти меня через два дня как будто удовлетворило лису Гайара, или он убедился, что ничего другого сейчас нельзя сделать, и совещание закончилось.

Гайар подошёл попрощаться со мной, и я снова заметил насмешливый блеск в его маленьких глазках, когда он сказал мне несколько притворно-любезных фраз. Он не подозревал, с кем он

говорит. Если бы я назвал своё имя, его бледные щёки, быть может, окрасились бы в более яркий цвет и он поспешил бы удалиться. Но осторожность удержала меня, и когда доктор спросил, кого он имеет удовольствие лечить, я прибегнул к простительной хитрости, к которой прибегали многие славные путешественники, и назвался вымышленным именем. Я воспользовался девичьей фамилией моей матери и представился как Эдвард Рутерфорд.

Повторив, чтобы я лежал спокойно и не пытался вставать с постели, доктор прописал мне кое-какие лекарства и, указав, как их принимать, откланялся. Гайар вышел раньше него.

Глава XVII. АВРОРА

Сципион отправился на кухню за чаем, гренками и цыплёнком, а я остался на время один. Я лежал, думая об этом посещении и особенно о разговоре между доктором и Гайаром: некоторые из услышанных фраз встревожили меня. Доктор вёл себя совершенно естественно и как истый джентльмен, но я не сомневался, что у его собеседника есть какой-то коварный замысел.

Откуда эта тревога, это горячее желание поскорее выпроводить меня в гостиницу? Очевидно, у него была очень веская причина, если он предлагает оплатить все расходы; насколько я слышал, этот человек никогда не отличался щедростью.

"Чем объяснить его желание поскорей избавиться от меня?" — спрашивал я себя.

"Ага, знаю! Догадался! Я понял его тайные замыслы! Эта хитрая лиса, коварный адвокат, так называемый опекун, наверно, сам влюблён в свою подопечную! Что из того, что она молода, богата, хороша собой, настоящая красавица, а он стар, уродлив, низок и противен! Он-то себя не считает таким. А она? Что ж! Он всё-таки может надеяться. Иной раз

сбываются и более безрассудные мечты. Он знает жизнь — он юрист. Ему известно всё, что её окружает, — он её опекун. Все её дела в его руках. Он её наставник, поверенный, казначей — словом, распоряжается всеми её делами. С такой властью чего не добьёшься! Он хочет одного: либо жениться на ней, либо её ограбить. Бедная девушка! Как мне жаль её!"

Странно, но я испытывал только жалость. У меня не было другого чувства к ней, и я не мог понять почему.

Но тут пришёл Сципион и прервал мои размышления. За ним вошла девочка лет тринадцати; она несла тарелки и блюда с едой. Это была Хлоя, дочь Сципиона, но не такая чёрная, как её отец. У неё были жёлтая кожа и миловидное личико. Как объяснил мне Сципион, мать "малютки Хло" — так он называл дочь — мулатка, а "наша Хло — вылитая мамаша. Ха-ха-ха!"

Весёлый смех Сципиона показывал, что он очень доволен и горд своей хорошенькой светлокожей дочкой.

Хлоя, как и всякая женщина, была ужасно любопытна: её круглые глаза, сверкая белками, всё время бросали взгляды на белого чужестранца, спасшего жизнь её госпоже, и она чуть не перебила все чашки и тарелки. Боюсь, что если бы я не вступился, Сципион выдрал бы её за уши. Забавная болтовня и жесты отца и дочки, их своеобразные манеры, да и вообще все особенности жизни рабов живо заинтересовали меня.

Несмотря на слабость, у меня был хороший аппетит. Я ничего не ел на пароходе; увлечённые гонкой пассажиры почти все забыли про ужин, и я в том числе. Теперь, увидев приготовления к завтраку, я почувствовал сильный голод и отдал должное стряпне матушки Хлои, которая, по словам Сципиона, заправляла всей кухней. Чай подкрепил меня, а искусно поджаренный цыплёнок с рисом, казалось, влил свежую

кровь в мои жилы. Если бы не боль в руке, я чувствовал бы себя совсем здоровым.

Отец и дочь убрали со стола, и вскоре Сципион вернулся, так как ему велели находиться при мне.

— А теперь, Сципион, — сказал я, как только мы остались одни, — расскажи мне об Авроре.

— О Роре, масса?

— Да. Кто такая Аврора?

— Бедная невольница, масса, такая же, как и старый Зип.

Смутный интерес, который я чувствовал к Авроре, сразу угас.

— Невольница? — повторил я разочарованно.

— Это служанка мисса Жени, — продолжал Сципион. — Она причёсывает её, одевает, сидит с ней, читает ей вслух, всё делает…

— Читает ей? Как! Невольница?

Мой интерес к ней снова ожил.

— Да, масса, она самая — —Рора. Я сейчас объясню. Старый масса Сансон был очень добрый к нам, темнокожим, и многих научил читать. И Рору тоже. Он научил её читать, писать и многим-многим вещам, а молодая мисса Жени научила её музыке. Рора — учёная девушка, очень учёная! Она знает очень много вещей, совсем как белые люди. Играет на пьянине, играет на гитаре. Гитара — она похожа на банджо, и старый Зип тоже умеет на ней играть. Да, он тоже. Ух-х!

— А в остальном Аврора такая же бедная раба, как и все вы, Сципион?

— О нет, масса, она совсем не такая, как все. И живёт она совсем не так, как другие темнокожие. Она не делает тяжёлой работы и стоит куда дороже — целых две тысячи долларов!

— Стоит две тысячи долларов?

— Да, масса, две тысячи, и ни центом меньше!

— Откуда ты знаешь?

— Да ведь многие хотели её купить. Масса Мариньи хотел купить Рору, и масса Кроза — тоже, и ещё американский полковник с того берега, — и все они давали две тысячи. А старый хозяин только смеялся. Он говорил, что не продаст её ни за какие деньги.

— Это было ещё при старом господине?

— Да-да… Но потом был ещё один, хозяин речного судна, он хотел сделать Рору служанкой в дамском салоне. Он грубо говорил с ней. Мисса очень сердилась и прогнала его. Масса Тони очень сердился и прогнал его. И капитан очень сердился и ушёл. Ха-ха-ха!

— А почему Аврору так дорого ценят?

— О-о! Она очень хорошая девушка, очень-очень хорошая девушка, но…

— тут Сципион запнулся, — но…

— Да?

— Мне кажется, масса, что не в этом дело.

— А в чём же?

— Сказать по правде, масса, я думаю, те люди, что хотели её купить, были плохие люди.

Он выразился очень деликатно, но я понял его намёк.

— Если так, Аврора, должно быть, очень красива. Верно, друг Сципион?

— Старый темнокожий ничего не смыслит в этом, масса, но люди говорят — и белые и чёрные люди, — что она самая красивая квартеронка[8] во всей Луизиане.

— Вот как! Она квартеронка?

— Да, это так, масса, так оно и есть. Она цветная девушка, но вы бы этого не сказали: она такая же белая, как сама мисса Жени. Мисса тоже говорила это много-много раз, но я вам скажу — между ними очень большая разница: одна — богатая госпожа, другая — бедная невольница, такая же, как старый Зип. Ай-яй, совсем как старый Зип! Купи её, продай её — всё равно!

— Ты можешь описать мне Аврору, Сципион?

Я задал ему этот вопрос не из простого любопытства: у меня была на то серьёзная причина. Моё ночное видение всё ещё преследовало меня, передо мной стояли загадочные черты этого прелестного лица, не принадлежащего по типу ни к кавказской, ни к индийской, ни к монгольской расе. Быть может… Возможно ли?..

— Ты можешь описать её, Сципион? — повторил я.

— Описать её, масса? Вы хотите, чтобы Зип описал её? Мо… могу.

Я не рассчитывал на очень ясное описание, но думал, что по каким-нибудь отдельным чертам смогу определить, похожа ли эта девушка на моё видение. В моей памяти этот образ запечатлелся так отчётливо, как если бы я и сейчас видел его перед собой. Я сразу пойму, похожа ли Аврора на него.

— Так вот, масса, некоторые люди говорят, что она гордая, но это потому, что они завидуют ей. Это правда, есть такие темнокожие. Но она совсем не гордая со старым Зипом, уж это правда. Она разговаривает с ним, и много рассказывает ему, и учит старого темнокожего читать, старую Хлою — тоже, и малютку Хло, и…

— Я просил тебя описать её наружность, Сципион.

— О! Описать её наружность?.. Что значит — на кого она похожа?

— Ну да. Какие у неё волосы, например? Какого цвета?

— Чёрные, масса, чёрные, как сапог.

— Они прямые?

— Нет, масса, что вы! Ведь она квартеронка.

— Значит, вьющиеся?

— Не такие, как вот эти, — тут Сципион показал на собственную голову, покрытую крутыми завитками, — а длинные и, люди говорят, похожи на волны.

— Понимаю. Они спадают ей на плечи?

— Вот-вот, масса, на спину и на плечи.

— И пышные?

— Что это значит, масса?

— Густые, пушистые.

— Боже мой! Такие густые, как хвост старого енота!

— Ну, а глаза?

Глаза молодой квартеронки Сципион описал довольно сбивчиво, однако он сделал удачное сравнение, которое меня удовлетворило: "Они большие и круглые, а блестят, как у лани". Описание носа никак ему не давалось, но после нескольких наводящих вопросов я выяснил, что нос у неё маленький и прямой. Брови, зубы, цвет лица были описаны им очень правдоподобно, а про щёки он сказал: "Красные, как персик".

Как ни забавно было данное темнокожим описание, мне совсем не хотелось смеяться. Я был слишком заинтересован и слушал каждую подробность с волнением, которое и сам не мог объяснить. Наконец портрет был закончен, и я пришёл к выводу, что Сципион описал моё ночное видение. Когда он замолчал, я горел желанием увидеть эту прелестную, бесценную квартеронку.

Вдруг раздался звонок.

— Зипа зовут, масса. Ему звонят из дома. Он сейчас же вернётся назад.

С этими словами Сципион вышел от меня и побежал к дому.

Я лежал и думал о странном, можно сказать — романтическом положении, в котором оказался. Ещё вчера, даже этой ночью я был бедным странником, не имеющим и доллара за душой, и не знал, под чьим кровом найду себе приют. А сегодня я — гость прекрасной дамы, молодой, богатой, свободной, её больной гость, уложенный в постель на неопределённое время: за мной ухаживают и обо мне заботятся.

Эти мысли вскоре сменились другими. Их вытеснили воспоминания о моём видении, и я стал сравнивать его с портретом квартеронки, данным Сципионом. Чем больше я думал, тем больше находил в них сходства. Да и как бы я мог так ясно представить себе её лицо, если бы никогда его не видел? Это почти невозможно. Я должен был видеть её. Почему бы и нет? Когда я потерял сознание и меня подобрали, разве она не могла находиться среди окружавших меня людей? Это было весьма возможно и всё объясняло. Но точно ли она была там? Надо спросить Сципиона, когда он вернётся.

Длинная беседа с ним утомила меня, так как я был ещё слаб и истощён. Несмотря на яркое солнце, светившее в мою комнату, я начал дремать, а через несколько минут откинулся на подушку и крепко заснул.

Глава XVIII. КРЕОЛКА И КВАРТЕРОНКА

Я проспал, вероятно, около часа. Затем что-то разбудило меня, но я продолжал лежать неподвижно, ещё в полузабытьи, и впечатления внешнего мира с трудом доходили до моего сознания. Это были приятные впечатления. В воздухе был разлит нежный аромат, я слышал слабый шелест шёлка, что говорило о присутствии нарядных дам.

— Он просыпается, мадемуазель, — тихо произнёс нежный голос.

Я открыл глаза и взглянул на говорившую. Первую минуту мне казалось, что сон мой продолжается. Передо мной стояло моё ночное видение: прелестное лицо, чёрные волнистые волосы, блестящие глаза, изогнутые брови, нежный, красиво очерченный рот, яркий румянец — я снова увидел её!

"Это сон? Нет, она дышит, она шевелится, она говорит!"

— Видите, мадемуазель, он смотрит на нас! Он проснулся!

"Так это не сон, не видение! Это она — Аврора!"

Я, видимо, ещё не совсем пришёл в себя и спросонок разговаривал вслух. Но только последние слова я произнёс так громко, что их можно было расслышать. Вслед за ними раздалось восклицание, которое окончательно разбудило меня. Тут я увидел две женские фигуры, стоявшие у моей постели. Они с удивлением смотрели друг на друга. Одна была Эжени, другая, без сомнения, Аврора.

— Он зовёт тебя! — с удивлением сказала госпожа.

— Он зовёт меня! — с таким же удивлением повторила невольница.

— Но откуда он знает твоё имя?

— Не могу сказать, мадемуазель.

— Ты уже была здесь раньше?

— Нет, только сейчас…

— Очень странно! — сказала Эжени, поворачиваясь и вопросительно глядя на меня.

Теперь я совсем проснулся и понял, что невольно говорил вслух. Мне надо было объяснить, как я узнал имя квартеронки, но при всём желании я не знал, что сказать. Признаться, о чём я думал, когда эта фраза сорвалась с моих губ, — значило поставить себя в очень глупое положение; ничего не говорить — значило позволить мадемуазель Безансон строить всевозможные догадки. Надо было что-то выдумать, без маленькой хитрости никак не обойтись.

Надеясь, что мадемуазель Безансон заговорит первая и подскажет мне какой-нибудь ответ, я пролежал несколько минут, не разжимая рта. Я сделал вид, что рука беспокоит меня, и повернулся на постели. Но она как будто не заметила моего движения и, всё так же удивлённо глядя на меня, повторила:

— Как странно, что он знает твоё имя!

Мои неосторожные слова произвели на неё сильное впечатление. Я не мог дальше молчать и, снова повернувшись к ней, сделал вид, что только теперь заметил её. Я выразил радость, что её вижу, и поблагодарил за гостеприимство.

Расспросив меня о моём здоровье, она сказала:

— Но откуда вы знаете имя Авроры?

— Авроры? — ответил я. — Вам кажется странным, что я знаю её имя? Сципион так мастерски нарисовал мне её портрет, что я узнал её с первого взгляда. Вот она!

И я указал на квартеронку, которая немножко отступила назад и стояла молча, с удивлением глядя на меня.

— Вот как! Сципион говорил вам о ней?

— Да, сударыня. У нас с ним был сегодня очень длинный разговор. Он много рассказывал мне о жизни на плантации. Я уже познакомился и со старой Хлоей, и с малюткой Хло, и со многими вашими людьми. Ведь я новичок в Луизиане, и всё это меня живо интересует.

— Я рада, что вы так хорошо себя чувствуете, мсье, — ответила Эжени, как будто удовлетворённая моим объяснением. — Доктор уверяет, что вы скоро совсем поправитесь. Благородный чужестранец! Я слышала, где вы получили вашу рану. Это из-за меня! Вы меня защищали! Ах, как мне отблагодарить вас? Чем отплатить за спасение моей жизни?

— Вам не за что благодарить меня, сударыня. Я только выполнил свой долг. Спасая вас, я не подвергался большой опасности.

— Не подвергались опасности, сударь? Вы дважды рисковали жизнью! Вам угрожал нож убийцы и смерть на дне реки. Но уверяю вас, моя благодарность не уступит вашему великодушию. Так велит мне сердце! Увы, моё бедное сердце полно благодарности и печали.

— Да, сударыня, я понимаю, — вы горюете о потере верного слуги.

— Нет, сударь, не слуги, а друга. Скажите лучше — верного друга! После смерти отца он стал мне вторым отцом. Все мои заботы были его заботами, все мои дела находились в его руках. Я не знала никаких тревог. А теперь — увы! — я не ведаю, что меня ждёт.

Но тут голос её изменился, и она взволнованно спросила:

— Вы говорили, что в последнюю минуту видели, как он боролся с ранившим вас негодяем?

— Да, и больше я не видел ни того, ни другого.

— Значит, нет никакой надежды! Через несколько минут пароход затонул. Ах! Бедный Антуан! Бедный Антуан!

Она горько заплакала; я и раньше заметил на лице её следы слёз. Я ничем не мог утешить её. Да я и не пытался. Ей было лучше выплакаться. Только слёзы могли принести ей облегчение.

— И кучер Пьер, один из моих самых преданных слуг, тоже погиб. Я очень жалею и его. Но Антуан был другом моего отца и моим другом. Ах, какое горе, какое горе! Одна, без друзей. А мне скоро будут так нужны друзья! Бедный Антуан!

Она плакала, говоря это. Аврора была тоже вся в слезах. И я, глядя на них, не мог удержаться, и, как бывало в детские годы, слёзы закапали у меня из глаз.

Наконец Эжени прервала эту грустную сцену. Справившись со своим горем, она подошла ко мне и сказала:

— Мсье, боюсь, что теперь я буду очень невесёлой хозяйкой. Мне нелегко забыть моего друга, но я уверена, что вы мне простите, если я иногда поддамся своей печали. А пока до свидания. Я скоро опять навещу вас и прослежу, чтобы за вами был хороший уход. В этом домике вы будете вдали от шума, и ничто вас не потревожит. Конечно, это нехорошо, что я сегодня ворвалась к вам. Доктор не велел вас беспокоить, но я… я не могла больше ждать… Я должна была увидеть моего спасителя и высказать ему свою благодарность. Прощайте, прощайте!.. Идём, Аврора!

Я остался один и задумался об этом посещении. Я чувствовал искреннюю дружбу к Эжени Безансон, даже больше, чем дружбу, — горячую симпатию, и я не мог отделаться от ощущения, что ей грозит какая-то беда и что над этой юной головкой, вчера ещё такой беззаботной и весёлой, сегодня собирается грозная туча.

Да, я чувствовал к ней расположение, дружбу, симпатию, но больше ничего. Почему я не полюбил её, такую молодую, красивую, богатую? Почему?

Потому что я полюбил другую. Я полюбил Аврору!

Глава XIX. ЛУИЗИАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Кому могут быть интересны подробности жизни больного, прикованного к своей постели? Никому, разве что самому больному. Моя жизнь была очень однообразна и наполнена всякими мелочами, её скучное течение оживляло лишь появление любимой девушки. В эти минуты моё уныние сразу проходило, а постылая комната казалась мне раем..

Увы! Эти посещения длились всего несколько минут, а промежутки между ними тянулись часами. Эти долгие часы казались мне сутками… Дважды в день навещала меня моя прелестная хозяйка со своей служанкой. Но ни та, ни другая никогда не приходила одна.

Это очень стесняло меня, а порой приводило в отчаяние. Я разговаривал с креолкой, тогда как все мысли мои были заняты квартеронкой, с которой я мог лишь обмениваться взглядами. По здешним обычаям, мне не полагалось разговаривать с невольницей, однако все условности мира не могли помешать мне вести с ней безмолвный, но выразительный разговор.

Но и тут мне приходилось всё время сдерживать себя. Я мог лишь украдкой бросать на неё восхищённые взгляды, так как боялся себя выдать. Во-первых, я опасался, что квартеронка неправильно истолкует их и не ответит на мою любовь, во-вторых, что креолка слишком хорошо поймёт меня и это вызовет её гнев и возмущение. Я совершенно не думал, что могу возбудить её ревность, это мне и в голову не приходило. Эжени была серьёзна, приветлива и дружелюбна со мной,

но в её спокойном поведении в сдержанном голосе не было никаких признаков любви. Трагическое происшествие и тяжёлая утрата, по-видимому, резко изменили её характер. Она как будто совсем потеряла свою беззаботность и жизнерадостность. Из весёлой девушки она сразу же превратилась в серьёзную женщину. Она была всё так же красива, но я смотрел на неё, как на прекрасную статую. Её красота ничего не говорила моему сердцу, занятому более редкой и своеобразной красотой. Креолка не любила меня, и, как ни странно, эта мысль не задевала моего самолюбия, а, наоборот, радовала меня.

Совсем другое дело, когда я думал о квартеронке! Любит ли она меня? Вот вопрос, на который я мучительно жаждал ответа. Она всегда сопровождала свою хозяйку, когда та навещала меня, но я не обменялся с ней ни единым словом, хотя сердце моё стремилось поведать ей свою тайну. Я даже боялся, что мои страстные взгляды выдадут меня. Если б мадемуазель Эжени узнала о моей любви, она была бы возмущена. Как! Влюбиться в невольницу! В её невольницу!

Я понимал её чувства — ведь она жила в стране, где чёрная кожа делала человека отверженным. Но что мне до этого? Что мне за дело до обычаев и предрассудков, которые я всегда презирал в душе? Тем более теперь. Ведь любовь всех равняет! Перед лицом Любви знатность теряет своё пустое обаяние, а громкие титулы становятся лишь пошлыми условностями. Одна только Красота достойна поклонения.

Что до меня, то я не побоялся бы сказать о своей любви всему свету; его презрение ничуть не трогало меня. Меня останавливало другое: учтивость, которой я должен был отплатить за гостеприимство и дружбу, и менее благородное, но очень разумное желание соблюдать осторожность. Я оказался в чрезвычайно сложном положении и прекрасно это понимал. Я знал, что, даже если квартеронка разделяет моё чувство, его нужно хранить в глубокой тайне. Если бы мне предстояло ухаживать за знатной молодой девушкой, наследницей громадного состояния, которая находится под неусыпным надзором строгой наставницы или целой армии сторожей, для меня было бы

детской игрой справиться с окружающими её препятствиями. Писать сонеты и карабкаться на стены — пустая забава по сравнению с борьбой против страстей и предрассудков целого народа.

Передо мной стояла очень трудная задача. Путь моей любви, по-видимому, будет тернистым путём.

Несмотря на однообразие жизни в четырёх стенах, дни моего выздоровления прошли для меня довольно приятно. Меня окружали всеми удобствами, всем, что могло доставить мне удовольствие. Мороженое, прохладительные напитки, прекрасные цветы, редкие фрукты — я ни в чём не знал недостатка. Что касается моих трапез, то благодаря кулинарному искусству подруги Сципиона Хлои я познакомился с такими изысканными креольскими блюдами, как гумбо — отварная рыба с пряностями, жареные лягушки, горячие вафли, тушёные помидоры, а также со многими другими деликатесами луизианской кухни. Я даже не отказался съесть кусочек жареного опоссума, изготовленного собственными руками Сципиона, и однажды рискнул попробовать ломтик енота, но это было всего один раз, и то я почувствовал, что и одного раза более чем достаточно.

Сципион же без всяких колебаний поглощал этих своеобразных представителей лисьей породы и мог уничтожить добрую половину этого зверя за один присест.

Постепенно я познакомился с нравами и обычаями жителей луизианских плантаций. Старый Зип был моим наставником и постоянным собеседником. Когда мне надоедало болтать с ним, к моим услугам были книги, стоявшие на полках в моей комнате, главным образом французские. Среди них я нашёл почти всё, что было написано о Луизиане: по-видимому, составитель этой небольшой библиотеки был человеком весьма сведущим. Там же я нашёл и прелестный роман Шатобриана[9], а также историю дю Пратца[10]. Прочитав роман, я убедился, что в нём не хватает той правдивости, которая составляет, по-моему, главную прелесть всякого художественного произведения и

которой не может достигнуть автор, пытающийся изобразить события и нравы, известные ему только понаслышке.

Что касается историка, то его книга была полна наивных преувеличений, характерных для писателей того времени. Это можно сказать решительно обо всех старых авторах, писавших об Америке, будь то англичане, испанцы или французы, — они описывали двухголовых змей, крокодилов длиной в двадцать ярдов или удавов такой величины, что они заглатывали всадника вместе с лошадью. Трудно понять, как эти авторы, рассказывая подобные небылицы, пользовались доверием читателей. Однако не следует забывать, что естественные науки находились тогда ещё в младенческом состоянии, и никто не мог проверить эти "рассказы очевидцев".

Больше всего заинтересовали меня приключения и печальная судьба Ла Салля, и я очень удивлялся, что американские писатели не постарались осветить жизнь этого доблестного рыцаря, а также один из самых ярких эпизодов в истории своей страны, такой же интересной, как и её природа.

"Ах, до чего же тут красиво!" — воскликнул я, когда в первый раз сел у окна и окинул взглядом открывшийся передо мной пейзаж.

Окно в моей комнате, как и все окна в креольских домах, доходило до самого пола. Когда я уселся в низком кресле перед распахнутым окном и откинул тонкие занавески, передо мной открылся широкий вид на равнину.

Это была великолепная картина! Её яркие краски показались бы неправдоподобными, если бы их воспроизвёл живописец. Моё окно выходило на запад, и величественная река катила передо мной свои жёлтые воды, сверкавшие на солнце, как чистое золото. На том берегу реки тянулись обработанные поля, на которых плавно качались высокие стебли сахарного тростника, резко выделяясь на фоне более тёмной

зелени табачных плантаций. На этом берегу, недалеко от меня, стоял красивый дом, похожий на итальянскую виллу, с зелёными жалюзи и широкими верандами. Он был окружён апельсиновыми и лимонными деревьями, и их желтовато-зелёная листва весело блестела на солнце. Вокруг не видно было гор — их нет в Луизиане, но высокая тёмная стена кипарисов, окаймлявшая западный край равнины, напоминала далёкую горную цепь.

Я находился в очень живописном уголке — в обнесённом оградой парке поместья Безансонов. Здесь я мог рассмотреть ближайшие растения и определить породу деревьев и кустарников, окаймлявших аллеи. Я видел магнолию с большими белыми, словно восковыми цветами, напоминающую огромную гвианскую нимфу. Некоторые из её цветов уже осыпались, и на их месте виднелись красные, как кораллы, шишки с семенами — пожалуй, не менее красивые, чем цветы.

Рядом с магнолией, королевой западных лесов, соперничая с ней красотой и благоуханием и не уступая ей в славе, росло другое иноземное дерево, привезённое сюда с Востока и давно прижившееся в этой стране. Его широкие перистые листья с двойной окраской — тёмного и светло-зелёного цвета, его сиреневые цветы, висящие длинными кистями на концах ветвей, его жёлтые, похожие на вишни плоды, кое-где уже заменившие цветы и даже созревшие, — всё ясно говорило о том, что это за дерево. Оно принадлежало к породе медоносных деревьев и называлось "индийская сирень", или "гордость Китая". Названия, данные этому прекрасному дереву в разных странах, свидетельствуют о том, как высоко его ценят. "Дерево превосходства" — поэтично назвали его в Персии, на его родине; "райское дерево" — говорили в Испании, куда оно было привезено. Таковы многообразные названия этого дерева.

Я видел здесь ещё много деревьев, и местных и иноземных. Раньше других я заметил катальпу с серебристой корой и трубчатыми цветами, маклюру с блестящими тёмными листьями, красное тутовое дерево с густой, тенистой листвой и длинными малиновыми плодами, похожими

на шипы. Из экзотических деревьев я видел апельсины, лимоны, вест-индские и флоридские гуавы с листьями, похожими на листья самшита; тамариск, густо покрытый мелкими листиками и усеянный пышными метёлками бледно-розовых цветов; гранаты, считающиеся символом демократии, "королеву, которая носит свою корону на груди", и знаменитое фиговое дерево, не имеющее цветов; здесь оно не нуждалось в подпорках и гордо поднималось вверх, достигая тридцати футов высоты.

Нельзя считать иноземными и такие растения, как юкка с пучками острых, торчащих во все стороны листьев, или разнообразные кактусы, ибо они не чужды луизианской земле и встречаются среди растительного мира соседних областей.

Пейзаж, который я наблюдаю из окна, оживляет присутствие людей. Поверх кустарника выступают белые ворота парка, а за ними видна дорога, идущая вдоль берега. Хотя деревья местами скрывают её от меня, я всё же вижу в просветы, как по ней идёт и едет народ. Креолы обычно носят голубые костюмы: на них соломенные шляпы, так называемые пальметто, или более дорогие панамы с широкими полями, защищающими их от солнца. Время от времени скачет верхом темнокожий; голова у него повязана чем-то вроде чалмы, ибо мадрасский клетчатый головной убор очень похож на турецкий, но куда легче и красивее. Иногда проезжает открытый экипаж, и я мельком вижу молодых дам в лёгких кисейных платьях. Я слышу их звонкий смех и знаю, что они едут на какой-нибудь весёлый праздник. Мимо проходят и рабы с дальних сахарных плантаций, они часто поют хором; по реке иногда с шумом проплывёт пароход, а чаще тихо скользит плоскодонная баржа или плот, на котором видны плотогоны в красных рубашках...

Всё это проходит у меня перед глазами, доказывая, что жизнь здесь бьёт ключом.

Ещё ближе, перед моим окном, летает множество птиц. Пересмешник свистит на вершине высокой магнолии, а его родная сестра — красногрудка, опьянённая плодами мелии, — отвечает ему нежной песней. Иволга прыгает с ветки на ветку среди апельсинов, а красный кардинал, расправив свои пунцовые крылья, порхает среди зарослей кустарника. Иногда промелькнёт маленькая "рубиновая шейка", или колибри, блеснув в воздухе, как драгоценный камень. Она чаще всего кружит над красными, не имеющими запаха цветами американского каштана или над крупными трубчатыми цветами бигнонии.

Такой вид открывался из окна моей комнаты. Мне казалось, что я никогда не видел более красивого пейзажа. Правда, я не был беспристрастным наблюдателем. Любовь туманила мне глаза, и, вероятно, всё представлялось мне в розовом свете. Я не мог смотреть вокруг, не думая о прекрасной девушке, и не хватало только её присутствия, чтобы всё окружающее показалось мне верхом совершенства.

Глава XX. МОЙ ДНЕВНИК

Чтобы внести некоторое разнообразие в свою монотонную жизнь, я начал вести дневник. Дневник больного, не выходящего из своей комнаты, конечно, не богат событиями. В моём было больше размышлений, чем фактов. Я привожу несколько выдержек из него не ради их особого интереса, а потому, что, написанные в ту пору, они правдиво передают мои мысли и кое-какие мелкие происшествия, случившиеся за время моей жизни в поместье Безансонов.

12 июля. Сегодня я могу сидеть и даже немного писать. Стоит сильная жара. Она была бы невыносима, если бы не лёгкий ветерок, освежающий мою комнату и наполняющий её ароматом цветов. Этот ветерок дует с Мексиканского залива и пролетает над озёрами Борнь, Поншартрен и Морепа. Я нахожусь в сотне миль от залива, вверх по течению реки, но эти большие внутренние моря соединяются с дельтой

Миссисипи, и во время прилива море катит свои волны почти до Нового Орлеана и даже ещё дальше к северу. От Бринджерса можно быстро добраться до морской воды, если идти прямо через болота.

Морской ветер — большое благодеяние для населения Нижней Луизианы. Если бы не его освежающее дыхание, жить в Новом Орлеане летом было бы почти невозможно.

Сципион сказал мне, что на плантацию прибыл новый надсмотрщик. Очевидно, его прислал "масса Доминик", так как он явился с письмом от Гайара. Это весьма вероятно.

Новоприбывший произвёл не очень приятное впечатление на Сципиона. По его словам, он из "белой голи", да притом ещё янки. Я заметил, что темнокожие часто относятся с неприязнью к "белой голи", как они называют людей, не имеющих ни земель, ни рабов. Самая кличка уже выражает пренебрежение, и когда темнокожий называет так белого, тот считает это достаточным основанием для того, чтобы немедленно пустить в ход ремённую плеть или "отполировать ему шкуру" палкой.

Среди рабов распространено убеждение, будто самые жестокие надсмотрщики — это уроженцы Новой Англии, или янки, как их называют на Юге. Это прозвище, которым иностранцы презрительно именуют всякого американца, в Соединённых Штатах имеет более узкое значение, и когда его употребляют как обидную кличку, оно обозначает только уроженцев Новой Англии. Обычно же ему придаётся шутливо-патриотический оттенок, и в этом смысле каждый американец с гордостью называет себя янки. Но у южных темнокожих "янки" — бранное слово: в их представлении это человек без денег, низкий и злой. Для них это прозвище означает грубую брань, побои и всякие издевательства. Странно сказать, но для них слово "янки" — символ хлыста, колодок и бесчеловечного обращения. Это тем более удивительно, что штаты Новой Англии — колыбель пуританизма, где исповедуется самая суровая религия и строгая мораль.

Но странным это кажется только на первый взгляд. Один южанин так объяснил мне это явление: "Как раз в тех странах, где распространены пуританские взгляды, больше всего процветают всевозможные пороки. Поселения Новой Англии — оплот пуританизма — поставляют наибольшее число мошенников, шарлатанов и пройдох, позорящих имя американца, и это неудивительно: таково неизбежное следствие религиозного ханжества. Истинную веру подменяют чисто внешним благочестием и формальным соблюдением обрядности, и люди забывают о долге перед своим ближним; сознание долга отходит на второй план, и им пренебрегают".

Такое объяснение показалось мне убедительным.

14 июля. Сегодня мадемуазель Эжени два раза заходила ко мне; её, как всегда, сопровождала Аврора.

Наши беседы нельзя назвать непринуждёнными, они всегда как-то натянуты и длятся очень недолго. Эжени по-прежнему грустна, в каждом её слове слышится печаль. Сначала я думал, что она горюет по Антуану, но пора бы уж ей примириться с этой утратой. Мне кажется, дело не в этом. Её гнетёт ещё какая-то забота. А я принуждён постоянно себя сдерживать. Присутствие Авроры смущает меня, и я с трудом веду обычный незначительный разговор. Аврора не принимает в нём участия, она стоит возле двери или позади своей госпожи, почтительно слушая. Когда я пристально смотрю на неё, её длинные ресницы тотчас опускаются и не дают мне заглянуть ей в душу. О, как мне высказать ей своё чувство?

15 июля. Сципиону недаром не понравился надсмотрщик. Первое впечатление его не обмануло. По двум-трём мелким фактам, которые мне рассказали, я убедился, что этот человек — плохая замена доброму Антуану.

Кстати, о бедном Антуане: пронёсся слух, будто его тело было выброшено на берег вместе с плавучим лесом ниже нашей плантации, но оказалось, что это ошибка. Там действительно нашли тело, но не управляющего, а какого-то бедняги, которого постигла такая же участь. Интересно знать, утонул ли негодяй, ранивший меня.

В Бринджерсе нашли приют ещё много пострадавших. Некоторые умерли от ран и ожогов, полученных на пароходе. Самая мучительная смерть — от ожогов паром. Иные думали, что отделались пустяком, а теперь они доживают последние дни. Доктор рассказал мне много страшных подробностей.

Один из кочегаров был ужасно изуродован: ему оторвало нос. Он понимал, что дни его сочтены, однако потребовал, чтобы ему дали зеркало. Когда его желание исполнили, он взглянул на себя, разразился дьявольским смехом и воскликнул: "Ах, будь ты проклят! Ну и безобразный же выйдет из меня покойник!"

Такая бесшабашность характерна для здешнего речного люда. Ещё не перевелись потомки Майка Финка[11], много представителей этого дикого племени и до сих пор ещё бороздят воды широких западных рек.

20 июля. Сегодня мне гораздо лучше. Доктор обещает, что через неделю я уже смогу выходить из комнаты. Это меня очень радует, хотя неделя кажется долгим сроком для того, кто не привык сидеть взаперти. Однако книги помогут мне скоротать время. Честь и слава людям, писавшим книги!

21 июля. Сципион не изменил своего мнения о новом надсмотрщике. Его зовут Ларкин. Темнокожий говорит, что его прекрасно знают в Бринджерсе и называют Билл-бандит — прозвище, по которому можно судить о его характере. Многие невольники, работающие в поле, жаловались Сципиону на его жестокость и говорили, что он становится

хуже с каждым днём. Он никогда не расстаётся с ремённой плетью и уже раза два пускал её в ход самым зверским образом.

Сегодня воскресенье, и, судя по шуму в темнокожийитянском посёлке, там веселятся вовсю. Я вижу, как разодетые в пёстрое платье темнокожие гуляют по дороге вдоль реки. Мужчины — в белых касторовых шляпах, длиннополых синих сюртуках и белых рубашках с огромными жабо, а женщины — в цветастых ситцевых платьях, а иногда даже в пёстрых шелках, словно они собрались на бал. У многих в руках шёлковые зонтики, конечно, самых ярких оттенков. Глядя на них, можно подумать, что жизнь этих рабов не так уж тяжела; однако стоит посмотреть на ремённую плеть мистера Ларкина, как это впечатление сразу исчезает.

24 июля. Сегодня мне особенно бросилась в глаза тайная печаль, которая омрачает лицо Эжени. Теперь я убеждён, что её грусть вызвана не смертью Антуана. Ещё какая-то другая забота удручает её. Нынче она снова бросила на меня такой же загадочный взгляд, какой я заметил в день нашей первой встречи. Но он был так мимолётен, что я не понял его значения, тем более что и глаза мои и сердце были заняты другой.

Аврора смотрит на меня уже не так робко и, кажется, с интересом прислушивается к моим словам, хотя они обращены не к ней. Так ли это? Если бы я мог с ней поговорить, это немножко успокоило бы моё сердце, которому всё труднее переносить это вынужденное молчание.

25 июля. Несколько темнокожих из посёлка вчера проштрафились. Они получили разрешение побывать в городе и вернулись очень поздно. Билл-бандит всё утро жестоко порол их всех подряд, и они ушли от него, обливаясь кровью. Для надсмотрщика-новичка он проявляет уж слишком большую прыть, но Сципион где-то слышал, что такая работа ему не внове. Их госпожа, конечно, ничего не знает об этой дикой расправе.

26 июля. Доктор обещает выпустить меня из дому через три дня. Я всё больше уважаю этого человека, особенно с тех пор, как узнал, что и он недолюбливает Гайара. Он даже его и не лечит. В посёлке есть другой доктор, который лечит Гайара и его рабов, а также темнокожих с плантации Безансонов. Но он был в отлучке, поэтому ко мне позвали Рейгарта. В силу врачебной этики, а также по моей просьбе меня не передали другому врачу, и Рейгарт продолжает лечить меня. Я видел его коллегу, он как-то заходил ко мне с доктором Рейгартом и показался мне достойным другом Гайара.

Рейгарт не так давно приехал в Бринджерс и быстро завоевал уважение местных плантаторов. Правда, многие из них, особенно наиболее крупные, держат собственных медиков и платят им большие деньги. Им невыгодно пренебрегать здоровьем своих рабов, и поэтому здесь часто лечат их лучше, чем лечат "белую голь" во многих европейских странах.

Я попытался выведать у доктора что-нибудь об отношениях между Гайаром и Безансонами. Разумеется, я мог касаться этой темы только намёками и узнал очень немного. Доктор по характеру замкнутый человек, к тому же излишняя болтливость не вяжется с его профессией и могла бы повредить ему в глазах здешних жителей. Он либо очень мало знает об этих делах, либо делает вид, что мало знает; однако по некоторым его словам я заключил, что последнее вернее.

— Бедная молодая леди, — сказал он, — совсем одна на свете! У неё, кажется, есть тётка или какая-то родственница в Новом Орлеане, но нет мужчины, который занялся бы её делами. По-видимому, всё в руках у Гайара.

Я узнал от доктора, что отец Эжени считался прежде одним из самых крупных плантаторов на побережье, что он был известным хлебосолом и дом его был открыт для всех. В поместье балы и празднества постоянно сменяли друг друга, особенно в последние годы. Это расточительство продолжалось и после его смерти, и Эжени

Безансон по-прежнему принимает гостей своего отца с отцовской щедростью. У неё очень много поклонников, но доктор не слышал, чтобы она кому-нибудь из них оказывала предпочтение. Гайар был близким другом Безансона. Почему — никто не мог сказать. Трудно было найти людей, столь противоположных по своему характеру. Некоторые считали, что их дружба похожа на отношения кредитора с должником.

Сведения, полученные мною от доктора, подтверждают рассказы Сципиона. Они также подтверждают мои догадки, что над головой молодой креолки собираются тучи, такие тёмные, какие никогда не омрачали её юность, пострашнее даже, чем гибель Антуана.

28 июля. Сегодня у нас был Гайар, я хочу сказать — в большом доме. Впрочем, он бывает у мадемуазель Эжени почти каждый день; но сегодня Сципион рассказал мне нечто новое и очень странное. Несколько рабов, избитых новым надсмотрщиком, пожаловались своей госпоже, и она заговорила об этом с Гайаром. Он же ответил ей, что "эти негодяи получили по заслугам, да ещё не всё сполна", а затем решительно поддержал негодяя Ларкина, которому явно покровительствует. Эжени молча выслушала его.

Сципион узнал это от Авроры. Его рассказ очень знаменателен.

Бедный Сципион поделился со мной ещё своей личной бедой. Он заметил, что надсмотрщик заглядывается на его малютку Хло. Каков негодяй! Неужели это правда? У меня кровь кипит от негодования! О рабство!

2 августа. Я снова услышал кое-что о Гайаре. Он был в большом доме и сидел у мадемуазель Эжени гораздо дольше, чем всегда. О чём они могли говорить? Неужели ей приятно его общество? Нет, быть не может! Зачем же эти частые посещения, эти долгие беседы? Если она выйдет замуж за этого человека, мне очень жаль её. Бедная жертва —

ибо она, конечно, станет его жертвой. Видно, у него какая-то власть над ней, если он смеет так себя вести. Он держится на плантации, как хозяин, говорит Сципион, и приказывает всем, словно господин. Все боятся его и "погонялу", как называют темнокожие негодяя Ларкина. Больше всех боится его Сципион, который видел, как тот опять приставал к маленькой Хлое. Бедняга! Он просто в отчаянии. И вполне понятно, если даже закон лишает его права защитить честь собственной дочери. Я обещал ему поговорить с мадемуазель Эжени, но, судя по рассказам, боюсь, что она так же бессильна, как и сам Сципион.

3 августа. Сегодня я первый раз вышел из комнаты. Прошёлся по плодовому саду и среди цветников. Под апельсиновыми деревьями я встретил Аврору, собиравшую золотистые плоды; но с ней была маленькая Хлоя, державшая корзинку. Чего бы я ни дал, чтобы встретить Аврору одну! Увы, я мог только обменяться с ней несколькими словами, а затем она ушла.

Аврора поздравила меня с тем, что я уже могу выходить, и как будто обрадовалась, увидев меня, — так мне показалось. Она была прелестна, как никогда. Срывая апельсины, она разгорячилась, яркий румянец играл на её щеках, и тёмные глаза сияли, как сапфиры. Её грудь вздымалась и опускалась, а лёгкое платье не скрывало благородных линий её фигуры.

Я был очарован изяществом её походки, когда она удалялась от меня. На ходу её стан грациозно покачивался, что объяснялось характерной для женщин её племени склонностью к полноте. Она очень женственна и прекрасно сложена. У неё маленькие, изящные руки, а лёгкие ножки, кажется, едва касаются земли. Восхищённый, я долго смотрел ей вслед. И когда я вернулся в свою одинокую комнату, любовь моя разгорелась ещё сильнее.

Глава XXI. ПЕРЕЕЗД В ГОСТИНИЦУ

Я думал о моём кратком свидании с Авророй, с радостью вспоминал несколько сказанных ею ласковых слов и был счастлив, предвкушая, что теперь, когда я могу выходить в сад, наши встречи участятся, как вдруг в разгар моих сладких мечтаний в дверях моей комнаты, загораживая свет, выросла чья-то тёмная фигура.

Я поднял глаза и увидел ненавистное лицо Доминика Гайара.

Это было его второе посещение с того дня, как я попал на плантацию. Что ему надо от меня?

Я недолго ждал разгадки, так как мой посетитель, не извинившись за своё внезапное вторжение, приступил прямо к делу.

— Сударь, — сказал он, — я отдал распоряжение о вашем переезде в гостиницу в Бринджерсе.

— Вот как? — ответил я с возмущением, таким же резким тоном, как и он. — А кто, позвольте вас спросить, поручил вам эту заботу?

— А… а… — пробормотал он, слегка смущённый моим суровым приёмом.

— Простите, сударь, быть может, вы не знаете, что я доверенное лицо, друг и опекун мадемуазель Безансон и… и…

— Значит, мадемуазель Безансон желает, чтобы я переехал в Бринджерс?

— Гм… По правде сказать, это не совсем её желание, но, видите ли, дорогой сэр, дело очень деликатное. Если вы останетесь здесь теперь, когда вы уже почти поправились, — с чем я вас, конечно, поздравляю, — вы… вы…

— Продолжайте, сэр!

— Ваше пребывание здесь при данных обстоятельствах дало бы, вы сами понимаете, сэр… дало бы повод для разных толков среди соседей. Оно могло бы показаться неприличным…

— Постойте, господин Гайар! Я уже вышел из возраста, чтобы слушать ваши наставления.

— Простите, сэр. Я не хотел вас учить, но я… Поймите меня, я, как опекун молодой девушки…

— Довольно, сэр! Я вас прекрасно понял. Ради своих личных целей, каковы бы они ни были, вы хотите, чтобы я поскорее покинул плантацию. Ваше желание будет исполнено. Я уеду отсюда, хотя и не затем, чтобы вам угодить. Уеду сегодня же вечером.

Поняв скрытое значение моих слов, он вздрогнул, как от электрического тока. Лицо его побледнело, а брови нахмурились. Я коснулся тайных струн его души, и это было ему явно неприятно. Однако старый пройдоха тут же овладел собой и, словно не заметив моих намёков, сказал с лицемерным огорчением:

— Сэр, я очень сожалею, но это необходимо. Вы понимаете, мнение общества… суетного, назойливого общества…

— Избавьте меня от нравоучений, сэр! Вы добились своего, и в вашем обществе здесь больше не нуждаются.

— Гм… — пробормотал он. — Мне очень жаль, что вы так отнеслись к моим словам, очень жаль… — И, сказав ещё несколько бессвязных слов, он удалился.

Я подошёл к двери, чтобы взглянуть, куда он пойдёт от меня. Он направился прямо к дому. Я видел, как он в него вошёл.

Это посещение застало меня врасплох, хотя и не было для меня полной неожиданностью. После слышанного мною разговора Гайара с доктором всё это можно было предвидеть. Однако я не думал, что мне придётся так скоро покинуть плантацию. Я собирался прожить здесь ещё неделю-другую и переехать в гостиницу, когда окончательно поправлюсь.

Я был огорчён по многим причинам. Меня возмущало, что этот негодяй пользуется здесь такой властью, ибо я был уверен, что мадемуазель Безансон не причастна к моему изгнанию. Наоборот, она была у меня всего несколько часов назад и ни словом не обмолвилась о моём отъезде. Быть может, она знала о нём, но не хотела со мной говорить? Нет, вряд ли. Я не заметил никакой перемены в её обращении. Она была так же приветлива, также беспокоилась о моём здоровье, так же заботилась о моих удобствах, пище, обо всех мелочах моей жизни, как и всегда. Она, конечно, не предвидела той внезапной перемены, о которой говорил Гайар. Подумав, я пришёл к убеждению, что он даже не посоветовался с ней. Какова же власть этого человека, если он может заставить её нарушить законы гостеприимства! Мне было больно думать, что это прелестное создание находится во власти такого негодяя.

Но другая мысль была для меня ещё мучительней — мысль о разлуке с Авророй. Конечно, мне и в голову не приходило, что я расстаюсь с ней навсегда. Нет! Иначе я не уступил бы так легко. Гайару пришлось бы силой выгнать меня из дому. Разумеется, я не думал, что переезд в гостиницу лишит меня возможности бывать на плантации.

В сущности, переезд мало изменит моё положение. Навещая их как знакомый, я буду чувствовать себя более независимо, чем когда жил у них в доме. Быть может, мне станет даже легче встречаться с той, кого я люблю. Я могу приезжать сюда так часто, как мне вздумается. У меня

останутся те же возможности увидеть её. Я жаждал только одного — свидания наедине с Авророй, а затем — либо блаженство, либо разбитые надежды!

Однако в ту минуту меня тревожили и другие заботы. На что я буду жить в гостинице? Поверит ли хозяин мне на слово и захочет ли ждать, пока я получу деньги из дому? Платье у меня было, хоть я и получил его таинственным путём. Однажды, проснувшись утром, я нашёл его у своей постели. Я не стал расспрашивать, откуда оно, предпочитая поговорить об этом позже. Но как мне быть с деньгами, откуда их достать? Неужели просить в долг у мадемуазель Безансон? Или занять у Гайара? Трудное положение!

Но тут я вспомнил о докторе Рейгарте. Я представил себе его спокойное, приветливое лицо.

"Вот выход! — подумал я. — Он мне поможет!" Казалось, мои мысли передались ему, так как в ту же минуту вошёл мой милый доктор, и я поведал ему все свои затруднения.

Я не ошибся в нём. Он тотчас положил на стол свой кошелёк, предложив взять из него столько денег, сколько мне нужно.

— Меня очень удивляет желание Гайара поскорее удалить вас отсюда, — сказал он. — Тут кроется не только беспокойство о репутации молодой девушки. Нет, здесь что-то другое. Но что?

Доктор говорил, словно обращаясь к самому себе и ища ответа в собственных мыслях.

— Я очень мало знаю мадемуазель Безансон, — продолжал он, — иначе я счёл бы своим долгом докопаться, в чём тут дело. Но Гайар — её опекун, и если он настаивает, чтобы вы уехали, то, пожалуй, вам следует исполнить его желание. Она, кажется, не вправе даже

распоряжаться собой. Бедняжка! Боюсь, что за всем этим скрывается крупный долг. А если так, она скоро попадёт в худшую неволю, чем все её рабы. Бедная девушка!

Рейгарт был прав. Если бы я остался, это могло бы только повредить ей. Я согласился с ним.

— Я хотел бы сейчас же уехать, доктор.

— Моя коляска стоит у ворот. Пожалуйста, я могу доставить вас в Бринджерс.

— Спасибо! Это как раз то, о чём я хотел вас попросить. С радостью принимаю ваше предложение. У меня сборы короткие — через несколько минут я буду готов.

— А я, пожалуй, пойду в большой дом и предупрежу мадемуазель Безансон о вашем отъезде.

— Будьте так добры. Гайар, наверно, ещё там?

— Нет. Я встретил адвоката недалеко от ворот, он шёл домой. Думаю, она теперь одна. Я поговорю с ней и вернусь за вами.

Доктор оставил меня и направился к дому. Вскоре он вернулся и передал мне всё, что узнал. Он был очень удивлён тем, что услышал от мадемуазель Безансон. Час тому назад Гайар сказал ей, что я заявил ему о своём желании переехать в гостиницу. Она очень удивилась, так как я ни словом не заикнулся об этом во время нашей последней беседы. Сначала она не хотела и слышать о моём отъезде, но Гайар привёл веские доводы, чтобы убедить её в разумности такого шага; доктор от моего имени тоже настаивал на этом. В конце концов она согласилась, хотя и очень неохотно. Сообщив мне всё это, доктор прибавил, что она ждёт меня.

Сципион провёл меня в гостиную. Мадемуазель Эжени сидела на диване, но, когда я вошёл, встала и пошла мне навстречу. Я увидел слёзы на её глазах.

— Правда ли, сударь, что вы собираетесь покинуть нас?

— Да, сударыня. Я уже совсем здоров. Я пришёл поблагодарить вас за радушное гостеприимство и попрощаться с вами.

— Гостеприимство! Ах, сударь, какое же это гостеприимство, если я позволяю вам так скоро покинуть нас! Я хотела бы, чтобы вы остались, но… — Тут она смутилась. — Но вы не должны считать себя здесь чужим, даже если переедете в гостиницу. Бринджерс очень близко. Обещайте, что вы будете постоянно бывать у нас — каждый день!

Мне незачем говорить, что я охотно и с радостью дал это обещание.

— Теперь, когда вы дали слово, мне будет не так грустно с вами расстаться. До свиданья!

Она протянула мне руку на прощанье, а я взял её нежные пальчики и почтительно поцеловал. Глаза её снова наполнились слезами, и она отвернулась, чтобы их скрыть. Я был уверен, что, будь на то её воля, она не разрешила бы мне уехать. Она была не из тех, кто боится сплетен и пересудов. Нет, тут крылась другая причина.

Я вышел в прихожую и с тревогой огляделся вокруг. Где она? Неужели я не услышу от неё ни слова на прощанье? В это время боковая дверь тихонько приоткрылась. Сердце бурно забилось у меня в груди. Аврора! Я не решался говорить громко, меня услышали бы в гостиной. Взгляд, шёпот, быстрое пожатие руки — и я вышел. Но её ответное пожатие, хотя очень слабое и робкое, наполнило моё сердце радостью, и я направился к воротам гордым шагом победителя.

Глава XXII. АВРОРА МЕНЯ ЛЮБИТ!

"Аврора меня любит!"

К этому заключению я пришёл значительно позже того дня, когда покинул плантацию и переселился в Бринджерс. А с того времени прошёл уже целый месяц.

Жизнь моя за этот месяц вряд ли интересна для моего читателя, хотя каждый её час, полный надежды и тревоги, до сих пор живёт в моей памяти. Когда сердце полно любви, каждый пустяк, связанный с этой любовью, представляется важным и значительным, и память хранит мысли и события, которые в другое время скоро бы забылись. Я мог бы написать целый том о моей жизни за этот месяц, и каждая его строка была бы интересна для меня, но не для вас. Поэтому я и не написал его и даже не привожу здесь моего дневника за это время.

Я по-прежнему жил в гостинице в Бринджерсе и быстро набирался сил. Чаще всего я гулял по полям или по дороге вдоль реки, катался на лодке и удил рыбу в тихих заводях или охотился в зарослях камыша и кипарисовых лесах; иногда я проводил время, играя в бильярд, который вы найдёте в каждой луизианской деревне.

Я подружился с доктором Рейгартом и, когда он не был занят практикой, проводил время с ним.

Его книги тоже стали моими друзьями, и по ним я впервые познакомился с ботаникой. Я стал изучать растительность окружающих лесов и вскоре научился с первого взгляда определять породу каждого дерева: исполинские кипарисы, символ печали, с высокими пирамидальными стволами и широко раскинувшимися мрачными тёмно-зелёными кронами; ниссы, эти водяные нимфы, с длинными нежными листьями и плодами вроде олив; персимон, или американский лотос, с ярко-зелёной листвой и красными, похожими на сливы плодами;

величавая магнолия и её сородич — высокое тюльпанное дерево; рожковое дерево и из того же семейства белая акация с тройными шипами и лёгкими перистыми листьями, почти не дающими тени; платаны с гладкими стволами и широко раскинутыми серебристыми ветвями; стираксовое дерево, по которому стекают золотистые капли; ароматный и целебный сассафрас и красный лавр с запахом корицы; различные породы дубов, во главе которых стоит величественный вечнозелёный виргинский дуб, растущий в южных лесах; красный бук с висячими кистями; тенистая крушина с широкими сердцевидными листьями и чёрными ягодами и, наконец, последнее, но не менее интересное дерево — любящий воду тополь. Таковы леса, покрывающие наносную почву луизианской равнины.

Область, изобилующая этими лесами, простирается выше тех мест, где растут пальмы, однако и здесь встречаются некоторые их разновидности — например, латании и саговые пальмы разных пород, так называемые пальметто; местами они образуют густой подлесок и придают всему лесу тропический характер.

Я изучал и паразитов этого растительного царства: огромные чёрные узловатые лианы толщиной с древесный ствол; стелющийся камыш с красивыми, похожими на звёздочки цветами; мускатный виноград с тёмно-красными гроздьями; бигнонии с трубчатыми цветами; густые бамбуковые заросли; душистую сарсапариль и многие другие.

Меня интересовали и разные виды культурных растений — источник богатства этой страны, — такие, как сахарный тростник, рис, кукуруза, табак, хлопок и индиго. Все они были мне незнакомы, и я с интересом изучал их особенности и способы разведения.

Можно подумать, что весь этот месяц я бездельничал, но в действительности он был самым плодотворным за всю мою жизнь. За этот короткий месяц я получил больше полезных знаний, чем за многие

годы обучения в колледже. Но, главное, я узнал то, что было для меня дороже всего на свете: я узнал, что Аврора меня любит!

Я узнал это не из её уст — она ни слова не сказала мне, и всё же я был уверен, что это так, уверен, как в том, что я живу. Никакие знания на свете не могли дать мне такой радости, как одна эта мысль!

— Аврора меня любит! — так воскликнул я однажды утром, отправляясь из Бринджерса на плантацию.

Я бывал там раза три в неделю, а случалось, и чаще. Иногда я встречал у них гостей, друзей мадемуазель Эжени, иногда заставал её одну или вдвоём с Авророй. Но ни разу мне не удалось остаться с Авророй наедине. Ах, как я жаждал такого случая!

Официально я, конечно, приходил в гости к мадемуазель Эжени. Я не смел искать свидания с её невольницей.

Эжени была по-прежнему грустна; теперь мне уж никогда не случалось видеть её такой оживлённой, как раньше. Она бывала подчас очень печальна и никогда не смеялась. Я не был поверенным её тревог и потому мог только догадываться об их причинах. Однако я не сомневался, что виной всему Гайар.

Последнее время я мало слышал о нём. В общественных местах он явно избегал встреч со мной, а я никогда не заходил в его владения. Я заметил, что мало кто из соседей уважал его, кроме тех, кто преклонялся перед его богатством. Удалось ли ему добиться успеха в своих ухаживаниях за Эжени, я не знал. В обществе их союз считали вполне возможным, хотя никто его не одобрял. Я очень сочувствовал молодой креолке, но и только. Конечно, не будь я так влюблён в Аврору, судьба её хозяйки волновала бы меня гораздо больше.

"Да, Аврора меня любит!" — повторял я про себя, выезжая на береговую дорогу.

Я ехал верхом. Великодушный Рейгарт отдал в моё распоряжение прекрасную верховую лошадь, и она горячилась подо мной, словно ей передавалось моё страстное нетерпение.

Мой хорошо выезженный конь и сам знал дорогу, так что я бросил поводья, предоставив ему бежать как вздумается, а сам отдался своим мыслям.

Я любил квартеронку, любил горячо и преданно. И она тоже любила меня. Она не высказывала своей любви словами, но я сумел её разгадать. Мимолётный взгляд, движение, вздох — вот что убедило меня.

Любовь научила меня своему особому языку. Мне не надо было никаких посредников, никаких слов, чтобы понять, что я любим.

Эти мысли бесконечно радовали меня и наполняли моё сердце восторгом, но вскоре их сменили другие, гораздо менее приятные.

Кого я люблю? Невольницу! Правда, прекрасную невольницу, но всё же рабыню. Весь мир поднимет меня на смех. Вся Луизиана будет смеяться надо мной — нет, не смеяться, а презирать и преследовать меня. Одно желание сделать её моей женой вызовет насмешки и оскорбления: "Как! Жениться на невольнице! Этого не потерпят законы нашей страны!" Жениться на квартеронке, даже будь она свободна, — значило навлечь на себя гонения. Меня, вероятно, изгнали бы из страны, а может быть, засадили бы в тюрьму.

Всё это я знал, но меня это нисколько не тревожило. Что значило для меня осуждение всего света по сравнению с любовью к Авроре? Ровно ничего. Конечно, я глубоко сокрушался, что Аврора —

невольница, но совсем по другой причине. Как освободить её? Вот вопрос, который волновал меня.

До сих пор я мало над этим задумывался. Пока я не убедился, что любим ею, мне казалось, что это дело далёкого будущего. Но теперь, когда я поверил в её любовь, все силы моей души сосредоточились на одной мысли: "Как освободить её?" Будь она обыкновенной невольницей, ответ был бы очень прост. Хоть я и не был богат, однако у меня хватило бы средств на то, чтобы купить себе живого человека.

В моих глазах Авроре, конечно, цены не было. Но что думает об этом её молодая хозяйка? До сих пор она никому не хотела продавать мою суженую. Но даже если можно оценить девушку на деньги, согласится ли мадемуазель Эжени продать её мне? Какая нелепая просьба: продать мне её невольницу, чтобы я мог жениться на ней! Как отнесётся к этому Эжени Безансон?

Даже мысль о предстоящем разговоре пугала меня, но время для него ещё не приспело.

"Надо прежде повидаться с Авророй наедине, спросить её, любит ли она меня, а затем, если она согласна быть моей женой, я сумею всего добиться. Я ещё не знаю каким путём, но моя любовь преодолеет все препятствия. Она придаст мне несокрушимую силу, мужество и решимость. Я сломаю все преграды. Я уговорю или сокрушу всех моих противников. Я смету всё, что станет между мною и моей любовью! Аврора, я спешу к тебе!"

Глава XXIII. НЕОЖИДАННОСТЬ

Вдруг лошадь моя громко заржала, прервав мои размышления. Я взглянул вперёд, чтобы узнать, в чём дело, и увидел, что приближаюсь к плантации Безансонов. Из ворот выехала коляска. Лошади бежали

рысью, экипаж свернул на дорогу и помчался прочь от меня; вскоре он скрылся в облаке пыли.

Я узнал коляску мадемуазель Безансон. Хоть я и не успел разглядеть, кто в ней сидел, однако заметил, что это были дамы.

"Наверно, мадемуазель Эжени с Авророй", — подумал я. Должно быть, они меня не заметили за высокой оградой, а выехав за ворота, сразу повернули.

Я был очень разочарован. Значит, я спешил напрасно, и мне оставалось только вернуться обратно в Бринджерс.

Я уже натянул поводья, собираясь повернуть, когда мне пришло в голову, что я мог бы догнать их и перекинуться с ними несколькими словами. Если мне удастся обменяться взглядом с Авророй, это уже вознаградит меня за мою скачку. Я пришпорил лошадь и помчался вперёд.

Поравнявшись с воротами, я увидел Сципиона. Он запирал их, пропустив коляску.

"Ага! Вот у кого я узнаю, за кем собираюсь скакать", — решил я и, придержав лошадь, подъехал к нему.

— Боже милостивый! Как шибко скачет молодой масса! Словно всю жизнь не слезал с седла! Ух!

Не обращая внимания на этот комплимент, я торопливо спросил, дома ли его госпожа.

— Нет, масса, она только что уехала. Она отправилась к масса Мариньи.

— Одна?

— Да, масса.

— С ней, наверно, и Аврора?

— Нет, масса. Она уехала одна. Рора осталась дома.

Если бы Сципион следил за мной, он заметил бы, какое впечатление произвели на меня его слова, ибо я уверен, что изменился в лице. Сердце запрыгало у меня в груди, кровь прилила к щекам.

"Аврора дома, она одна!"

Впервые за всё это время мне представился такой счастливый случай, и я невольно выдал свою радость.

К счастью, темнокожий ничего не заметил, ибо даже верному Сципиону я не мог доверить своей тайны.

Не без труда овладев собой, я осадил свою лошадь, которая рвалась вперёд, и нечаянно повернул слишком круто. Сципион подумал, что я собираюсь возвратиться в Бринджерс.

— Неужели масса хочет уехать и ни минутки не отдохнёт у нас? Мисса Жени нет дома, но Рора — она осталась. Рора даст масса стакан кларета, а старый Зип приготовит прохладительное питьё. Сегодня очень-очень жарко! Ух-х!

— Твоя правда, Сципион, — сказал я, делая вид, что сдаюсь на его уговоры. — Сведи мою лошадь на конюшню, я немного отдохну.

И, сойдя с лошади, я отдал поводья Сципиону, а сам прошёл в ворота.

От ворот до дома было шагов сто, если идти по широкой аллее, ведущей прямо к подъезду. Но были ещё две боковые дорожки, которые вились между кустарниками и небольшими деревьями — лаврами, миртами и апельсинами. Того, кто шёл по одной из этих дорожек, нельзя было увидеть из дома, пока он не подойдёт вплотную к окнам. Обе дорожки, минуя главный вход, вели к низкой веранде. Поднявшись на неё но нескольким ступенькам, вы могли войти прямо в дом, ибо окна, как это принято у креолов, доходили до самого пола.

Войдя в ворота, я свернул на одну из этих боковых дорожек н не спеша направился к дому. Я выбрал более длинный путь и шёл медленно, чтобы успеть справиться с волнением. Я слышал громкие удары своего сердца, и мне казалось, что, торопясь к желанной цели, они обгоняют мои шаги. Наверно, я лучше владел бы собой даже под дулом пистолета.

Долгое ожидание этой встречи, непредвиденная удача, предвкушение великого счастья — свидания наедине с той, кого я любил, — всё это привело в смятение мои чувства. Неудивительно, что я немного потерял голову.

Сейчас я увижусь с Авророй наедине, и только любовь будет нашим свидетелем. Я выскажу ей всё свободно, без помех. Услышу её голос, её нежные признания… Я обниму её и прижму к своей груди! Я буду пить слёзы с её глаз, целовать её румяные щёки, её коралловые губы! Я буду говорить и слушать слова любви! О, я упьюсь этими сладостными минутами!

Меня ожидало безграничное счастье. Неудивительно, что я был глубоко взволнован и тщетно пытался усмирить свои чувства.

Я подошёл к дому сбоку и поднялся на веранду. Её устилали циновки из морской травы, и я в своих лёгких башмаках двигался по ней почти неслышно. Я приближался к гостиной; её два больших окна доходили, как я говорил, до самого пола.

Я поравнялся с одним из них, но тут что-то заставило меня остановиться. В гостиной слышались голоса, и я сразу узнал голос Авроры.

"Она с кем-то разговаривает. С кем же? С маленькой Хлоей? Или с её матерью? А может, с кем-нибудь из слуг?"

Я прислушался.

"О Боже! Это говорит мужчина!.. Но кто же? Сципион? Нет, Сципион не мог ещё вернуться из конюшни. Это не он. Кто-нибудь из слуг? Жюль — дровосек? Батист — рассыльный? Нет, говорит не темнокожий. Это голос белого человека. Неужели надсмотрщик?"

Когда эта мысль мелькнула у меня в голове, я почувствовал словно укол в сердце; это была не ревность, но что-то похожее на неё. Скорее возмущение, чем ревность. Пока я ведь ещё не услышал ничего такого, что могло бы вызвать у меня ревность. То, что он подле неё и разговаривает с ней, — ещё не повод для ревности.

"Вот как, мой прыткий "погоняла", — подумал я, — твоё увлечение маленькой Хлоей уже прошло! И неудивительно. Кто будет заглядываться на звёзды, когда на небе светит полная луна? Хоть ты и грубый скот, однако не слепой. Я вижу, ты тоже не зеваешь и ждёшь удобного случая прийти в гостиную".

Но — тсс…

Я снова прислушался. Сначала я остановился из деликатности, не желая внезапно появляться перед открытым окном, через которое было видно всё, что делается в комнате. Я хотел дать знать о моём приближении каким-нибудь шумом — покашливаньем или шарканьем ног. Но теперь мои намерения изменились. Я не мог удержаться и стал подслушивать.

Говорила Аврора.

Она, должно быть, стояла далеко от окна или говорила очень тихо, ибо я не мог разобрать её слов. До меня доносился лишь её серебристый голос. "Она, наверно, на другом конце комнаты", — подумал я.

Но вот она замолчала. Я ждал ответа на её слова. Может быть, по ответу я пойму, о чём она говорила. Мужской голос будет, наверно, громче, и мне удастся...

Но — тсс...

Я услышал только голос, но не слова. Этот голос был мне слишком хорошо знаком! Узнав его, я вздрогнул, как от укуса змеи. То был голос Доминика Гайара!

Глава XXIV. СОПЕРНИК

Не могу вам описать, как потрясло меня это открытие. Я стоял, словно поражённый громом, не в силах двинуться и как бы потеряв сознание. Если бы даже Гайар говорил очень громко, я всё равно не услышал бы его: изумление оглушило меня.

Негодование, которое поднялось во мне при мысли, что это говорит грубиян Ларкин, было ничто по сравнению с тем чувством, какое охватило меня теперь. Пусть Ларкин молод и красив — правда, по

описанию Сципиона этого нельзя было сказать, — но даже если это и так, я не боялся его соперничества. Я верил, что сердце Авроры принадлежит мне, и знал, что надсмотрщик не имеет никакой власти над ней. Он распоряжался рабами, трудившимися в поле и на усадьбе, и был их полновластным хозяином. Но на Аврору его власть не распространялась. Не знаю почему, но с квартеронкой всегда обращались совсем иначе, чем с другими рабами на плантации. Не светлая кожа и не красота были причиной особого отношения к ней. Красота, правда, часто облегчает тяжёлое положение невольницы, но в то же время готовит ей ещё более жестокую участь. Однако доброе отношение к Авроре, насколько я мог судить, не имело с этим ничего общего. Её заботливо воспитывали вместе с мадемуазель Эжени, и она получила такое же образование, как и её молодая хозяйка, которая обращалась с ней скорее как с сестрой, чем как с невольницей. Никто не мог приказывать ей, кроме её госпожи. "Погоняла" не имел с ней ничего общего, поэтому я не боялся, что он будет преследовать её.

Но когда я услышал голос Гайара, у меня возникли самые худшие опасения. В его власти была не только невольница, но даже и её госпожа. Ухаживая за мадемуазель Эжени, как я думал до сих пор, он, конечно, не был равнодушен и к редкой красоте Авроры. Этому гнусному негодяю, вероятно, не чужды любовные увлечения. Низкое часто тянется к прекрасному. Чудовище может воспылать страстью к красавице.

Час, который Гайар выбрал для своего визита, тоже вызывал подозрение. Он явился как раз тогда, когда мадемуазель Эжени уехала! Быть может, он пришёл ещё при ней и остался в доме после её отъезда? Едва ли. Сципион не подозревал, что он тут, иначе он сказал бы мне об этом. темнокожий знал, что я терпеть не могу Гайара и не хочу ветречаться с ним. Он, конечно, предупредил бы меня.

"Нет, он, несомненно, пришёл сюда украдкой, — подумал я. — Он пробрался окольным путём, через свою плантацию, и, дождавшись, когда коляска уехала, проскользнул в дом, чтобы застать квартеронку

одну". Едва эти мысль промелькнула у меня в голове, как я уже не сомневался, что он был здесь не случайно, а пришёл с тайной целью. Он явился сюда ради Авроры. Я был в этом уверен.

Когда я опомнился от первого потрясения, все чувства проснулись во мне с новой силой. Нервы мои были напряжены, слух обострился. Я подошёл как можно ближе к открытому окну и стал слушать. Это было недостойно, я согласен, но когда имеешь дело с таким негодяем, то и сам невольно теряешь достоинство. Обстоятельства заставили меня совершить неблаговидный поступок, и я стал подслушивать. Но ведь это была простительная ревность влюблённого, и я прошу не судить меня слишком строго.

Я слушал. Усилием воли я сдерживал бешеные удары сердца и слушал, затаив дыхание. Возможно, что голоса стали громче или разговаривающие подошли ближе к окну, но теперь я различал каждое, слово. По-видимому, они были в нескольких шагах от меня. Говорил Гайар.

— А этот молодчик не вздумал ухаживать за твоей хозяйкой?

— Откуда мне знать, мсье Доминик? Во всяком случае, я никогда этого не замечала. Мне кажется, он очень скромный джентльмен, и мадемуазель Эжени такого же мнения. Я не слышала из его уст ни слова о любви. Нет, ни единого слова!

Послышался глубокий вздох.

— Пусть он только посмеет, — воскликнул Гайар с угрозой, — пусть только посмеет намекнуть мадемуазель Эжени о своей любви или даже тебе, Аврора, — и ему не поздоровится! Он живо забудет сюда дорогу, этот жалкий авантюрист! Можешь не сомневаться!

— Ах, мсье Гайар! Вы этим очень огорчите мою госпожу. Вспомните — ведь он спас ей жизнь! Она ему бесконечно благодарна. Она постоянно говорит об этом, и её опечалит, если господин Эдвард перестанет бывать у нас. Я знаю, что это очень её опечалит!

В голосе Авроры слышалось волнение, почти мольба, прозвучавшая музыкой в моих ушах. Казалось, её тоже огорчит, если господин Эдвард перестанет бывать у них.

Должно быть, такая мысль пришла и Гайару, но ему она, видимо, не доставила удовольствия. Он ответил вопросом, в котором слышались раздражение и насмешка:

— А может быть, это огорчит и ещё кого-нибудь? Тебя, например? Ну, конечно! Ведь так? Ты влюблена в него? Проклятье!

Последнее слово он прошипел в ярости: он, видимо, бесился и страдал — страдал от жгучей ревности.

— Ах, сударь! — воскликнула Аврора. — Что вы говорите! Я влюблена? Ведь я только бедная рабыня! Увы!

И смысл её слов и её тон больно задели меня. Однако я надеялся, что это лишь уловка любви, хитрость, которую я охотно прощал ей. На Гайара её слова произвели приятное впечатление, и голос его сразу смягчился и повеселел.

— Ты — рабыня, красавица Аврора? Нет, в моих глазах ты королева! Рабыня? Ты сама виновата, что осталась невольницей. Тебе известно, кто может дать тебе свободу. Может и хочет — хочет, Аврора!

— Пожалуйста, не говорите об этом, господин Гайар! Я уже сказала вам, что не могу слушать такие разговоры. Повторяю: не могу и не хочу!

Твёрдость её голоса обрадовала меня.

— Что ты, прелестная Аврора! — взмолился Гайар. — Не сердись на меня! Я не могу иначе! Я не могу не думать о твоём счастье. Ты будешь свободна, перестанешь быть рабыней капризной хозяйки…

— Мсье Гайар, — воскликнула Аврора, прерывая его, — не говорите так о мадемуазель Эжени! Это неправда, она вовсе не капризна. Что, если бы она услыхала…

— Проклятье! — закричал Гайар, снова переходя на угрожающий тон. — Пускай слышит! Какое мне дело до неё? Все считают, что я ухаживаю за ней. Ха-ха-ха! И пусть себе считают! Дурачьё! Скоро они узнают, что это совсем не так. Ха-ха-ха! Они думают, что я езжу сюда ради неё. Ха-ха-ха!.. Нет, Аврора, любимая моя, я приезжаю не ради неё, а ради тебя — тебя, Аврора, моя любовь, моя…

— Мсье Гайар, повторяю вам…

— Дорогая Аврора, скажи, что ты полюбишь меня, скажи только одно слово! Скажи — и ты не будешь больше рабыней! Ты будешь так же свободна, как твоя госпожа. У тебя будет всё: платья, драгоценности, развлечения — всё, что пожелаешь! Мой дом будет весь к твоим услугам, ты будешь распоряжаться в нём, как хозяйка, как если бы ты была моей женой…

— Довольно, сударь! Перестаньте! Вы оскорбляете меня! Я вас больше не слушаю!

Голос её звучал решительно и возмущённо. Ура!

— Что ты, дорогая моя, любимая Аврора! Не уходи! Выслушай меня!..

— Я вас не слушаю, сударь. Я всё расскажу мадемуазель Эжени…

— Скажи мне хоть слово, хоть одно слово любви! Один поцелуй, Аврора! На коленях молю тебя!..

Я услышал, как он упал на колени, а затем шум борьбы и громкое, возмущённое восклицание Авроры.

Тут я решил, что пришло время действовать, и в два прыжка очутился в комнате, посреди которой стоял на коленях пылкий кавалер. Он крепко держал девушку за руки и пытался привлечь к себе. Аврора же, стараясь вырваться — а она была довольно сильна, — быстро тащила за собой по ковру своего страстного обожателя. Вид у него был уморительный.

Когда я вошёл, он не видел меня и узнал о моём присутствии по громкому смеху, который я не мог бы сдержать даже под страхом смерти. Я продолжал хохотать и после того, как он отпустил свою жертву и вскочил на ноги; я смеялся так громко, что не расслышал ругательств и угроз, которыми он осыпал меня в ответ.

— Что вам здесь надо? — были первые слова, которые я разобрал. — Что вам здесь надо?

— Ну, а мне незачем спрашивать вас об этом, мсье Гайар. Я и сам вижу, что вам надо. Ха-ха-ха!

— Я спрашиваю вас, — повторил он ещё более злобно, — что вам здесь надо?

— Мне ничего не надо, мсье, — ответил я всё так же насмешливо, — вернее, моё дело не похоже на ваше.

Мой намёк, казалось, привёл его в ярость.

— В таком случае, чем скорей вы уберётесь отсюда, тем лучше! — закричал он, свирепо сдвинув брови.

— Лучше для кого? — спросил я.

— Для вас! — ответил он.

Я уже начал терять терпение, хотя держал себя в руках.

— Сударь, — сказал я, подходя к нему вплотную, — я впервые слышу, что дом мадемуазель Безансон принадлежит Доминику Гайару. Если бы это было так, я гораздо меньше уважал бы святость этого крова. Вы же совсем не уважаете его. Вы оскорбили эту молодую девушку, эту молодую леди, так как она достойна этого звания не меньше, чем самая знатная особа в вашей стране, Я был свидетелем вашего низкого поведения и слышал ваши гнусные предложения…

Гайар вздрогнул, но не сказал ни слова. Я продолжал:

— Вы не джентльмен, сударь, и недостойны встретиться со мной, как равный, с оружием в руках. Хозяйки этого дома сейчас нет. Вы здесь такой же гость, как и я. Так вот, даю вам слово, что, если вы не уберётесь отсюда через десять секунд, я отстегаю вас хлыстом!

Я говорил решительно и хладнокровно.

Гайар видел, что я не шучу и готов сдержать своё слово.

— Вы мне дорого за это заплатите! — прошипел он. — И увидите, что в нашей стране нет места шпионам.

— Вон!

— А вы, достойный образец добродетельной квартеронки, — добавил он, бросая злобный взгляд на Аврору, — помните: наступит день, когда вы будете менее щепетильны. Тогда у вас не будет такого любезного защитника.

— Ещё слово — и…

Я поднял хлыст, но Гайар не стал дожидаться удара и, поспешно юркнув в дверь, спустился с веранды. Я вышел за ним, желая убедиться, что он ушёл. Дойдя до конца веранды, я посмотрел в сад. Поднявшийся вдруг птичий гомон указывал, что кто-то пробирается сквозь кустарник.

Тем не менее я подождал, пока не открылись ворота. Вскоре над оградой показалась голова человека, идущего по дороге. Я сразу узнал уличённого соблазнителя.

Но стоило мне отвернуться от него и направиться в гостиную, как я уже забыл о его существовании.

Глава XXV. ЧАС БЛАЖЕНСТВА

Всегда приятно, если кто-нибудь выражает вам благодарность, но во сто крат приятнее читать её в глазах любимой и слышать из любимых уст!

Когда я входил в комнату, сердце моё трепетало от радостного волнения. Аврора бросилась благодарить меня в самых трогательных и пылких выражениях. И не успел я ответить ей, не успел протянуть руку, чтобы удержать её, как она подбежала и упала передо мной на колени. Она благодарила меня от всего сердца.

— Встаньте, дорогая Аврора! — воскликнул я и, взяв её за руку, подвёл к дивану. — Мой поступок того не стоит. Всякий на моём месте сделал бы то же самое.

— Ах, мсье, далеко не всякий! Вы не знаете этой страны. Кто станет здесь защищать бедную невольницу? Понятия о рыцарской чести, которыми тут так чванятся, не распространяются на нас. Мы, презираемое всеми племя, стоим вне законов чести и покровительства. Ах, благородный чужестранец! Вы даже не подозреваете, чем я вам обязана!

— Не называйте меня чужестранцем, Аврора! Правда, нам редко удавалось поговорить, но мы так давно знаем друг друга, что вы не должны считать меня чужим. Я хотел бы, чтобы вы относились ко мне, как к близкому человеку.

— Близкому? Я не понимаю вас, сударь! — Её большие карие глаза смотрели на меня с немым вопросом.

— Да, близкому… Я хочу сказать, Аврора, что вы не должны остерегаться меня, что вы можете быть искренни со мной и считать меня своим другом, братом.

— Что вы, сударь! Вас — моим братом? Вы белый, вы джентльмен, знатный, образованный! А я… О Боже! Кто я? Рабыня… Рабыня, которую каждый готов обидеть. Боже, Боже, за что ты послал мне такую тяжкую долю! — И она закрыла лицо руками.

— Аврора! — воскликнул я; её отчаяние давало мне надежду. — Аврора, выслушайте меня. Выслушайте вашего друга, вашего…

Она отняла руки от лица и подняла голову. Её полные слёз глаза пристально посмотрели в мои, и я снова прочёл в них вопрос.

В эту минуту у меня мелькнула мысль: "Долго ли мы будем одни? Нам могут помешать. И мне не представится другого случая объясниться с ней. Мне нельзя терять ни минуты. Я должен сейчас же сказать ей всё".

— Аврора, — начал я, — мы в первый раз остались наедине. Я страстно ждал этой встречи. Я должен сказать вам несколько слов — только вам одной.

— Мне одной, сударь? О чём?

— Аврора, я вас люблю!

— Меня? Ах, сударь, это невозможно!

— Не только возможно, Аврора, — это правда. Выслушайте меня. Я полюбил вас с первого взгляда, даже ещё раньше, потому что вы жили в моём сердце ещё до того, как я осознал, что видел вас… С той минуты я полюбил вас чистой и горячей любовью, а не той низменной страстью, какую вы только что отвергли. Это чувство безраздельно владеет моим сердцем. Днём и ночью я думаю только о вас, Аврора! Я вижу вас во сне и целый день храню в душе ваш образ. Не думайте, что любовь моя холодна, потому что я сейчас так трезво говорю с вами. Я должен держать себя в руках. Я пришёл к вам с твёрдым, обдуманным намерением, вот почему я могу спокойно говорить о своей любви. Я уже сказал вам, Аврора, что люблю вас. И повторяю: я вас люблю всем сердцем, всей душой!

— Вы любите меня? Ах, бедная девушка!

Её последние слова прозвучали так странно, что я невольно замолчал. Казалось, что это горестное восклицание относится не к ней, а к кому-то другому.

— Аврора, — продолжал я, — я всё сказал вам. Я был чистосердечен. Будьте и вы откровенны со мной. Скажите, вы любите меня?

Я задал бы этот вопрос с большей тревогой, если бы не был уже наполовину уверен в ответе.

Мы сидели рядом на низком диване. Я не успел ещё договорить, как почувствовал, что её лёгкие пальчики коснулись моей руки и нежно сжали её. Когда я замолчал, её головка опустилась ко мне на грудь, и она прошептала:

— Я тоже… с первого взгляда!

Мои руки обвились вокруг её стана, и несколько минут мы сидели молча. Истинная любовь не нуждается в объяснениях. Горячий поцелуй, глубокий взгляд, нежное пожатие руки или объятие понятны без слов. Долгое время мы обменивались лишь бессвязными восклицаниями. Мы были слишком счастливы, чтобы говорить. Мы молчали — говорили наши сердца.

Однако сейчас было не время и не место слепо отдаваться радостям любви, и вскоре осторожность заставила меня прийти в себя.

Надо было о многом условиться и обсудить дальнейшие планы, чтобы упрочить наше только что расцветшее счастье. Мы знали, какая пропасть разделяет нас сейчас. Мы понимали, что нам предстоит долгий и тернистый путь, прежде чем мы достигнем вершины счастья. Несмотря на минутное блаженство, будущее наше было темно и полно опасностей. Тревожные мысли вскоре развеяли наши сладкие грёзы.

Аврора теперь не боялась моей любви. Она никогда бы не заподозрила меня в обмане. Она не сомневалась, что я хочу жениться на ней. Любовь и благодарность внушили ей полное доверие ко мне, и мы говорили с такой откровенностью, какая возникает лишь после многолетней дружбы. Но надо было торопиться. Каждую минуту нас могли прервать. Мы не знали, когда снова встретимся. Приходилось быть очень краткими.

Я объяснил Авроре моё положение: через несколько дней я должен получить деньги, которых, надеюсь, хватит, чтобы осуществить моё намерение. Какое намерение? Выкупить мою невесту!

— А тогда, — закончил я, — нам остаётся только обвенчаться, Аврора!

— Увы! — ответила она со вздохом. — Даже будь я свободна, мы не могли бы обвенчаться здесь. Разве вы не знаете, что жестокий закон преследует нас, даже когда считается, что мы свободны?

Я отрицательно покачал головой.

— Мы не можем с вами пожениться, — продолжала она печально, — если вы не поклянётесь, что в ваших жилах тоже течёт африканская кровь.

Трудно поверить, что такой закон существует в христианской стране.

— Не думайте об этом, Аврора, — сказал я, стараясь утешить её. — Мне ничего не стоит дать такую клятву. Я возьму золотую шпильку из ваших волос, проколю эту голубую жилку на вашей прекрасной руке, выпью каплю вашей крови и дам нужную клятву!

Аврора улыбнулась, но через минуту её лицо снова омрачилось.

— Полно, дорогая Аврора! Прогоните ваши грустные мысли! Зачем нам венчаться именно здесь? Мы можем уехать в другое место. Есть другие страны, такие же прекрасные, как Луизиана, и церкви, такие же красивые, как собор Архангела Гавриила, где мы можем обвенчаться. Мы уедем на север, в Англию, во Францию — всё равно куда. Пусть это вас не тревожит!

— Меня тревожит не это.

— А что же, дорогая?

— Ах, я боюсь…

— Не бойтесь, скажите мне.

— Что вам не удастся…

— Что не удастся, Аврора?

— Стать моим хозяином… купить меня!..

И бедняжка опустила голову, словно стыдясь своего положения. Горячие слёзы брызнули у неё из глаз.

— Почему вы так думаете?

— Потому что уже многие пытались меня купить. Они давали много денег, гораздо больше, чем вы предполагаете, но из этого ничего не вышло: им не продали меня. Ах, как я была благодарна мадемуазель Эжени! Она всегда была моей защитницей. Она не хотела расставаться со мной. Как я была счастлива тогда! Но теперь… теперь совсем другое дело. Теперь как раз наоборот.

— Ну, так я дам ещё больше. Я отдам всё моё состояние. Этого, наверно, хватит. Раньше вас хотели купить с дурными целями, такими, как у Гайара. Ваша хозяйка знала об этом и потому не соглашалась.

— Это правда. Но она откажет и вам. Я так боюсь!

— Нет, я во всём сознаюсь мадемуазель Эжени. Я скажу ей, что у меня самые честные намерения. Я вымолю у неё согласие. И я уверен, что она мне не откажет. Если она мне благодарна…

— Ах, — воскликнула Аврора, прерывая меня, — она вам очень благодарна, вы даже не знаете, как благодарна! И всё же она никогда не согласится, никогда! Вы не знаете всего… Увы, увы!

Из глаз её снова брызнули слёзы, она склонилась на диван, и густые кудри скрыли от меня её лицо.

Её слова озадачили меня, и я уже хотел просить у неё объяснения, когда услышал шум подъезжающей коляски. Я бросился к открытому окну и взглянул поверх апельсиновой рощи. Над деревьями показалась голова, и я узнал кучера мадемуазель Безансон. Коляска подъехала к воротам.

Я был так взволнован, что не хотел встречаться с ней, и, наспех попрощавшись с Авророй, вышел из комнаты. С веранды я увидел, что если пойду по главной аллее, то могу столкнуться с мадемуазель Эжени. Я знал, что к конюшне можно пройти через боковую калитку и оттуда есть дорога в лес. Таким образом, я мог добраться до Бринджерса кружным путём. Спустившись с веранды, я прошёл через эту калитку и направился к конюшне.

Глава XXVI. НЕГРИТЯНСКИЙ ПОСЁЛОК

Вскоре я вошёл в конюшню, где моя лошадь приветствовала меня радостным ржаньем. Сципиона там небыло.

"Он, наверно, занят, — подумал я. — Должно быть, встречает свою госпожу. Не беда, я не буду его звать. Лошадь осёдлана, я сам взнуздаю её. Жаль только, что Сципион не получит обычной мелочи на чай". Взнуздав лошадь, я вывел её за ворота и вскочил в седло.

Дорога, которую я выбрал, вела в негритянский посёлок, а затем через поля в густой кипарисовый лес. Там её пересекала тропинка, которая снова выходила к береговой дороге. Я много раз ездил по этой тропинке и хорошо её знал.

Негритянский посёлок находился примерно в двухстах ярдах от господского дома: пятьдесят или шестьдесят небольших чистеньких хижин стояло по обе стороны широкой дороги. Все хижины были как две капли воды похожи одна на другую, и перед каждой из них росла большая магнолия или красивое китайское дерево с густой кроной и душистыми цветами. В тени этих деревьев множество темнокожих детей с утра до вечера возились в пыли. Они были всех возрастов, от крошечных ползунков до голенастых подростков, и всевозможных оттенков — от светлокожих квартеронов до чёрных бамбара, на коже которых, как острили американцы, "даже уголь оставляет светлые пятна". Если не считать толстого слоя пыли, ничто не прикрывало их наготу, ибо они целый день бегали голышом. Эти чёрные и жёлтые пострелята с утра до вечера копошились перед хижинами, играя стеблями сахарного тростника, арбузными корками и кукурузными кочерыжками, такие же счастливые и беззаботные, как какой-нибудь маленький лорд в своей увешанной коврами детской, среди дорогих заграничных игрушек.

В негритянском посёлке вам бросаются в глаза воткнутые перед многими хижинами высокие шесты или крепкие стебли тростника, на которых насажены громадные пустые жёлтые тыквы с пробитой сбоку дырой.

Это домики красных стрижей, самой красивой породы американских ласточек, которых очень любят здешние темнокожие, как когда-то любили их краснокожие обитатели этих мест.

Вы увидите, что на стенах хижин висят гирляндами длинные связки зелёного и красного стручкового перца, а кое-где и пучки сухих лекарственных трав, которыми пользуется "негритянская медицина". Их

повесила сюда какая-нибудь тётушка Феба, или тётушка Клеопатра, или бабушка Филис; а при виде восхитительного кушанья, которое может изготовить любая из них, взяв описанные выше красные и зелёные стручки и сдобрив их разными пахучими травами, растущими в маленьком огороде возле хижины, у самого тонкого гурмана потекут слюнки.

На стенах некоторых хижин вы увидите и шкуры представителей животного царства: кролика, енота, опоссума или серебристой лисы, иногда мускусной крысы и даже болотной дикой кошки, или рыси. Хозяин хижины, на которой сушится шкура рыси, становится героем дня, ибо рысь — самый редкий зверь, встречающийся теперь на берегах Миссисипи. Вы не увидите здесь шкур кугуара и лани; хотя эти животные и водятся в ближних лесах, но они недоступны для негритянского охотника, которому запрещено пользоваться огнестрельным оружием. Более мелких животных, о которых мы говорили, можно изловить и без ружья, и шкуры, висящие около хижин, — это трофеи многих ночных охот, добыча, принесённая каким-нибудь Цезарем, Сципионом, Ганнибалом или Помпеем. Слыша в негритянском посёлке все эти имена, вы можете вообразить себя в древнем Риме или Карфагене.

Однако этим носителям громких имён никогда не доверяют такого опасного оружия, как карабин. Своими успехами на охоте они обязаны только собственной ловкости; оружием им служат лишь палка да топор, а вместо гончей собаки — простая дворняжка. Многочисленные представители этой породы валяются в пыли вместе с негритянскими ребятишками и, видимо, чувствуют себя не менее счастливыми, чем они. Охотничьи трофеи развешаны на стенах домов не для украшения. Нет, их повесили просушить, а потом заменят другими, а эти отнесут на продажу. В воскресенье, когда дядя Сиз или Зип, дядя Хэнни или Помп в праздничной одежде отправятся в город, каждый из них захватит с собой свёрток со шкурками. Они зайдут потолковать к лавочнику, а тот выложит им пик[12] за мускусную крысу, бит (испанский реал) за енота и четвертак за лису или "кошку", после чего четыре дяди-охотника

обменяют полученные монеты на всякого рода гостинцы для четырёх оставшихся дома тётушек; эти "излишества" служат дополнением к обычному рациону риса со свининой, который получают темнокожие на плантации.

Такова нехитрая экономика негритянского посёлка.

Войдя в негритянскую деревню (негритянский посёлок при крупной плантации можно вполне назвать деревней), вы можете сами наблюдать эти мелкие подробности её жизни. Они видны и невооружённому глазу.

Вы увидите также стоящий на отшибе дом надсмотрщика. В поместье Безансонов он находился на краю посёлка, фасадом к проезжей дороге.

Дом был, конечно, совсем в другом роде, с претензией на архитектуру: двухэтажный, с жалюзи на окнах и с верандой.

Невысокая ограда оберегала его от вторжения негритянских ребятишек, однако страх перед ремённой плетью делал эту предосторожность совершенно излишней.

Когда я подъехал к посёлку, мне сразу бросилось в глаза его своеобразие; дом надсмотрщика, возвышавшийся над маленькими лачугами, казалось, сторожил и оберегал их, словно наседка выводок цыплят.

Большие красные ласточки стрелой носились взад и вперёд, на минуту замирали у входа в свои домики-тыквы и с весёлым щебетом — туить-туить-туить — улетали прочь. Весь посёлок был наполнен ароматом китайских деревьев и магнолий, который далеко разносился вокруг.

Подъехав ещё ближе, я услышал смутный гул голосов, мужских, женских и детских, с характерными для негритянской речи интонациями. Я заранее представлял себе уже не раз виденную мной картину: мужчины и женщины заняты разными домашними делами; одни, сидя перед своими хижинами в тени деревьев, отдыхают после полевых работ (в этот час они уже окончены) или, собравшись кучками, весело болтают между собой; другие чинят у порога рыболовные сети или силки, с помощью которых надеются поймать "большую кошку" или выловить в тихой заводи буйвол-рыбу; кое-кто из мужчин колет дрова, вытаскивая их из общей большой поленницы, а длинноногие подростки относят их в хижины, где чёрные тётушки готовят вечернюю трапезу.

Эта патриархальная картина навела меня на размышления о кое-каких преимуществах единовластия в деревне, если не в образе рабовладельца, то в духе Раппа[13] и социальных экономистов.

"Вот как при таком патриархальном строе можно обходиться без сложного государственного аппарата, — говорил я себе. — Как это просто и мило и вполне достигает цели!"

Да, конечно. Но я проглядел одно обстоятельство — — несовершенство человеческой природы: проглядел возможность, даже вероятность, увы, чаще всего неизбежность превращения патриарха в деспота.

Но что это? Громкий голос… вернее, крик.

Крик радости? Нет, напротив, в нём слышится страдание. Болезненный стон, крик смертельной муки. Другие долетавшие до меня голоса звучали взволнованно, даже зловеще и не были похожи на обычный деревенский гомон.

Снова раздался этот крик смертельной муки, ещё громче и протяжней. Он слышался из негритянского посёлка. В чём дело?

Я пришпорил свою лошадь и галопом поскакал в деревню.

Глава XXVII. ДЬЯВОЛЬСКИЙ ДУШ

Через несколько секунд я выехал на широкую дорогу между двумя рядами хижин и, натянув поводья, осмотрелся вокруг.

Зрелище, которое я увидел, мигом развеяло мои мечты о патриархальной идиллии. Передо мной была картина тирании и пыток — сцена из трагической жизни рабов.

На самом краю посёлка, в стороне от дома надсмотрщика, за оградой виднелось большое здание — сахароварня. Внутри ограды стоял огромный насос высотой в десять футов с водоотливом на верхнем конце. Насос снабжал водой сахароварню, куда вода стекала по узкому жёлобу. Под насосом был устроен помост высотой в два-три фута, чтобы человек, качающий воду, мог достать до его ручки.

Я сразу обратил внимание на этот помост, так как мужчины обступили его плотным кольцом, а женщины и дети, столпившись вдоль ограды, смотрели туда же.

Все собравшиеся казались мрачными и подавленными, их лица выражали жалость и испуг. Я слышал ропот, короткие восклицания и всхлипывания, свидетельствующие об общем сочувствии кому-то, кто страдает. Я видел сурово сдвинутые брови, говорившие о жажде мести. Но таких было немного; у большинства лица выражали лишь ужас и покорность.

Нетрудно было догадаться, что услышанный мною крик раздавался среди тех, кто стоял вокруг насоса, и, взглянув туда, я сразу понял, в чём дело. Здесь наказывали кого-то из рабов.

Сбившиеся в кучу люди заслоняли от меня несчастного раба, но я увидел над их головами обнажённого по пояс темнокожего Габриэля, стоявшего на площадке и изо всех сил качавшего воду.

Габриэль был высокий и очень сильный темнокожий-бамбара; на плечах у него было выжжено клеймо — королевская лилия. Этот человек свирепого вида отличался, как мне говорили, жестоким и грубым нравом; его боялись не только темнокожие, но даже белые, которым приходилось иметь с ним дело. Сейчас наказывали не его — наоборот, он, видимо, служил орудием пытки.

Да, это наказание было настоящей пыткой, я хорошо знал его.

Жёлоб, проводящий воду, был отодвинут; жертва стояла под насосом, на том месте, куда падала струя воды. Несчастного крепко привязали к кольям, так что он не мог пошевелиться, и струя непрерывно лилась ему на темя.

"И это пытка?" — спросите вы. Вы, может быть, не верите? Вы думаете, что это вовсе не так мучительно? Просто купанье, холодный душ — и ничего больше!

Вы правы. Первые полминуты это просто холодный душ, но дальше... Поверьте, струя расплавленного свинца или частые удары обухом по голове причиняют не больше страданий, чем эта непрерывно падающая струя холодной воды. Это невыносимая пытка, жестокое истязание! Недаром его прозвали дьявольским душем!

Но вот снова раздался крик смертельной муки, от которого кровь застыла у меня в жилах.

Как я уже говорил, сначала я не видел жертвы этой пытки. Но когда я подъехал ближе, темнокожие поспешно расступились, как будто

хотели сделать меня свидетелем происходящего. Все они знали меня и, наверно, заметили, что я от души сочувствую их обездоленному народу.

Тут мне открылась ужасная сцена; увидев её, я вздрогнул. Пытали высокого, очень тёмного темнокожего. Рядом с ним стояли, обнявшись, пожилая мулатка и молоденькая девушка — мать и дочь — и горько рыдали. Я слышал их крики и причитания, несмотря на громкий плеск воды и отделявшее меня от них расстояние. Я узнал их с первого взгляда: это были малютка Хлоя и её мать!

Я быстро перевёл глаза на несчастную жертву. Струя воды падала ему на голову и плотной завесой закрывала лицо, но по большим, торчащим, как крылья, ушам я сразу узнал, кто он. Это был Сципион.

И снова я услышал крик смертельной муки, такой скорбный и долгий, словно он вырвался из глубины его души.

Я не стал дожидаться, чтобы он замолк. Меня отделяла от страдальца дощатая ограда. Ну так что ж? Ни минуты не раздумывая, я повернул лошадь, чтобы дать ей разбег, пришпорил её, и она, как птица, перелетела через ограду. Не останавливаясь и не слезая с лошади, я подскакал к помосту, поднял хлыст и со всего размаха ударил Габриэля по обнажённой спине. Темнокожий завопил, бросил ручку насоса, словно она была из раскалённого железа, и, спрыгнув с помоста, с воем бросился к своей хижине.

В толпе темнокожих послышались одобрительные возгласы; но моя лошадь, разгорячённая неожиданным прыжком, храпела и рвалась вперёд, так что прошло несколько минут, прежде чем я успокоил её. Тут я заметил, что темнокожие внезапно притихли и ропот одобрения сменила зловещая тишина. Я услышал, как те, что стояли ближе, бормотали, чтобы я поостерёгся, как будто опасаясь за меня. Кто-то крикнул:

— Ларкин, Ларкин! Берегитесь, масса! Он идёт сюда!

Тут за моей спиной послышалось отвратительное ругательство. Я обернулся. Да, это был надсмотрщик.

Он только что вышел из задних дверей своего дома; всё это время он наблюдал за пыткой из своего окна.

Мне до сих пор не приходилось встречаться с ним. Ко мне приближался человек с грубым и жестоким лицом, франтовато, но безвкусно одетый, с тяжёлым бичом в руке. Он весь побелел от ярости и, по-видимому, собирался напасть на меня. При мне не было другого оружия, кроме тонкого хлыста, но я приготовился к защите. Он бежал, выкрикивая страшные проклятия. Поравнявшись с моей лошадью, он остановился и проревел:

— Как ты смеешь, чёрт тебя дери, совать нос в мои дела? Кто ты такой, будь ты проклят?! Разве ты…

Вдруг он разом оборвал свой крик и уставился на меня. Я смотрел на него с таким же удивлением, так как узнал в нём моего противника на пароходе. Это был герой с охотничьим ножом! В то же мгновение и он узнал меня. Он остолбенел от неожиданности, но тут же пришёл в себя.

— Провались ты к дьяволу! — закричал он, приходя в ещё большее бешенство. — Так это ты? К чёрту бич! У меня есть для тебя кое-что получше!

С этими словами он выхватил из кармана пистолет и взвёл курок, целясь мне в грудь.

Я был верхом, и лошадь моя не стояла на месте, иначе он, наверно, сразу выстрелил бы в меня; но когда пистолет блеснул в его руке, лошадь взвилась на дыбы и прикрыла меня своим телом.

Как я сказал, у меня не было никакого оружия, кроме хлыста. К счастью, это был крепкий хлыст с тяжёлой кованой рукояткой. Я быстро перевернул его в руке и, когда передние копыта моей лошади вновь коснулись земли, глубоко вонзил ей шпоры в бока; она сделала громадный скачок вперёд. Теперь я оказался прямо против моего противника; когда лошадь прыгнула, он отступил назад и не успел снова прицелиться. Прежде чем он навёл на меня пистолет, я изо всей силы ударил его рукояткой хлыста по голове, и он, согнувшись, свалился на землю. Падая, он спустил курок, но пуля, к счастью, вонзилась в землю между копытами моей лошади, никого не задев. А пистолет отлетел в сторону и упал недалеко от него.

Поистине мне повезло: я вовремя пришпорил лошадь, а она сделала точный прыжок. Если бы я промахнулся, мне не удалось бы снова его ударить. Пистолет был двуствольный, притом позже оказалось, что у Ларкина есть и второй такой же.

Надсмотрщик лежал неподвижно, как мёртвый, и я начал бояться, не убил ли я его. Это грозило бы мне тяжёлыми последствиями. Хотя я и не нападал на него, а защищался, но кто бы это доказал? Свидетельства всех окружавших меня людей, вместе взятые, не стоили клятвы одного белого человека, а уж в данном случае они ровно ничего не стоили. Если принять во внимание, что было поводом нашего столкновения, их свидетельство могло скорее повредить мне, чем помочь. Да, трудное положение…

Сойдя с лошади, я подошёл к лежавшему на земле Ларкину, которого окружили темнокожие. Они расступились передо мной. Став на колени, я осмотрел его голову. Кожа была рассечена, и из раны сочилась кровь, но череп был не повреждён.

Убедившись в этом, я успокоился. И в самом деле, не успел я подняться с колен, как с облегчением увидел, что Ларкин, которого спрыснули холодной водой, начинает приходить в себя. Тут я заметил у

него за пазухой второй пистолет. Я вытащил его, поднял тот, что лежал на земле, и взял их себе.

— Когда он очнётся, передайте ему, — сказал я, — что, если он вздумает ещё раз на меня напасть, у меня тоже будет оружие.

Затем я приказал отнести его домой, а сам занялся его жертвой. Бедный Сципион! Он перенёс такую страшную пытку, что ещё долго не мог объяснить мне, за что был так жестоко наказан. Но когда он наконец рассказал, в чём дело, кровь закипела во мне от возмущения.

Сципион застал Ларкина за деревней около сарая, куда тот тащил маленькую Хлою; девочка кричала и вырывалась. Возмущённый отец, понятно, заступился за дочку и ударил надсмотрщика. За это, согласно закону, темнокожему могли отрубить руку. Но белый негодяй побоялся придать огласке это дело, чтобы не повредить себе, и предпочёл заменить законное наказание доморощенной пыткой под насосом.

Первым моим побуждением, когда я услышал эту гнусную историю, было вернуться на плантацию, рассказать всё мадемуазель Безансон и убедить её в необходимости избавиться от этого негодяя, чего бы ей это ни стоило. Но, поразмыслив, я изменил своё намерение. Я подумал, что лучше поеду завтра утром, чтобы решить дело, гораздо более важное для меня. Завтра я хотел говорить с ней об Авроре.

"Я могу начать разговор с бедного Сципиона, — подумал я. — Это будет вступлением к более важной теме".

Пообещав моему старому приятелю заступиться за него, я вскочил в седло и тронулся в путь, провожаемый горячо благодарившими меня темнокожегоми.

Пока я ехал шагом по деревне, женщины и девушки-подростки выбегали из хижин и, хватаясь за стремена, целовали мне ноги.

На минуту я даже забыл о пылкой любви, всё это время наполнявшей моё сердце. Её место заняло спокойное, сладостное счастье — счастье от сознания, что я совершил доброе дело.

Глава XXVIII. ГАЙАР И БИЛЛ-БАНДИТ

Покинув негритянский посёлок, я раздумал ехать кружным путём. Теперь мадемуазель Безансон, наверно, узнает о моём посещении, и не важно, увидят ли меня из дома. Я был разгорячён не меньше, чем моя лошадь, и нам ничего не стоило преодолеть любое препятствие. Итак, я повернул обратно, перескочил через две-три ограды, пересёк хлопковое поле и выехал на береговую дорогу.

Вскоре лошадь моя успокоилась, и я поехал медленней, размышляя о только что происшедших событиях.

Я был уверен, что Гайар устроил этого негодяя на плантацию с какой-то тайной целью. Знали ли они друг друга раньше, я не мог сказать, но подобные люди инстинктивно находят и с первого слова понимают друг друга; вполне возможно, что Гайар и подобрал его только после кораблекрушения.

На пароходе, судя по тому, с каким азартом Ларкин держал пари, я думал, что он просто шулер; возможно, что в последнее время он и занимался этим. Однако несомненно, что ему и раньше приходилось "погонять" темнокожих; во всяком случае, он не был новичком в этом деле.

Странно, что он столько времени служил на плантации и ничего не знал обо мне. Впрочем, это объяснялось очень просто: пока я жил у мадемуазель Эжени, он ни разу не встречался со мной. Кроме того, он, вероятно, и не подозревал, что она — та самая дама, чьим спасательным поясом он хотел завладеть. Это предположение было вполне правдоподобным, так как на судне были и другие дамы,

спасавшиеся при помощи стульев, кресел и пробковых поясов. Вероятно, он не видел мадемуазель Эжени до того, как она спрыгнула в воду, и потому не мог теперь её узнать.

Причина моей болезни была известна только мадемуазель Эжени, Авроре и Сципиону, которому приказали не болтать об этом с темнокожегоми. Кроме того, надсмотрщик, будучи на плантации человеком новым, почти не видел свою хозяйку и получал все распоряжения от Гайара; к тому же это был невежественный и тупой детина.

Вероятнее всего, до нашей встречи он не подозревал, что я его бывший противник на судне, а Эжени Безансон — та дама, за которой он было погнался. Он, конечно, слышал, что я живу на плантации, но считал, что я просто пассажир с потерпевшего аварию парохода, раненый или ошпаренный, каких очень много подобрали на берегу; не было почти ни одного дома у реки, где не приютили бы какого-нибудь раненого или захлебнувшегося человека. Вдобавок он был очень занят своими делами или, вернее, делами Гайара, ибо я не сомневался, что между ними существует какой-то тайный сговор. Как он ни туп, у него есть качества, которые его хозяин мог оценить дороже ума и которыми сам не обладает: грубая сила и наглость. Он, конечно, нужен Гайару, иначе тот не держал бы его здесь.

Теперь он узнал меня и, видимо, не скоро забудет. Станет ли он искать случая мне отомстить? Да, несомненно, но, вероятно, каким-нибудь тайным, подлым способом. Я не боялся, что он нападёт на меня открыто. Я был уверен, что он чувствует себя побеждённым и трусит. Мне уже приходилось встречать таких людей, и я знал, что, потерпев поражение, они тотчас поджимают хвост. Это был не смельчак, а наглец.

Я не боялся открытого нападения. Но мне могла угрожать тайная месть, а может быть, и преследование закона. Вас, вероятно, удивит,

что мне пришла в голову мысль о законе? Но это так, и у меня для этого были основания.

Узнав тайные цели Гайара, раскрыв его гнусные намерения завладеть Авророй и встретившись с Ларкином, я понял, что настало время действовать. Меня охватила тревога, и я решил, что должен как можно скорее поговорить с мадемуазель Безансон о том, что больше всего волновало меня, — о выкупе Авроры. Теперь, когда мы с Авророй открылись друг другу и, можно сказать, обручились, нельзя было терять даром и часа.

Я подумал было вернуться назад и уже повернул свою лошадь, но снова заколебался. Меня одолели сомнения. Я опять повернул лошадь и поехал в Бринджерс, решив, что возвращусь завтра рано утром.

Въехав в селение, я отправился прямо в гостиницу. На столе в своей комнате я нашёл письмо с чеком на двести фунтов стерлингов. Его переслал мне Новоорлеанский банк, получивший для меня деньги из Англии. В письме сообщалось, что через несколько дней мне вышлют ещё пятьсот фунтов. Я почувствовал большое облегчение, получив эти деньги, так как мог теперь уплатить свой долг Рейгарту, что и сделал с большим удовольствием в тот же день.

Я провёл ночь в сильной тревоге и почти не сомкнул глаз. И неудивительно: завтра решалась моя судьба. Что принесёт мне этот день — счастье всей жизни или отчаяние? Тысячи надежд и опасений осаждали меня; моя участь зависела от предстоящего разговора с Эжени Безансон. Я ждал этого разговора с ещё большим волнением, чем вчерашнего свидания с Авророй, быть может, потому, что теперь я меньше надеялся на благоприятный исход.

Рано утром, как только можно было нанести визит, не нарушая приличий, я был уже в седле и скакал к плантации Безансонов.

Выезжая из селения, я заметил, что встречные смотрят на меня с каким-то особым интересом.

"Видно, им известно о моём столкновении с надсмотрщиком, — подумал я.

— Наверно, темнокожие уже всё разболтали. Такие вещи быстро узнаются".

Однако мне показалось, что люди глядят на меня отнюдь не дружелюбно. Неужели меня осуждают за то, что я защищался? Обычно победитель в подобном столкновении вызывает всеобщее сочувствие, тем более в верной рыцарским традициям Луизиане. Почему же эти люди косо смотрят на меня? В чём я провинился? Я ударил хлыстом человека, которого все считают наглецом, и сделал это лишь защищаясь. По местным понятиям, мой поступок должен был вызвать всеобщее одобрение.

Тогда почему же... Впрочем, понял! Вот в чём дело: я стал между белым и чёрным. Я заступился за темнокожего и не дал наказать его. Вот что могло быть причиной этой враждебности. Возможно, была и другая, хотя и нелепая причина. В окрестностях ходили слухи, что я "в близких отношениях с мадемуазель Безансон" и будто в один прекрасный день "этот выскочка", которого никто не знает, похитит богатую наследницу.

Нет такого уголка на земле, где подобная удача не вызвала бы зависти. Соединённые Штаты не были исключением из общего правила, и я знал, что из-за этих глупых сплетен на меня косятся многие молодые плантаторы и щеголеватые торговцы, слоняющиеся по улицам Бринджерса.

Я ехал, не обращая внимания на эти враждебные взгляды, и скоро забыл и думать о них. Душа моя была полна тревоги перед предстоящим свиданием, и такие мелочи не трогали меня.

Эжени, конечно, уже знает о вчерашнем происшествии. Интересно, что она думает о нём? Я был уверен, что негодяя надсмотрщика навязал ей Гайар. Вряд ли он мог нравиться ей. Вопрос в том, хватит ли у неё смелости, вернее — будет ли в её власти прогнать его даже после того, как она узнает, что он за негодяй. Вот в чём я сомневался.

Я горячо сочувствовал бедной девушке. Я был уверен, что она должна Гайару очень крупную сумму и этим он держит её в руках. Всё, что он говорил вчера Авроре, лишь подтверждало мои догадки. Кроме того, до Рейгарта дошли слухи, что Гайар недавно подал в суд ко взысканию долга и его иск удовлетворён новоорлеанским судом; ему не чинят никаких препятствий, и он может в любой момент потребовать наложения ареста на всё её имущество или на значительную его часть, покрывающую нужную сумму. Всё это Рейгарт рассказал мне накануне вечером; его сообщение ещё больше встревожило меня и заставило особенно спешить с выкупом Авроры.

Пришпоривая коня, я скакал галопом и вскоре подъехал к плантации. У ворот я спешился. Здесь никого не оказалось, чтобы принять у меня лошадь, но в Америке на это не обращают внимания, и садовая решётка или просто ветка часто заменяют конюха.

Вспомнив об этом обычае, я привязал лошадь к ограде и направился к дому.

Глава XXIX. "ОНА ВАС ЛЮБИТ!"

Вполне понятно, что я снова вспомнил моего вчерашнего противника. Встречу ли я его? Вряд ли. Знакомство с моим хлыстом, вероятно, вызвало у него такую головную боль, что он несколько дней

не выйдет из дому. Однако я был готов к неожиданной встрече. За пазухой у меня лежал его двуствольный пистолет, которым я решил воспользоваться, если он нападёт на меня. Первый раз в жизни я носил запрещённое оружие, но в те времена таков был обычай в этой стране, обычай, которому следовали девятнадцать из двадцати встречных на улице — плантаторы, торговцы, адвокаты, врачи и даже священники! Итак, я приготовился, и меня не пугала встреча с Биллом-бандитом. И если сердце моё билось слишком часто, а походка была не очень уверенной, то это только из-за предстоящего разговора с его госпожой.

Я вошёл в дом, изо всех сил стараясь подавить своё волнение. Мадемуазель Эжени была в гостиной. Она встретила меня спокойно и непринуждённо. К моему удивлению и удовольствию, она казалась веселей, чем обычно, и я заметил многозначительную улыбку на её лице. Я даже подумал, что она довольна вчерашним происшествием, ибо, несомненно, знала о нём. Я это ясно видел.

Авроры не было в гостиной, и я был рад, что её нет. Я надеялся, что она совсем не придёт или хотя бы не скоро. Я был смущён. Я не знал, как начать разговор, как приступить к вопросу, который так давно лежал у меня на душе. Мы перекинулись несколькими незначительными фразами, а затем заговорили о вчерашних событиях. Я всё рассказал ей, всё, за исключением сцены с Авророй. О ней я умолчал.

Некоторое время я колебался, говорить ли ей, кем оказался её надсмотрщик. Когда она узнает, что это тот самый негодяй, который ранил меня и, если бы не моё вмешательство, погубил бы её, она конечно, настоит на том, чтобы его прогнали, чего бы это ей ни стоило.

На минуту я задумался о последствиях такого шага. "Если этот негодяй останется подле неё, она никогда не будет в безопасности, — подумал я. — Лучше ей отделаться от него раз навсегда". И я решился рассказать ей всё. Она была потрясена; несколько минут она сидела, сжав руки, в безмолвном отчаянии. Наконец она простонала:

— Гайар… Гайар… Это всё он, всё он… Боже мой! Боже мой! Где мой отец? Где Антуан? О Боже, сжалься надо мной!

Выражение её прелестного, омрачённого горем лица глубоко тронуло меня. Она была похожа на ангела скорби, печального, но прекрасного.

Я пытался успокоить её, говоря обычные слова утешения. Конечно, я не знал всех причин её горя, однако она внимательно выслушала меня, и, кажется, мои слова были ей приятны.

Тогда, набравшись храбрости, я решил спросить, что её так угнетает.

— Мадемуазель Эжени, — сказал я, — простите мою смелость, но вот уже некоторое время я наблюдаю… вернее, замечаю, что какая-то тайная печаль удручает вас…

Она посмотрела на меня с молчаливым удивлением. Я немного растерялся, заметив этот странный взгляд, а затем продолжал:

— Простите меня, мадемуазель Эжени, если я слишком смело говорю с вами, но, уверяю вас, мои намерения…

— Продолжайте, сударь, — ответила она спокойным, печальным голосом.

— Я заговорил об этом потому, что, когда имел удовольствие впервые познакомиться с вами, вы держали себя иначе… можно сказать, совершенно не так, как сейчас…

Она взглянула на меня и ответила мне лишь печальной улыбкой. Я на минуту умолк, а потом продолжал:

— Когда я впервые заметил в вас эту перемену, мадемуазель Эжени, я объяснил её горем из-за гибели верного слуги и друга.

Она снова грустно улыбнулась.

— Но с тех пор прошло уж много времени, а ваше горе…

— Вы замечаете, что горе моё всё не проходит?

— Да.

— Вы правы, сударь, это так.

— Поэтому я и решил, что есть какая-то другая причина вашей печали, и невольно стал искать её…

Я снова встретил её удивлённый, испытующий взгляд и замолчал. Но вскоре я опять заговорил, желая высказаться до конца:

— Простите, что я вмешиваюсь в ваши дела, но позвольте мне спросить вас… Мне кажется, что причина вашего несчастья Гайар?

Она вздрогнула, услышав мой вопрос, и сильно побледнела. Но в следующую минуту овладела собой и ответила спокойно, но со странным выражением лица:

— Увы, сударь, ваши подозрения справедливы лишь отчасти… О Боже, помоги мне! — вдруг воскликнула она, и в голосе её прозвучало отчаяние. Затем, сделав над собой усилие, она продолжала другим, более спокойным тоном: — Пожалуйста, сударь, оставим этот разговор. Я обязана вам жизнью и глубоко благодарна. Если бы я знала, как отплатить вам за ваше великодушие и вашу… вашу дружбу! Быть

может, когда-нибудь вы всё узнаете… Я и сейчас сказала бы вам, но тут… тут есть ещё причина, и я… нет, я не могу!

— Мадемуазель Эжени, умоляю вас, не думайте, что это лишь праздный вопрос. Я спросил не из пустого любопытства. Поверьте, у меня были благородные побуждения…

— Я знаю, сударь, знаю… Но лучше оставим эту тему. Прошу вас, поговорим о чем-нибудь другом.

О другом! Мне не нужно было искать новую тему для разговора — стоило только дать волю своему чувству. Это чувство, переполнявшее моё сердце, само просилось наружу. И в быстрых, бессвязных словах я поведал ей о своей любви к Авроре.

Я подробно описал историю моей любви с первой встречи, когда я принял её за видение, до последнего объяснения, когда мы дали друг другу слово.

Эжени сидела на низком диване против меня, но из застенчивости я говорил, не поднимая глаз. Она слушала, не прерывая меня, и мне казалось, что это — добрый знак.

Но вот я кончил и с замиранием сердца ждал от неё ответа, как вдруг услышал глубокий вздох, затем глухой стук и сразу поднял глаза. Эжени лежала на полу. Она была в обмороке.

Быстро нагнувшись, я поднял её и уложил на диван. Затем повернулся, собираясь позвать кого-нибудь на помощь, но в ту же минуту дверь отворилась, и кто-то вбежал в комнату. Это была Аврора.

— Боже мой! — воскликнула она. — Вы убили её! Она вас любит! Она вас любит!

Глава XXX. ТРЕВОЖНЫЕ ДУМЫ

Эту ночь я снова провёл без сна. Что теперь с Эжени? Что с Авророй?

Всю ночь меня осаждали мысли, в которых радость причудливо переплеталась с грустью. Любовь квартеронки наполняла меня радостью, но, увы, при мысли о креолке меня охватывала глубокая грусть. Теперь я не сомневался, что Эжени меня любит, однако это чувство не только не радовало меня, но, напротив, вызывало во мне горячую жалость. Только низкая, тщеславная душа может упиваться такой победой, только жестокое сердце может радоваться любви, которую не в состоянии разделить! Я не способен на это. Я был глубоко огорчён.

Я старался восстановить в памяти всё, что произошло между мной и Эжени Безансон со времени нашего знакомства. Я допрашивал свою совесть: был ли я в чём-либо виноват перед ней? Пытался ли я словом, взглядом или поступком вызвать её любовь? Произвести на неё особое впечатление, которое в таком увлекающемся сердце часто переходит в глубокое чувство? Может быть, ещё на пароходе? Или после? Я вспомнил, что, когда впервые увидел её, я смотрел на неё с восхищением. Вспомнил, что заметил в её взгляде странный интерес ко мне и приписал его простому любопытству или чему-то в этом роде. Тщеславие, которое не чуждо мне, как и всякому другому, не заговорило во мне тогда, не объяснило, что значит этот нежный взгляд, не подсказало, что это росток любви, который может превратиться в пышный цветок. Моя ли вина, что этот роковой цветок распустился?

Я подробно вспомнил всё, что произошло между нами за это время. Вспомнил все события на пароходе и последнюю трагическую сцену. Но я не мог припомнить ни взгляда, ни слова, ни поступка, за который мог бы осудить себя. Я допросил свою совесть, и она сказала мне, что я не виноват.

И дальше — после той ужасной ночи, после того как таинственное лицо с блестящими глазами, словно видение, промелькнуло в моём затуманенном сознании, я был не повинен ни в одном низменном помысле. В дни моего выздоровления, за всё время, проведённое на плантации, я ни в чём не мог себя упрекнуть. Я выказывал Эжени Безансон только глубокое уважение и больше ничего. Втайне я чувствовал к ней искреннюю симпатию, особенно после того, как заметил происшедшую в ней перемену и боялся, что зловещая туча грозит её счастью, но не высказывал своих опасений. Бедная Эжени! Я и не подозревал, что это за туча! Не подозревал, как она черна.

Несмотря на то, что я не чувствовал за собой вины, я очень страдал. Если бы Эжени Безансон была заурядной женщиной, я отнёсся бы к этому более легко. Но как перенесёт боль неразделённой любви это благородное сердце, такое пылкое и чувствительное? Какой это для неё ужасный удар! Быть может, особенно тяжёлый потому, что соперницей оказалась её собственная невольница.

Так вот какой поверенной открыл я свою тайну! Вот кому поведал я историю моей любви! Ах, зачем я сделал это признание? Какую боль я причинил прекрасной и несчастной девушке!

Все эти печальные мысли осаждали меня; но были и другие, не менее горькие, хотя они и шли из другого источника. Каковы будут последствия моей откровенности? Как всё это отразится на нашей участи — моей и Авроры? Как поступит Эжени? Как отнесётся ко мне? И к Авроре, своей невольнице?

Она не ответила на моё признание. Её безмолвные уста не произнесли ни слова на прощанье. С минуту я смотрел на её неподвижное тело. Но Аврора кивнула мне, чтобы я уходил, и я покинул их в полном смятении, не сознавая, куда иду.

Что же будет теперь? Я с дрожью думал об этом. Гнев, вражда, месть?

Может ли эта чистая, благородная душа питать такие чувства?

"Нет, — думал я, — Эжени Безансон слишком добра, слишком женственна, она на это не способна. Могу ли я надеяться, что она пожалеет меня, так же как я жалею её? Или не могу? Ведь она креолка и унаследовала горячую кровь своих предков. Если в ней вспыхнет ревность и жажда мести, её благодарность может угаснуть, а любовь превратится в ненависть. Её собственная невольница!"

Ах, я прекрасно понимаю всё значение подобных отношений, но не сумею вам объяснить их до конца. Вам не понять этого страшного неравенства. Представьте себе унизительный брак помещика-аристократа с дочерью его холопа или знатной дамы с её безродным лакеем и подумайте, какое возмущение, какой скандал вызовет этот редкий случай. Но всё это ничто в сравнении с отвращением и ужасом, которые вызовет белый, вступивший в законный брак с невольницей. Не важно, что у неё белая кожа, не важно, что она красавица, даже такая красавица, как Аврора — тот, кто захочет жениться на ней, должен увезти её подальше от родины, подальше от тех мест, где её знают. Взять её в наложницы — другое дело! Подобная связь простительна. Южное общество готово признать рабыню-наложницу, но никак не рабыню-жену: это немыслимо, чудовищно, этого общество не потерпит.

Я знал, что умница Эжени стоит выше предрассудков своего класса, но даже и от неё трудно было ожидать, что она не посчитается с предрассудком, запрещающим жениться на рабыне. Да, надо поистине обладать сильным духом, чтобы сбросить с себя оковы, в которых держат человека воспитание, привычки, обычаи, весь жизненный уклад. Несмотря на характер Эжени, несмотря на её привязанность к Авроре, я не мог на это надеяться.

Аврора была её наперсницей, её подругой, но всё же и её рабыней!

Я дрожал при мысли о будущем. Я дрожал, ожидая новой встречи с Эжени. Впереди я видел лишь опасности и мрак. У меня была только одна надежда, одна радость — любовь Авроры!

Я поднялся с постели после бессонной ночи. Быстро одевшись, я машинально проглотил свой завтрак. Но что было делать дальше? Ехать на плантацию и попытаться снова увидеть Эжени? Нет, не сейчас. У меня не хватало смелости. Пусть пройдёт день-другой, и тогда я поеду. Быть может, Эжени пришлёт за мной? Быть может… Во всяком случае, лучше переждать несколько дней. Ах, какими долгими будут они для меня!

Общество людей было мне невыносимо. Я избегал разговоров, хотя заметил, как и накануне, что привлекаю всеобщее внимание и, очевидно, служу предметом пересудов среди завсегдатаев бара и моих знакомых по биллиарду. Чтобы избежать их, я не выходил из своей комнаты и пытался убить время за книгой.

Но вскоре мне надоела эта жизнь отшельника, и на третье утро я взял ружьё и отправился в лес.

Вскоре и шагал между рядами высоких пирамидальных кипарисов, густая, непроницаемая зелень которых смыкалась надо мной, закрывая небо и солнце. Сумрак, царивший в лесу, отвечал моему настроению, и я шёл, погружённый в свои мысли, не замечая, куда иду.

Я не искал дичи. Я и не думал об охоте. Ружьё болталось у меня за плечом. Енот, который обычно выходит только ночью, в этом тёмном лесу встречается и среди дня. Я видел, как этот зверёк прятал свою добычу в заводи и скользил между стволами кипарисов. Я видел, как опоссум пробирался по упавшему тополю, а рыжая белка, мелькая, словно яркий огонёк, прыгала, распушив хвост, на высоком тюльпанном

дереве. Я видел крупного болотного зайца, скакавшего по краю густых камышовых зарослей, и ещё более заманчивая дичь — быстрая лань дважды промелькнула передо мной, выскочив из тёмной чащи деревьев. Попался на моём пути и дикий индюк в пышном наряде из блестящих перьев: а когда я шёл по берегу речной протоки, мне много раз представлялся случай подстрелить голубую или белую цаплю, дикую утку, тонкого ибиса или длинноногого журавля. Даже сам царь этого пернатого царства — белоголовый орёл, с громким клёкотом летавший над верхушками громадных кипарисов, был не раз на выстрел от меня.

Однако двустволка по-прежнему висела у меня за плечом, я даже ни разу не прицелился из неё. Никакая охота не шла мне на ум и не могла отвлечь от мыслей, занятых тем, что было для меня важнее всего на свете — квартеронкой Авророй.

Глава XXXI. СОН

Погружённый в свои думы и любовные мечты, я шёл наугад, не отдавая себе отчёта, куда и сколько времени я иду.

Я очнулся, увидев впереди широкий просвет, и вскоре, выйдя из тенистого леса, неожиданно оказался на красивой поляне, залитой солнечным светом и усыпанной цветами. В этом диком саду, пестревшем венчиками всех оттенков, бросались в глаза бигнонии и яркие головки диких роз. Деревья вокруг поляны тоже стояли все в цвету. Это были различные виды магнолий; на некоторых крупные, похожие на лилии цветы уже сменились не менее заметными ярко-красными шишками с семенами, и воздух был напоён их пряным, но приятным ароматом. Тут же росли и другие цветущие деревья, и их благоухание смешивалось с ароматом магнолий. Не менее интересны были и медовая акация с её мелкими перистыми листьями и длинными красновато-коричневыми плодами, и виргинский лотос с продолговатыми янтарно-жёлтыми ягодами, и своеобразная маклюра с

крупными, похожими на апельсины околоплодниками, такими же, как у многих тропических растений.

Осень начала уже понемногу хозяйничать в лесу, и яркие мазки её палитры проступали на листве американского лавра, сумака, персимона, ниссы и других представителей американских лесов, которые любят наряжаться в пёстрые уборы, прежде чем сбросить свою листву. Кругом всё переливалось жёлтым, оранжевым, красным, малиновым цветами и всевозможными их оттенками. Эти сочные краски, пылая под яркими лучами солнца, создавали необыкновенно живописную картину. Она напоминала скорее пышную театральную декорацию, чем живую природу.

Несколько минут я стоял как зачарованный. На фоне этой природы мои любовные мечты как будто стали ещё ярче. Если бы Аврора была здесь, если бы она могла любоваться природой, гулять со мной по цветущей поляне, сидеть подле меня в тени магнолий, я был бы бесконечно счастлив. На всей земле не найти лучшего уголка. Вот истинный приют любви!

Вскоре я и правда увидел влюблённую парочку: два прелестных голубка — символ нежной любви — сидели рядышком на ветке тюльпанного дерева, и их бронзовые шейки вздувались, издавая нежное воркованье.

Ах, как я завидовал этим милым созданиям! Как бы мне хотелось быть на их месте! Быть вдвоём среди ярких цветов и сладких ароматов, весь день посвящая любви, и так всю жизнь!

Им не понравилось моё вторжение, и, заметив меня, они взмахнули крылышками и упорхнули. Вероятно, они испугались блестевшего за моим плечом ружья. Но им ничего было бояться: я не собирался их обижать, не хотел нарушать их блаженство.

Впрочем, нет, они меня не боялись, а то улетели бы подальше. Они просто вспорхнули на соседнее дерево и там, снова усевшись рядом, продолжали свою нежную беседу. Занятые своей любовью, они совсем забыли обо мне. Я подошёл поближе, чтобы понаблюдать за этими хорошенькими птичками — олицетворением преданности и любви. Я бросился на траву и смотрел, как они трогательно целуются и воркуют. Я завидовал их счастью.

Мои нервы были много дней в постоянном напряжении, и теперь наступила естественная реакция: я почувствовал страшную усталость. В прогретом солнцем воздухе было что-то усыпляющее, в нём был разлит дурманящий аромат цветов. Он успокоил мою тревогу, и я крепко уснул.

Я проспал, наверно, не больше часа, но за это время видел много снов. В моём дремлющем сознании одна картина сменяла другую… Не все они были одинаково отчётливы, но в них всё время присутствовали два образа, очень ясные, с хорошо знакомыми мне чертами: Эжени и Аврора.

В этих снах появлялся и Гайар, и свирепый надсмотрщик, и Сципион, и приятное лицо Рейгарта, и кто-то, похожий на верного Антуана. Даже несчастный капитан погибшего парохода, и сама "Красавица Запада", и "Магнолия", и наша катастрофа — всё проходило передо мной с мучительной чёткостью.

Но не все мои видения были тягостны. Некоторые, напротив, наполнили меня радостью. Вдвоём с Авророй бродил я по цветущим лугам и говорил с ней о нашей любви. Та самая поляна, на которой я лежал, привиделась мне и во сне.

Но странно: мне снилось, будто Эжени тоже была с нами и что она тоже счастлива, что она дала согласие на мой брак с Авророй и даже помогла нам упрочить наше счастье.

В этом сне Гайар был моим злым духом, он пытался отнять у меня Аврору. Мы вступили с ним в поединок, но тут мой сон внезапно оборвался…

Передо мной возникла новая картина. Теперь моим злым духом была Эжени. Мне снилось, что она отвергла мою просьбу, отказалась продать Аврору. Я видел её ревнивой, враждебной и мстительной. Она осыпала меня проклятиями, а мою невесту угрозами. Аврора рыдала… Это было мучительное видение.

Картина снова изменилась. Мы с Авророй были счастливы. Она была свободна, она стала моей, мы были женаты. Но наше счастье омрачала тёмная туча: Эжени умерла.

Да, умерла. Мне казалось, что я склонился над ней и взял её за руку. Внезапно её пальцы обхватили мою кисть и сжали в долгом пожатии. Её прикосновение было мне неприятно, и я постарался высвободиться, но не мог. Холодная, липкая рука крепко схватила мои пальцы, и, как ни напрягал я свои силы, я не мог вырваться. Вдруг я почувствовал острую боль от укуса, и в ту же минуту холодная рука разжалась и выпустила мою.

Однако боль разбудила меня, и я невольно взглянул на свою руку, которая продолжала болеть. Да, несомненно, она была укушена, и с неё капала кровь!

Ужас охватил меня, когда я услышал рядом громкое "с-скр-р-р…" — звук, издаваемый гремучей змеёй. Я оглянулся и увидел длинное, извивающееся тело, быстро уползающее от меня в густой траве.

Глава XXXII. УКУС ЗМЕИ

Моя боль не была сном, кровь на руке была настоящей. Теперь я не спал. Меня укусила гремучая змея!

В ужасе вскочил я на ноги. Ещё не придя в себя, я машинально поднял руку и выдавил кровь из ранки. На кисти был лишь небольшой надрез, как от тонкого ланцета, и из него вытекло только несколько капель крови.

Такая царапина не испугала бы и ребёнка, но я, взрослый человек, был в смертельном страхе: я знал, что этот маленький прокол сделан страшным инструментом — ядовитым зубом змеи — и что через час я должен умереть!

Первым моим побуждением было броситься за змеёй и убить её, но прежде чем я успел опомниться, она уже скрылась из виду. Неподалёку лежал толстый ствол огромного тюльпанного дерева с прогнившей сердцевиной. Без сомнения, тут и было убежище змеи, и прежде чем я успел подбежать к нему, я увидел, как её длинное скользкое тело с ромбовидными пятнами скрылось в его тёмном отверстии. Я ещё раз услышал громкое "с-скр-р-р..." — и змея исчезла. В её треске слышалось торжество, словно она дразнила меня.

Теперь я не мог её достать, но если бы даже я убил её, это ничуть бы мне не помогло. Её смерть не остановила бы действия яда, уже проникшего в мою кровь. Я прекрасно знал это, но мне всё же хотелось её убить. Я был взбешён и жаждал мести.

Но таково было лишь первое чувство. Вскоре оно перешло в ужас. Было что-то жуткое в поведении и остром взгляде этой гадины; её непонятное нападение, затем бегство и исчезновение наполнили меня тёмным, суеверным страхом, словно это был перевоплотившийся злой дух.

Несколько минут я стоял как потерянный... Но, снова почувствовав боль от укуса и увидев на руке кровь, я пришёл в себя. Надо было немедленно действовать, сейчас же достать противоядие. Но какое?

Я был полным невеждой в этой области. Ведь я учился в классическом колледже! Правда, последнее время я немного занимался ботаникой, но успел познакомиться только с деревьями, растущими в лесу, а из них ни одно не обладало такими целебными свойствами. О травах же, корнях или кустарниках, которые могли бы мне помочь, я ничего не знал. В лесу могло быть полно всяких средств от змеиного яда, а я умер бы, не воспользовавшись ими. Да, я мог бы лежать среди зарослей змеиного корня и умирать в страшных мучениях, до последнего своего вздоха не подозревая, что сок примятого мной скромного растения через несколько часов изгнал бы яд из моей крови и вернул бы мне жизнь и здоровье.

Но я не стал терять времени на размышления об этих средствах спасения. Я думал только об одном — как можно скорее добраться до Бринджерса. Вся моя надежда была на Рейгарта.

Я подхватил ружьё и, вновь углубившись в тёмный кипарисовый лес, нервно зашагал обратно. Я шёл так быстро, как только мог, но от пережитого мною ужаса, должно быть, ослабел — колени мои дрожали и ноги подкашивались.

Однако я стремился вперёд, не обращая внимания на свою слабость и всё, что было вокруг, и думая только, как скорей добраться до Бринджерса и до Рейгарта. Я перескакивал через поваленные деревья, пробирался сквозь заросли камыша, сквозь густой подлесок из пальметто; ветви преграждали мне путь, рвали на мне одежду, царапали лицо. Вперёд, через тинистые ручейки, через вязкие болота, через топкие пруды, кишащие отвратительными тритонами и громадными лягушками, которые сопровождали каждый мой шаг хриплым кваканьем, казавшимся мне зловещим. Вперёд!

"Но куда я иду? Где тропинка? Где мои прежние следы? Тут их нет. Здесь тоже нет. Великий Боже! Неужели я потерял дорогу? Потерял! Потерял!"

Эта мысль, как молния, сверкнула в моём мозгу. Я взволнованно осмотрелся по сторонам. Я внимательно оглядел землю кругом. Я не видел ни тропинки, ни других следов, кроме тех, что я только что оставил. Никаких признаков, напоминающих мой прежний путь! Я сбился с дороги. Сомненья нет — я заблудился!

Меня охватила дрожь отчаяния. При мысли о близкой гибели кровь леденела в жилах. И неудивительно: если я заблудился — значит, я погиб! Достаточно одного часа: за это время яд сделает своё дело. И меня найдут лишь волки да стервятники. О Боже!

Теперь я ещё яснее понял весь ужас моего положения, так как вспомнил, что мне говорили, будто в это время года — в начале осени — змеиный яд особенно опасен и действует с наибольшей быстротой. Бывали случаи, что смерть наступала в течение часа.

"Боже милостивый! — подумал я. — Через час меня уже не станет!" Я невольно застонал.

Опасность подстегнула меня, и я снова бросился на поиски. Я повернул назад и пошёл по своим следам; это лучшее, что я мог сделать, так как под тёмным сводом леса не было никакого просвета, который указал бы мне, что я приближаюсь к плантации. Я не видел ни клочка голубого неба, предвещавшего близость лесной опушки, такой желанной для заблудившегося в лесу. Даже небо над моей головой было скрыто словно тёмной завесой, и когда я обращался к нему с молитвой, глаза мои видели только густую, мрачную зелень кипарисов, с которых свисала траурная бахрома испанского мха.

Мне оставалось либо идти обратно и попробовать отыскать потерянную тропинку, либо идти вперёд, положившись на волю случая.

Я выбрал первое. Снова я продирался сквозь заросли камыша и густой подлесок, снова переходил вброд топкие протоки и увязал в илистых болотах.

Но не прошёл я назад и ста ярдов, как опять начал сомневаться. Я вышел на более высокое и сухое место, где не отпечатались мои следы, и не знал, куда идти. Я бросался то туда, то сюда, но не находил своего прежнего пути. Я растерялся и окончательно запутался. Увы, я снова заблудился!

Заблудиться в лесу при обыкновенных обстоятельствах было бы не так страшно; проблуждать час-другой, даже провести ночь под деревом, не подкрепившись на сон грядущий, это не испугало бы меня. Но теперь я был в совершенно ином положении, и мысль об этом не давала мне покоя. Скоро яд отравит мою кровь. Казалось, что я уже чувствую, как он растекается у меня по жилам.

Надо бороться, надо искать выход! Я снова бросился вперёд, теперь уж наудачу. Я пытался идти всё прямо, но тщетно. Толстые стволы хвойных деревьев вставали на моём пути, и мне приходилось всё время обходить их, так что скоро я снова потерял направление. Но я всё шёл, то устало перебираясь через ручьи, то увязая в болотах, то перелезая через поваленные деревья. По пути я вспугивал тысячи обитателей дремучего леса, и они провожали меня разноголосым криком. Пронзительно пищала цапля; ухала болотная сова; громадные лягушки громко квакали; отвратительный аллигатор ревел, раскрывая свою длинную пасть, и сердито уползал с моей дороги; порой мне казалось, что он вот-вот повернётся и бросится на меня.

"Ура! Я вижу свет! Вон небо!"

Пока только маленькое голубое пятнышко — круглое пятнышко не больше тарелки. Но вы не можете себе представить, как я обрадовался

этому маленькому просвету! Он был для меня тем же, чем маяк для заблудившегося моряка.

Там, должно быть, опушка леса! Да, сквозь деревья уже проникал солнечный свет, и постепенно лес всё расступался передо мною. Несомненно, впереди — плантации. Выйдя из лесу, я быстро пересеку поля и доберусь до селения. Тогда я спасён! Рейгарт, наверно, знает, как бороться с ядом, и даст мне нужное лекарство.

С бьющимся сердцем, напрягая зрение, я спешил к светлой прогалине. Голубое пятно становилось всё больше, появились новые просветы, лес становился всё реже, я уже был недалеко от опушки.

С каждым шагом почва становилась суше и твёрже, а деревья меньше. Причудливо разросшиеся корни кипарисов теперь не мешали мне быстро двигаться вперёд. Я шёл среди тюльпанных деревьев, кизила и магнолий. Деревья росли не так часто, их зелень была светлее, а тень не такая густая. И вот наконец я миновал последние заросли подлеска и вышел на солнечную поляну.

Горестный крик сорвался с моих губ, крик отчаяния. Я вышел к тому месту, откуда ушёл, — я снова очутился на той же поляне!

Теперь я уже не пытался идти дальше. Усталость, разочарование и горе сломили мои силы. Я подошёл, шатаясь, к лежащему на земле стволу, тому самому, в котором скрылся мой пресмыкающийся враг, и сел, совсем убитый.

Казалось, мне суждено умереть на этой прелестной поляне, среди ярких цветов, среди живописной природы, которой я так недавно любовался, — на том самом месте, где я получил свою роковую рану…

Глава XXXIII. БЕГЛЕЦ

Человек не хочет расставаться с жизнью, пока не испытает все средства спасти себя. Каким бы сильным ни было отчаяние, однако есть люди, дух которых оно не может сломить. Впоследствии при подобных обстоятельствах я не поддался бы отчаянию, но тогда я был ещё молод и неопытен.

Однако моё подавленное состояние длилось недолго. Вскоре я снова овладел собой и решил ещё раз попытаться спасти свою жизнь.

У меня не было никакого плана, я хотел просто ещё раз попробовать выбраться из лабиринта зарослей и болот и выйти к селению. Я подумал, что мне удастся определить направление с того места, откуда я в первый раз вышел на поляну. Однако и в этом я не был уверен. Я забрёл сюда, не обращая внимания, как и куда иду. Прежде чем лечь и заснуть, я обошёл поляну кругом. Возможно, что я уже кружил возле неё, прежде чем её увидел, — ведь я всё утро бродил по лесу.

Когда эти мысли пронеслись у меня в голове, я готов был снова прийти в отчаяние, но вдруг вспомнил, что кто-то говорил мне, будто табак — сильное средство против змеиного яда. Странно, что это не пришло мне в голову раньше. Впрочем, это было понятно, так как до сих пор я думал только о том, как мне добраться до Бринджерса.

Сначала, не полагаясь на собственные знания, я надеялся лишь на доктора. И только увидев, что не могу рассчитывать на его помощь, стал думать о том, что в силах сделать сам. И тут я вспомнил про табак.

Я поспешно вытащил портсигар. К моей радости, в нём оставалась ещё одна сигара, и вынув её, я принялся разжёвывать табак. Как я слышал, в таком виде его следовало приложить к ране. Во рту у меня пересохло, но от горького табака он скоро наполнился слюной, и, пересиливая тошноту, я быстро разжевал сухие листья в кашицу, пропитанную крепким никотином.

Положив эту влажную массу на свою кисть, я втёр её в ранку. Теперь я заметил, что рука моя сильно опухла до самого локтя и боль в ней всё усиливалась. О Боже мой! Яд уже действовал, быстро и неотвратимо! Мне казалось, что я чувствую, как огонь разливается по моим жилам.

Хотя я и приложил никотиновую примочку к руке, я слабо верил в её действие, так как только мельком слышал о её целебных свойствах. Вероятно, думал я, это одно из тысячи народных средств, которыми пользуются доверчивые люди. Только отчаяние заставило меня пригнуть к нему.

Оторвав рукав своей рубашки вместо бинта, я обвязал руку, а затем повернулся и снова двинулся в путь. Но, не сделав и трёх шагов, остановился как вкопанный. Прямо против меня на краю поляны стоял человек.

Он, очевидно, только что вышел из леса, к которому я направлялся, и теперь остановился, удивлённый, увидев человека в таком глухом месте. Я встретил его радостным криком.

"Вот кто выведет меня отсюда! Вот мой спаситель!" — подумал я.

Каково же было моё удивление, огорчение, возмущение, когда он быстро отвернулся от меня, бросился в кусты и исчез.

Я был поражён его странным поведением. Я успел только мельком взглянуть на него и заметил, что это темнокожий и что у него испуганное лицо. Но чем же я мог его напугать?

Я закричал ему, чтобы он остановился и вернулся назад. Я звал его сначала умоляющим, а потом строгим и угрожающим тоном. Но тщетно; он не остановился, не обернулся. Я слышал, как трещали ветки, когда

он продирался сквозь чащу, и с каждой минутой эти звуки всё удалялись.

В этом человеке я видел единственное своё спасение. Мне нельзя было его упускать, и я бросился следом за ним.

Если я могу положиться на что-нибудь, так это на быстроту моих ног. А в те годы даже индейский бегун не мог бы меня обогнать, не то что неуклюжий, большеногий темнокожий. Я знал, что стоит мне только его увидеть, как он уже не уйдёт от меня, но в этом-то и заключалась трудность. Пока я раздумывал, он успел убежать довольно далеко и теперь скрылся из виду в чаще леса.

Но я слышал, как он, словно дикий кабан, ломится сквозь кустарник, и по этому треску продолжал гнаться за ним.

Я уже немного утомился от долгой ходьбы по лесу, но сознание, что жизнь моя зависит от того, настигну ли я темнокожего, вливало в меня свежие силы, и я мчался за ним, как гончая собака. К несчастью, успех зависел не только от моего проворства, иначе эта гонка закончилась бы очень скоро. Трудность была в том, что мне приходилось продираться сквозь кусты, обегать толстые деревья, всё время бороться с хлеставшими меня ветвями и то и дело пускаться в обход.

Но вот наконец я увидел его. Мелкий подлесок кончился. Из чёрной, топкой земли торчали только громадные стволы кипарисов, и далеко впереди под тёмными сводами деревьев я увидел темнокожего, который по-прежнему со всех ног удирал от меня. К счастью, на нём была светлая рубашка, иначе я не разглядел бы его в густой тени. Впрочем, он только промелькнул передо мной далеко впереди.

Лес здесь был не такой частый и заросли не преграждали мне путь. Теперь всё зависело от быстроты, и не прошло и пяти минут, как я уже нагонял его, умоляя, чтобы он остановился.

— Стой! — кричал я. — Стой, ради Бога!

Но темнокожий ничего не отвечал. Он даже не повернул головы и продолжал бежать, разбрызгивая грязь.

— Стой! — продолжал я кричать во всю силу моих уставших лёгких, задыхаясь от бега. — Стой, друг! Что ты бежишь от меня? Я не сделаю тебе ничего плохого!

Но и эти слова не произвели на него никакого впечатления, он будто ничего не слышал. Мне показалось, что он ещё ускорил свой бег или, может быть, вышел из болота и бежал теперь по твёрдой почве, а я как раз попал в топь. Расстояние между нами стало как будто увеличиваться, и я испугался, что он снова скроется от меня. Я знал, что от него зависит моя жизнь. Если он не выведет меня из леса, я погибну ужасной смертью. Он должен показать мне дорогу. Хочет он или не хочет, но я заставлю его!

— Стой! — крикнул я ещё раз. — Стой, или я буду стрелять!

Я вскинул ружьё. Оба ствола были заряжены. Это не было пустой угрозой: я действительно решил выстрелить, не для того, чтобы убить его, но чтобы остановить. Конечно, я мог ранить его, но что мне оставалось делать? У меня не было выбора, я не знал другого средства спасти свою жизнь. Я повторил свою угрозу:

— Стой, или я стреляю!

Я выкрикнул это с такой яростью, что темнокожий не мог сомневаться в моём намерении. По-видимому, он понял это, так как внезапно остановился и круто повернулся ко мне лицом.

— Стреляй, проклятый белый! — крикнул он. — Но если промахнёшься — берегись! Тогда прощайся с жизнью, чёрт тебя побери! Видишь этот нож? Стреляй же и будь ты проклят!

Он стоял прямо против меня, смело подставив под пулю свою широкую грудь; в его поднятой руке сверкал нож.

Я сделал несколько шагов и подошёл к нему вплотную; тут я вдруг узнал этого человека: передо мной стоял темнокожий Габриэль, жестокий бамбара.

Глава XXXIV. ТЕМНОКОЖИЙ ГАБРИЭЛЬ

Могучая фигура темнокожего, его угрожающая поза, горящие, налитые кровью глаза, выражение отчаянной решимости, белые, сверкающие зубы — всё придавало ему свирепый вид. В другое время я побоялся бы встречи с таким страшным врагом; ведь я считал его врагом: я помнил, как ударил его, и не сомневался, что и он помнит об этом. Я был уверен, что сейчас он готовится мне отомстить — отчасти за тот удар, отчасти выполняя приказание своего трусливого хозяина. Он, наверно, выслеживал меня в лесу; возможно, ходил за мной весь день, выжидая удобного случая для нападения.

Но почему же тогда он бежал? Может быть, боялся напасть на меня открыто? Ну конечно, его пугала моя двустволка.

Однако он мог подкрасться ко мне, когда я спал, и… Ах! Это восклицание невольно вырвалось у меня, когда неожиданная догадка молнией мелькнула в моей голове. Габриэль, как я слышал, был заклинателем змей, он приручал даже самых ядовитых и подчинял своей воле. Не он ли подослал ко мне змею, когда я заснул, и заставил её укусить меня?

Как ни странно, но такое предположение в ту минуту показалось мне возможным; больше того, я поверил, что это именно так. Я вспомнил странное поведение змеи, необыкновенную хитрость, с какой она скрылась от меня, и её коварное, ничем не вызванное нападение, несвойственное гремучей змее. Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове и убедили меня в том, что роковой укус был не случайным и что всему виной Габриэль — заклинатель змей.

Эти размышления не заняли и десятой, даже сотой доли того времени, которое я потратил, чтобы рассказать вам о них. Убеждение в виновности Габриэля возникло во мне мгновенно, тем более что все предшествующие события были ещё совсем свежи в моей памяти. Пока я думал об этом, темнокожий не успел даже переменить свою угрожающую позу, а я — своё удивлённое выражение лица.

И почти с такой же быстротой я понял, что ошибаюсь. Я увидел, что мои подозрения несправедливы. Я напрасно обвинял человека, стоявшего передо мной.

Поведение его вдруг резко изменилось. Поднятая рука упала, с лица исчезло свирепое выражение, и он сказал самым мягким тоном, какой только мог придать своему грубому голосу:

— О-о! Это вы, масса — друг чёрных? Вот чёрт! А я-то думал — это проклятый янки-погоняла!

— Так вот почему ты бежал от меня?

— Ну да, масса, только потому.

— Значит, ты…

— Я беглый, масса, вот в чём дело: я беглый темнокожий. Вам это можно сказать. Габриэль верит вам, он знает — вы друг бедных темнокожих. Посмотрите-ка сюда!

Он приподнял жёлтую рубаху, висевшую на нём клочьями, повернулся и показал мне свою обнажённую спину.

Это было страшное зрелище! Рядом с клеймом — королевской лилией — и другими старыми шрамами виднелись совсем свежие раны. Тёмная спина была вся исполосована длинными вздувшимися багровыми рубцами, словно покрыта толстой сетью. Кожа была местами тёмно-фиолетового цвета от кровоподтёков, а кое-где, там, куда попадал скрученный конец ремённой плети, выступало обнажённое мясо. Старую рубаху покрывали бурые пятна запёкшейся крови, брызгавшей из его ран во время наказания. Мне было больно смотреть на него, и я невольно воскликнул:

— Ох, бедняга!

Моё сочувствие, видимо, тронуло суровое сердце темнокожего.

— Да, масса, — продолжал он, — вы тоже ударили меня хлыстом, но это ничего! Габ не сердится на вас. Габ не хотел лить воду на старого Зипа. Он был очень рад, когда молодой масса прогнал его прочь!

— Как, тебя насильно засгавили качать воду?

— Ну да, масса. Янки-погоняла заставил. И хотел заставить опять. А Габ отказался ещё раз поливать старого Зипа. И вот что он сделал с моей спиной, будь он проклят!

— Тебя отстегали за то, что ты отказался наказывать Сципиона?

— Да, масса Эдвард, так оно и было. Видите, как отстегали! Но я… — Тут он остановился в нерешимости, и лицо его снова стало жестоким. — Но я отомстил этому янки, будь он проклят!

— Как — отомстил? Что ты ему сделал?

— Немного, масса: сбил его с ног. Он свалился, как бык под топором. Вот месть бедного темнокожего. Теперь я беглый темнокожий — и это тоже месть. Ха-ха! Они потеряли хорошего темнокожего: нет хорошего работника для хлопка, нет хорошего работника для сахарного тростника. Ха-ха!

Грубый смех, которым беглец выражал свою радость, удивил меня.

— Значит, ты сбежал с плантации?

— Да, масса Эдвард, так оно и есть. Габ никогда не вернётся назад. — И он добавил с силой: — Никогда не вернётся назад живой!

Он с суровым и решительным выражением прижал руку к своей широкой груди. Я понял, что неправильно судил об этом человеке. Я знал о нём только от его врагов — белых, которые его боялись. Несмотря на свирепое выражение лица, у него было благородное сердце. Его отстегали за то, что он отказался наказывать своего товарища — раба. Он возмутился против своего жестокого тирана и сбил его с ног. Поступая так, он рисковал заслужить ещё гораздо более страшное наказание — он рисковал жизнью!

Для этого надо было иметь большое мужество. Только жажда свободы могла вдохнуть в него такое мужество, та жажда свободы, которая заставила швейцарского патриота прострелить шапку Геслера[14].

Глядя на темнокожего, который стоял передо мной, скрестив на могучей груди сильные, мускулистые руки, выпрямив стан и откинув голову, с суровой решимостью во взоре, я был поражён величием его осанки и подумал, что у этого человека под рваной одеждой из грубого холста бьётся мужественное и благородное сердце.

Глава XXXV. ЛЕЧЕНИЕ ОТ ЗМЕИНОГО УКУСА

Несколько мгновений я с восхищением смотрел на смелого темнокожего, на этого героического раба. Я мог бы долго любоваться им, но жгучая боль в руке напомнила мне о грозившей опасности.

— Ты проведёшь меня в Бринджерс? — поспешно спросил я его.

— Не смею, масса.

— Не смеешь? Почему?

— Масса забыл. Я — беглый темнокожий. Белые люди поймают Габа. Они отрубят мне руку.

— Как? Отрубят тебе руку?

— Да, верно, масса. Такой закон в Луизиане. Белый человек бьёт темнокожего — все смеются, все кричат: "Бей проклятого темнокожего! Бей его!" Темнокожий бьёт белого человека — ему отрубают руку. Габ очень-очень хочет помочь масса Эдварду, но он не смеет ходить на опушку. Белые люди два дня ищут его. Они послали по его следам собак и охотников за темнокожегоми. Я думал, масса из их шайки, вот почему я бежал.

— Если ты не выведешь меня из лесу, мне придётся умереть.

— Умереть? Умереть?! Почему масса так говорит?

— Я заблудился и не могу найти дороги из лесу. Если я не отыщу доктора через двадцать минут, я погиб! О Боже!

— Доктора? Масса Эдвард болен? Что с вами? Скажите Габу. Если так надо, он отведёт друга темнокожих и не побоится рисковать жизнью. Что болит у молодого масса?

— Смотри, меня ужалила гремучая змея... И, развязав руку, я показал ему ранку и опухоль.

— О-о! Да, масса говорит правду. Это зубы гремучей змеи. Доктор не годится. Табак тоже не годится. Габ — лучший доктор от гремучей змеи. Идём скорей, молодой масса!

— Как! Значит, ты выведешь меня?

— Габ будет лечить вас, масса.

— Ты?

— Да, масса. Говорю вам — доктор не годится, он ничего не знает. Он не будет лечить, а будет убивать. Верьте мне, старый Габ — он знает, он вылечит. Идём скорей, масса, нельзя ждать!

В ту минуту я совсем забыл, что Габриэль славился как заклинатель змей и лекарь, спасавший от ядовитых укусов, хотя только что думал об этом. Теперь я снова всё вспомнил, но с совсем иным чувством.

"Разумеется, — подумал я, — у него есть опыт, он знает противоядия и умеет их применять. Это тот самый человек, который мне нужен! Он сказал правду: доктор не поможет мне".

Я и сам не был раньше уверен, что доктор спасёт меня, и бежал к нему, считая, что это моя последняя надежда.

"Габриэль, заклинатель змей, — вот нужный мне человек. Какое счастье, что я встретил его!"

Эти мысли мгновенно пронеслись у меня в голове, и я сказал без колебаний:

— Веди меня! Я пойду за тобой.

Куда он меня поведёт? Что будет делать? Где найдёт противоядие? Как станет меня лечить?

На все эти лихорадочные вопросы я не получил ответа.

— Верьте мне, масса Эдвард, идите за мной! — вот всё, что сказал темнокожий, поспешно пробираясь между деревьями.

Мне оставалось только следовать за ним.

Пройдя несколько сот ярдов по болоту между кипарисами, я увидел впереди просвет. Значит, мы приближаемся к прогалине; к ней, верно, и направляется мой проводник. И я не удивился, когда, выйдя из лесу, мы снова оказались на поляне — на той же роковой поляне.

Как изменилась она теперь в моих глазах! Мне был неприятен заливавший её яркий солнечный свет, пестрота цветов резала глаза, их аромат вызывал у меня тошноту, Впрочем, мне это, наверно, только казалось. Мне было дурно совсем по другой причине. Яд отравил мою кровь. Он огнём разливался у меня по жилам. Я чувствовал мучительную жажду, невыносимая тяжесть давила мне грудь, я дышал с трудом — всё это были явные признаки отравления змеиным ядом.

Возможно, что я преувеличивал свои ощущения. Я знал, что меня укусила ядовитая змея, и моя фантазия разыгралась. Чувства мои обострились, и я страдал так, словно болезнь уже овладела мной.

Мой спутник велел мне сесть. Ходить нехорошо, сказал он. Надо ждать спокойно и терпеливо. И он снова просил меня "верить Габу". Я решил терпеть, хотя и не мог быть спокойным: мне угрожала слишком большая опасность.

Однако я послушался его. Я сел на ствол поваленного тюльпанного дерева, тот самый дуплистый ствол, в тени густого кизила. Собравшись с духом, я молча дожидался указаний моего чёрного лекаря. Он отошёл от меня и медленно бродил по поляне, не отрывая глаз от земли, словно что-то разыскивая. Наверно, какую-нибудь траву, которая должна тут расти.

Нечего и говорить, что я следил за его движениями с напряжённым вниманием. Ведь моя жизнь зависела от результата его поисков: его успех или неудача означали для меня жизнь или смерть.

Как у меня забилось сердие, когда я увидел, что он наклонился, что-то рассматривая, а затем нагнулся ещё ниже, как будто хотел вырвать что-то из земли. Радостное восклицание сорвалось с его губ, и я невольно ответил ему радостным криком. Забыв его просьбу сидеть смирно, я вскочил с места и бросился к нему.

Когда я подбежал, он стоял на коленях и окапывал ножом какое-то растение, по-видимому, собираясь вытащить его с корнем. Это было небольшое травянистое растение с прямым стеблем, продолговатыми копьевидными листьями и небольшой кисточкой из малозаметных белых цветочков. Тогда я ещё не знал, что это и есть знаменитый змеиный корень.

Темнокожий быстро взрыхлил вокруг него почву и, вытащив его, отряхнул корни от земли. Я увидел, что на нём было много жёстких кривых корневых разветвлений, чуть потолще корней сарсапарили. Они были покрыты чёрной корой и не имели запаха. В волокнах этих корней находилось противоядие от змеиного укуса, их сок должен был спасти мне жизнь!

Ни минуты не было потрачено на изготовление лекарства; в рецепте моего лекаря не было ни замысловатых иероглифов, ни латинских названий. Он просто сказал: "Жуйте!" — и положил мне в руку кусок очищенного от коры корня. Так я и сделал. Не прошло и минуты, как корень превратился у меня во рту в кашицу и я стал глотать его целебный сок.

Сначала у него был сладковатый привкус, который вызвал у меня лёгкую тошноту. Но по мере того как я жевал, он становился едким и обжигающим и начал щипать мне дёсны и горло.

Тем временем темнокожий сбегал к ручью, наполнил один из своих грубых башмаков водой и, вернувшись, смыл с моей руки табачный сок. Он разжевал несколько листьев того же растения в мягкую массу, положил её на ранку и снова завязал мне руку.

Теперь всё, что можно было сделать, было сделано. И Габриэль сказал мне, чтобы я спокойно ждал и не боялся.

Очень скоро всё моё тело покрылось испариной, и я стал дышать глубже и свободней. Кроме того, я чувствовал сильную тошноту, и если бы проглотил немного больше этого сока, меня бы, наверно, стошнило, так как змеиный корень, если принимать его в больших дозах, сильное рвотное средство.

Но из всех ощущений, которые я испытывал в ту минуту, самым сильным было радостное чувство, что я спасён.

Странно, но это чувство сразу охватило меня, и я был уверен, что оно меня не обманывает. Я больше не сомневался в искусстве моего лекаря.

Глава XXXVI. ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

Вскоре мне пришлось увидеть ещё одно доказательство необыкновенных способностей моего нового приятеля.

Я ликовал, как всякий человек, неожиданно и почти чудом спасённый от смертельной опасности, как человек, который едва не утонул или уцелел на поле боя, — словом, вырвался из когтей смерти. Это было блаженное ощущение. Я чувствовал глубокую благодарность к моему спасителю и готов был обнять своего чёрного спутника, как родного брата, несмотря на его свирепый вид.

Мы уселись рядом на поваленном дереве и весело болтали, если можно так сказать о людях, чьё будущее туманно и полно опасностей. Увы, таким оно было для нас обоих. Жизнь не баловала меня в последнее время, а его… Что ждало впереди беглого невольника?

Однако даже среди несчастий душа наша подчас отдаётся минутным радостям. Природа не допускает, чтобы горе длилось беспрерывно, и иногда человек должен стряхнуть с себя свои заботы. Такая минута наступила сейчас для меня. Радость и благодарность наполнили моё сердце. Я полюбил этого темнокожего, этого беглого раба, и был в ту минуту счастлив в его обществе.

Мы, естественно, заговорили о змеях и средствах против их укусов, и он рассказал мне много интересного о жизни пресмыкающихся. Всякий натуралист мог бы позавидовать этому часу, проведённому мною в обществе темнокожего Габриэля.

Во время нашего разговора мой собеседник вдруг спросил, убил ли я укусившую меня змею.

— Нет, — ответил я, — она уползла.

— Уползла? Как уползла, масса?

— Спряталась в пустом стволе, том самом, на котором мы сейчас сидим.

Глаза темнокожего заблестели от удовольствия.

— Чёрт возьми! — воскликнул он, вскакивая. — Масса говорит — змея тут, в этом стволе? Вот тут? — повторил он. — Если эта гадина и вправду здесь, Габ мигом достанет ее!

— Но как? У тебя же нет топора.

— Этому темнокожему не нужен топор.

— Так как же ты доберёшься до змеи? Ты хочешь поджечь дерево?

— Хо! Огонь нехорошо. Этот чурбан будет гореть целый месяц. Огонь нехорошо: дым увидят белые люди. Габ — беглый темнокожий, за ним сразу прибегут собаки. Негру нельзя зажигать огонь!

— Как же тогда?

— Подождите, масса Эдвард, сейчас увидите. Темнокожий позовёт змею, и она сама выползет к нему. Пожалуйста, масса, сидите смирно и ничего не говорите: старая гадина слышит каждое слово.

Теперь темнокожий говорил шёпотом и неслышно скользил вокруг ствола. Я сидел, не двигаясь, и молча следил за движениями моего странного приятеля.

Неподалёку были молодые заросли американского бамбука. Габриэль срезал ножом несколько побегов и, заострив их концы, воткнул в землю против отверстия в стволе. Он поставил их в ряд, один к одному, словно струны на арфе, но тесней. Затем срезал в лесу молодое деревце и, очистив от веток, оставил только длинную палку с развилиной на конце. Взяв в одну руку эту палку, а в другую — расщеплённый кусок тростника, он лёг во всю длину на поваленный ствол, так что лицо его оказалось над самым отверстием. Частокол из бамбука был прямо против него, и, вытянув руку, он мог до него дотронуться. На этом закончились приготовления, и темнокожий приступил к "колдовству".

Положив возле себя палку с развилиной, он стал водить взад и вперёд расщеплённым концом тростника поперёк частокола из бамбуковых палок. Этим он производил звук, очень похожий на громкое "с-скр-р-р..." гремучей змеи, так что человек, не знающий, кто его производит, принял бы его за змеиный треск. Звук был так похож, что темнокожий рассчитывал обмануть даже змею. Однако он, видно, не думал, что одного этого средства достаточно. При помощи наскоро сделанной свистульки из копьевидных листьев тростника он в то же время подражал писку и щебету, который издаёт красный кардинал, когда сражается со змеёй, опоссумом или другим своим врагом.

Такой писк часто приходится слышать в чаще американского леса, когда страшная змея заберётся в гнездо виргинского соловья.

Уловка оказалась очень удачной. Через несколько минут из отверстия выглянула ромбовидная голова змеи. Её раздвоенное жало то и дело высовывалось из пасти, а узкие тёмные глазки сверкали от ярости. Слышался звук её трещотки — по-видимому, она собиралась принять участие в схватке.

Она почти целиком выползла из норы, но тут заметила обман и повернулась, чтобы уползти обратно. Однако гремучие змеи на редкость неповоротливы, и прежде чем она успела скрыться, темнокожий опустил раздвоенную палку ей на шею и пригвоздил её к земле.

Её длинное отвратительное тело беспомощно извивалось в траве, пытаясь высвободиться. Это была змея необычайной для своей породы величины, длиной около восьми футов, и такая толстая, как рука Габриэля. Даже он удивился её размерам и сказал мне, что первый раз видит такую.

Я надеялся, что он сейчас же положит конец её попыткам вырваться и убьёт её. Желая ему помочь, я взялся за ружьё.

— Нет, масса! — воскликнул он умоляющим тоном. — Ради Бога, не надо стрелять! Масса забыл, что бедный темнокожий — беглый!

Я понял его и опустил ружьё.

— И потом, масса, я вам что-то покажу. Масса любит интересные вещи — он хочет посмотреть фокусы большой змеи?

Я ответил утвердительно.

— Тогда, пожалуйста, масса, подержите палку. Темнокожий видел очень интересное растение, только что видел здесь очень редкое растение. Вон там, в тростнике. Держите крепко, масса, я пойду принесу его.

Взяв в руки палку, я плотно прижал её к земле и не без страха смотрел на отвратительную гадину, которая корчилась и извивалась у моих ног. Мне нечего было бояться: развилина держала змею за шею, и она не могла поднять голову, чтобы ужалить меня. Хотя она и была

очень велика, опасны были только её зубы, так как гремучие змеи, в отличие от удавов, не обладают большой силой.

Габриэль вошёл в кусты и вскоре вернулся обратно. Он держал в руке какое-то растение, также вырванное с корнем. Это была трава совсем другого вида. У неё были сердцевидные листья с острыми концами, изогнутый стебель и тёмно-красные цветы.

Когда темнокожий подошёл ко мне, я увидел, как он взял в рот несколько листьев и корешков этого растения и стал их жевать. Что он собирается делать?

Я недолго оставался в недоумении. Подойдя к змее, он нагнулся над ней и выплюнул ей на голову сок этой травы. Затем, взяв у меня из рук раздвоенную палку, поднял её и отбросил в сторону.

К моему ужасу, змея была теперь свободна, и я не теряя времени, отскочил назад и вскарабкался на ствол.

Но мой спутник не двинулся с места; он снова наклонился над змеёй, взял в руку отвратительную гадину, спокойно поднял с земли и обвил её вокруг своей шеи, словно это была простая верёвка.

Змея не пыталась его укусить. Она даже не пробовала вырваться у него из рук. Казалось, она замерла и была не в силах причинить ему ни малейшего вреда.

Поиграв со змеёй несколько минут, темнокожий бросил её на землю. Но и теперь она не пыталась скрыться.

Наконец заклинатель змей с торжеством повернулся ко мне и сказал:

— Ну, масса Эдвард, теперь я за вас отомщу! Смотрите сюда!

С этими словами он поднял змею и сдавил ей шею большими пальцами так, что она широко разинула пасть. Мне были прекрасно видны её страшные зубы и ядовитые железы. Затем, поднеся её голову к своим губам, он выплюнул чёрный сок ей в самое горло и снова бросил её на землю.

До сих пор он не причинил ей никакого вреда; всё, что он проделывал с ней, не могло убить такую живучую тварь, как змея, и я думал, что она сейчас же уползёт. Но нет, она не пыталась двинуться с места, кольца её тела ослабли, и она лежала вытянувшись, без движения, только иногда по телу её пробегала лёгкая судорога.

Не прошло и двух минут, как эта дрожь прекратилась; змея казалась мёртвой.

— Она издохла, масса, — ответил темнокожий на мой вопросительный взгляд, — совсем умерла.

— А что это за растение, Габриэль?

— О, это хорошая трава, масса, это редкая трава, очень редкая. Поешьте этой травы — и никакая змея вас не тронет. Вы видели? Это трава заклинателя змей.

Ботанические познания моего чёрного спутника дальше этого не шли. Через несколько лет мне, однако, удалось определить его "волшебную" траву; это оказалась Aristolochia Serpentaria — растение, прославленное в трудах Мутиса[15] и Гумбольдта[16].

Мой спутник велел мне разжевать несколько корешков; хотя он вполне полагался на первое средство, однако считал, что не вредно лишний раз застраховать себя от опасности. Он превозносил лечебные свойства новой травы и сказал, что дал бы мне её вместо змеиного

корня, но не надеялся её найти, так как она очень редко встречается в этих краях.

Я охотно исполнил его просьбу и проглотил немного соку из этого растения. Как и у змеиного корня, он был едкий и немного обжигающий, с привкусом камфарного спирта. Но тогда как у первого не было никакого запаха, у второго был довольно сильный аромат, напоминающий валерианку.

Я сразу почувствовал себя лучше — облегчение наступило почти немедленно. Прошло немного времени, и опухоль моя совсем опала, так что, если бы не повязка на руке, я уже забыл бы, что меня укусила змея.

Глава XXXVII. ЗАМЕТАЕМ СЛЕДЫ

С тех пор как мы вышли на поляну, прошло немного больше часа, но теперь она уже не казалась мне зловещей. Яркие цветы снова радовали глаз, и я с удовольствием вдыхал их аромат. Пение птиц и жужжание насекомых вновь ласкали мой слух, а на ветке по-прежнему сидели голубок и голубка, воркуя: "Ко-ко-а...", и повторяя нежные признания в любви.

Я мог бы ещё долго просидеть на этой прелестной поляне, любуясь красотой природы; но дух наш бодр, плоть же немощна: я почувствовал, что проголодался, и вскоре голод начал не на шутку мучить меня.

Как мне помочь этой беде? Где бы найти чем подкрепиться? Я не мог просить моего спутника вывести меня на плантацию, после того как узнал, насколько это опасно для него. Габриэль говорил правду: он рисковал лишиться руки, а быть может, и жизни. Он не мог надеяться на снисхождение, тем более что у него не было влиятельного хозяина, который, ради собственной выгоды, чтобы не держать раба-калеку, заступился бы за него.

Если бы темнокожий вышел на открытое место, его могли бы увидеть и, ещё того хуже, спустить на него собак. Такой способ ловить беглых темнокожих был тогда довольно распространён, и среди белых людей находились негодяи, которые сдедали это своей профессией. Так утверждал мой спутник. И вскоре я на собственном опыте убедился, что он прав.

Мне очень хотелось есть, но что было делать? Я не мог найти дорогу сам. Я боялся, что снова заблужусь и буду вынужден ночевать в лесу. Как же быть?

Я повернулся к своему спутнику. Некоторое время он молчал, погружённый в свои мысли. Его беспокоило то же, что и меня. Верный товарищ, он не забыл обо мне.

— Вот, масса, о чём думает темнокожий, — сказал он мне наконец. — Он думает: когда солнце зайдёт, он проводит вас, тогда он не боится. Габ выведет вас прямо на береговую дорогу. Масса надо ждать, когда зайдёт солнце.

— Но…

— Масса проголодался? — спросил он, перебивая меня.

Я кивнул.

— Да, Габ знает. Тут нечего есть, кроме этой старой змеи. Масса не станет есть змею, а Габ съест. Зажарит её ночью, когда дыма от костра не видно над лесом. Есть место, где он жарит их, масса увидит. Габ верит масса Эдварду. Он сведёт его в берлогу беглого темнокожего.

Тем временем темнокожий отрезал змее голову, связал тонким прутиком шею с хвостом, поднял скользкое тело и, перекинув его через плечо, встал, готовый идти.

— Теперь пойдём, масса, — сказал он. — Пойдём со старым Габом. Он даст вам поесть. — С этими словами он повернулся и пошёл в кусты.

Я поднял ружьё и последовал за ним. Мне больше ничего не оставалось. Пытаться отыскать дорогу самому было бесполезно, уже две мои попытки ни к чему не привели. А спешить мне было некуда. Будет даже лучше, если я вернусь домой ночью: благоразумнее не показываться на глаза в изорванном и испачканном кровью платье, чтобы не привлекать к себе внимания. Поэтому я охотно последовал за беглецом, готовый разделить с ним его убежище до захода солнца.

Мы прошли молча несколько сот ярдов. Темнокожий озирался вокруг, словно что-то разыскивая. Но он не смотрел на землю, глаза его скользили по деревьям, и я понял, что он ищет не дорогу.

Вдруг он что-то пробормотал и свернул в сторону. Я пошёл за ним. Вскоре он остановился под высоким деревом и стал внимательно разглядывать его ветви.

Это была скипидарная сосна, насколько я разбирался в ботанике. Я определил это по её шишкам и светлозеленым иглам. Зачем он здесь остановился?

— Масса Эдвард скоро увидит, — ответил он на мой вопрос. — Пожалуйста, масса, подержите змею. Только чтобы она не касалась земли, а то проклятые собаки учуют её.

Я взял у него ношу и, держа змею повыше над землёй, как он просил, стоял и молча смотрел на него.

У скипидарной сосны прямой голый ствол и пирамидальная вершина; часто ветви у неё начинают расти на высоте пятидесяти футов от земли. Однако у этой сосны на высоте двадцати футов торчали из ствола небольшие отростки: на них висели крупные зелёные шишки

длиной до пяти дюймов. По-видимому, их-то и хотел достать мой спутник, хоть я не мог понять, для чего.

Раздобыв длинный шест, он стал сбивать им шишки вместе с веточками, на которых они висели. Сбив столько шишек, сколько ему было нужно, он отбросил свой шест. Что же дальше? Я следил за ним с возрастающим интересом.

Он собрал в кучу и шишки и ветки, но, к моему удивлению, откинул шишки в сторону — видимо, они были ему не нужны — и оставил только молодые красновато-коричневые побеги, росшие на самом конце веток и густо покрытые смолой. Это наиболее смолистое из всех деревьев данной породы, у него очень сильный запах, а отсюда и его название.

Набрав полные руки молодых побегов, мой спутник сел и крепко натёр ими подошвы и верх своих грубых башмаков. Затем он подошёл ко мне, нагнулся и сделал то же самое и с моими.

— Теперь, масса, всё в порядке. Проклятые собаки не учуют старого Габа. Идём, масса Эдвард! Идём со мной!

Сказав это, он снова перекинул змею через плечо и пошёл вперёд, предоставив мне следовать за ним.

Глава XXXVIII. ПИРОГА

Вскоре мы опять вошли в кипарисовый лес. Здесь уже почти не было подлеска. Тёмные деревья росли очень часто и вытеснили все другие растения; их зонтичные вершины были оплетены седоватым мхом, который свисал плотной бахромой и не пропускал солнечных лучей, иначе эту плодородную почву покрывал бы цветущий ковёр. Но мы находились сейчас в местах ежегодных разливов, где выживают лишь немногие растения.

Между тем я почувствовал, что мы приближаемся к воде. Почва опускалась почти неприметно, но сырой, затхлый запах болота, громкое кваканье лягушек, крик болотной птицы и рёв аллигатора указывали на близость стоячей воды — озера или пруда.

Чуть спустя мы и в самом деле вышли на берег пруда: перед нами была лишь небольшая часть его, так как, насколько хватал глаз, кипарисы росли прямо из воды и так густо, что местами их могучие стволы касались друг друга. Кое-где над водой торчали чёрные корни, их фантастические очертания напоминали каких-то страшных водяных чудовищ и придавали всей картине сказочно-жуткий характер. Затенённая сверху вода казалась чёрной, как чернила, а тяжёлый воздух был полон удушливых испарений. Такая картина могла бы дать Данте краски для его "Ада".

Дойдя до этого мрачного пруда, мой спутник остановился. Перед нами лежало громадное поваленное дерево, росшее раньше на самом берегу, а теперь протянувшее свою верхушку далеко в воду. Ветви его уцелели, и засохшие растения-паразиты густо обвивали их, напоминая разбросанные охапки сена. Некоторые ветки были под водой, но большая часть высоко торчала над её поверхностью. Мой спутник остановился у корней этого дерева.

Минуту он поджидал меня; как только я подошёл, он взобрался на поваленный ствол и, сделав знак рукой, чтобы я следовал за ним, двинулся по дереву к его верхушке.

Я тоже вскарабкался на ствол и, осторожно балансируя, чтобы не упасть в воду, пошёл за ним.

У вершины было много толстых сучьев, и мы, с трудом перелезая через них, двигались вперёд. Я думал, что мы уже подходим к нашему убежищу.

Но нет, мой спутник остановился, и тут, к своему удивлению, я увидел на воде маленькую пирогу; она была спрятана под мхом и так хорошо укрыта, что её невозможно было увидеть ниоткуда, кроме того места, где мы стояли.

"Так вот зачем мы лезли по этому дереву!" — подумал я, поняв, что наш путь ещё не окончен.

Темнокожий отвязал челнок и кивком пригласил меня садиться.

Я шагнул в утлое судёнышко и сел. Он последовал за мной и, хватаясь за ветви дерева, повёл под ними лодку, пока не достиг чистой воды. Тогда он взялся за весло, и под его размеренные взмахи мы бесшумно заскользили по тёмной воде.

Первые двести-триста ярдов мы плыли очень медленно. Толстые корни и тесно стоявшие деревья то и дело преграждали нам путь, и приходилось пробираться между ними с большой осторожностью. Но я видел, что мой спутник ловко ведёт своё судёнышко и владеет веслом, как истый индеец. Он считался искусным охотником за енотами и рыбаком и в своих походах, должно быть, научился управлять пирогой.

Это было самое необыкновенное путешествие в моей жизни. Пирога плыла по воде, более похожей на чернила. Ни один солнечный луч не проникал сюда. Вокруг царил таинственный полумрак.

Мы скользили по тёмным коридорам между могучими чёрными стволами, которые вздымались, словно колонны, поддерживая высокий свод из тесно сплетённых ветвей. С этой живой кровли свешивались плакучие бромелии, иногда они спускались до самой воды и касались наших лиц.

Однако мы не были здесь единственными живыми существами, даже в этом ужасном месте имелись спои обитатели. Тут нашли себе

надёжное убежище аллигаторы; нам не раз попадались в полумраке эти чудовища, то ползущие вдоль поваленного дерева, то карабкающиеся на торчавшие из воды корни кипарисов, то медленно и бесшумно плывущие в чёрной воде. Были тут и большие водяные змеи, они переплывали от дерева к дереву, поднимая на воде лёгкую рябь, или лежали, свернувшись в клубок, на выступающих из воды корягах. Болотная сова бесшумно парила, распластав свои крылья, большие тёмные летучие мыши носились в погоне за добычей — комарами и мошками. Иногда они пролетали совсем близко, чуть не задевая наши лица, обдавая нас своим отвратительным запахом, и громко щёлкали челюстями, что напоминало звуки кастаньет.

Эти не виданные мною картины природы захватили меня, но я не мог побороть какого-то смутного страха. Мне невольно вспомнились знакомые образы из классической литературы. Здесь воплотились видения римских поэтов. Мне казалось, будто я плыву по Стиксу и мой перевозчик — это страшный Харон[17].

Вдруг впереди мелькнул светлый луч. Ещё несколько взмахов весла — и наша пирога была уже вся освещена солнцем. Я вздохнул с облегчением.

Теперь перед нами открылось широкое водное пространство, что-то вроде круглого озера. В действительности именно здесь и начиналось озеро, а та часть, которую мы проплыли, была лишь поймой, и всё место, покрытое лесом, в другие времена года совсем высыхало. Этот же водоём был слишком глубок, чтобы в нём могли расти любящие болотистую почву кипарисы.

Озеро было не очень велико, всего около полумили в диаметре, и со всех сторон окружено замшелым лесом, который высился вокруг, как серая стена. Группа таких же деревьев на самой середине озера издали казалась островом.

Это уединённое место не отличалось тишиной. Наоборот, жизнь здесь била ключом. Очевидно, озеро служило излюбленным местом сбора самых разнообразных представителей пернатого царства, населяющих обширные луизианскне болота. Тут были белые цапли, белые и красные ибисы, журавли, красные фламинго и редко встречающаяся безобразная анхинга, которая плавает, глубоко погрузив в воду своё тело и выставив на поверхность узкую, словно змеиную, головку. Неуклюжий белый пеликан, владыка здешних мест, стоял, высматривая в воде свою добычу. Поверхность озера кишела водоплавающей птицей — там были утки, гуси, лебеди; над ними кружили стаями кроншнепы и чайки и, свистя крыльями, проносились кряквы.

Но не только водоплавающие птицы облюбовали это уединённое озеро. Рыболов, высоко поднявшись в воздух, камнем падал вниз, выхватывал из воды несчастную рыбёшку, подплывшую слишком близко к её поверхности, и уносил свою добычу, для того чтобы тут же уступить её более сильному орлану. Вот те многочисленные пернатые создания, которых я видел, когда мы выплыли на это дикое озеро, и я с большим интересом наблюдал за ними. Эта яркая картина из жизни природы произвела на меня необыкновенное впечатление, чего нельзя было сказать про моего спутника. Для него всё это было неново и неинтересно, и он плыл, не обращая внимания на привычное зрелище. Не останавливаясь и не глядя вокруг, он легко погружал в воду весло, направляя пирогу к островку.

Ещё несколько взмахов весла, и, подплыв к нему, наша лодка снова скрылась в тени деревьев. Но, к моему удивлению, оказалось, что это совсем не остров. То, что я принял за группу деревьев, был один громадный кипарис, росший на мели посреди озера. Его раскидистые ветви заросли седоватым мхом, который длинной бахромой свисал до самой воды и затенял пространство величиной в пол-акра. Ствол кипариса был необыкновенно толст у основания; со всех сторон его поддерживали крепкие ответвления, словно подпоры, уходившие в воду, и одно это дерево занимало пространство величиной с небольшой

дом. Между подпорами оставались свободные проходы, и когда мы приблизились к великану-кипарису, я увидел большое тёмное дупло — по-видимому, внутри ствол был пуст.

Мой спутник направил пирогу в один из этих проходов, и вскоре её нос ударился о дерево. Я увидел вырезанные в стволе грубые ступеньки, ведущие к дуплу. Темнокожий указал мне на них. Пронзительные крики испуганных птиц мешали мне расслышать его слова, но я понял, что он предлагает мне подняться по ним. Я послушался и, выйдя из лодки, стал карабкаться по стволу.

Так я добрался до отверстия, в которое мог пролезть человек, и, протиснувшись внутрь, оказался в дупле. Мы достигли нашей цели — тут было убежище беглого темнокожего.

Глава XXXIX. ДУПЛО

В дупле было темно, и вначале я ничего не мог разглядеть. Вскоре, однако, глаза мои немного привыкли к темноте, и я принялся осматривать это необыкновенное жилище.

Прежде всего меня удивили его размеры. В нём мог поместиться добрый десяток людей, и не только стоя, но даже сидя. От высокого пирамидального ствола остались только тонкие стенки, а вся его сердцевина прогнила. Из осыпавшейся трухи образовался пол; он приходился выше уровня воды и был твёрдый и сухой. Посередине дупла я увидел кучку золы и угли от костра; рядом лежала подстилка из мягкого сухого мха, как видно служившая постелью. Брошенное на неё старое одеяло подтверждало мою догадку.

Здесь не было никакой мебели. Грубый кипарисовый чурбан заменял стул, а стола вообще не было. Тот, кто сделал это дупло своим жилищем, по-видимому, не нуждался в удобствах. Однако он обзавёлся самым необходимым. Когда глаза мои совсем освоились с полумраком, я

увидел много предметов, которых сначала не заметил: глиняный горшок для стряпни, большую выдолбленную тыкву для воды, жестяную кружку, старый топор, снасти для рыбной ловли и кое-какую старую, поношенную одежду.

Но моё внимание больше привлекало другое — съестные припасы: изрядный кусок жареной свинины, громадная маисовая лепёшка, несколько варёных кукурузных початков и почти целая жареная курица. Всё это лежало на большом блюде, вырезанном из тюльпанного дерева, какие я часто видел в хижинах негритянского посёлка.

Рядом с этим блюдом лежало несколько больших тёмно-зелёных шаров и жёлтых шаров поменьше — арбузов и дынь, которые могли оказаться очень недурным десертом, Все эти наблюдения я сделал, пока мой спутник привязывал пирогу к дереву. Я уже всё разглядел, когда он вошёл.

— Ну, масса, вот она — берлога старого Габа. Проклятым охотникам за темнокожегоми сюда не добраться!

— Да у тебя настоящий дом, Габриэль! Как тебе удалось отыскать такое место?

— Габ давно знает это место, масса, В старом кипарисе прятался не один беглый темнокожий. И Габ тоже прятался тут. Он и раньше убегал. Он убегал, когда жил у прежнего хозяина — Хикса, раньше чем его купил масса Сансон. Но он никогда не бегал от масса Сансона. Старый хозяин был добрый с чёрными, и масса Антуан тоже добрый. А сейчас бедный темнокожий совсем не может больше терпеть: новый надсмотрщик — он очень сильно бьёт, он бьёт, пока не польётся кровь, он привязывает к столбу, ставит под насос, стегает ремённой плетью и тяжёлым бичом, он делает всё, что захочет! Будь он проклят! Я никогда не вернусь назад, никогда!

— Но как же ты будешь жить дальше? Не можешь же ты всегда оставаться здесь! Где ты добудешь себе пищу?

— Ничего, масса Эдвард, не бойтесь! У Габа всегда хватит еды. У бедного беглеца есть друзья на плантации. Да вдобавок он и сам возьмёт всё, что нужно, чтобы не умереть с голоду. Ха-ха-ха!

— О-о!

— Но Габу незачем воровать сейчас. Он берёт только дыни и кукурузу Смотрите, что старый Зип притащил ему. Прошлой ночью Зип пришёл на опушку и принёс всё это добро… Ох, масса, простите меня! Я совсем забыл — вы очень голодный. Ешьте свинину, ешьте курицу. Её сготовила Хлоя, очень вкусная курица. Ешьте, масса!

С этими словами он поставил передо мной деревянное блюдо со всем, что на нём было. Наша беседа на время прервалась, так как и я и мой спутник с большим рвением набросились на еду. С полчаса мы усиленно наполняли свои желудки, причём арбузы и дыни оказались восхитительным десертом. Наконец мы утолили голод, уничтожив большую часть припасов моего спутника.

После обеда мы долго беседовали, не отказав себе и в удовольствии покурить. Среди запасов Габа оказалось несколько пучков сухих листьев табака, а кукурузная кочерыжка с воткнутым в неё стеблем тростника служила нам трубкой, и мы с наслаждением затягивались, словно курили самую ароматную гаванскую сигару.

Я был глубоко благодарен моему спасителю и чувствовал горячий интерес к его судьбе, а потому заговорил с ним о его дальнейших намерениях. У него не было определённых планов, хотя он подумывал о том, чтобы как-нибудь добраться до Канады или Мексики, а не то бежать из Нового Орлеана на пароходе.

Мне пришла в голову одна мысль, но я не хотел говорить ему о ней, так как не был уверен, удастся ли мне её осуществить. Всё же я попросил его не покидать этого убежища, не повидавшись со мной, и обещал, что постараюсь найти ему доброго хозяина.

Он охотно согласился исполнить мою просьбу, и так как время близилось к закату, я стал готовиться к возвращению домой.

Мы сговорились о сигнале, которым я мог бы вызвать его с пирогой, когда захочу повидаться с ним; после чего сели в пирогу и тронулись в обратный путь.

Переплыв озеро и спрятав лодку под упавшим деревом, мы углубились в лес.

Но теперь мне было легко идти за Габриэлем; по пути он делал зарубки на деревьях и указывал на другие приметы, по которым я мог один найти дорогу к нему.

Не прошло и часа, как мы вышли на опушку. Тут темнокожий отправился на какое-то условленное свидание, а я повернул к деревне по дорожке, которая шла между двумя изгородями, так что мне уже не угрожала опасность сбиться с пути.

Глава XL. ПЕРЕСУДЫ В ГОСТИНИЦЕ

Когда я вернулся в деревню, было ещё не очень поздно. Я осторожно пробирался по улицам к гостинице, стараясь никому не попадаться на глаза. К несчастью, чтобы подняться к себе в комнату, мне надо было пройти через бар. Время близилось к ужину, и постояльцы уже толпились у стойки и на крыльце.

Моё изорванное платье, закапанное кровью и перепачканное илом, привлекало всеобщее внимание. Прохожие бросали на меня удивлённые

взгляды, а иногда поворачивались и смотрели мне вслед. Постояльцы гостиницы останавливали меня и допытывались, где я был. Кто-то крикнул мне:

— Хэлло, мистер! Уж не сцепились ли вы с дикой кошкой?

Я ничего не отвечал. Быстро взбежав по лестнице, я заперся у себя в комнате и наконец отделался от любопытных.

В колючих зарослях я сильно исцарапался и нуждался в перевязке. Пришлось послать за доктором Рейгартом. К счастью, он оказался дома и тотчас же поспешил ко мне. Войдя а комнату, он остановился, с удивлением разглядывая меня.

— Дорогой мой Эдвард, где вы были? — спросил он наконец.

— В болотах.

— А что значит ваше изорванное платье, эти ссадины и кровь?

— Царапины от колючек — больше ничего.

— Но где же вы были?

— В болотах.

— В болотах? Но кто же привёл вас в такой жалкий вид?

— Меня укусила гремучая змея.

— Как?! Гремучая змея? Вы шутите?

— Нет, истинная правда. Но я принял противоядие. Меня уже вылечили.

— Какое противоядие? Вылечили? Чем? Кто дал вам противоядие?

— Друг, которого я встретил на болотах.

— Друг на болотах! — воскликнул Рейгарт со всё возрастающим удивлением.

Я чуть не забыл о том, что должен хранить тайну, и понял, что говорю слишком неосторожно. Любопытные глаза заглядывали в щель моей двери, жадные уши ловили каждое слово.

Хотя жители Миссисипи и не отличаются особым любопытством, что бы не рассказывали о них болтливые туристы, но мой растерзанный вид и нежелание объясниться могли возбудить любопытство и у самых равнодушных людей. Взволнованные постояльцы толпились в коридоре у дверей моей комнаты, спрашивая друг у друга, что со мной случилось, и делясь своими домыслами. Я ясно слышал их, хотя они этого и не знали.

— Он, верно, дрался с пантерой, — сказал один.

— С пантерой или с медведем, — заметил другой.

— Уж какой ни на есть дикий зверь, а он оставил на нём свою метку.

— Это тот самый парень, который свалил Билла-бандита?

— Тот самый.

— Он что, англичанин?

— Не знаю. Он из Англии, а уж англичанин ли, ирландец или шотландец — кто его знает! Лучше с ним не связываться. Чёрт возьми! Он уложил Билла-бандита на месте, можно сказать, голыми руками, каким-то хлыстом, и отобрал у него пару пистолетов. Ха-ха-ха!

— Здорово!

— Такой парень шутя справится с дикой кошкой. Я думаю, он убил рысь, вот что!

— Наверно, так оно и есть.

Я думал, что своей стычкой с Биллом-бандитом наживу себе врагов среди этих людей. Но по всему разговору и по тону собеседников было ясно, что это не так. Хотя, быть может, они и были немного задеты тем, что иностранец, да ещё такой юнец, как я, победил одного из их приятелей, однако эти лесные люди не слишком держались друг за друга, а грубияна Ларкина явно недолюбливали. Если бы я отхлестал его по другому поводу, я, несомненно, заслужил бы всеобщее одобрение. Но я защищал темнокожего — я, иностранец, и к тому же англичанин! Этого мне не могли простить. Вот что мешало моей популярности, вот почему меня считали в этих местах подозрительным человеком.

Все эти пересуды забавляли меня, пока я дожидался прихода Рейгарта, однако я не придавал им большого значения.

Но вдруг чьё-то громкое замечание заставило меня насторожиться:

— Говорят, он увивается за мисс Безансон.

Теперь я заинтересовался. Я подошёл к двери и, приложив ухо к замочной скважине, стал слушать.

— Вернее, за её плантацией, — заметил другой, после чего раздался многозначительный смех.

— Ну что ж, — послышался третий голос, звучавший очень самоуверенно, — тогда он гоняется за тем, чего не получит.

— Как? Почему? — раздалось несколько голосов.

— Он, может, и получит молодую леди, — продолжал тот же внушительный голос, — но плантации ему не видать, как своих ушей.

— Почему? Что вы хотите сказать, мистер Моксли? — снова спросило несколько голосов.

— То, что говорю, джентельмены, — ответил прежний голос и снова повторил свои слова тем же самоуверенным тоном: — Молодую леди он, может, и получит, но плантации ему не видать.

— О, значит это правда? — восликнул новый голос. — Она несостоятельная должница? Да? А старик Гайар?..

— Скоро завладеет плантацией.

— Вместе с темнокожегоми?

— Со всеми потрохами. Завтра шериф наложит арест на всё имущество.

В ответ раздались удивлённые возгласы, в которых слышалось осуждение и сочувствие:

— Бедная девушка! Какая жалость!

— Нечего удивляться! После смерти старика она швыряла деньги направо и налево.

— Говорят, он ей вовсе не так много оставил. Большую часть имения он заложил сам…

Но тут приход доктора прервал этот разговор и избавил меня от жестокой пытки.

— Вы говорите, что встретили друга среди болот? — снова спросил он.

Я не решался ответить ему, помня о толпе за дверью, и сказал тихим, серьёзным тоном:

— Дорогой друг, у меня было приключение в лесу. Как видите, я сильно поцарапан. Полечите мои ссадины, но не расспрашивайте меня о подробностях. По некоторым причинам я ничего не могу сказать вам сейчас. Потом я всё расскажу. А пока…

— Хорошо! Хорошо! — прервал меня доктор. — Не волнуйтесь. Дайте мне взглянуть на ваши раны.

Добрый доктор замолчал и занялся моими царапинами.

В другое время перевязка этих болезненных ссадин была бы довольно мучительна, но только что услышанные новости так сильно взволновали меня, что я не чувствовал боли.

Я был в смертельной тревоге. Я горел нетерпением расспросить Рейгарта о делах на плантации, о судьбе Эжени и Авроры. Но я не мог, так как мы были не одни. Хозяин гостиницы и слуга-темнокожий вошли в комнату, чтобы помочь доктору. Я не решался заговорить об этом в их

присутствии, и мне пришлось сдерживать нетерпение, пока с перевязкой не было покончено и они не ушли.

— Скажите, доктор, что это толкуют о мадемуазель Безансон?

— Разве вы ничего не знаете?

— Только то, что услышал сейчас от этих болтунов за дверью. — И я передал Рейгарту слышанный мною разговор.

— А я думал, вам известны все эти новости. Я даже считал, что они-то и были причиной вашего долгого отсутствия, хотя и не представлял себе, какое вы имеете к ним отношение.

— Я ничего не знаю, кроме того, что случайно услышал здесь. Ради Бога, расскажите мне всё! Значит, это правда?

— Совершенная правда, к сожалению.

— Бедная Эжени!

— У Гайара была закладная на всё имение. Я давно это подозревал и боялся, что он ведёт нечестную игру. Гайар подал ко изысканию и, говорят, уже введён в права владения. Теперь всё принадлежит ему.

— Всё?

— Всё, что находится на плантации.

— А невольники?

— Тоже, разумеется.

— Всё… всё… и Аврора?

Я не сразу решился задать ему этот вопрос. Рейгарт не подозревал о моих чувствах к Авроре.

— Вы говорите о квартеронке? Конечно, и она вместе со всеми. Она такая же невольница, как и остальные. Её продадут.

"Такая же невольница! Продадут вместе со всеми!" Однако я не высказал этого вслух.

Не могу выразить, в какое смятение повергли меня его слова. Кровь бросилась мне в голову, и я с трудом удержался от гневного восклицания. Но как я ни боролся с собой, я, видно, не мог скрыть своего волнения, ибо всегда спокойные глаза Рейгарта с удивлением остановились на мне. Однако если доктор и угадал мою тайну, он был великодушен и не задавал мне вопросов.

— Значит, все невольники будут проданы? — пробормотал я снова.

— Без сомнения, всё пойдёт с торгов — таков закон. Надо полагать, Гайар и купит плантацию, ведь она граничит с его землёй.

— Гайар! О негодяй! А что же будет с мадемуазель Безансон? Неужели у неё нет друзей?

— Я слышал о какой-то тётке, у которой есть небольшое состояние. Она живёт в городе. Должно быть, Эжени будет теперь жить у неё. У тётки, кажется, нет детей, и Эжени — единственная наследница. Впрочем, не могу поручиться, что это так. Знаю только по слухам.

Рейгарт говорил спокойным, сдержанным тоном. Мне даже сначала показался странным этот тон, но я понял причину его сдержанности. У

него было ложное представление о моих чувствах к Эжени. Однако я не хотел разуверять его.

"Бедная Эжени! У неё двойное горе. Неудивительно, что она так изменилась в последнее время! Неудивительно, что она была так печальна!"

Всё это я подумал про себя.

— Доктор, — сказал я вслух, — мне необходимо поехать на плантацию.

— Только не сегодня.

— Сейчас, сейчас!

— Дорогой мой Эдвард, вы не должны этого делать!

— Почему?

— Это невозможно, я не могу вам разрешить. У вас начнётся горячка. Это может стоить вам жизни!

— Но…

— Нет, нет! Я и слушать вас не стану! Уверяю вас, вам грозит горячка. Вы не должны выходить из комнаты хотя бы до завтра. Утром — другое дело. Сегодня это невозможно.

Мне пришлось подчиниться, хотя я отнюдь не был уверен, что, оставшись дома, выбрал лучший способ спастись от горячки. Причина её была во мне самом, а вовсе не в опасном ночном воздухе.

Сердце колотилось у меня в груди, кровь прилила к голове, сознание затуманилось.

"Аврора — невольница Гайара! Ха-ха-ха! Его рабыня! Гайар — Аврора! Ха-ха-ха! Это его я схватил за горло. Нет! Это змея! Ко мне! Помогите! Помогите! Воды, воды! Я задыхаюсь!.. Нет, это Гайар! Я держу его! Опять не он — это змея! О Боже! Она обвилась вокруг моей шеи! Она душит меня! Помогите! Аврора! Любимая! Не уступай ему!"

"Я умру, но не уступлю!"

"Я так и знал, благородная девушка! Я иду к тебе на помощь!"

Как она бьётся в его руках! Прочь, дьявол, прочь! Аврора, ты свободна! Свободна! Ангелы небесные!

Таковы были мои сны в эту ночь — лихорадочный бред помутившегося рассудка.

Глава XLI. ПИСЬМО

Всю ночь я то впадал в забытьё, то просыпался, то бредил, то вновь приходил в себя.

Ночь не принесла мне отдыха, и утром я проснулся, почти не освежённый. Некоторое время я лежал, припоминая все события вчерашнего дня, и думал, что же теперь предпринять. Наконец я решил тотчас же ехать на плантацию и собственными глазами убедиться, что там происходит. С этим решением я встал.

Одеваясь, я случайно взглянул на стол и увидел письмо. На нём не было марки, и оно было подписано женским почерком: я сразу догадался, от кого оно.

Разорвав конверт, я прочёл:

"Сударь!

Сегодня, по законам Луизианы, я стала совершеннолетней, но нет на свете женщины несчастнее меня. Солнце, осветившее день моего совершеннолетия, осветило и моё разорение!

Я собиралась устроить ваше счастье: доказать вам, что умею быть благодарной. Увы! Это уже не в моей власти. Я больше не владелица плантации Безансонов и не хозяйка Авроры. Я потеряла всё: Эжени Безансон теперь нищая. Ах, сударь! Это печальная история, и я не знаю, к чему она приведёт.

Но увы! Есть несчастья ещё более тяжкие, чем потеря состояния. Такая потеря может со временем возместиться, но тоска неразделённой любви — любви сильной, единственной н чистой, как моя, — длится долго, быть может, вечно.

Знайте, сударь, что в горькой чаше, которую мне суждено испить, нет ни капли ревности или упрёка. Я одна виновата в постигшем меня несчастье.

Прощайте, сударь! Прощайте и будьте счастливы! Нам лучше больше не встречаться. О, будьте счастливы! Ни одна моя жалоба никогда не коснётся вашего слуха и не омрачит вашего светлого счастья. Отныне только стены монастыря Сакре-Кер будут свидетелями горя несчастной, но благодарной Эжени".

Письмо было написано накануне. Я знал, что это день её рождения: вчера она стала совершеннолетней.

"Бедная Эжени, — думал я, — её счастье ушло вместе с беззаботной юностью! Бедная Эжени!"

Слёзы катились у меня из глаз, когда я читал это письмо. Я поспешно вытер их и, позвонив слуге, приказал оседлать мою лошадь. Быстро одевшись, я вышел. Лошадь стояла уже у крыльца. Я вскочил на неё и поскакал к плантации.

Выехав из деревни, я вскоре нагнал двух всадников; они держали путь в том же направлении, что и я, но только не так спешили. Одеты они были, как обычно одеваются плантаторы, и неискушённый наблюдатель принял бы их за местных землевладельцев. Однако в их наружности было что-то, делавшее их не похожими ни на плантаторов, ни на торговцев, ни вообще на людей, которые занимаются одной из распространённых здесь профессий. Я судил не по одежде, а по тому особому отпечатку, который трудно определить словами, но по которому легко распознать служителей закона. Даже в Америке, где они не носят форменной одежды или специальных значков, я сразу замечал этот отпечаток и думаю, что мог бы узнать полицейского в любом штатском платье.

У людей, о которых я говорю, это особое выражение сразу бросилось мне в глаза, и я подумал, что это констебли или представители шерифа. А между тем, проезжая мимо, я успел только мельком взглянуть им в лицо и в другое время не обратил бы на них внимания.

Я не поклонился этим людям, но заметил, что моё появление их заинтересовало. Обернувшись назад, я увидел, что они подъехали вплотную друг к другу и о чём-то оживлённо беседуют, а по их жестам догадался, что разговор идёт обо мне.

Вскоре я ускакал далеко вперёд и перестал о них думать. Я спешил на плантацию, ещё не зная, что предпринять.

Я выехал по первому побуждению, надеясь только скорей узнать, что там делается, либо от Эжени, либо от самой Авроры.

Так ничего и не обдумав, я доехал почти до самой плантации. Теперь я немного придержал коня, чтобы собраться с мыслями. Я даже на минуту остановился. Здесь речной берег делал небольшой изгиб, и дорога как бы срезала его. Эта часть берега была не возделана и не огорожена. Свернув к реке, я остановил лошадь у воды и сидел, не слезая с седла, погружённый в раздумье.

Я старался составить какой-нибудь план действий. Что мне сказать Эжени? Что — Авроре? Захочет ли Эжени видеть меня после того, что она написала? В своём письме она сказала мне "прощайте", но сейчас было не время соблюдать какие-то церемонии. А если она не захочет, удастся ли мне повидаться с Авророй? Я должен видеть её. Кто может мне помешать? Мне надо так много сказать ей! Сердце моё было переполнено. Только разговор с наречённой мог принести мне облегчение.

Так и не приняв никакого решения, я снова повернул коня и, пришпорив его, поскакал по береговой дороге.

Подъехав к плантации, я увидел у ворот двух верховых лошадей. Я сразу узнал лошадей тех всадников, которых обогнал на дороге. Они опередили меня, пока я стоял на берегу реки. Теперь седоков не было видно: они, должно быть, вошли в дом.

Лошадей держал темнокожий. Это был мой старый друг Зип.

Я подъехал и заговорил с ним, не слезая с седла. Мне хотелось узнать, кто эти люди.

Его ответ меня не удивил. Предположение моё оправдалось. Это были блюстители закона — местный шериф и его помощник. Незачем было спрашивать, по какому делу они приехали, я и сам догадался.

Я только спросил Сципиона о подробностях. Он коротко рассказал мне всё, что знал, а я слушал, не прерывая его. Шериф наложил арест на дом и всё имущество; Ларкин пока по-прежнему управляет негритянским посёлком, но скоро всех темнокожих продадут; Гайар постоянно бывает здесь, а "мисса Жени уехала".

— Уехала? Куда?

— Не знаю, масса. Наверно, в город. Она уехала этой ночью.

— А...

Я на минуту остановился, сердце моё бешено колотилось.

— А Аврора? — спросил я с усилием.

— Рора тоже уехала, масса. Она уехала вместе с мисса Жени.

— Аврора уехала?!

— Да, масса, она уехала, истинная правда.

Я был крайне удивлён тем, что он мне сообщил, меня поразил этот таинственный отъезд. Эжени уехала ночью! Вместе с Авророй! Что это значит? Куда они поехали?

Но сколько я ни расспрашивал Сципиона, мне не удалось раскрыть эту тайну. Он ничего не знал о делах своей госпожи, ничего, кроме того, что касалось негритянского посёлка. Он слышал, что его самого, его жену и дочь, малютку Хло, как и всех его товарищей-темнокожих, отправят в город и продадут с торгов на невольничьем рынке. Отъезд был назначен на следующий день. О продаже с аукциона уже дали объявление в газетах. Вот и всё, что он знал. Нет, не всё. У него была

ещё новость для меня. Это истинная правда, он слышал, как об этом говорили белые люди — Ларкин, Гайар и работорговец, который теперь занимался их продажей. Речь шла о квартеронке. Её должны были продать вместе со всеми.

Кровь закипела во мне, когда я услышал рассказ Сципиона. Нечего и говорить, что я верил ему. Все подробности разговора звучали в его передаче вполне правдоподобно. Не могло быть никаких сомнений, что он говорит правду.

Плантация Безансонов утратила для меня всякую привлекательность. Да и в Бринджерсе мне больше нечего было делать. Новый Орлеан — вот куда я теперь стремился.

Дружески простившись со Сципионом, я повернул коня и поскакал обратно. Благородное животное чувствовало мою тревогу и мчалось галопом. Эта бешеная скачка была под стать бушевавшим во мне чувствам.

Через несколько минут я уже передал свою лошадь конюху и, поднявшись к себе в комнату, стал готовиться к отъезду.

Глава XLII. ПЛАВУЧАЯ ПРИСТАНЬ

Теперь я ожидал только парохода, который доставил бы меня в Новый Орлеан. Я знал, что долго ждать не придётся. Ежегодная эпидемия пошла на убыль, в городе должна была возобновиться обычная деловая жизнь и начаться сезон развлечений. Пароходы, ушедшие на север, уже побывали на всех притоках Миссисипи и, нагружённые дарами щедрой долины этой могучей реки, устремились к великому южному пакгаузу американской торговли.

Пароход мог прийти со дня на день, вернее — с часу на час.

Я решил отплыть с первым же из них.

Гостиница, в которой я жил, да и сама деревня находились на порядочном расстоянии от пристани; её отнесли подальше от реки из разумной предосторожности. Здесь, как и на тысячи миль вверх и вниз по течению, берега Миссисипи поднимаются всего на несколько футов над её уровнем, вода день за днём подмывает грунт, и красноватый поток подчас уносит целые пласты прибрежной земли.

Казалось бы, что такая неустанная работа воды должна со временем непомерно расширить ложе реки. Но нет: под действием течения, образованного новой излучиной, то, что снесено на одном берегу, отлагается на другом, и река сохраняет свою первоначальную ширину. Это примечательное явление размыва и отложения наблюдается от устья Огайо до устья самой Миссисипи, хотя далеко не всюду в одинаковых масштабах. В иных местах размыв происходит столь стремительно, что в несколько дней вода может унести не только часть посёлка, но и целую плантацию. Нередко также во время весеннего паводка своенравная река бросается наперерез собственной излучине и в течение нескольких часов образует новое русло, куда и устремляет свои воды. Представьте себе, что в глубине излучины расположена плантация, а иногда даже три-четыре, — и вот в один прекрасный день хозяин, который лёг спать в полной уверенности, что он прочно обосновался на материке, утром просыпается на острове. В ужасе видит он перед собой красно-бурый поток, который мчится мимо, отрезая его от суши. Теперь без парома, который обойдётся недёшево, ему уже не попасть в соседнюю деревню; не попасть на рынок и фургонам, нагружённым гигантскими кипами хлопка и бочками с табаком и сахаром. Случись ещё раз подобное вторжение — и свирепая река унесёт, пожалуй, самого хозяина и дом, а заодно и несколько сот его полуголых темнокожих. В страхе перед грозящей гибелью человек бросает родной очаг и переселяется куда-нибудь выше или ниже по течению, где, как ему кажется, он будет надёжнее защищён от неожиданной напасти.

Из-за причуд Миссисипи трудно найти в её низовьях безопасное место для жилья. На протяжении почти пятисот миль от устья только изредка встречаются небольшие, годные для заселения возвышенности, но искусственная насыпь восполняет этот недостаток и обеспечивает здешним городам и плантациям сравнительную безопасность.

Как я уже сказал, моя гостиница стояла несколько в стороне, и прибывший с верховьев пароход, подойдя к пристани, мог отчалить прежде, чем меня успели бы предупредить. Нагруженное и не заинтересованное во фрахте судно не станет здесь долго задерживаться, а харчевня на Миссисипи — не лондонская гостиница, где вы можете смело положиться на исполнительного коридорного. Шансов на то, что Самбо разбудит вас вовремя, не больше одного на сто, ибо сон его крепче вашего.

Я давно убедился в этом и теперь, боясь пропустить пароход, решил расплатиться и, забрав свои пожитки, заблаговременно отправился на пристань.

Мне не угрожала опасность провести ночь под открытым небом. Настоящей пристани здесь не было, зато стоял огромный остов давно уже отслужившего парохода.

Эта махина, пришвартованная к берегу крепкими канатами, представляла отличную пристань, а её просторные палубы, салоны и каюты служили складом для всякого рода грузов. Старое судно с успехом выполняло и то и другое назначение и было известно под названием "плавучей пристани".

Было уже поздно, около полуночи, когда я поднялся на его борт. Даже последние замешкавшиеся здесь местные жители уже давно разошлись; ушёл и хозяин складов. Сонный темнокожий был единственным человеческим существом, которое попалось мне на глаза. Он сидел в отгороженном стойкой углу нижней палубы. Перед

ним стояли весы с гирями, лежал большой моток толстой бечёвки, кухонный нож и прочие необходимые для торговли предметы, которые вы можете встретить в любой мелочной лавке. Позади, на полках, были расставлены бутылки с разноцветными напитками, стаканы, ящики с галетами, сыр из "Западных резерваций", кадки с прогорклым маслом, пачки жевательного табака и дешёвых сигар — словом, обычный ассортимент бакалейной лавочки. Остальная часть просторного помещения была завалена товарами в самой разнообразной таре: в кипах, мешках, бочках и ящиках. Одни грузы прибыли из дальних краёв через Новый Орлеан и направлялись вверх по реке, другие — —щедрые дары земли — шли в обратном направлении, к устью Миссисипи, чтобы переплыть через Атлантический океан в трюмах огромных кораблей. На нижней палубе буквально негде было ступить, и, озираясь кругом, я тщетно искал места, где бы улечься и хоть немного соснуть. При свете я, вероятно, нашёл бы себе укромный уголок, но сальная свеча, вставленная в бутылку из-под шампанского, сильно оплыла и едва освещала царивший здесь хаос. Всё же слабые отблески огня, игравшие на чёрном лице единственного здешнего обитателя, помогли мне до него добраться.

— Что, дядюшка, дремлете? — спросил я, подходя к стойке.

Американский темнокожий никогда не позволит себе ответить вам грубо, тем более на вежливый вопрос. Моё приветливое обращение, видимо, затронуло чувствительную струнку в душе чернокожего, и в ответ на мои слова лицо его расплылось в благодушной улыбке. Он не спал, и мой вопрос был задан с единственной целью завязать разговор.

— Ах, Боже ты мой, да это масса Эдвард! Дядя Сэм знает вас. Вы не обижаете чёрный народ. Чем могу служить, масса Эдвард?

— Да вот еду вниз, в Новый Орлеан, и хочу дождаться здесь парохода. Говорили, какой-то будет сегодня ночью.

— Обязательно будет, масса Эдвард, обязательно! Хозяин тоже ждёт. Как раз сегодня ночью должен прийти один пароход с Ред-Ривер — "Хоума" или "Чоктума".

— Отлично! Так вот, дядя Сэм, если у вас здесь найдётся свободная половица футов в шесть длиною и вы не откажетесь разбудить меня, как только появится пароход, эти полдоллара будут ваши.

При виде серебряной монеты глаза дядюшки Сэма округлились от удовольствия и ещё ярче засверкали его и без того яркие белки. Недолго думая, он схватил бутылку с торчавшей в ней свечкой и, лавируя между тюками и ящиками, повёл меня к трапу. Мы поднялись на вторую, так называемую пассажирскую палубу и очутились в салоне.

— Вон как много места, масса Эдвард! Жаль, нет кровати. Но если масса не прочь поспать на мешках с кофе, Сэм очень рад, очень. Я вам свечу оставлю, у меня есть внизу другая. Доброй ночи, масса Эдвард, доброй ночи! Я разбужу, разбужу, не беспокойтесь.

С этими словами добродушный темнокожий поставил свечу на пол и направился к трапу, а я остался один со своими мыслями.

При тусклом свете сальной свечи я оглядел свою спальню. Как сказал дядя Сэм, здесь и вправду места хватало. Когда-то это было помещение для пассажиров, но перегородку между дамским и общим салоном убрали, и сейчас оно представляло собой один огромный зал, более ста футов длиной. Я стоял почти на середине, и оба конца его, уходя вдаль, терялись где-то в темноте. Каюты по обе стороны зала и даже двери с узорчатым стеклом остались нетронутыми; одни были наглухо заколочены, другие прикрыты или распахнуты настежь. Роспись и позолота на потолке и стенах салона потемнели и облупились, и только над аркой входа в общий салон ярко блестела золотом надпись "Султанша", свидетельствовавшая о том, что я

нахожусь в остове одного из самых прославленных пароходов, когда-либо бороздивших воды Миссисипи.

Странные мысли бродили в моей голове, когда я стоял, осматриваясь, в этом разорённом зале. Безмолвный и пустынный, необъяснимый интерес к имени Аврора? испытаешь и в самой глухой лесной чащобе.

Не слышно было ни одного привычного звука — ни стука машин, ни пыхтенья вырывающегося пара, ни гула мужских голосов или звонкого смеха; не видно было привычных предметов — блестящих канделябров, длинных, сверкающих хрусталём столов, и эта тишина, это отсутствие праздничного убранства в когда-то роскошном зале усиливали впечатление заброшенности. Казалось, что стоишь среди развалин древнего монастыря или на старом кладбище.

Мебели тут не осталось никакой. На полу лежали только грубые джутовые мешки с кофе, любезно предложенные мне Сэмом вместо постели.

Осмотрев свою необычную спальню, давшую столь странное направление моим мыслям, я стал подумывать о том, чтобы лечь. Здоровье моё ещё недостаточно окрепло, и я сильно устал. Мешки с кофе манили меня. Я притащил их с полдюжины, сложил в ряд и, растянувшись на спине, накрылся плащом. Кофейные зёрна, подавшись под тяжестью моего тела, оказались довольно удобным ложем, и не прошло пяти минут, как я уснул.

Глава XLIII. КРЫСЫ

Спал я, должно быть, час, а то и больше. Когда я лёг, мне не пришло в голову взглянуть на часы, а когда проснулся, было уже не до того. Но что прошло никак не меньше часа, я мог заключить по величине огарка.

Этот час был одним из самых страшных в моей жизни. Я видел отвратительный сон. Однако я неправ, называя это сном. То не было сновидением, хотя тогда мне казалось, что я сплю и всё это мне лишь грезится.

Но слушайте!

Как уже было сказано, я лёг на спину и натянул свой широкий плащ до самого подбородка. Открытыми оставались только лицо да сапоги. Один мешок я подложил себе вместо подушки под голову так, что мне хорошо было видно всё моё распростёртое на мешках тело и торчавшие из-под плаща носки сапог. Свечу я поставил прямо перед собой в ногах, и пол был мне виден на расстоянии нескольких ярдов. Я повторяю, что заснул сразу же. По крайней мере, так мне показалось, да и сейчас кажется, хотя глаза у меня были открыты и я ясно видел перед собой и свечу и ту часть пола, которую она освещала. Я старался закрыть глаза, но не мог; не мог и переменить положение и лежал, глядя на язычок пламени и светлый круг на полу. Вскоре мне представилось странное зрелище. В темноте предо мной вдруг заплясало несколько крохотных светящихся точек. Сперва я принял было эти точки за светлячков, которых множество в здешних местах, но как могли они попасть в закрытое помещение? И потом, они кружились у самого пола, а не в воздухе, что было уже совсем странно.

Огоньков становилось всё больше и больше. Теперь их было не меньше сотни, и что всего удивительнее, они двигались как бы парами. Нет, это не могли быть светляки!

На меня напал страх, я вдруг почувствовал, что эти движущиеся над полом бесчисленные огненные точки таят в себе опасность. Но что бы это могло быть?

Едва я задал себе этот вопрос, как тут же получил на него ответ, нисколько, правда, меня не успокоивший. Меня вдруг словно осенило: каждая пара этих горящих точек — глаза!

Догадаться, что это глаза крыс, не представляло труда, но это было для меня слабым утешением. Вы, возможно, посмеётесь над моим страхом, но я скажу вам без шуток, что, если бы, проснувшись, я увидел перед собой готовую к прыжку пантеру, я испугался бы не больше. Я слышал немало рассказов, да и сам был очевидцем наглых набегов и кровожадных подвигов крыс в Новом Орлеане, где в то время они расплодились в неимоверном количестве, и теперь один вид их вызывал во мне чувство омерзения и ужаса. Но всего ужаснее было то, что они надвигались на меня всё ближе и ближе, а бежать от них я не мог. Да, не мог! Мои руки и ноги как бы налились свинцом, и я не в силах был пошевельнуться.

Тогда-то я и подумал, что всё это мне грезится.

"Ну конечно, — рассуждал я, ибо ещё не лишился способности рассуждать, — это мне только снится. Но какой ужасный, отвратительный сон! Проснуться бы поскорей! Вот он, настоящий кошмар! Так всегда и бывает. Хоть бы я пальцем мог пошевельнуть! Господи!"

Эти мысли действительно мелькали в моём мозгу. Такое состояние бывало у меня и раньше, когда я находился во власти кошмара. Но с тех пор как я узнал способ отгонять эти мучительные сны, они уже меня не пугали.

Однако теперь я не мог этого сделать. Я лежал, как покойник, которому не закрыли глаза. Мне казалось, что я сплю. Но спал я или нет, самое страшное было ещё впереди.

Продолжая вглядываться в темноту, я заметил, что количество мерзких животных продолжает быстро расти. Вот они достигли освещённого пространства, и я видел уже их тельца, покрытые бурой шёрсткой. Они заполонили всё кругом. Пол кишел ими, и они колыхались, как волны, гонимые ветром. Отвратительное зрелище!

Крысы подступали всё ближе. Я уже различал их длинные мордочки с серыми щетинистыми усами, их острые зубы, видел их злобные, колючие глазки.

Всё ближе!.. Они взбираются на мешки, они уже шныряют по моему телу… Они гоняются друг за другом в складках моего плаща, они грызут мои сапоги… Ужас! Ужас! Они хотят сожрать меня!..

Их мириады! Они всюду! Мне не видно, что делается справа и слева от меня, но я знаю, что они здесь. Я слышу их пронзительный писк, воздух пропитан запахом этих гнусных тварей. Я задыхаюсь от него. Ужас!.. Ужас!.. "О милосердный Боже, пробуди меня от этого страшного сна!.."

Таковы были мои мысли и чувства в эти минуты. Я прекрасно сознавал всё, что происходило, и потому был уверен, что это сон.

Я делал нечеловеческие усилия, чтобы проснуться, чтобы пошевелить рукой или ногой. Но тщетно: ни один мускул не повиновался мне, каждый нерв моего существа оцепенел. Кровь застыла в жилах.

Мне казалось, что эта пытка длится уже целую вечность. Я леденел при мысли, что они съедят меня живьём. Правда, кровожадные зверьки пока накинулись только на мой плащ и сапоги, но ужас мой не знал пределов. Я ждал, что вот-вот они вопьются мне в горло…

Но что-то отпугивало их от моего лица. Уж не пристальный ли взгляд моих широко открытых глаз? Не это ли удерживало их от нападения? Несомненно! Крысы копошились вокруг меня, взбираясь даже на грудь, но не решаясь приблизиться к моему лицу.

Не знаю, как долго удерживал бы их этот спасительный для меня страх, потому что мучения мои неожиданным образом кончились.

Свеча догорела, огарок с громким шипеньем провалился в горлышко бутылки, и наступила темнота.

Омерзительные животные, испуганные внезапным переходом от света к тьме, со страшным писком бросились врассыпную. Я слышал только торопливый топот лапок по дощатому полу.

Можно было подумать, что именно свет магически действовал на меня и держал в железных тисках кошмара. Как только свеча погасла, ко мне вернулись силы. Вскочив на ноги, я схватил плащ, стал неистово размахивать им вокруг себя и закричал во весь голос.

Я обливался холодным потом и чувствовал, что волосы у меня встали дыбом. Но я всё ещё был уверен, что видел сон. Только когда перепуганный Сэм со свечой в руках явился на мой крик, я по плачевному состоянию своего плаща и сапог убедился в том, что меня в самом деле посетили эти мохнатые гости и что всё это происходило наяву.

Я бросился вон из салона и, завернувшись в плащ, как мог устроился на палубе.

Глава XLIV. "ХОУМА"

Я недолго сидел на пристани. Вскоре до меня донеслось хриплое пыхтенье, вдали показались огни топок, бросавшие на воду багровый

отсвет, затем послышалось хлопанье пароходных плиц, бьющих по бурой воде Миссисипи, звон колокола, громкие слова команды, передаваемой от капитана его помощнику, а от него — матросам, и минут через пять пароход "Хоума", идущий с Ред-Ривер, подошёл вплотную к старой "Султанше".

Я взбежал по сходням, бросил на палубу свой багаж, поднялся наверх и уселся под тентом.

Десятиминутная суматоха, тяжёлое топанье ног по сходням и палубе — одни пассажиры спешили сойти на берег, другие торопились на пароход, — пронзительные гудки, грохот огромных поленьев, бросаемых в топку; в промежутке — громкая команда, взрыв раскатистого смеха в ответ на грубую шутку и сдержанный шёпот прощанья… Десять минут шума и суеты, и снова звон большого колокола, возвещающий об отплытии.

Я уселся в кресло возле стойки тента, почти у самого борта. Отсюда видны были сходни, соединявшие пароход с плавучей пристанью, которую я только что покинул.

Рассеянно и равнодушно смотрел я на суматоху внизу. Если я и думал о ком-нибудь, то предмет моих мыслей был не здесь, и самое воспоминание о нём заставляло меня отворачиваться от этих суетящихся людей и устремлять свои взоры на левый берег реки. Быть может, эти мимолётные взгляды сопровождались вздохами, но когда я отводил глаза, мои мысли не останавливались ни на чём определённом, и мелькавшие передо мной люди казались мне тенями.

Вдруг что-то вывело меня из глубокой апатии. Мой взгляд случайно упал на две человеческие фигуры, стоявшие на плавучей пристани, но не вблизи мостков, где фонарь бросал яркий свет на торопливо бегущих пассажиров, а в отдалённом углу, под тентом. Я не различал ни их лиц, ни фигур под чёрными плащами, но по их позам, по тому, что они

старались держаться подальше от света, и по их явно взволнованному шёпоту я решил, что это влюблённые. Сердце подсказало мне это заключение, и я уже не искал другого.

"Да, это влюблённые! Счастливые влюблённые! Впрочем, нет, не такие уж счастливые: их ждёт разлука. Очевидно, юноша — начинающий конторщик или торговец — уезжает в город на зимний сезон. Ну так что ж! Весной он вернётся и снова пожмёт эти тонкие пальчики, обнимет этот прелестный стан, повторит те же ласковые слова, которые после долгого молчания прозвучат ещё нежнее... Счастливый юноша! Счастливая девушка! Что значит печаль вашего прощания перед той жестокой разлукой, что выпала на мою долю! Аврора! Аврора!.. О, если бы ты была свободна! Если бы ты была дочерью знатных людей! Не потому, что я любил бы тебя больше — больше, чем я люблю, любить невозможно! — но я мог бы смелее домогаться твоей любви, лелеял бы надежду... А сейчас — увы! — между нами разверзлась бездна, нас разделяет пропасть социального неравенства! Но и она не разъединит наши сердца! Любовь преодолеет всё!.." Ах!..

— Хэлло, мистер! Что случилось? Кто-нибудь упал за борт?

Я не обратил внимания на этот грубый окрик. Жгучая боль сжала моё сердце, из груди вырвался невольный крик, который и дал повод к этому вопросу.

Пожав друг другу руки и обменявшись поцелуем, молодая чета рассталась. Юноша быстро взбежал по сходням. Я даже не посмотрел на него, когда он прошёл мимо, освещённый ярким светом фонаря. Он меня не интересовал. Я не мог отвести глаз от девушки. Мне хотелось увидеть, как поведёт она себя в последнюю минуту расставанья.

Убрали сходни. Прозвучал колокол. Мы отчаливали.

В это мгновение закутанная в плащ женская фигура выступила из тени, отбрасываемой тентом. Девушка хотела поймать прощальный взгляд возлюбленного. Сделав несколько шагов, она очутилась у самого края плавучей пристани, там, где горел фонарь. Соломенная шляпка, завязанная под подбородком на манер капора, съехала на затылок. Луч света упал на её лицо, скользнул по волнам чёрных волос, сверкнул в чудесных глазах.

Боже милосердный, глаза Авроры!..

Неудивительно, что я крикнул отчаянным голосом:

— Это она!

— Что вы сказали? Женщина за бортом? Где? Где?

Человек был встревожен не на шутку. Услышав мой крик, он, очевидно, счёл его ответом на свой предыдущий вопрос, а мой взволнованный вид подтверждал его предположение, что какая-то женщина упала в воду.

Стоявшие поблизости пассажиры расслышали его слова и передали их соседям. Тревога распространилась по судну с быстротой лесного пожара. Пассажиры выбегали из кают и салонов и мчались к переднему тенту с криком: "Кто? Как? Где?" Кто-то громко крикнул: "Человек за бортом! Женщина!"

Я-то знал причину этой нелепой тревоги и потому даже не оглянулся. Мои мысли были заняты другим. Первая вспышка отвратительного чувства — ревности — поглотила всё моё существо, и я не обращал внимания на то, что творится вокруг.

Не успел я разглядеть лицо девушки, как судно, развернувшись против течения, заслонило её от меня. Я кинулся вперёд, к трапу. Но

тут рулевая рубка загородила мне вид на берег. Это меня не остановило. Я решил залезть на неё. Взбудораженные пассажиры оттеснили меня, и прошло немало времени, прежде чем мне удалось забраться на покатую крышу рубки. А когда мои усилия увенчались наконец успехом, было поздно: пароход отошёл на несколько сот ярдов. Я видел издали плавучую пристань с ярко горящими фонарями, различал даже фигуры стоящих на ней людей, но уже не видел той, которую искал мой взор.

Разочарованный, я перешёл на штормовой мостик, который почти соприкасался с крышей рулевой рубки. Там я надеялся остаться наедине со своими горькими мыслями.

Но и в этом было мне отказано. Снова послышались громкие голоса, топот тяжёлых сапог и быстрые шаги женщин, и в то же мгновение поток пассажиров хлынул на штормовой мостик.

— Вот этот джентльмен! Вот он! — раздался чей-то голос.

В один миг возбуждённая толпа окружила меня.

— Кто упал за борт? Кто? Где? — посыпались вопросы.

Я, разумеется, сразу понял, что вопросы относятся ко мне и что пора наконец объясниться и прекратить эту беспричинную панику.

— Леди и джентльмены! — сказал я. — Мне ничего не известно о том, что кто-то упал за борт. Почему вы обращаетесь ко мне?

— Хэлло, мистер! — вскричал виновник переполоха. — Разве вы не сказали…

— Ничего я не говорил.

— Но я же спрашивал вас, не упал ли кто за борт?

— Спрашивали.

— И вы ответили мне...

— Ничего не ответил.

— Будь я проклят, если вы не сказали не то: "Вот она!", не то: "Это она!" или что-то в этом роде.

Я повернулся к говорившему, который, как я заметил, начинал уже терять доверие пассажиров.

— Мистер, — произнёс я ему в тон, — очевидно, вы никогда не слыхали о человеке, который нажил огромное состояние, занимаясь исключительно своими собственными делами.

Моя реплика положила конец переполоху. Она была встречена взрывом хохота, который нанёс моему противнику полное поражение, и он, немного покипятившись и покричав, отправился в бар, чтобы утопить обиду в стаканчике спиртного.

Пуб репликстепенно разошлась по каютам и салонам, и я снова остался один на штормовом мостике.

Глава XLV. РЕВНОСТЬ

Любили вы когда-нибудь девушку простого звания? Прелестную юную девушку, которой предназначен самый скромный удел, но чья блистательная красота уничтожает всякую мысль о социальном неравенстве? Пословица "Перед любовью все равны" стара, как мир. Любовь смиряет гордые сердца, учит высокомерных снисхождению, но

главное её свойство — всё возвышать и облагораживать. Она не превратит принца в простолюдина, но зато превратит простолюдина в принца.

Взгляните на вашу богиню, когда она хлопочет по дому. Вот она возвращается от колодца с кувшином воды. Босая, идёт она по хорошо знакомой тропинке, и эти нежные ножки в их целомудренной наготе не могли бы быть прекраснее даже в самых изящных атласных или шёлковых туфельках. И разве не тускнеют перед блеском её чёрных растрепавшихся кудрей золотые шпильки и драгоценные диадемы, венки из цветов и жемчужные нити, украшающие затейливые причёски светских дам, гордо восседающих в ложах бельэтажа? Она несёт свой глиняный кувшин с такой грацией, будто её голову венчает золотая корона, и каждый её жест, каждое движение достойны резца ваятеля или кисти художника. Её простое холщовое платьице в ваших глазах милее самого роскошного туалета из лионского бархата. Но что вам её наряд! Вас привлекает не оправа, а жемчужина, заключённая в ней.

И вот девушка исчезает в хижине, в своём убогом жилище. Убогом? В ваших глазах оно уже отнюдь не убого. Эта маленькая кухонька с табуретами и столом из некрашеного дерева, с сосновой полкой, где в порядке выстроились кружки, чашки и расписные тарелки, с выбеленными стенами, увешанными дешёвыми литографиями — на одной изображён солдат в красном мундире, на другой матрос в синей рубашке, — эта хижина, крошечный храм, посвящённый пенатам бедняка, вдруг озаряется светом, придающим ей такой блеск и великолепие, перед которыми меркнут раззолоченные гостиные богачей. Маленький, увитый зеленью домик с низкой кровлей превратился во дворец. Свет любви преобразил его! Это рай, и рай запретный. Да, при всём вашем богатстве и власти вы с вашей изысканной внешностью, громкими титулами, безукоризненным костюмом и лаковыми сапожками не посмеете переступить его порога.

И как вы завидуете смельчаку, отважившемуся войти туда! Как вы завидуете и франтоватому подмастерью и этому детине в холщовой

рубахе, который громко хлопает кнутом и беспечно насвистывает, будто идёт за плугом, хотя благоговейный трепет перед прекрасным видением должен был бы сковать его уста! Пусть он неуклюж, как медведь, но вас гложет ревность, и вы готовы убить его за милые улыбки, которые, как вам кажется, она расточает именно ему.

Возможно, что эти улыбки ничего не значат, что они выражают только доброту её сердца, дружбу и невинное кокетство, но вы не можете подавить в себе зависть и подозрение. А если она улыбается не без причины, если это улыбка любви и простая девушка сделала своим избранником молодого подмастерья или этого увальня с кнутом — вас ждут самые ужасные страдания, какие только знает человеческое сердце. Это не простая ревность. Это гораздо более мучительное чувство, потому что оно отравлено ядом уязвлённого самолюбия. О, его нелегко пережить!

Такие именно муки испытывал я, шагая взад и вперёд по штормовому мостику. Счастье ещё, что пассажиры все разошлись. Я не в силах был скрывать обуревавшие меня чувства. Мой вид и дикая жестикуляция выдали бы меня и дали бы повод к насмешкам и шуткам. Но я был один. Рулевой в своей стеклянной будке меня не замечал. Он сидел ко мне спиной, устремив пристальный и зоркий взгляд на воду, и был слишком поглощён песчаными отмелями, корягами и плывущими по реке брёвнами, чтобы обращать внимание на мои безумства.

То была Аврора! В этом я нисколько не сомневался. Я не мог ошибиться, не мог спутать её ни с кем. Только она одна на свете обладала столь пленительной, но, увы, пагубной красотой!

Но кто же он? Какой-нибудь городской сердцеед? Молодой приказчик? Служащий на плантации? Кто? Быть может, — при этой мысли сердце во мне дрогнуло, — он тоже принадлежит к гонимой расе? Может быть, это темнокожий, мулат или квартерон — словом, раб? Иметь соперником раба! Соперником? Он — её счастливый

избранник! Подлая кокетка! Как мог я поддаться её чарам, принять её лукавство за простодушие, её лицемерие — за искренность.

Но кто же он? Я обыщу весь пароход и найду его? К сожалению, я не видел его лица и не заметил, как он одет. Когда они расстались, я смотрел только на неё. В темноте я не мог хорошенько его разглядеть, а когда он проходил мимо фонаря, я даже не взглянул в его сторону. Нелепо думать, что я разыщу его. Как узнаешь его в толпе пассажиров?

Я спустился вниз, прошёл через салон к переднему тенту, обошёл палубу. Я всматривался в каждое лицо с таким вниманием, что это могло показаться дерзостью. Все молодые, красивые мужчины возбуждали во мне ревность, и я пристально изучал их. Таких среди пассажиров оказалось несколько человек, и я старался угадать, кто сел в Бринджерсе. Некоторые, судя по всему, сели недавно, но это было, в сущности, лишь предположение, и мои поиски счастливого соперника не увенчались успехом.

Расстроенный своей неудачей, я вернулся обратно на штормовой мостик, но едва я туда поднялся, как меня осенила новая мысль. Я вспомнил, что всех невольников должны были отправить на рынок с первым пароходом. Не с нашим ли они едут? Я видел, как целую толпу темнокожих — мужчин, женщин и детей — гнали вверх по сходням. Тогда я не обратил особого внимания на эту картину, так как её можно было наблюдать ежедневно и ежечасно. Мне и в голову не приходило, что это могли быть невольники с плантации Безансонов.

Если это действительно они, ещё не всё потеряно. Пусть Аврора не с ними, но это ничего не значит. Хотя она такая же рабыня, её вряд ли могли заставить ехать на палубе. Когда я увидел её на плавучей пристани, сходни были уже убраны — значит, она осталась. Мысль, что невольники Безансонов находятся на нашем пароходе, успокоила меня. Я стал надеяться, что мои опасения напрасны.

"Почему?" — спросите вы. Да просто потому, что юноша, который так нежно прощался с Авророй, мог быть её братом или близким родственником. Я не знал, есть ли у неё родные, но это было возможно, к тому же истерзанное ревностью сердце жадно цеплялось за любую догадку.

"Надо положить конец мучительным сомнениям", — решил я и, прервав свою прогулку, поспешил вниз, на пассажирскую палубу, а оттуда по главному трапу на нижнюю, где стояли котлы. Ловко лавируя между грудами мешков с кукурузой и бочками с сахаром, то ныряя под колёсный вал, то карабкаясь на гигантские кипы хлопка, я добрался до кормы, отведённой для палубных пассажиров, где бедные ирландские и немецкие иммигранты ютятся бок о бок с чернокожими рабами юга.

Я не ошибся. Вот их добродушные чёрные лица. Здесь были все: и старый Зип, и тётушка Хлоя, и малютка Хло, и новый кучер Ганнибал, и Цезарь, и Помпей — словом, все, кого ждал страшный невольничий рынок.

Я не сразу подошёл к ним. Свет падал в ту сторону, и, пользуясь этим, я несколько мгновений рассматривал их, прежде чем они заметили меня. Это было печальное сборище. Не слышно было ни смеха, ни задорных шуток, как бывало, когда они после долгого дня работы усаживались отдохнуть на порогах своих лачуг. Здесь царили печаль и уныние. Даже маленькие дети, которые обычно не задумываются над тем, что их ждёт, казалось, прониклись тревожным настроением старших. Они не возились, не шалили. Они даже не играли, а сидели притихшие и молчаливые. Эти маленькие рабы уже знали достаточно, чтобы страшиться за своё будущее и трепетать при словах "невольничий рынок".

Все были подавлены. И немудрёно: они привыкли к доброму обращению и теперь боялись очутиться во власти жестокого надсмотрщика. Никто не знал, где он окажется завтра и какой деспот будет его господином. Но это ещё не всё, их ждало горшее испытание.

Друга разлучат с другом, родных разметают по разным плантациям, и кто знает, суждено ли им будет когда-нибудь свидеться! С болью в сердце, с мучительной тоской глядел теперь муж на жену, брат — на сестру, отец — на сынишку, мать — на своего беспомощного малютку.

Как тяжело было смотреть на этих несчастных, видеть их страдания, читать следы душевной тревоги на каждом лице, думать о той несправедливости, которую один человек, прикрываясь законом, вправе причинять другому, попирая все законы человеческого сердца! О, как тяжело было смотреть на эту картину!

Единственное, что смягчало мою боль, — это сознание, что я своим появлением хоть ненадолго рассеял их печаль. Меня встретили радостными возгласами и улыбками, и эти улыбки согнали с их лиц суровую тень. Будь я даже их спасителем, и тогда я не мог бы рассчитывать на более горячий приём.

Среди пылких изъявлений радости слышались и страстные мольбы купить их, стать их господином, и торжественные обещания преданно служить мне. Увы, они не знали, какие муки доставляла мне в эту самую минуту мысль о том, удастся ли мне спасти ту, которую я так страстно мечтал выкупить.

Я старался казаться весёлым, ободрить и утешить их, тогда как сам нуждался в утешении.

Между тем я напряжённо всматривался в окружавшие меня лица. Здесь горело два фонаря, так что было довольно светло. Среди молодых мужчин оказалось несколько мулатов, и я подозрительно приглядывался к каждому. Как трепетало при этом моё сердце! О радость! Я не находил никого, кто был бы достоин её любви. Но все ли здесь? Сципион уверял, что все — все, кроме Авроры.

— А где Аврора? — спросил я. — Ты слышал что-нибудь о ней?

— Нет, масса! Говорят, Рора уехала в город. Её отправили туда в карете, не на пароходе. Так мне рассказывали.

Мне показалось это странным. Отведя темнокожего в сторону, я спросил:

— Скажи, Сципион, нет ли среди вас каких-нибудь родственников Авроры? Сестёр, братьев, родных или двоюродных?

— Нет, масса, нету! Ей-богу, никого нету! Рора почти такая же белая, как мисса Жени, а здесь все чернокожие или смуглые. Рора — она квартеронка, а у нас все мулаты. Родных у Роры никого нет.

Я был удивлён и испуган. Ко мне вернулись прежние подозрения, и вновь вспыхнула ревность.

Сципион не мог мне объяснить этой тайны. Его ответы на другие мои вопросы тоже не помогли её разгадать, и я вернулся наверх с тяжёлым чувством растерянности.

Меня поддерживала только мысль, что я ошибся. Вероятно, это всё-таки была не Аврора.

Глава XLVI. ДЖУЛЕП ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ НАУКИ

Люди пьют, чтобы потопить в вине заботы и горе. Спиртные напитки, принятые в надлежащей дозе, способны заглушить и физическую и нравственную боль — правда, только на время. Но нет таких физических и нравственных мук, которые было бы труднее укротить, чем терзания ревности. Надо много и долго пить, прежде чем смоешь этот разъедающий сердце яд.

Однако и бокал вина может принести какое-то облегчение, и я прибегнул к этому средству. Я знал, что действие его кратковременно и

что мученья мои скоро возобновятся, но даже такая недолгая передышка была мне желанна. Уж слишком тяжело было оставаться наедине со своими мыслями.

Я не из тех, кто мужественно переносит боль. Сколько раз я прибегал к вину, желая успокоить ноющий зуб! Таким же точно способом я решил успокоить и жестокие страдания сердца. Лекарство было под рукой, и притом любое — на выбор.

В одном углу курительного салона помещалась роскошная буфетная стойка, уставленная шеренгами графинов и бутылок с этикетками и серебряными пробками, стаканами, горками лимонов; тут же стояли ступки для сахара и пряностей, висели пучки благоухающей мяты, красовались душистые ананасы, бокалы с соломинками, через которые тянут мятный джулеп, кобблер с хересом и другие не менее изысканные напитки.

И над всем этим великолепием царил бармен. Но не подумайте, что это был какой-нибудь субъект из породы официантов, испитой, с землистыми щеками и нечистой кожей, это сомнительное украшение всех английских отелей, которое одним своим видом способно отбить всякий аппетит. Напротив: представьте себе щёголя, одетого по последней моде — разумеется, по моде своей страны и своего сословия, то есть людей на Миссисипи. При исполнении обязанностей он не носит ни сюртука, ни жилета, но рубашка его достойна особого описания; она из тончайшего полотна ирландских мануфактур, слишком тонкого, чтобы его могли носить те, кто ткёт, а такой прекрасной работой не может похвалиться даже первоклассный лондонский поставщик с Бонд-стрит. В манжетах золотые запонки, в пышных складках жабо на груди сверкают брильянты. Из-под отложного воротничка виднеется чёрная лента, повязанная спереди бантом а ля Байрон; впрочем, тут уж скорее повинно жаркое тропическое солнце, чем желание подражать поэту-мореплавателю. Поверх рубашки он носит шёлковые, искусно вышитые подтяжки с массивными золотыми пряжками. Шляпа-панама, сплетённая из ценной травы с островов Океании, венчает его

напомаженные кудри. Таков наш бармен с парохода. О нижней половине его туловища говорить не стоит: эта часть бармена не видна, она закрыта стойкой.

Словом, это отнюдь не подобострастно ухмыляющийся холуй, а франтоватый, весьма самоуверенный модник; ему нередко принадлежит буфет со всем его содержимым, и ведёт он себя столь же независимо, как стюард или даже сам капитан.

Я ещё не подошёл к буфету, а уж на стойке оказался стакан, и молодой человек бросил в него несколько кусочков льда. А ведь мы ещё не обменялись с ним ни единым словом. Он не стал дожидаться заказа, прочтя в моих глазах твёрдое намерение выпить.

— Кобблер?

— Нет, — сказал я, — мятный джулеп.

— Прекрасно! Я приготовлю вам такой джулеп, что на ногах не устоите.

— Спасибо. Вот это как раз мне и нужно.

Тут бармен поставил рядом два больших бокала. В один он насыпал ложку сахарной пудры, бросил туда ломтик лимона, ломтик апельсина, несколько веточек зелёной мяты, затем пригоршню толчёного льда, добавил треть стакана воды и наконец большую стеклянную стопку коньяку. Покончив с этим, он взял в обе руки по бокалу и стал переливать содержимое из одного в другой с такой скоростью, что лёд, коньяк, лимон и всё прочее находились как бы во взвешенном состоянии между двумя сосудами. Заметим, что расстояние между бокалами было по меньшей мере два фута. Это искусство, которое даётся лишь долгой практикой, составляло, как видно, предмет особой профессиональной гордости бармена и неотъемлемую принадлежность

его ремесла. После многократных эволюций джулепу наконец разрешено было остаться в одном из двух бокалов и украсить собою стойку.

Теперь надлежало завершить творение. От ананаса был отрезан тонкий ломтик, затем этот ломтик зажали между большим и указательным пальцами, перегнули его пополам и ловким круговым движением протёрли им края бокала.

— Новейшая орлеанская мода, — заметил с улыбкой бармен, заканчивая манипуляцию.

Последняя процедура имела двоякое назначение. Ломтик ананаса не только снимал налипшие на стекло остатки сахара и кусочки мяты, но, пуская сок, добавлял свой аромат к напитку.

— Новейшая орлеанская мода, — повторил бармен. — Последнее слово науки.

Я кивнул в знак одобрения.

Наконец джулеп был готов — это явствовало из того, что бокал пододвинули ко мне по мраморной стойке.

— Соломинку? — последовал краткий вопрос.

— Да, пожалуйста.

В бокал была опущена соломинка, и, зажав её губами, я стал жадно втягивать в себя, быть может, самый упоительный из всех алкогольных напитков — мятный джулеп.

После первого же глотка я почувствовал его действие. Пульс стал ровнее, лихорадка улеглась, кровь спокойнее потекла по жилам, а сердце будто погрузилось в струи Леты[18]. Облегчение наступило почти мгновенно, и я не понимал, как раньше до этого не додумался. На душе у меня, правда, всё ещё было скверно, по теперь я знал, что нашёл безотказное средство утешения. Пусть действие его будет временным, но я был рад и этому. И, припав к соломинке, я стал жадно, большими глотками втягивать в себя божественный напиток и втягивал его до тех пор, пока звон потревоженных соломинкой кусочков льда о дно бокала не оповестил меня о том, что джулеп иссяк.

— Ещё один, пожалуйста!

— Вам понравилось?

— Чрезвычайно!

— Я же вам говорил. Смею вас уверить, сударь, что на нашей посудине вам смешают мятный джулеп не хуже, если не лучше того, что подают в Сент-Чарльзе или на Веранде.

— Великолепная штука!

— Могу вам предложить кобблер с хересом — тоже язык проглотите.

— Не сомневаюсь, но я не люблю хереса, предпочитаю вот это.

— Вы правы. Я лично — тоже. А ананас — это новинка, и я нахожу — новинка удачная.

— И я нахожу.

— Возьмите другую соломинку.

— Спасибо.

Бармен был на редкость любезен. Я полагал, что любезность эта вызвана моими похвалами его джулепу. Но, как я установил потом, дело было не в этом. В Луизиане люди не так-то податливы на дешёвую лесть. Я был обязан его хорошему мнению о моей особе совершенно иной причине — тому, что я так ловко осадил назойливого пассажира! Возможно также, что ему стало известно, как я проучил подлеца Ларкина. Весть о подобного рода "подвигах" очень быстро распространяется на Миссисипи, где такие качества, как сила и мужество, ценятся превыше всего. Посему в глазах бармена я был лицом, которое можно удостоить внимания, и за дружеской беседой с ним я проглотил второй джулеп, а затем попросил и третий.

Аврора была на время забыта, а если образ её вдруг всплывал в моём воображении, то не вызывал уже прежней горечи. Иногда я снова видел сцену прощания, но поднимавшаяся в душе боль икстепенно притуплялась, была не так невыносима, как прежде.

Глава XLVII. ПАРТИЯ В ВИСТ

Посередине курительного зала стоял стол, за которым сидели человек пять-шесть. Примерно столько же стояло позади, заглядывая им через плечо.

Жесты и сосредоточенные лица этих людей, а также характерное хлопанье по столу, звон долларов и частые возгласы: "туз", "валет", "козырь" — свидетельствовали о том, что здесь идёт карточная игра. То был юкр.

Мне давно хотелось узнать эту весьма распространённую в Америке игру, поэтому я подошёл поближе и стал наблюдать за игроками. Один из них был мой давешний приятель, поднявший ложную тревогу. Он сидел ко мне спиной и не сразу меня заметил.

Двое или трое игроков были превосходно одеты. На них были сюртуки из тончаншего сукна, жабо из самого дорогого батиста, в манишках сверкали драгоценные запонки, на руках — драгоценные перстни. Но руки выдавали их. Они яснее всяких слов говорили, что эти господа не всегда носили столь изящные безделушки. Никакое туалетное мыло не могло ни смягчить грубую, шершавую кожу, ни уничтожить мозолей — следов тяжёлого труда.

Что из того! Мозоли на руках не мешают быть джентльменом. На далёком Западе происхождение не играет большой роли, и простой деревенский парень может здесь стать президентом.

Но что-то во внешности этих джентльменов, чего я не могу даже определить словами, заставляло усомниться в том, что они джентльмены. А между тем в их манерах не чувствовалось ни высокомерия, ни глупого чванства. Напротив, из всех сидящих за столом они казались наиболее благовоспитанными. Играли они необычайно сдержанно и спокойно. И, возможно, именно эта чрезмерная сдержанность, невозмутимость и внушили мне какие-то неясные подозрения. Настоящие джентльмены из Теннесси или Кентукки, а также молодые плантаторы из долины Миссисипи и французские креолы из Нового Орлеана вели бы себя иначе. Хладнокровие и выдержка, полное спокойствие при объявлении козыря, ни тени досады при проигрыше доказывали, во-первых, что это люди бывалые, а во-вторых, что юкр для них не новинка. Вот и всё, что мне удалось заключить по их внешнему виду. Это могли быть врачи, адвокаты или просто праздные люди — категория, нередко встречающаяся в Америке.

В то время я ещё слишком плохо знал далёкий Запад, чтобы отнести их к определённой общественной группе. Кроме того, в Соединённых Штатах и, в частности, на Западе нет того различия в одежде и внешности, которая в Старом Свете выдаёт принадлежность к той или иной профессии. Вы встретите священника в синем фраке с блестящими пуговицами: судью в таком же фраке, но зелёном; врача в белом

полотняном пиджаке, а булочника — одетым с ног до головы в тонкое чёрное сукно. Там, где каждый человек притязает на звание джентльмена, он старается не подчёркивать свою профессию ни одеждой, ни чем-либо ещё. Даже портной никак не выделяется в толпе своих сограждан-клиентов. Страна характерной одежды лежит дальше на юго-запад — я имею в виду Мексику.

Некоторое время я стоял и присматривался к игрокам и игре. Если бы я не был знаком с особенностями денежного обращения на Западе, я бы предположил, что игра идёт на огромные суммы. По правую руку каждого игрока рядом с небольшими столбиками серебра достинством в один, половину и четверть доллара лежала груда банковских билетов. Так как мой глаз привык к купюрам в пять фунтов стерлингов, то куши могли показаться мне огромными, но я уже знал, что эти внушительных размеров банкноты с эффектной гравировкой и водяными знаками — всего-навсего обесцененные ассигнации стоимостью от одного доллара до шести с четвертью центов. Тем не менее ставки были далеко не маленькие, и часто за одну партию из рук в руки переходили суммы в двадцать, пятьдесят и даже сто долларов.

Я заметил, что виновник ложной тревоги тоже участвовал в игре. Он сидел ко мне спиной и, казалось, был так поглощён юкром, что даже не оборачивался. Как одеждой, так и всем своим видом он сильно отличался от остальных. На нём была белая касторовая шляпа с широкими полями и просторная, со свободными рукавами куртка. Он походил не то на зажиточного фермера из Индианы, не то на торговца свининой из Цинциннати. Чувствовалось, однако, что ему не впервые совершать путешествия по реке и он уже не раз бывал на Юге. Вероятно, моё второе предположение было правильно — он и впрямь был торговцем свининой.

Одни из описанных мною элегантных джентльменов сидел против меня. Он всё время проигрывал крупные суммы, которые переходили в карман моему торговцу свининой или фермеру. Отсюда следовало, что в

картах везёт не тому, кто лучше одет, и это внушало простым людям желание, в свою очередь, попытать счастья.

Я даже невольно проникся сочувстоием к элегантному джентльмену — уж очень ему не везло. Да и трудно было не восхищаться самообладанием, с каким он принимал очередной проигрыш.

Но вот он поднял глаза и испытующе посмотрел на стоящих вокруг. Он, видимо, решил выйти из игры. Его взгляд встретился с моим:

— Не желаете ли, молодой человек, сыграть? Если угодно, можете занять моё место. Мне сегодня не везёт, и я уж ни за что не отыграюсь. Придётся бросить.

При этих словах его партнёры, в том числе и торговец свининой, оглянулись в мою сторону. Я ждал, что он сейчас же накинется на меня, но ошибся. К моему удивлению, торговец свининой дружески меня окликнул.

— Хэлло, мистер! — закричал он. — Надеюсь, вы на меня не сердитесь?

— Нисколько! — ответил я.

— И хорошо делаете. Я ведь не хотел вас обидеть. Думал, кто-то за борт свалился. Будь я проклят, если вру!

— Я и не обиделся, — подтвердил я, — и в доказательство прошу вас выпить со мной.

Несколько бокалов джулепа и желание забыться настроили меня на общительный лад; к тому же этот искренний тон подкупил меня, и я простил торговцу свининой его невольную вину.

— Идёт! — согласился обладатель белой шляпы. — К вашим услугам, незнакомец! Но только разрешите мне угостить вас. Видите ли, я тут малость выиграл, так это уж моё дело — вспрыснуть мировую.

— Не возражаю.

— Ну, значит, опрокинем по стаканчику. Плачу за всех. Что вы на это скажите, друзья? — обратился он к присутствующим.

Ему ответили одобрительными возгласами.

— Вот и отлично! А ну-ка, буфетчик, поднеси всей честной компании!

С этими словами торговец свининой подошёл к буфету и бросил на стойку несколько долларов. Все, кто стоял поближе, последовали за ним, причём каждый старался как можно громче выкрикнуть название своего любимого напитка. Кто требовал джинслингу, кто коктейля или кобблера, джулепа и прочих замысловатых смесей.

В Америке не принято пить вино маленькими глотками, сидя за столом: здесь пьют стоя, вернее — —на ходу. Будь вино холодным или горячим, смешанным или неразбавленным — американец глотает его залпом, а потом возвращается на место и там курит сигару или жуёт табак до нового приглашения: "Ну-ка, опрокинем по стаканчику!"

Все выпили, и игроки снова уселись вокруг стола. Джентльмен, предложивший уступить мне своё место, отказался участвовать в игре. Ему сегодня не везёт, повторил он, больше он не намерен играть.

Может быть, кто-нибудь сядет вместо него? И все игроки повернулись ко мне.

Я поблагодарил своих новых знакомых, но отказался наотрез. В юкр я никогда не играл и не имею о нём никакого представления, объяснил я, если не считать того, что я успел усвоить, наблюдая за их игрой.

— Ну, это никуда не годится! — заявил торговец свининой. — Как же это мы останемся без партнёра? Пожалуйста, мистер Чорли, — так вас, кажется, зовут? (Эти слова были обращены к джентльмену, покинувшему своё место.) Что же вы нас подводите? Вы расстраиваете всю игру.

— Если я снова сяду, — возразил Чорли, — я окончательно проиграюсь. Нет, не желаю рисковать.

— Но, может быть, этот джентльмен играет в вист? — предложил другой, указывая на меня. — Ведь вы, сэр, англичанин, а ваши соотечественники все мастера играть в вист.

— Да, в вист я играю, — ответил я довольно опрометчиво.

— Вот и прекрасно!.. Что вы скажете насчёт виста? — спросил тот же джентльмен, обратившись к сидящим за столом.

— Ну, в вист я не игрок, — недовольно заявил торговец свининой. — Да уж, так и быть, рискну, просто чтобы не расстраивать компанию.

— А я уверен, что вы играете не хуже меня, — сказал предложивший вист.

— Да я и не помню, когда играл. Но раз нельзя составить партию в юкр — пожалуй, попробую…

— Однако позвольте… Если вы затеваете вист… — прервал его джентльмен, отказавшийся от юкра, — если вы затеваете вист, я не прочь примкнуть к вам — может быть, хоть сейчас повезёт. И если

джентльмен не возражает, я буду рад иметь его своим партнёром. Как вы правильно изволили заметить, сэр, англичане — знатоки по части виста. Их национальная игра, насколько мне известно.

— Это нам, пожалуй, невыгодно, мистер Чорли, — заметил специалист по окорокам. — Но поскольку вы предлагаете и мистер Хэтчер… Хэтчер, если не ошибаюсь?

— Да, меня зовут Хэтчер, — ответил поклонник виста, к которому относился этот вопрос.

— Если мистер Хэтчер согласен, — продолжала белая шляпа, — то и я не пойду на попятный, чёрт меня побери!

— О! Мне решительно всё равно, — сказал Хэтчер, махнув рукой, — лишь бы играть.

Надо заметить, что я никогда особенно не увлекался картами, а тем более не играл систематически, но в силу некоторых обстоятельств сносно играл в вист и знал, что не всякий меня обыграет. Если партнёр у меня достойный, то, уж конечно, мы сильно не пострадаем, а, судя по всему, этот знал своё дело. Кто-то из стоявших рядом успел шепнуть мне, что он дока по этой части.

Потому ли, что на меня нашёл какой-то бесшабашный стих, потому ли, что меня толкало тайное побуждение, которое особенно окрепло впоследствии, потому ли, что меня попросту одурачили и припёрли к стене, но я дал согласие, и мы с Чорли стали играть против Хэтчера и торговца свининой.

Партнёры сели за стол друг против друга, карты перетасовали, раздали, и игра началась.

Глава XLVIII. ИГРА ПРЕРВАНА

Первые две или три партии мы играли по маленькой — всего по доллару. Это предложение исходило от Хэтчера и торговца свининой, которые не желали рисковать, ибо давно не играли в вист. Зато оба усиленно бились об заклад с моим партнёром Чорли и любым желающим. Спорили, на какой будет открыт козырь, на масть, на "онёр" и на "решающую взятку".

Первые две партии мы с Чорли выиграли без труда. Я заметил, что наши противники допустили несколько грубых промахов, и решил, что мы их заткнём за пояс. Чорли не преминул заявить об этом, словно мы играли не на интерес, а ради того, чтобы отличиться друг перед другом. Немного погодя, когда мы выиграли ещё одну партию, он снова стал бахвалиться.

Торговец свининой и его партнёр начинали мало-помалу злиться.

— Не идёт карта, и всё! — с обиженным видом оправдывался последний.

— Что это за карта! — подтвердила касторовая шляпа. — Хоть бы раз сдали что-нибудь путное. Ну, вот опять!

— Опять дрянь? — с мрачным видом осведомился его партнёр.

— Хуже нельзя! Тут и на картофельные очистки не выиграешь.

— А ну, джентльмены! — вмешался мой партнёр Чорли. — Нельзя ли без разговоров? Неудобно всё-таки!

— Эх! — воскликнул торговец свининой. — Если на то пошло, хотите, я вам свои карты открою? Всё равно ни одной взятки.

И опять выиграли мы!

Это ещё больше раздосадовало наших противников, и они предложили удвоить ставку. Мы согласились, и игра продолжалась.

Снова мы с Чорли оказались в выигрыше, и торговец свининой спросил своего партнёра, согласен ли он повысить ставку. Тот поколебался немного, словно сумма показалась чересчур уж высокой, но в конце концов согласился. Нам, выигрывавшим раз за разом, тем более неловко было отказываться, и мы снова, по образному выражению Чорли, загребли всю казну.

Ставку опять удвоили и, возможно, продолжали бы и дальше увеличивать в той же пропорции, если бы я наотрез не отказался играть на таких условиях. Я знал, сколько у меня денег, и понимал, что, если ставки будут расти с такой головокружительной быстротой, а счастье вдруг переменится, я сяду на мель. Всё-таки я согласился увеличить ставку до десяти долларов, и мы продолжали игру.

Хорошо, что мы вовремя остановились, потому что с этой минуты счастье от нас отвернулось. Мы чуть ли не всякий раз проигрывали, и это при ставке в десять долларов! Кошелёк мой заметно съёжился. Ещё немного, и я проигрался бы в пух.

Мой партнёр, который до сего времени играл хладнокровно, вдруг начал горячиться, проклинал карты и ту несчастную минуту, когда сел за этот паршивый вист. То ли от волнения, то ли по другой причине, но играл он теперь из рук вон плохо. Несколько раз с непонятной опрометчивостью скидывал не ту карту и делал неправильные ходы. По всей видимости, наши неудачи так обескуражили его, что он зарывался, играл всё небрежнее и, казалось, совсем не думал, к каким плачевным результатам может привести подобная невнимательность. Признаюсь, я удивился, так как всего час назад он на моих глазах с завидным спокойствием проигрывал в юкр куда более значительные суммы.

Я бы не сказал, что нам не везло. Карта нам шла неплохая, и несколько раз мы, несомненно, могли бы выиграть, если бы мой партнёр проявил большее искусство. Но из-за его промахов мы продолжали проигрывать, и вскоре более половины имевшихся у меня денег благополучно перекочевало в карманы Хэтчера и торговца свининой.

Вероятно, туда последовали бы и остатки моих капиталов, если бы наш вист не был прерван, и притом весьма загадочным образом.

Мы услышали вдруг какие-то возгласы, идущие, по-видимому, с нижней палубы, потом два пистолетных выстрела, словно на выстрел ответили выстрелом, и секунду спустя кто-то закричал:

— Господи, человека застрелили!

Карты выпали у нас из рук, каждый, вскакивая из-за стола, схватил свою ставку, и игроки, и те, кто ставил на на них, и просто зрители — все повалили к передним и боковым дверям салона. Одни побежали вниз, другие полезли на штормовой мостик, кто кинулся на корму, кто на нос, и все наперебой кричали: "Что такое? Что случилось? Кто стрелял?.. Убит?" А в этот шум ещё врывался отчаянный визг дам, забившихся в свои каюты. Тревога, вызванная криком "Женщина за бортом", не шла ни в какое сравнение с теперешним переполохом. Но странно: ни убитого, ни раненого так и не удалось обнаружить. Не удалось отыскать и того, кто стрелял или хотя бы видел стрелявшего. Выходило, что никто не стрелял и никого не застрелили!

Что всё это могло означать? И кто же тогда крикнул, что кого-то застрелили? Никто ничего не знал. Чудеса, да и только! Осмотрели с фонарём все уголки и закоулки парохода, но нигде не нашли ни убитого, ни раненого, ни даже следов крови. Кончилось тем, что пассажиры посмеялись и решили, что кто-то над ними подшутил. Во всяком случае, так уверял торговец свининой, довольный, что на этот раз всех всполошил не он.

Глава XLIX. "ОХОТНИКИ" НА МИССИСИПИ

Тайна загадочного происшествия открылась мне задолго до того, как улеглась суматоха. Только я один да непосредственный виновник переполоха знали, что произошло на самом деле.

Когда поднялась стрельба, я выбежал под тент и перегнулся через перила. Мне показалось, что крики, предшествовавшие стрельбе, донеслись с носовой части нижней палубы, где помещались котлы, хотя выстрелы прозвучали как будто гораздо ближе.

Большинство пассажиров устремились в боковые двери и стояли теперь, сбившись в кучу, на палубе, так что я, окружённый непроницаемой завесой мрака, был здесь один или, во всяком случае, почти один. Несколько секунд спустя какая-то тёмная фигура опёрлась на перила подле меня и дотронулась до моего локтя. Я повернулся и спросил, с кем имею честь говорить и чем могу служить. Мне ответили по-французски:

— Я ваш друг, мсье, и хочу оказать вам услугу.

— Мне знаком ваш голос. Так, значит, это кричали вы…

— Да, это я крикнул.

— И вы же…

— Я же и стрелял.

— Так, значит, никто не убит?

— Насколько мне известно, никто. Я стрелял в воздух и к тому же холостыми патронами.

— Рад слышать это, мсье. Но чего ради, позвольте вас спросить, вы…

— Единственно для того, чтобы оказать вам услугу, как я уже говорил.

— Но, помилуйте, какая же это услуга: палить из пистолета, насмерть перепугать всех пассажиров?

— Ну, беда невелика. Они быстро оправятся от испуга. Мне нужно было поговорить с вами наедине, и я не мог придумать иного способа оторвать вас от ваших новых знакомых. Стрельба из пистолета была лишь маленькой военной хитростью. Как видите, она удалась.

— А, так, значит, это вы, мсье, шёпотом предостерегали меня, когда я садился играть в карты?

— Да. И разве моё предсказание не оправдалось?

— Пока что — да. И, значит, это вы стояли напротив меня в углу салона?

— Я.

Последние мои два вопроса нуждаются в некотором пояснении. Когда я уже согласился сесть за вист, кто-то дёрнул меня за рукав и шепнул по-французски:

— Не играйте, мсье! Вас наверняка обыграют.

Я обернулся и увидел, что от меня отошёл какой-то неизвестный мне молодой человек. Но я не был уверен, что именно он дал мне этот благой совет, и, как известно, ему не последовал.

Потом, во время игры, я заметил того же самого молодого человека; он стоял против меня, держась самого отдалённого и тёмного угла салона. Несмотря на полумрак, я видел, что он не спускает с меня глаз и внимательно следит за игрой. Уже одно это могло привлечь внимание, но ещё больше заинтриговало меня выражение его лица; и всякий раз, когда сдавали карты, я пользовался случаем, чтобы взглянуть на загадочного незнакомца.

Это был хрупкий с виду юноша чуть ниже среднего роста, лет, вероятно, не более двадцати, однако разлитая по его лицу грусть несколько его старила. Черты лица у него были мелкие, тонко очерченные, нос и губы, пожалуй, даже чересчур женственные. На щеках играл слабый румянец, чёрные шелковистые волосы, по тогдашней излюбленной креолами моде, ниспадали пышными локонами на шею и плечи. И склад лица, и манера одеваться, и французская речь, — я был уверен, что именно он обратился ко мне в салоне, — говорили о том, что юноша — креол. Во всяком случае, костюм его был именно таким, какие носят креолы: блуза из сурового полотна, но сшитая не на обычный французский лад, а на манер креольской охотничьей куртки, со множеством складок на груди и красиво драпирующаяся на бёдрах. К тому же качество ткани — тончайшее неотбеленное льняное полотно — показывало, что юноша скорее заботился об изысканности туалета, чем о его практичности. Панталоны молодого человека были из великолепной голубой хлопчатобумажной материи производства опелузских мануфактур. Собранные у пояса в крупную складку, они кончались у щиколоток разрезом, украшенным длинным рядом пуговиц, которые при желании можно было застегнуть. Жилета на нём не было. Вместо этого на груди топорщилось пышное кружевное жабо. Обут он был в прюнелевые, отделанные лаком светло-коричневые башмаки на шёлковой шнуровке. Широкополая панама завершала этот поистине южный наряд.

Но ни в головном уборе, ни в обуви, ни в блузе и панталонах не было ничего кричащего. Всё гармонировало друг с другом, и всё полностью отвечало требованиям моды, принятой тогда на Нижней Миссисипи. Так

что не наряд юноши привлёк моё внимание — такие костюмы мне приходилось видеть чуть ли не ежедневно. Значит, дело было не в этом. Нет, не платье пробудило во мне интерес к нему. Может быть, тут сыграло роль то обстоятельство, что он — или во всяком случае, мне так почудилось — —подал мне шёпотом совет. Но и это было не главное. Что-то в самом его лице приковало моё внимание. Я даже подумал было: уж не встречал ли я его раньше? При более ярком свете я, возможно, в конце концов вспомнил бы, но он стоял в тени, и мне никак не удавалось его хорошенько рассмотреть.

Когда же я снова поднял глаза, его уже не было в углу салона, и несколько минут спустя раздались выстрелы и крики на палубе...

— А теперь, мсье, разрешите узнать, почему вы непременно желаете говорить со мной и что вы имеете мне сообщить?

Непрошеное вмешательство юнца начинало меня раздражать. Да и кому приятно, чтобы его ни с того ни с сего отрывали от партии виста, даже проигранной!

— Я желаю говорить с вами, ибо принимаю в вас участие. А что имею вам сообщить, вы сейчас узнаете.

— Принимаете во мне участие! Но чем я обязан, позвольте вас спросить?

— Хотя бы уже тем, что вы иностранец, которого собираются обобрать, что вы — "карась".

— Как вы сказали, мсье?

— Нет, нет, не сердитесь на меня! Я сам слышал, что вас называли так между собой ваши новые знакомые. И если вы опять сядете играть с ними, боюсь, что вы оправдаете этот почётный титул.

— Это, в конце концов, нестерпимо, мсье! Вы попросту вмешиваетесь не в своё дело!

— Вы правы, мсье, это не моё дело, но оно ваше и… ах!

Я уже собирался было покинуть несносного юношу и вернуться к прерванной партии виста, но грустная нотка, вдруг прозвучавшая в его голосе, заставила меня изменить моё решение, и я остался.

— Но вы так мне ничего и не сказали.

— Нет, сказал. Я предупредил вас, чтобы вы не садились за карты, если не хотите проиграться. И могу лишь повторить свой совет.

— Правда, я проиграл какие-то пустяки, но ведь отсюда вовсе не следует, что счастье не переменится. Тут уж скорее можно винить моего партнёра — он играет из рук вон плохо.

— — Ваш партнёр, насколько я понимаю, одни из опытнейших картёжников на Миссисипи. Если не ошибаюсь, я уже встречал этого джентльмена.

— А, так вы его знаете?

— Немного. Вернее, знаю кое-что о нём. А вы-то его знаете?

— Впервые вижу.

— А остальных?

— Я никого из них не знаю.

— Значит, вам неизвестно, что вы играете с "охотниками"?

— Нет, но я рад это слышать. Я и сам немного охотник и, вероятно, не меньше, чем они, люблю собак, лошадей, хорошие ружья.

— Мсье, вы, как видно, меня не поняли. Охотник в вашей стране и "охотник" на Миссисипи — это не одно и то же. Вы охотитесь на лисиц, зайцев, куропаток. А дичью для таких господ, как эти, служат "караси", или, вернее, их кошелёк.

— Так, стало быть, я играю с...

— С профессиональными картёжниками — пароходными шулерами.

— Вы в этом уверены, мсье?

— Совершенно уверен. Мне часто приходится ездить в Новый Орлеан, и я не раз встречал эту компанию.

— Позвольте, но один из них — бесспорно фермер или торговец — скорее всего, торговец свининой из Цинциннати, у него и выговор такой.

— Фермер... торговец... Ха-ха-ха! Фермер без земли, торговец без товара! Мсье, этот нарядившийся под фермера старикан — самый дошлый, как выражаются янки, то есть самый ловкий шулер на всей Миссисипи, и таких здесь немало, могу вас уверить.

— Но они просто случайные попутчики, а один из них даже мой партнёр. Я не представляю, как...

— Случайные попутчики! — перебил мой новый знакомец. — Вы думаете, они только что встретились? Да я сам видел всех троих дружков и за тем же занятием почти всякий раз, как плавал по реке. Конечно, они разговаривают между собой, будто впервые видят друг

друга. Но это у них заранее условлено, чтобы лучше обманывать таких, как вы.

— И вы в самом деле думаете, что они жульничали?

— Когда ставки поднялись по десяти долларов, несомненно.

— Но как?

— Да очень просто: иногда ваш партнёр нарочно ходил не с той карты…

— Так вот оно что! Теперь понимаю. Пожалуй, вы правы.

— Впрочем, это даже необязательно. Будь у вас честный партнёр, всё равно кончилось бы тем же. У ваших противников разработана, целая система знаков, с помощью которых они сообщают друг другу, какие у них карты — масть, достоинство и так далее. Вы не обратили внимания, как они держали руки, а я обратил. Когда они кладут один палец на край стола, это значит один козырь, два пальца — два козыря, три — три, и так далее. Согнутые пальцы указывают, сколько среди козырей онёров, поднятый большой палец — туз. Таким образом, оба ваших противника знали, какие карты у них на руках. Чтобы обыграть вас, третьего помощника, собственно, и не требовалось.

— Какая подлость!

— Конечно, подлость, и я бы предостерёг вас раньше, будь хоть малейшая возможность. Сделать это в открытую я не мог. И я прибег к хитрости. Господа эти не какие-нибудь мелкие плуты. Каждый из них счёл бы себя оскорблённым и вступился бы за свою честь. Двое из этих господ — известные бретёры. По всей вероятности, меня бы завтра же вызвали на дуэль и пристрелили. Да и вы вряд ли поблагодарили бы меня за моё вмешательство.

— Я вам чрезвычайно признателен, сударь. Вы меня окончательно убедили. Но как вы посоветуете мне поступить теперь?

— Примириться с проигрышем и бросить игру, только и всего. Всё равно вам не отыграться.

— Как! Позволить им насмеяться над собой? Дать себя безропотно ограбить? Я сяду с ними снова, я буду следить и…

— Это неблагоразумно. Я повторяю, мсье, — они не только шулеры, но известные бретёры, и не трусливого десятка. Один, как раз ваш партнёр, это уже доказал, отправившись за триста миль, чтобы драться с джентльменом, который якобы оклеветал его, на самом же деле сказал о нём чистую правду. И в довершение всего убил своего "обидчика". Уверяю вас, мсье, что вы ничего не добьётесь, затеяв с ними скандал, разве только, что вас продырявят пулей. Вы иностранец и не знаете здешних нравов. Послушайтесь доброго совета и сделайте, как я вам сказал. Оставьте им эти деньги. Время уже позднее. Ступайте к себе в каюту и не думайте больше о проигрыше.

Возможно, на меня подействовало волнение, вызванное ложной тревогой, или же наша несколько необычная беседа, а также прохладный речной воздух, но, так или иначе, хмель прошёл, и в голове у меня прояснилось. Я не сомневался теперь, что молодой креол говорит правду. Его манеры, тон, приведённые им доказательства окончательно меня убедили.

Я был ему очень признателен за услугу, которую он оказал мне, рискуя очень и очень многим, ибо даже самая хитрость, к которой он прибег, могла иметь для него неприятные последствия, если бы кто-нибудь видел, как он разряжал свой пистолет в воздух.

Но почему он это сделал? Почему он принял во мне такое живое участие? Открыл ли он мне истинную причину? Действовал ли он из

рыцарских побуждений? Я много слышал о великодушии и благородстве французских креолов в Луизиане, и вот яркое тому доказательство. Как уже сказано, я был глубоко благодарен юноше и решил последовать его совету.

— Я поступлю, как вы сказали, мсье, но при одном условии, — ответил я.

— Каком, разрешите полюбопытствовать?

— Дайте мне ваш адрес, чтобы в Новом Орлеане я мог возобновить знакомство с вами и доказать вам свою признательность.

— Увы, мсье, у меня нет адреса.

Я смутился. Печаль, с которой он произнёс эти слова, не оставляла сомнений; я почувствовал, что какое-то большое горе гнетёт это юное и великодушное сердце.

Не мне было спрашивать о причине, да ещё сейчас. Однако, терзаемый собственным тайным горем, я теперь глубже сочувствовал горю других и видел, что передо мной стоит человек, над головой которого сгустились тучи. Ответ его смутил меня и поставил в довольно затруднительное положение. Наконец я сказал:

— Тогда, может быть, вы окажете мне честь посетить меня? Я остановлюсь в отеле "Сен-Луи".

— Очень буду рад.

— Завтра.

— Завтра вечером.

— Я буду вас ждать. Спокойной ночи, мсье.

Мы раскланялись и разошлись по своим каютам. Я повалился на койку и через десять минут уже спал, а ещё через десять часов пил кофе в отеле "Сен-Луи".

Глава L. ГОРОД

Мне по душе сельская жизнь. Я страстный охотник и страстный рыболов. Но если поглубже вникнуть, весьма вероятно, окажется, что страсть моя имеет более чистый источник — любовь к самой природе. Я выслеживаю лань, потому что следы приводят меня в чащу леса. Я иду за форелью вдоль ручья, потому что она ведёт меня по краю тенистых заводей в тихие уголки, где редко ступает нога человека. Но едва я попадаю в их уединённый приют, как мой охотничий пыл гаснет: удочка так и остаётся воткнутой в землю, ружьё в небрежении валяется рядом со мной, и я отдаюсь высокой радости — созерцанию природы. Ибо мало кто любит лес, как люблю его я.

И всё же не стану отрицать, что первые часы, проведённые в большом городе, всегда имели и будут иметь для меня неизъяснимую прелесть. Вам становится вдруг доступен целый мир новых удовольствий, вам открывается бездна ещё не испытанных наслаждений. Душу очаровывают изысканные утехи. Красота и пение, вино и танцы расточают перед вами свои соблазны. Любовь, а то и страсть вовлекает вас в самые сложные и запутанные романтические приключения, ибо романтика живёт и в городских стенах. Её подлинная родина — человеческое сердце, и лишь донкихотствующие мечтатели могут воображать, что пар и цивилизация враждебны высоким взлётам поэзии. Благородство дикаря — лишь бессодержательный софизм. Как ни живописны его лохмотья, они часто прикрывают продрогшее тело и пустой желудок. Хоть я и веду жизнь солдата, но предпочитаю весёлый грохот фабрики грому пушечной канонады, и заводская труба с султаном чёрного дыма, на мой взгляд, неизмеримо прекраснее, чем крепостная башня с горделиво реющим над ней, но недолговечным

флагом. Шум бьющих по воде пароходных плиц — самая сладостная для меня музыка, и для моего слуха гудок железного коня прекраснее ржанья холёной кавалерийской лошади. Палить из пушек может и племя мартышек, но чтобы управлять могучей стихией пара, нужны люди.

Я предвижу, что подобные мысли не найдут отклика в надушённых будуарах и пансионах для благородных девиц. Современные дон-кихоты будут поносить грубого писаку, который осмелился поднять руку на рыцаря в доспехах и пытался его обесчестить, сорвав у него с головы украшенный перьями шлем. Даже с самыми нелепыми предрассудками и предубеждениями человек расстаётся неохотно. Да и автору, признаться, пришлось выдержать жестокую внутреннюю борьбу. Нелегко было ему отказаться от гомеровской иллюзии и поверить, что греки были обыкновенные люди, а не полубоги; нелегко было признать в шарманщике и оперном певце потомков героев, воспетых Вергилием[19]; и тем не менее, когда я в дни своей мечтательной юности устремился на Запад, я был глубоко убеждён, что меня ждёт страна прозы, а страна поэзии остаётся позади.

Счастье ещё, что любовь к охоте и звон золота, звучащий в слове "Мексика", привели меня в эти края. Однако не успел я высалиться на прославленный берег, где ступала некогда нога Колумба[20] и Кортеса[21], как сразу же понял, что это и есть истинная родина поэзии и романтики. В этой стране — стране долларов, которую называют прозаической, — я ощутил дух истинной поэзии, но не в книгах, а в самых совершенных образах человеческого тела, в благороднейших порывах человеческой души, в горах и реках, в птице, дереве, цветке.

В том самом городе, который по вине недобросовестных и предубеждённых путешественников всегда представлялся мне каким-то лагерем отщепенцев, я обнаружил чудесных людей, прогресс, не чурающийся наслаждений, культуру, увенчанную духом рыцарства. Прозаическая страна! Народ, жадный до долларов! Смею утверждать, что на ограниченном пространстве, где расположился полумесяцем

Новый Орлеан, можно найти большее разнообразие человеческих типов и характеров, нежели в любом равном ему по населению городе земного шара. Под благодатным небом этого края человеческие страсти достигают наивысшего и полного развития. Любовь и ненависть, радость и горе, скупость, честолюбие расцветают здесь пышным цветом. Но и нравственные добродетели вы встретите во всей их чистоте. Ханжеству тут не место, и лицемерие должно прибегать к самой тонкой игре, чтобы избежать разоблачения и суровой кары. Талант встречается здесь на каждом шагу, так же как и неутомимая энергия. Глупый и ленивый не уживаются в этом водовороте кипучей деятельности и наслаждений.

Не меньшее разнообразие представляет этот любопытный город и по своему этническому составу. Пожалуй, нигде в мире вы не увидите на улицах такой пёстрой толпы. Заложенный французами, перешедший к испанцам, "аннексированный" американцами, Новый Орлеан представляет конгломерат этих трёх наций. Однако здесь встречаются представители почти всех цивилизованных и так называемых диких народов. Турок в тюрбане, араб в бурнусе, китаец с обритым теменем и длинной косой, чёрный сын Африки, краснокожий индеец, смуглый метис, жёлтый мулат, оливковый малаец, изящный креол и не менее изящный квартерон заполняют его тротуары и сталкиваются с мужественными северянами — немцем и галлом, русским и шведом, фламандцем, янки, англичанином. Население Нового Орлеана — это удивительная человеческая мозаика, пёстрая и разномастная смесь.

И вправду, Новый Орлеан — крупнейший современный город и больше похож на столицу, чем многие города Европы и Америки со значительно превосходящим населением. В Новом Орлеане нет ничего захолустного, как легко убедиться, пройдясь по его улицам. В витринах магазинов выставлены только первоклассные товары самой лучшей выработки. На его проспектах возвышаются похожие на дворцы отели. Роскошные кафе гостеприимно распахивают перед вами свои двери. Его театры — это величественные по архитектуре храмы, на сцене которых вы можете посмотреть хорошо исполненную драму на французском,

немецком или английском языках, а с открытием зимнего сезона послушать выразительную музыку итальянской оперы. Если же вы поклонник Тернсихоры[22], Новый Орлеан особенно придётся вам по вкусу.

Я знал, сколько возможностей предоставляет Новый Орлеан любителю развлечений. Знал, где искать эти удовольствия, и всё же не искал их. После долгого пребывания в деревне я приехал в город, не помышляя о городских удовольствиях, — случай, редкий даже для самых солидных и степенных людей. Маскарады, квартеронские балы, драма, сладостные мелодии оперы утратили для меня всю свою прелесть. Никакое развлечение не способно было меня развлечь. Одна мысль владела мною безраздельно — Аврора! И эта мысль вытеснила все прочие. Я не знал, на что решиться. Поставьте себя на моё место, и вы согласитесь, что положение моё и в самом деле было незавидным. Во-первых, я был влюблён, влюблён без памяти в прекрасную квартеронку! Во-вторых, её, предмет моей страсти, должны были продать с публичных торгов! В-третьих, я ревновал — и ещё как ревновал! — ту, что могли продать и купить, словно кипу хлопка или мешок сахара! В-четвёртых, я даже не был уверен, в моей ли власти будет её купить. Кто знает, пришло ли уже письмо моего банкира в Новый Орлеан! Океанских пароходов тогда ещё не существовало, и почту из Европы доставляли весьма неаккуратно. Если письмо запоздает, я пропал! Кто-нибудь другой завладеет тою, что мне дороже всего на свете, станет её господином и полновластным повелителем. Я холодел при одной этой мысли и гнал её прочь от себя.

А потом, если даже письмо придёт вовремя, хватит ли присланной суммы? Пятьсот фунтов стерлингов — пятью пять — это две с половиной тысячи долларов. Оценят ли в две с половиной тысячи то, чему нет цены?

Я сомневался. Мне было известно, что примерная цена темнокожего была в то время тысяча долларов. Заплатить вдвое большую сумму

могли разве только за какого-нибудь сильного мужчину — искусного механика, хорошего кузнеца, умелого цирюльника.

Но то была Аврора! Я слышал немало историй о поистине фантастических суммах, которые платили за такой "товар", о мужчинах с тугими кошельками и дурными намерениями, которые, не считаясь ни с чем, всё набавляли и набавляли цену, чтобы перебить его у другого такого же развратника.

Подобные мысли были бы мучительны и для стороннего наблюдателя. Каково же было мне! Трудно выразить, что я испытывал. А если деньги и прибудут вовремя, если даже их окажется достаточно, если мне в самом деле посчастливится стать хозяином Авроры, что из того? Что, если мои ревнивые подозрения оправдаются? Что, если она меня не любит? В самом деле, было от чего лишиться рассудка. Мне будет принадлежать лишь её тело, а сердце и душа будут отданы другому. Страшный удел — быть рабом рабыни!

Но зачем вообще помышлять о её покупке? Зачем лелеять в душе мучительную страсть, когда, сделав над собой героическое усилие, я мог бы навсегда избавиться от муки? Аврора недостойна жертвы, которую я готов принести ей. Нет, она обманула меня, бесстыдно обманула! Зачем же хранить верность клятве, пусть даже скреплённой словами горячей любви? Почему не бежать отсюда, не попытаться скинуть с себя наваждение, терзающее ум и сердце? Почему?

В спокойные минуты, быть может, и стоит задуматься над такими вопросами, но сейчас это было для меня невозможно. Я не задавал их себе, хотя они и проносились тенями в моём мозгу. В том состоянии, в каком я пребывал, меньше всего думают об осторожности. Благоразумию нет места. Я всё равно не внял бы холодным советам рассудка. Тот, кто страстно любил, поймёт меня. Я решил поставить на карту всё: своё состояние, доброе имя и самую жизнь, лишь бы владеть той, которую я боготворил.

Глава LI. КРУПНАЯ РАСПРОДАЖА НЕГРОВ

— "Пчелу", сударь?

Официант, поставив на столик чашку ароматного кофе, подал мне свежий номер газеты.

На одной стороне широкой газетной полосы название было набрано по-французски: "L'Abeille", а на оборотной — по-английски: "The Bee". Текст тоже печатался на двух языках — французском и английском.

Я машинально взял из рук официанта газету, не собираясь, да и не испытывая ни малейшего желания читать, и так же машинально стал скользить взглядом по колонкам. И вдруг выделенное жирным шрифтом объявление бросилось мне в глаза. Оно попалось мне на французской стороне газетного листа:

ANNONCE!

VENTE IMPORTANTE DE NEGRES!

Вне всякого сомнения, это были они. Объявление меня не удивило, я ждал этого.

Я обратился к переводу на оборотной стороне, чтобы лучше понять его смысл. Да, там тоже зловеще чернели слова:

КРУПНАЯ РАСПРОДАЖА НЕГРОВ!

Я стал читать дальше:

ИМУЩЕСТВО ПРОДАЁТСЯ ЗА ДОЛГИ.

ПЛАНТАЦИЯ БЕЗАНСОНОВ!

Бедная Эжени!

И дальше:

"Сорок сильных и здоровых темнокожих различного возраста, знающих полевые работы. Несколько хорошо обученных слуг, кучер, повара, горничные, возчики. Партия миловидных мальчиков и девочек мулатов в возрасте от десяти до двадцати лет"... и т. д. и т. п.

Далее следовал подробный перечень. Я прочёл его:

"№ 1. С ц и п и о н. 48 лет. Сильный темнокожий, рост 5 футов 11 дюймов. Может вести хозяйство, ходить за лошадьми. Здоров, физических изъянов не имеет.

№ 2. Г а н н и б а л, 40 лет. Тёмный мулат, рост 5 футов 9 дюймов. Хороший кучер. Здоров. Не пьёт.

№ 3. Ц е з а р ь. 43 года. Темнокожий. Пригоден для полевых работ. Здоров..." и т. д.

У меня не хватило терпения читать эти возмутительные подробности. Я лихорадочно пробежал глазами всю колонку. Вероятно, я нашёл бы её имя быстрее, если бы у меня так не тряслись руки; лист газеты прыгал, строки расплывались. Но вот и оно, самое последнее в списке. Почему же её поместили последней? Не всё ли равно! Вот её описание:

"№ 65. А в р о р а, 19 лет, квартеронка. Миловидна, умелая экономка и швея".

Вот уж поистине тонкий портрет — коротко и выразительно!

"Миловидна"! Ха-ха-ха! "Миловидна"! Невежественный скот, автор перечня, и самое Венеру назвал бы миловидной девчонкой. Проклятье! Но мне было не до шуток. Это осквернение самого прекрасного, самого для меня священного, самого дорогого не могло сравниться ни с какой самой жестокой пыткой. Кровь закипала в жилах, грудь теснило от страшного волнения.

Газета выпала у меня из рук, и я низко склонился над столом, до боли сцепив пальцы. Будь я один, я наверно бы застонал. Но вокруг были люди — я сидел в ресторане большого отеля. И если бы окружающие знали причину моих страданий, они, конечно, подняли бы меня на смех.

Прошло несколько минут, прежде чем я собрался с мыслями. Оглушённый прочитанным, я сидел в каком-то отупении.

Наконец я очнулся, и первая моя мысль была: действовать! Теперь, больше чем когда-либо, я хотел купить красавицу-рабыню и избавить её от гнусного рабства. Куплю её и отпущу на волю. Верна она мне или нет — всё равно. Мне не нужна её благодарность. Пусть выбирает сама. Пусть признательность не неволит её сердца и она распорядится собой по собственной воле. Любви из благодарности я не приму. Такая любовь недолговечна. Пусть она повинуется велению своего сердца. Если я завоевал его — хорошо. Если нет, если она отдала его другому, — я примирюсь со своим горем. Но зато Аврора будет счастлива.

Сила любви меня преобразила и подсказала это благородное решение.

Так будем же действовать!

Но когда состоится это отвратительное торжище, эта "крупная распродажа"? Когда выведут на аукционный помост мою наречённую и я буду свидетелем этого позорного зрелища?

Я схватил газету, желая выяснить время и место аукциона. Оказывается, я хорошо знал это место — ротонду биржи Сен-Луи. Она непосредственно примыкала к отелю и находилась всего в двух десятках шагов от ресторана, где я сейчас сидел. Там помещался невольничий рынок. Но на какое число назначен аукцион — вот что важно, вот что всего важнее! Странно, как я об этом раньше не подумал! Что, если распродажа состоится в один из ближайших дней и письмо к тому времени ещё не придёт? Я старался отогнать от себя мрачные мысли. Вряд ли такую крупную распродажу назначат раньше чем через неделю или хотя бы через несколько дней. А если объявление печатается уже не в первый раз? Негров ведь могли привезти и в самую последнюю минуту.

Еле сдерживая дрожь, я стал искать глазами объявление. Но вот и оно. И я с ужасом прочёл:

"Завтра, в двенадцать часов дня!"

Я посмотрел, от какого числа газета. Да, это был утренний выпуск. Посмотрел на висевшие на стене часы: стрелки стояли на двенадцати. В моём распоряжении оставались только сутки!

Боже мой, что будет, если письмо ещё не пришло!

Я вытащил кошелёк и машинально пересчитал его содержимое. Не знаю даже, почему я это сделал. Мне было хорошо известно, что в кошельке всего-навсего сто долларов: "охотники" сильно меня пообчистили. Закончив счёт, я горько усмехнулся: "Сто долларов за квартеронку! Миловидна, хорошая экономка и так далее и тому

подобное! Сто долларов! Кто больше?" Аукционист вряд ли даже пожелает объявить такую сумму.

Всё теперь зависело от почты из Англии. Если она ещё не прибыла или не прибудет до утра, я буду бессилен что-либо сделать. Без письма к моему новоорлеанскому банкиру я не добуду и пятидесяти фунтов, если даже продам или перезаложу всё, что у меня есть, — часы, драгоценности, платье. О займе я и не помышлял. Кто даст мне в долг? Кто ссудит незнакомцу такую крупную сумму? Разумеется, никто. У Рейгарта не могло быть таких денег, даже если бы и оставалось время снестись с ним. Нет, не было никого, кто бы захотел и мог прийти мне на помощь. Во всяком случае, такого человека я не знал.

Стой! А мой банкир? Блестящая мысль — банкир Браун! Добрый, великодушный Браун из английского банкирского дома Браун и К°, который с любезной улыбкой выплачивал мне деньги по переводам. Он мне поможет! Он не откажет мне! Как я не подумал об этом раньше? Ну конечно, если письмо не пришло, я скажу, что жду со дня на день, сообщу ему сумму перевода, и он ссудит меня деньгами.

Но уже первый час. Нельзя терять ни минуты! Сейчас он у себя в конторе. Прямо отсюда пойду к нему.

Схватив шляпу, я выбежал из отеля и поспешил к банкирскому дому Браун и К°.

Глава LII. БРАУН и К°

Банкирский дом Браун и К° находился на Кэнел-стрит. От биржи Сен-Луи на Кэнел-стрит можно пройти через рю Конти, идущую параллельно рю Рояль. Последняя — излюбленное место прогулок весёлых креолов-французов, совершенно так же, как Сент-Чарльз-стрит — американцев.

Вас, быть может, удивит это смешение французских и английских названий улиц. Дело в том, что Новый Орлеан имеет одну довольно редкую особенность: он состоит из двух различных городов — французского и американского. Точнее сказать, даже трёх, ибо там имеется ещё и испанский квартал, совершенно отличный от двух других, на перекрёстках которого вы прочтёте слово "калье", что по-испански значит "улица", как, например: калье де Касакальво, калье дель Обиспо и т. д. Эта особенность объясняется историческим прошлым Луизианы. Французы колонизировали её в начале восемнадцатого столетия, и, в частности, Новый Орлеан был основан в 1717 году. Луизиана принадлежала французам вплоть до 1762 года, затем была уступлена Испании, во владении которой оставалась почти полвека — до 1798 года, после чего снова перешла к французам. Пять лет спустя, в 1803 году, Наполеон продал эту богатейшую страну американскому правительству за пятнадцать миллионов долларов — выгодная сделка для братца Джонатана[23] и, по-видимому, не столь удачная для Наполеона. Впрочем, Наполеон не прогадал. Дальновидный корсиканец, вероятно, понимал, что Луизиана недолго останется собственностью Франции. Рано или поздно американцы водрузили бы свой флаг над Новым Орлеаном, и уступчивость Наполеона только избавила Соединённые Штаты от войны, а Францию — от унижения.

Этой сменой хозяев и объясняется своеобразие Нового Орлеана и его населения. Черты всех трёх наций ощущаются в его улицах и зданиях, в облике, обычаях и одежде жителей. И ни в чём национальные особенности не проявились столь резко, как в архитектурных стилях. В американской части города вы видите высокие, в несколько этажей, здания с рядами окон по всему фасаду — здесь лёгкость и изящество сочетаются с прочностью и удобством, что типично для англо-амернканцев. А для французского характера столь же типичны небольшие одноэтажные деревянные домики, выкрашенные в светлые тона, с зелёными балюстрадами и открывающимися, как двери, окнами, за которыми колышутся воздушные тюлевые занавески.

Угрюмой торжественности испанцев отвечают массивные и мрачные здания из камня в пышном мавританском стиле, которые и поныне встречаются на многих улицах Нового Орлеана. Великолепным образцом этого стиля может служить собор — памятник испанского владычества, который будет стоять и тогда, когда испанское и французское население города давно уже будет поглощено и растворится, пройдя обработку в перегонном кубе англо-американской пропаганды. Американская часть Нового Орлеана лежит выше по течению реки и известна под названием предместья Святой Марии и Благовещения. Кэнел-стрит отделяет это предместье от французского квартала, так называемого старого города, где живут по большей части креолы — французы и испанцы.

Ещё несколько лет назад численность французского и американского населения была примерно одинакова. Теперь англо-американский элемент явно преобладает и быстро поглощает всё остальное. Со временем ленивый креол должен будет, как видно, уступить своё место более энергичному американцу — иными словами, Новый Орлеан американизируется. Прогресс и цивилизация от этого выиграют, хотя, быть может, на взгляд ревнителей сентиментальной школы, в ущерб поэтическому и живописному.

Итак, Новый Орлеан распадается на два совершенно не схожих между собой города. И в том и в другом имеется своя биржа, свой особый муниципалитет и городские власти: и в том и в другом есть свои кварталы богачей и любимый проспект, или променад, для щёголей и бездельников, которых немало в этом южном городе, а также свои театры, бальные залы, отели и кафе. Но что всего забавнее— достаточно пройти несколько шагов, и вы уже переноситесь из одного мира в другой. Пересекая Кэнел-стрит, вы как бы попадаете с Бродвея на парижские бульвары.

И по своим занятиям жители этих двух кварталов резко отличаются друг от друга. Американцы торгуют предметами первой необходимости. Это владельцы складов продовольствия, хлопка, табака, леса и

всевозможного сырья. Тогда как предметы роскоши — кружева, драгоценности, туалеты и шляпки, шёлк и атлас, ювелирные изделия и антикварные редкости — проходят через искусные руки креолов, унаследовавших сноровку и вкус своих парижских предков. Во французском квартале немало и богатых виноторговцев, составивших себе состояние ввозом вин из Бордо и Шампани, ибо красное вино и шампанское особенно щедро льются на берегах Миссисипи.

Между двумя этими нациями идёт глухое соперничество. Стильный, энергичный кентуккиец делает вид, что презирает весёлых, легкомысленных французов, а те, в свою очередь — особенно старая креольская знать, — смотрят свысока на чудачества северян, так что стычки и столкновения между ними не редкость. Новый Орлеан по праву может именоваться городом дуэлей. В разрешении вопросов чести кентуккийцы встречают в креолах достойных противников, не уступающих им ни в мужестве, ни в искусстве. Я знаю немало креолов, имеющих на своём счету несметное число дуэлей. Оперная дива или танцовщица в зависимости от своих достоинств или, вернее, недостатков сплошь и рядом становится причиной десятка, а то и больше поединков. Маскарады и балы квартеронов тоже часто служат ареной ссор между разгорячёнными вином молодыми повесами — завсегдатаями подобных увеселений. Словом, не думайте, что жизнь в Новом Орлеане бедна приключениями. К этому городу меньше всего подходит эпитет "прозаический".

Но такого рода мысли не шли мне на ум, когда я направлялся к банкирскому дому Браун и К°. Голова моя была занята другим, и я с бьющимся сердцем невольно всё ускорял и ускорял шаг.

До банка было довольно далеко, и я мог на досуге взвесить все возможности. Если письмо и перевод прибыли, я сразу же получу деньги, и, как я полагал, сумму достаточно крупную, чтобы выкупить свою невесту-невольницу. Ну, а если нет, что тогда? Ссудит ли меня Браун деньгами? И каждый раз на этот вопрос отвечало тревожное

биение сердца. Положительный или отрицательный ответ означал для меня жизнь или смерть.

И всё-таки я был почти уверен, что Браун меня выручит. Неужели широко улыбающееся лицо добродушного Джона Буля[24] вдруг омрачится и я услышу суровый отказ? Я не мог себе этого представить. Слишком многое зависело от его ответа. И потом, он ведь может не сомневаться, что деньги будут возвращены ему не далее как через несколько дней, даже, возможно, через несколько часов. Нет, он не откажет! Что значит для него, человека, ворочающего миллионами, ссуда в пятьсот фунтов! Он, конечно, не откажет. Не может отказать.

Переступая порог дома, хозяин которого ворочал миллионами, я был исполнен самых радужных надежд, а уходил от него с горьким разочарованием. Письмо ещё не прибыло, и Браун отказал.

Я был молод и неопытен и не знал ни корыстного расчёта, ни холодной учтивости делового мира. Что банкиру моя неотложная нужда? Что ему мои горячие просьбы? Открой я ему, почему и для какой цели мне понадобились деньги, это ничего бы не изменило. Он отказал бы мне с той же холодной улыбкой, даже если бы от его ответа зависела моя жизнь.

Стоит ли передавать во всех подробностях наш разговор? Он был достаточно краток. Мне с вежливой улыбкой сообщили, что письмо ещё не получено. А когда я заикнулся о займе, со мной не стали церемониться. Добродушная улыбка мигом сошла с кирпичной физиономии Брауна. "Нет, так дела не делаются. К сожалению, ничем не могу помочь". И это всё! По его тону я понял, что беседа окончена. Я мог бы умолять. Мог бы открыть ему, для чего мне нужны деньги, но лицо Брауна не располагало к откровенности. Впрочем, это и к лучшему. Браун только посмеялся бы над моей сердечной тайной, и сегодня же весь город смаковал бы за чашкой чая забавную историю.

Но, так или иначе, письмо не пришло, и Браун отказался ссудить меня нужной суммой.

Надежды мои рухнули, и я с отчаянием в душе поспешил обратно в отель.

Глава LIII. ЭЖЕН Д'ОТВИЛЬ

Весь остаток дня я потратил на розыски Авроры. Но мне ничего не удалось узнать о ней, даже приехала ли она в город.

Я заглянул в бараки, где временно поместили темнокожих, но там Авроры тоже не оказалось. Её либо ещё не привезли, либо устроили в другом месте. Никто её не видел, никто о ней ничего не знал.

Разочарованный и усталый от бесплодной беготни по раскалённым и пыльным улицам, я возвратился в свой отель.

Я ждал вечера. Ждал Эжена д'Отвиля — так звали моего нового знакомого.

Этот молодой человек меня сильно заинтересовал. Наша короткая встреча пробудила во мне удивительное чувство доверия. Он доказал мне своё дружеское расположение и поразил знанием жизни. Несмотря на свою молодость, он представлялся мне человеком необыкновенно проницательным. И мне почему-то казалось, что он придёт мне на помощь. Не было ничего удивительного в том, что он так молод и вместе с тем многоопытен: американцы рано развиваются, особенно уроженцы Нового Орлеана. В пятнадцать лет креол — уже взрослый мужчина. И, конечно, д'Отвиль — по-видимому, мой сверстник — знал жизнь неизмеримо лучше, чем знал её я, чья юность прошла в стенах старинного колледжа.

Тайное предчувствие подсказывало мне, что он хочет и может мне помочь. Как? — спросите вы. — Ссудив мне нужную сумму?

Нет! У меня сложилось впечатление, что у него самого совсем нет или очень мало денег — слишком мало, чтобы выручить меня. Иначе на мой вопрос, где найти его в Новом Орлеане, он не дал бы такого ответа. Что-то в его интонации говорило мне, что он остался не только без средств, но даже без крова. Может быть, это уволенный клерк, решил я, или бедный художник. Одет он, правда, хорошо, даже изысканно, но одежда ровно ничего не значит, тем более на пароходах, курсирующих по Миссисипи.

Итак, я нисколько не обольщался на его счёт, и всё же, как это ни странно, мне казалось, что он может выручить меня. И мне не терпелось сделать его поверенным своей тайны — тайны своей любви, своих мучений.

Быть может, не только это побуждало меня открыться ему.

Тот, кто сам испытал горе, знает, какое облегчение приносит искреннее слово участия. Дружеское участие целительно и сладко. Как бальзам, смягчает душевную боль добрый совет друга.

Слишком долго таил я свою печаль и теперь жаждал излить кому-нибудь душу. Кто в чужой стране разделит горе иностранца? Я не посмел ничего сказать даже доброму Рейгарту. Кроме самой Авроры, одной только Эжени, бедной Эжени была известна моя тайна. Но лучше бы она не знала её!

Теперь я решил облегчить своё сердце, доверившись юному Эжену, — какое странное совпадение! Может быть, беседа с ним хоть немного утешит меня, хоть немного облегчит моё сердце.

Я ждал вечера. Вечером обещал он прийти. Ждал с нетерпением, не сводя глаз со стрелки часов и негодуя на маятник, неторопливо отбивающий секунды.

Д'Отвиль не обманул меня. Наконец он пришёл, Я услышал его серебристый голос… вот и он сам передо мной.

Когда он вошёл в комнату, меня снова поразили его печальный вид, бледность и сходство с кем-то, кого я знал раньше.

В комнате было душно и жарко. Лето медлило уходить. Я предложил прогуляться. Беседовать можно и на открытом воздухе, а ярко сиявшая луна осветит нам путь.

Когда мы выходили из отеля, я протянул своему гостю портсигар. Но он отказался от сигары, заявив, что не курит.

"Удивительно! — подумал я. — Креолы все, как правило, заядлые курильщики. Ещё одна странность в характере моего нового приятеля!"

Мы прошли по рю Рояль и свернули по Кэнел-стрит в сторону болота. Потом пересекли рю де Рампар и вскоре очутились за чертой города.

Впереди показались какие-то строения, но не дома — во всяком случае, не жилища живых. Бесчисленные купола с крестами, разбитые колонны, белевшие в свете луны памятники свидетельствовали о том, что перед нами город мёртвых. Это было знаменитое новоорлеанское кладбище, то самое кладбище, где покойников-бедняков топят в жидкой грязи, а богатеев — что, впрочем, вряд ли лучше — провяливают в горячем песке.

Ворота были отворены. Мрачная торжественность этого места манила меня, она гармонировала с моим настроением. Спутник мой не возражал, и мы вошли.

Долго бродили мы среди могильных плит, статуй, памятников, миниатюрных часовенок, колонн, обелисков, саркофагов, высеченных из белоснежного мрамора, огибали свеженасыпанные холмики, говорившие о недавней утрате и недавнем горе, и старые могилы, украшенные свежими цветами — символ не увядшей ещё любви и привязанности, — и наконец уселись на замшелую могильную плиту, над которой печально раскачивала длинные свои ветви вавилонская ива.

Глава LIV. УЧАСТИЕ ВЗАМЕН ЛЮБВИ

По дороге мы говорили о самых незначительных предметах: о моей встрече с шулерами на пароходе, об "охотниках" Нового Орлеана, о лунной ночи.

Пока мы не забрели на кладбище, пока не уселись рядом на могильной плите, я молчал о том, что владело всеми моими помыслами. Но теперь пришло время открыться, и полчаса спустя Эжен д'Отвиль уже знал историю моей любви. Я поведал ему всё, что произошло со мной, начиная с моего отъезда из Нового Орлеана и вплоть до нашей встречи на пароходе. Подробно рассказал о своей беседе с банкиром Брауном и о долгих и бесплодных поисках Авроры.

Он терпеливо выслушал мою исповедь до конца и прервал меня только один раз, когда я стал описывать моё объяснение с Эжени и драматическую развязку этой сцены. Мой рассказ, видимо, не только сильно заинтересовал его, но и глубоко тронул. Я слышал, как он всхлипывал, видел при свете луны его залитое слезами лицо.

"Великодушный юноша, — думал я. — Как близко принимает он к сердцу горе совершенно чужого ему человека!"

— Несчастная Эжени! — прошептал он. — Неужели вам её не жаль?

— Не жаль! Ах, мсье, вы не представляете себе, как я её жалею! Никогда эта сцена не изгладится из моей памяти! С какой радостью я предложил бы Эжени своё сочувствие, дружбу, принёс бы любую жертву, если бы они могли что-нибудь возместить и что-нибудь поправить! Одно только не в моей власти — дать ей свою любовь. Всей душой сокрушаюсь я об этой благородной девушке, мсье д'Отвиль. И я отдал бы всё, лишь бы залечить рану, которую нанёс невольно. Но она, конечно, забудет свою несчастную страсть и со временем…

— О нет, никогда! Никогда! — прервал д'Отвиль с горячностью, которая поразила меня.

— Но почему вы так думаете?

— Почему? Потому что знаю по собственному опыту. Хоть я и молод, но пережил уже нечто подобное… Бедная Эжени! Такие раны не залечиваются. Она никогда не оправится! Никогда!

— Бедняжка! Мне жаль её, жаль ото всей души.

— Тогда почему бы вам не разыскать её и не сказать ей об этом?

— Зачем? — спросил я, несколько удивлённый подобным предложением. — Быть может, ваше сочувствие хоть немного утешило бы её.

— Что вы! Напротив. Мне кажется, это было бы жестоко.

— Вы ошибаетесь, мсье. Неразделённую любовь легче перенести, если встречаешь тёплое участие. Ведь сердце исходит кровью, натолкнувшись на высокомерное презрение и злорадную жестокость. Для ран любви дружеское участие — подлинный бальзам. Поверьте мне! Я чувствую, я знаю, что это так.

Последние слова он произнёс с убеждённостью, показавшейся мне даже несколько странной.

"Загадочный юноша! — подумал я. — Такой нежный, чувствительный и вместе с тем так искушён!"

Мне представлялось, что я разговариваю с существом высшего порядка — человеком выдающегося ума, который всё видит и всё понимает.

Его взгляды были мне внове и противоречили общепринятому мнению, но впоследствии я убедился в их справедливости.

— Если бы я мог рассчитывать, что моё дружеское участие будет приятно Эжени, я попытался бы разыскать её, предложить ей...

— Это вы ещё успеете сделать, — перебил д'Отвиль, — а сейчас у вас есть другое дело, не терпящее отлагательства. Вы намерены выкупить квартеронку?

— Намеревался ещё сегодня утром. Увы, теперь исчезла и эта надежда! Выкупить её не в моей власти.

— Сколько денег соблаговолили оставить вам шулеры?

— Немногим более ста долларов.

— Да, этого недостаточно. Судя по вашему описанию, за неё дадут в десять раз больше. Как досадно, что я не богаче вас! У меня не наберётся и ста долларов. Как всё это, право, печально!

Д'Отвиль сжал голову руками и несколько секунд сидел молча, в глубоком раздумье. Глядя на него, я невольно проникся убеждением, что он искренне сочувствует моему горю и ищет способа помочь мне.

— А если ей не удастся? — пробормотал он про себя, но настолько громко, что я расслышал. — Если она не найдёт бумаг, тогда и она жестоко поплатится. Это рискованно! Может быть, лучше не пробовать?..

— Сударь, о чём это вы? — перебил я его.

— Ах, да… Простите! Я думал об одном деле… Но не важно. Не лучше ли нам вернуться? Мне холодно. Я озяб среди этих мрачных могильных плит и памятников.

Вид у него был смущённый, словно он невольно высказал вслух свои затаённые мысли.

Хотя меня и удивили его слова, я не счёл возможным требовать объяснения и молча поднялся. Я совсем пал духом. Видимо, он не в силах мне помочь.

И тут у меня вдруг мелькнула мысль, сулившая надежду, вернее — слабый отблеск надежды. Я поделился ею со своим спутником.

— У меня есть эти сто долларов, — сказал я. — Для покупки Авроры это всё равно что ничего. Не попытать ли мне счастья за зелёным столом? Всё-таки какой-то шанс.

— Боюсь, это бесполезно. Вы проиграете, как уже проиграли.

— Это ещё неизвестно. У меня столько же шансов проиграть, как и выиграть. Совершенно необязательно садиться играть с профессиональными картёжниками, как на пароходе. В Новом Орлеане

достаточно игорных домов, где процветает чистый азарт: фараон, кости, лото, рулетка — выбор богатый. Счастье здесь зависит от того, как ляжет карта или упадёт кость. А это дело случая. Ну как, сударь? Что вы мне посоветуете?

— Вы правы, — ответил он. — Здесь всё зависит от удачи. И можно надеяться на выигрыш. Если даже вы проиграете, это ничего не изменит в отношении завтрашнего дня. Зато если выиграете...

— Вот-вот!.. Если я выиграю...

— В таком случае, нельзя медлить ни минуты. Уже поздно. Игорные дома давно открыты. Игра сейчас в самом разгаре. Пойдёмте!

— Вы пойдёте со мной? Благодарю, д'Отвиль! Благодарю!

И мы торопливо зашагали по дорожке, ведущей к выходу, и, очутившись за воротами кладбища, повернули к городу.

Мы направились к тому самому месту, откуда начали свою прогулку, — к рю Сен-Луи, ибо по соседству с ней сосредоточены крупнейшие игорные притоны Нового Орлеана.

Разыскать их было нетрудно: в ту пору им не приходилось скрываться. Страсть к азартным играм, унаследованная креолами от основателей города, была слишком распространена, чтобы полиция могла с ней бороться. Муниципальные власти американского квартала, правда, предприняли кое-какие шаги для пресечения этого зла, но законы их не распространялись по ту сторону Кэнел-стрит, а у креольской полиции были на сей счёт совершенно другие взгляды и другие инструкции. Во французском предместье азартная игра не почиталась преступлением, игорные дома содержались открыто и с благословения властей.

Проходя по рю Конти, или Сен-Луи, или по рю Бурбон, вы не преминули бы заметить большие позолоченные фонари с надписями: "Фараон", "Крапе", "Лото" или "Рулетка" — диковинные слова для непосвящённых, но хорошо понятные тем, на чьей обязанности лежало следить за порядком на улицах "Первого муниципалитета". Скоро мы очутились перед входом в одно из таких заведений, фонарь которого недвусмысленно оповещал, что здесь играют в фараон.

Этот притон попался нам первым, и мы без колебаний вошли туда.

Когда мы поднялись по широкой лестнице, нас остановил какой-то субъект в бакенбардах, не то швейцар, не то слуга. Я ожидал, что он потребует с нас плату за вход. Но я ошибся: вход был свободный. Нас остановили, чтобы отобрать оружие, а взамен выдали квитанции, по которым, уходя, мы могли получить его обратно. Швейцар вставлял отобранное оружие в гнёзда специально для этого предназначенной полки в углу прихожей и, судя по количеству торчащих пистолетных прикладов, черенков охотничьих ножей и рукоятей кинжалов, успел обезоружить уже немало народу.

Вся эта процедура весьма напоминала знакомую всем картину сдачи на хранение зонтов и тросточек в гардеробе музея или галереи. Впрочем, благодаря этой разумной предосторожности удавалось предотвратить немало кровопролитий за игорным столом.

Мы отдали своё оружие: я — пару пистолетов, а мой спутник — маленький серебряный кинжал. На них наклеили этикетки, дубликаты которых выдали нам на руки, после чего нас наконец допустили в зал.

Глава LV. ОБ ИГРАХ И АЗАРТЕ

Страсть к игре широко распространена. Каждая нация в большей или меньшей степени подвержена ей, и каждый народ, цивилизованный или дикий, играет в свою игру, будь то вист и криббидж в

фешенебельных клубах Лондона или "орлянка" и "чёт и нечет" в пустынных прериях.

Добродетельная Англия почитает себя свободной от этого порока. И брюзжащий путешественник-англичанин не прочь кинуть камешек в огород соседа. Французов, немцев, испанцев, мексиканцев — всех поочерёдно обвиняет он в чрезмерном пристрастии к азартным играм. Но это лицемерие и ханжество! В добродетельной Англии азарт процветает сильнее, чем в любой другой стране. Я не говорю уж о картёжной игре в окрестностях Пикадилли. Поезжайте-ка в Эпсом на скачки в день дерби — там вы получите истинное представление о масштабах азартных игр в Англии, потому что иначе как азартом, и притом азартом самого низкого пошиба, это зрелище не назовёшь. Пусть не толкуют о благородном спорте, о любви к лошадям, этим прекраснейшим из всех животных. Вздор! Какое уж там благородство! Могут ли испитые, обшарпанные плуты, которые тысячами и десятками тысяч стекаются на скачки в сопровождении распутных своих подруг, иметь какое-то понятие о красоте и благородстве! Из всех живых существ на ипподроме благородна одна только лошадь, и нет ничего более подлого, чем то, что её окружает.

Нет, добродетельная Англия! Не тебе служить в этом примером для других наций. И ты не без греха, что бы ты ни утверждала. Ни у одного народа, смею уверить, нет такого полчища азартных игроков, как у тебя, и как бы ни был благороден скаковой спорт, твои игроки — самая жалкая, пресмыкающаяся и гнусная разновидность игроков из всех существующих на свете. Есть что-то донельзя низменное в нравах и повадках с виду вечно голодных стервятников, которые с продранными локтями и в стоптанных башмаках маячат на углах Ковентри-стрит и Хей-маркета, шныряя из кабака к букмекеру[25] и от букмекера в кабак. По сравнению с ними смелый игрок в кости представляется почти благородной личностью. Беспечный испанец, вытряхивающий свои последние унции золота ради одного броска костей, или мексиканский игрок в монте, ставящий на карту золотые дублоны, в какой-то степени облагорожены смелостью и риском. У них азарт — подлинная страсть,

их привлекают сильные ощущения: но Браун, и Смит, и Джонс не вправе ссылаться на страсть — у них нет за душой даже этого.

Из всех профессиональных игроков картёжники Миссисипи, быть может, наиболее красочны. Я уже говорил об их изысканной манере одеваться, но, помимо этого, в них несомненно есть что-то от подлинного джентльмена, что-то рыцарское в характере, отличающее их от прочих их собратьев. В пору моей бурной юности иные из этих господ удостаивали меня своим знакомством, и я считаю долгом замолвить за них словечко. Кое-кто из них блистал высокими добродетелями, впрочем не вполне отвечающими требованиям пуританской морали. Другие отличались великодушным и благородным сердцем, способны были на самые прекрасные поступки и хотя попрали законы общества, но не попрали законов человеческой природы и умели отстоять свою честь от любых посягательств. Конечно, встречались и другие, подобные Чорли и Хэтчерам, которые не соответствуют моему описанию, но мне кажется, что они скорее исключение, чем правило.

Несколько слов об американских играх. Подлинно национальной игрой Соединённых Штатов, безусловно, являются выборы. Местные выборы или выборы в представительные учреждения штатов дают не меньше возможностей для заключения пари, чем скачки в Англии, а избрание президента, раз в четыре года, по праву можно назвать американским днём дерби. Трудно себе представить, какие огромные суммы переходят тогда из рук в руки и какое несметное число пари заключается в эти дни. Если бы на этот счёт существовала статистика, данные её удивили бы даже самых "просвещённых" граждан Соединённых Штатов. Иностранцу не понять ажиотажа, которым сопровождаются выборы во всех уголках страны. Да это и трудно объяснить в государстве, где люди, в общем, знают, что успех или провал того или иного кандидата мало отразится на их собственном материальном благополучии. Правда, дух соперничества между членами победившей партии в какой-то мере объясняет интерес к результатам, но всё же не целиком. Мне лично кажется, что возбуждение вызывается главным образом азартом. Чуть ли не каждый

второй человек, с которым я встречался, заключал пари на исход президентских выборов, и даже не одно, а множество.

Словом, выборы — это подлинная национальная игра американцев, которой с одинаковой страстью предаются и в верхах и в низах, и богатые и бедные.

Держать пари о результатах выборов не считается зазорным. Выборы к азартным играм не причисляются. Для этого существует немало других самых разнообразных игр, где дело решают карты. Кости и биллиард тоже в большом ходу, особенно последний. Почти в каждой деревушке Соединённых Штатов, особенно на Юге и Западе, вы найдёте биллиардный стол, а то и два, а среди американцев встретите поистине замечательных игроков. Креолы Луизианы, можно сказать, стяжали в биллиарде пальму первенства.

Кегли тоже очень распространены, и даже самый захудалый городишко имеет свой кегельбан. Но и биллиард и кегли, в сущности, не азартные игры: первая — скорее развлечение, а вторая — вид спорта. Карты и кости — вот подлинное оружие любителей азарта; карты в первую очередь. Помимо английских виста и криббиджа, а также француских игр "двадцать одно" и "красное и чёрное", американцы играют в покер, юкр, "семёрку" и множество других игр. В Новом Орлеане среди креолов пользуется особой любовью игра в кости, именуемая крапс, а также процветают кено, лото и рулетка. Далее к югу, у испанцев Мексики, в большом ходу монте — игра, отличающаяся от всех названных нами выше. Монте — национальная игра мексиканцев.

Однако всем прочим способам выкачивания денег юго-западные профессиональные картёжники предпочитают фаро, или фараон. Как показывает само название, игра эта испанского происхождения; да она и в самом деле мало чем отличается от монте и, вероятно, была завезена в Новый Орлеан испанцами. Но вне зависимости от того, коренного ли она или пришлого происхождения, игра эта превосходно

прижилась во всех городах и селениях долины Миссисипи, и нет на Западе ни одного картёжника, который не был бы любителем фараона.

К тому же фараон очень несложен. Дадим краткое его описание.

Стол накрывают зелёным сукном или байкой и выкладывают лицом вверх в два ряда все тринадцать карт какой-нибудь одной масти. Обычно карты приклеивают, чтобы они не сдвигались с места.

Затем в руках банкомёта появляется прямоугольная коробочка, с виду похожая на большую табакерку. Размеры её невелики — ровно на две колоды карт. Делается такая коробочка обычно из серебра. Любой другой материал годился бы не хуже, но банкомёт счёл бы унизительным пользоваться дешёвенькой принадлежностью своего ремесла. Назначение этой коробки в том, что она помогает сдавать вложенные в неё карты. Я не берусь толком объяснить её таинственный внутренний механизм, могу сказать лишь одно: крышки у неё нет, с одной стороны она открыта, и туда вдвигают колоды, а имеющаяся внутри пружина позволяет банкомёту выбрасывать карты подряд одну за другой в том порядке, в каком они лежат в колоде. Между прочим, это приспособление вовсе не обязательно для игры в фараон; с таким же успехом можно играть и без всякой коробки. Но такое устройство гарантирует честную игру: тут уж никак не отличишь одной карты от другой по знаку на рубашке или каким-либо другим приметам — карт просто не видно. Изящная коробочка для игры в фараон — гордость каждого уважающего себя банкомёта, и ни один из них не сядет без неё за игорный стол.

Две хорошо стасованные колоды вкладывают в коробку, и банкомёт, положив на неё левую руку и держа наготове правую с оттопыренным большим пальцем, ждёт, пока несколько игроков поставят на карту. Банкомёт — единственный ваш противник в этой игре; он выплачивает вам все ваши выигрыши и забирает все ваши проигрыши. Ставить на карту может любой сидящий или стоящий у стола, но ставят все они против одного банкомёта. Чтобы вести такую игру, банкомёт,

несомненно, должен быть своего рода предпринимателем и иметь капитал в несколько тысяч, а то и десятков тысяч долларов. Всё же случается, что при сильном невезении банк лопается, и тогда могут пройти годы, прежде чем банкомёт соберётся с силами и вернётся к старой профессии. Рядом с банкомётом обычно сидит его помощник, или крупье. В его обязанности входит обмен фишек на деньги и выплата выигрышей; он же загребает лопаточкой суммы, выигранные банком.

Фишки, которыми пользуются в этой игре, представляют собой плоские костяные кружочки величиной с доллар и разных цветов — белые, красные, голубые, с обозначенной на них суммой. Пользуются ими вместо денег, ради удобства. Если игрок бросает игру, он обменивает свои фишки на деньги.

Самый простой способ понтировать в фараон — это ставить деньги на одну из лежащих на столе карт. Вы можете выбрать любую из тринадцати. Предположим, ваш выбор пал на туза и вы поставили деньги на эту карту. Банкомёт начинает метать карты из коробки одну за другой. Всякий раз, выложив две карты, он останавливается. И пока не выйдут подряд два туза, исход неизвестен. Если же вышли два туза, объявляется выигрыш. В том случае, если оба туза вышли вместе, ваши деньги достаются банкомёту. Если же вышел только один туз, а второй пришёлся на следующую выкладку, выиграли вы. Тогда вы можете опять поставить на туза, при желании удвоив ставку, или передвинуть деньги на другую карту. Все эти манипуляции вы вправе производить в любой момент игры, при условии, что банкомёт ещё не выложил первой карты.

Игра, понятно, продолжается вне зависимости от того, ставите вы или нет. Стол окружён понтирующими; одни ставят на одну карту, другие — на другую, третьи — одновременно на две и больше, так что постоянно кому-то что-то выплачивают, постоянно стучат фишки и слышится звон долларов.

Для игры в фараон никакого умения не требуется: всё здесь зависит от удачи. Поэтому вы, чего доброго, решите, как и полагают многие, что шансы банкомёта и понтирующих равны. Но это не так. Определённые комбинации карт обеспечивают банкомёту известный процент, иначе кому бы пришла охота связываться с таким делом. И хотя случается, что банкомёта упорно преследует невезение, он всё равно обыграет вас, если только ему удастся продержаться.

Этот процент обеспечивается банкомёту во всех азартных играх — в фараоне, монте, крапсе и прочих. Конечно, банкомёт и не станет этого отрицать, но на ваш вопрос ответит, что этот небольшой процент идёт на "покрытие расходов". И будьте покойны, расходы покрываются с лихвой.

Вот каков тот самый фараон, садясь за который, я решил спустить последний цент или выиграть нужную сумму для выкупа моей наречённой.

Глава LVI. ФАРАОН

Мы вошли в зал. Так вот он, знаменитый фараон! В дальнем конце зала стоял стол, за которым и шла игра. Но ни карт, ни банкомёта не было видно: двойное кольцо сидящих и стоящих игроков окружало стол, скрывая его от нас. Были здесь и женщины, они тоже сидели или стояли, весёлые и красивые женщины, разряженные по последней моде, однако некоторая развязность в манерах обличала в них особ лёгкого поведения.

Д'Отвиль угадал: игра была в самом разгаре. Вид и позы игроков, мелькание рук, раскладывающих ставки, стук костяных фишек, звон долларов говорили о том, что здесь времени не теряют.

Подвешенная над столом огромная люстра бросала яркий свет на зелёное сукно и на лица игроков.

В середине зала стоял большой стол, уставленный разнообразными закусками. Тут были холодная индейка, ветчина, язык, салат из цыплят, омары, вина в хрустальных графинах, коньяк, ликёры. Часть тарелок и рюмок уже побывала в употреблении, другие стояли нетронутыми, в ожидании желающих закусить. По существу, это был бесплатный ужин, которым потчуют всех посетителей. Таков обычай американских игорных домов.

Однако это обильное угощение не привлекало ни меня, ни моего спутника. Мы прошли прямо к столу, где играли в фараон.

Подойдя поближе, мы заглянули через плечи игроков. Что за наваждение! Чорли и Хэтчер!

Да, оба шулера сидели рядышком за зелёным столом и не в качестве простых игроков, а в роли банкомёта и крупье! Чорли держал в руках коробочку с картами, Хэтчер сидел справа от него, и перед ним лежала на столе груда фишек, долларов и банкнот. Обведя взглядом игроков, мы обнаружили также и торговца свининой. Всё в той же просторной куртке и широкополой белой шляпе, он сидел как ни в чём не бывало, будто в глаза никогда не видел банкомёта и крупье, и лихо понтировал, по обыкновению пересыпая свою речь простонародными словечками.

Мы с моим спутником изумлённо переглянулись.

Но изумляться было, собственно, нечему. Чтобы держать банк в фараоне, не требуется патента; вполне достаточно зажечь люстру над столом, расстелить зелёное сукно и начать метать. Шулеры чувствовали себя здесь, как рыба в воде. Поездка по реке была для них чем-то вроде летней увеселительной прогулки, но в Новом Орлеане начинался сезон, и они поспешили вернуться, поэтому не было ничего удивительного, что мы встретили их здесь.

Однако в первую минуту мы с д'Отвилем оцепенели. Я уже хотел предложить своему спутнику покинуть зал, но тут меня заметил торговец свининой.

— Э, да это незнакомец с парохода! — воскликнул он, изобразив на своём лице удивление. — И вы тут?

— Как видите, — отвечал я небрежно.

— Ну и ну! Вы тогда как сквозь землю провалились. Куда вы пропали? — осведомился он с грубой фамильярностью и так громко, что все обернулись в нашу сторону.

— Куда пропал? — отозвался я, стараясь сохранить спокойствие, хотя меня возмутил его наглый тон.

— Ну да! Это самое я и хотел узнать.

— Очень бы хотели? — спросил я.

— Да нет… не так чтоб очень.

— Рад за вас, — отвечал я. — Потому что я не намерен вам об этом докладывать.

Я с удовольствием убедился, что взрыв общего хохота, которым была встречена моя неожиданная реплика, поубавил спеси наглецу.

— Не понимаю, чего вы ершитесь! — сказал он полупримирительным-полураздраженным тоном. — Я вовсе не к тому веду, чтобы вас обидеть, но вы тогда как в воду канули… Впрочем, это меня не касается. Думаете попытать счастья в фараон?

— А почему бы и нет?

— Игра как будто неплохая. Я сам сегодня первый раз сел. Тут, как в "чёт и нечет", всё зависит от удачи. Пока что мне везёт. — С этими словами он повернулся к столу и стал раскладывать ставки.

Банкомёт начал новую сдачу, и игроки, которых на время отвлёк наш разговор, опять обратились к тому, что представляло для них главный интерес, — к кучкам денег, лежащих на картах.

И Чорли и Хэтчер тоже, конечно, узнали меня, но ограничились дружеским кивком головы и взглядом, который весьма красноречиво говорил:

"Так, значит, он здесь! Великолепно! Этот-то отсюда не уйдёт, не попытавшись отыграть своих ста долларов. Как пить дать, поставит!"

Если и в самом деле эта мысль пришла им в голову, то они были не так уж далеки от истины. Ибо я в это время думал:

"Можно, в конце концов, попытать счастья и здесь. Фараон есть фараон, кого ни посади в банкомёты. Когда карты мечут из такой вот коробочки, плутовать немыслимо. Да и сама игра не позволяет жульничать. Один проигрывает банку, а другой выигрывает у него, так что банкомёту нет расчёта передёргивать, будь даже у него такая возможность. В самом деле, почему бы мне не сыграть против господ Чорли и Хэтчера, тем более что выиграть мне будет вдвойне приятно: я поквитаюсь с ними за свой прежний проигрыш. Сяду играть!"

— Что вы на это скажете, сударь?

С некоторыми из этих соображений и с последним вопросом я обратился вполголоса к молодому креолу.

Д'Отвиль согласился со мной и посоветовал остаться. Он тоже держался того мнения, что я могу с одинаковым успехом рискнуть и здесь.

Итак, я вынул из кошелька золотой и поставил его на туза.

Ни банкомёт, ни крупье даже бровью не повели, даже мельком не взглянули на мою ставку. Жалкая монета в пять долларов, конечно, не могла произвести впечатления на этих бывалых игроков, через чьи руки проходили десятки, сотни и даже тысячи долларов.

Чорли метал с тем непроницаемо-хладнокровным видом, который отличает всех людей его профессии.

— Выиграл туз! — воскликнул чей-то голос, когда вышло два туза подряд.

— Угодно получить фишками? — осведомился крупье.

Я сказал, что фишками, и крупье положил на мой золотой красный костяной кружочек с цифрой пять посередине. Все десять долларов я решил оставить на тузе.

Банкомёт продолжал метать, и вскоре опять вышли два туза, и я получил ещё две красные фишки.

Я и тут не взял своего выигрыша, так что у меня на карте набралось уже двадцать долларов. Ведь я пришёл сюда не развлекаться. У меня была совсем иная цель, и я не собирался попусту тратить время. Если фортуна пожелает быть ко мне благосклонной, почему бы ей сразу же не улыбнуться мне? И, кроме того, когда я думал о той, что была истинной ставкой в этой игре, я желал одного — положить конец неизвестности. К тому же мне претила грубая и распущенная компания, теснившаяся за игорным столом.

Игра продолжалась, и спустя некоторое время опять вышли два туза. Но на этот раз я проиграл.

Не говоря ни слова, крупье сгрёб фишки и золотой и спрятал их в свою лакированную шкатулку.

Я снова вынул кошелёк, поставил десять долларов на даму и выиграл. Я удвоил ставку и снова проиграл. Потом опять выиграл десять долларов, опять их проиграл, и так снова и снова — то выигрывая, то проигрывая, то ставя фишками, то золотом, я опустошил свой кошелёк!

Глава LVII. ЧАСЫ И КОЛЬЦО

Я встал с места и с отчаянием взглянул на д'Отвиля. Мне незачем было сообщать ему печальную весть: взгляд мой был красноречивее слов, к тому же юноша следил за игрой, наклонившись через моё плечо.

— Что ж, пойдёмте, мсье? — сказал я.

— Нет ещё, постойте минутку, — ответил он, кладя руку мне на плечо.

— Но зачем? У меня ничего не осталось. Я проиграл всё — всё до последнего доллара! Это надо было предвидеть. Нам нечего тут делать!

Возможно, я произнёс эту фразу слишком резко. Сознаюсь, я был взбешён. Помимо страшной перспективы завтрашнего дня, я вдруг усомнился в своём новом друге. Его знакомство с этими людьми, совет играть здесь, наша по меньшей мере странная встреча с пароходными шулерами, быстрота, с какой опустел мой кошелёк, — все эти соображения молнией пронеслись в моей голове, и я невольно подумал: уж не обманщик ли д'Отвиль? Я старался припомнить наш последний

разговор. Навёл ли он меня на мысль посетить именно этот притон, сделал ли что-нибудь для этого? Играть он мне, во всяком случае, не предлагал, а скорее отговаривал, и я не мог припомнить, чтобы он убеждал меня сесть играть в фараон. Кроме того, он не меньше моего удивился, заметив этих господ за столом.

Но что из того? Разве так трудно разыграть удивление? Что, если, подобно торговцу свининой, который так ловко меня провёл, мсье д'Отвиль тоже состоит пайщиком в достойной фирме Чорли, Хэтчера и К°? Я повернулся к нему, с моих губ готова была сорваться ядовитая фраза, но тут я сразу понял, что заблуждался. Устремив на меня свои чудесные глаза, молодой креол снизу вверх глядел мне в лицо — он был ниже меня ростом — и ждал, когда я приду в себя. Что-то сверкало в его протянутой руке. Это был вязаный кошелёк. Сквозь его шёлковую сетку поблёскивали жёлтые монеты. Он протягивал мне свой кошелёк с золотом!

— Возьмите! — проговорил он нежным, серебристым голосом.

Сердце у меня болезненно сжалось. Я с трудом выдавил из себя ответ. Если б он знал, о чём я думал всего секунду назад, он понял бы, почему щёки мои внезапно залила краска стыда.

— Нет, сударь, — пробормотал я. — Вы слишком великодушны! Я не могу принять этих денег.

— Ну, ну, пустяки! Возьмите, прошу вас, и рискните ещё раз. Фортуна была к вам сурова в последнее время, но ведь она — богиня непостоянная и ещё, может быть, улыбнётся вам. Берите же кошелёк.

— Право, сударь, я не могу после того… Простите меня!.. Если бы вы знали…

— Так, значит, мне придётся играть за вас. Вспомните, ради чего вы пришли сюда! Вспомните Аврору!

— О!

Это "о", вырвавшееся из моей груди, было единственным ответом молодому креолу, который уже повернулся к столу и поставил свои золотые.

Я смотрел на него с изумлением и восторгом, к которому примешивалась тревога за исход игры.

Какие маленькие белые руки! Какой великолепный перстень с алмазом сверкает на его безымянном пальце! Игроки, словно зачарованные, смотрят на драгоценный камень при каждом движении руки, щедро рассыпающей по столу золотые. И Чорли с Хэтчером тоже заметили перстень. Я видел, как они многозначительно переглянулись. Оба отменно вежливы с молодым креолом. Он сразу же завоевал их уважение своими крупными ставками. Они с особой почтительностью и вниманием называют карту, когда он выигрывает, и вручают ему фишки. Весь стол любуется им, дамы кидают на него вкрадчивые и коварные взгляды. Каждая готова броситься ему на шею ради сверкающего брильянта.

Я стоял возле него, с волнением следя за игрой, с большим волнением, чем если бы ставил сам. Но ведь это была и моя ставка. Он играл для меня. Для меня этот великодушный юноша рисковал своими последними деньгами.

Но я недолго томился неизвестностью. Вот он ставит и проигрывает — и ещё повышает ставку. Он занял моё место у стола, и вместе с местом к нему перешло и моё невезение. Почти каждую ставку сгребал крупье, пока наконец последняя монета не была поставлена на карту. Ещё немного — и вот она звякнула, падая в шкатулку.

— Идёмте, д'Отвиль! Идёмте отсюда! — шепнул я, наклоняясь к нему и беря его за руку.

— Во сколько вы оцените это? — спросил он банкомёта, не обращая на меня внимания.

И с этими словами он снял через голову золотую цепочку с часами.

Этого я и боялся, когда предлагал ему уйти. Я повторил свою просьбу, я молил его, но он не желал ничего слушать и торопил Чорли с ответом.

Чорли, видно, не любил тратить слов на ветер.

— Сто долларов за часы, — отрезал он, — и пятьдесят за цепочку.

— Великолепно! — воскликнул кто-то из игроков.

— Они же стоят вдвое больше, — пробормотал другой.

В огрубевших сердцах собравшихся здесь людей всё же сохранились человеческие чувства. Тот, кто проигрывает, не вешая головы, неизменно вызывает общее сочувствие, и возгласы, сопровождавшие каждый проигрыш юного креола, свидетельствовали о том, что все симпатии на его стороне.

— Правильно, часы и цепочка стоят значительно больше, — вмешался высокий человек с чёрными бакенбардами, сидевший в конце стола.

Внушительный и твёрдый тон, каким были сказаны эти слова, возымел своё действие.

— Разрешите, я ещё раз взгляну, — сказал Чорли, перегибаясь через стол к д'Отвилю, который сидел с часами в руке.

Д'Отвиль снова вручил часы шулеру, а тот, открыв крышку, внимательно осмотрел механизм. Это были изящные часы с цепочкой, какие обычно носят дамы. И стоили они, разумеется, много больше той суммы, что предложил за них Чорли, хотя торговец свининой придерживался на этот счёт иного мнения.

— Сто пятьдесят долларов — немалые деньги, — протянул он. — Шутка сказать — сто пятьдесят долларов! Я, правда, мало что смыслю в таких финтифлюшках, но мне сдаётся, полтораста долларов — красная цена за часы с цепкой.

— Вздор! — закричали несколько человек. — Одни часы стоят никак не меньше двухсот. Взгляните на камни!

Чорли положил конец пререканиям.

— Вот что! — сказал он. — Не думаю, чтобы часы стоили больше того, что я за них назначил, сударь, но поскольку вы хотите отыграться, пусть будет двести за часы и цепочку. Это вас устраивает?

— Мечите! — кратко ответил пылкий креол; он выхватил часы из рук Чорли и поставил их на одну из карт.

Дёшево обошлись часы Чорли.

Он открыл с полдюжины карт, и часы перешли к нему.

— А во сколько вы оцените это?

Д'Отвиль снял с пальца перстень и протянул его Чорли, который так и впился глазами в брильянт.

Я снова попробовал вмешаться, но д'Отвиль опять не стал меня слушать. Нечего было и пытаться обуздать пламенного креола.

Перстень был алмазный, вернее — в филигранную золотую оправу было вделано несколько брильянтов. Так же как часы, кольцо походило на те, что носят дамы, и я расслышал, как перешёптывались остряки: "У молодого повесы, видать, богатая зазноба!", "Спустит этот — другой подарят", и так далее и тому подобное.

Перстень был, вероятно, ценный, потому что Чорли после внимательного осмотра предложил посчитать его в четыреста долларов. Высокий человек с чёрными бакенбардами опять вступился и заявил, что он стоит все пятьсот. Его поддержали игроки, и банкомёт в конце концов согласился дать за кольцо эту сумму.

— Прикажете выдать фишками? — спросил он д'Отвиля. — Или поставите всю сумму сразу?

— Сразу! — последовал ответ.

— Нет, нет! — раздались голоса доброжелателей д'Отвиля.

— Сразу! — решительно повторил д'Отвиль. — Поставьте перстень на туза.

— Как вам будет угодно, сударь, — невозмутимо ответил Чорли, возвращая перстень владельцу.

Д'Отвиль взял перстень в свою тонкую белую руку и положил на середину облюбованной карты. Это была единственная ставка. Другие игроки бросили игру — каждому любопытно было увидеть, чем кончится

этот поединок. Чорли начал метать. Каждую карту ожидали с лихорадочным волнением, и когда из коробки показывался край туза, двойки или тройки с широким белым полем, напряжение достигало высшего предела.

Прошло немало времени, прежде чем наконец вышли два туза, словно при такой крупной сумме игра должна была длиться вдвое больше, чем обычно.

Но вот исход решён. Вслед за часами и перстень перешёл к Чорли.

Я схватил д'Отвиля за руку и потащил его к выходу. На этот раз он беспрекословно последовал за мной — у него не осталось ничего, ровно ничего, что бы поставить на карту.

— Ах, не всё ли равно! — беспечно бросил креол, выходя из зала. — Впрочем, нет, — спохватился он и добавил уже совсем другим тоном: — Нет, не всё равно! Вам и Авроре это не всё равно!

Глава LVIII. НАПРАСНАЯ НАДЕЖДА

Как приятно было вырваться из душного зала на свежий воздух, увидеть над собой ночное небо и мягкое сияние луны! Вернее, было бы приятно при иных обстоятельствах, но сейчас самая роскошная южная ночь и самая восхитительная природа не произвели бы на меня никакого впечатления.

Мой спутник, казалось, разделял моё чувство. Слова утешения, которые он говорил мне, смягчали мою душевную боль; я знал, что они идут от чистого сердца. Тому доказательством были его поступки.

Ночь и вправду была чудесная. Светлый диск луны то исчезал, то снова показывался из-за пушистых облачков, разбросанных по тёмно-синему небу Луизианы, лёгкий ветерок резвился на затихших улицах

города. Чудесная ночь, но слишком мягкая, слишком идиллическая. Мне больше пришлась бы по душе гроза. Как радовался бы я чёрным тучам, огненной молнии, грохочущим в небе раскатам грома! Как радовался бы завыванию ветра, барабанной дроби дождя! Ураган был бы сродни бушевавшей в моей душе буре.

До отеля было всего несколько шагов, но мы прошли мимо. Куда лучше думать и беседовать на свежем воздухе. Ни я, ни мой спутник не помышляли о сне, поэтому, снова миновав окраину города, мы машинально направились в сторону болот.

Некоторое время мы шагали бок о бок в глубоком молчании. Оба мы думали об одном — о завтрашнем аукционе. Завтрашнем? Нет, уже сегодняшнем: большие часы на соборной башне только что пробили полночь. Через двенадцать часов состоится аукцион, через двенадцать часов мою невесту выведут на помост и продадут с молотка.

Шоссе вело к Ракушечной дороге, и скоро под ногами у нас захрустели двустворчатые и одностворчатые, целые и битые раковины и ракушки. Природа здесь больше гармонировала с нашими мыслями. Вокруг высились тёмные торжественные кипарисы — эмблема печали, которые казались ещё мрачнее под саваном седого испанского мха, свисавшего с их ветвей. Да и здешние звуки тоже успокаивали наши смятенные души. Унылое уханье болотной совы, скрипучий стрекот древесных сверчков и цикад, кваканье лягушек, хриплый трубный глас жабы и высоко над головой пронзительный писк гигантских летучих мышей — все эти голоса смешивались в нестройный концерт, который при других обстоятельствах терзал бы слух, но теперь казался мне чуть ли не музыкой и даже навевал сладкую грусть.

И всё же я ещё не испил до дна чаши страданий. Ещё горшие муки ждали меня впереди. Хоть положение было безнадёжно, я всё ещё цеплялся за смутную надежду. И как бы ни была призрачна эта надежда, она всё же поддерживала меня. Возле дороги лежал поваленный кипарис, мы присели на него.

С тех пор как мы вышли из игорного притона, мы не сказали друг другу и двух слов. Я был поглощён мыслью о завтрашнем дне; мой юный спутник, которого я теперь считал верным и испытанным другом, думал о том же самом.

Какое великодушие! Ведь я ему совершенно чужой человек. Какое самопожертвование! Ах, я и не подозревал тогда всей глубины, всего величия этой жертвы!

— Теперь остаётся последний шанс, — сказал я. — Будем надеяться, что с завтрашней или, вернее, с сегодняшней почтой прибудет моё письмо. Может быть, оно ещё поспеет вовремя: почта обычно приходит в десять утра.

— Да, конечно, — рассеянно отвечал д'Отвиль, занятый, видимо, собственными мыслями.

— А если нет, — продолжал я, — остаётся ещё одна надежда — перекупить её у того, кому она сегодня достанется на торгах. Я уплачу любую сумму, лишь бы…

— Ах! Вот это-то меня и тревожит, — перебил д'Отвиль, выйдя из своей задумчивости. — Об этом-то я и думал сейчас. Боюсь, сударь, очень боюсь, что…

— Говорите!

— Боюсь, что тот, кто купит Аврору, не захочет её уступить.

— Но почему же? Даже за большие деньги?..

— Да, боюсь, что тот, кто купит Аврору, не захочет уступить её ни за какие деньги.

— О! Но почему же вы так думаете, д'Отвиль?

— У меня есть основания предполагать, что одно лицо намеревается…

— Кто же?

— Доминик Гайар.

— О Боже! Гайар? Гайар?

— Да, я заключаю это из того, что вы мне говорили, и из того, что знаю сам, ибо я тоже кое-что знаю о Доминике Гайаре.

— Гайар! Гайар! Господи! — бессмысленно твердил я. Страшное известие оглушило меня. Я весь застыл, охваченный каким-то оцепенением, будто грозная опасность нависла надо мной и ничто уже не в силах отвратить её.

Удивительно, как эта мысль не пришла мне раньше в голову? Я почему-то предполагал, что квартеронка попадёт в руки обычного покупателя, который охотно переуступит её мне за хорошую цену, пусть даже за огромную цену, но ведь со временем я буду в состоянии уплатить любую сумму. Удивительно, как я не подумал, что Гайар захочет купить Аврору! Впрочем, с той минуты, как я узнал о банкротстве Эжени Безансон, я совсем растерялся и не мог рассуждать хладнокровно. А теперь у меня открылись глаза. Это были уже не пустые домыслы и догадки. Несомненно, Гайар станет господином Авроры. Ещё до вечера он будет распоряжаться ею, как своей собственностью. Но душа её… О Боже! Уж не сплю ли я?

— Я и раньше подозревал нечто подобное, — продолжал д'Отвиль. — Я знаю кое-что о семейных делах Безансонов — об Эжени, об Авроре, об адвокате Гайаре. Я и раньше подозревал, что Гайар захочет

приобрести Аврору. А теперь, когда вы рассказали мне о сцене в гостиной, я не сомневаюсь в его гнусных намерениях. О, какая низость!.. Моё предположение подтверждает и то, — продолжал д'Отвиль, — что на пароходе находилось доверенное лицо Гайара. Этот человек обычно обделывает для адвоката все подобные делишки — вы его, вероятно, не заметили. Он работорговец — самая подходящая фигура для этой цели. Конечно, он ехал в город, чтобы присутствовать на аукционе и купить эту несчастную для Гайара.

— Но почему… — спросил я, хватаясь как утопающий за соломинку, — почему, если он хотел купить Аврору, он не заключил обычной сделки? Зачем ему понадобилось посылать её на невольничий рынок?

— Этого требует закон. Невольники обанкротившегося землевладельца должны быть проданы с публичных торгов тому, кто даст за них самую высокую цену. А потом, сударь, хотя Гайар негодяй и мерзавец, но он дорожит общественным мнением и не смеет действовать в открытую. Он лицемер и, творя свои грязные дела, желает сохранить уважение общества. Ведь многие искренне считают Гайара порядочным человеком! Поэтому он и не смеет идти напролом и держится в тени. Во избежание лишних разговоров Аврору купит подставное лицо, этот самый работорговец. Какая мерзость!

— Невообразимая мерзость! Но что, что же делать, чтобы спасти её от этого ужасного человека? Что делать для моего спасения?..

— Над этим-то я и ломаю голову. Не падайте духом, мсье! Ещё не всё потеряно. Есть ещё одна возможность спасти Аврору. Есть ещё одна надежда. Увы! Я тоже изведал горе — я тоже перенёс немало… да, немало! Но не в том дело. Не будем говорить о моих печалях, пока несчастны вы. Может быть, когда-нибудь потом вы узнаете больше обо мне и моих горестях, но сейчас довольно об этом! Есть ещё одна надежда, и вы и Аврора — вы оба будете счастливы. Так должно быть. Я так решил. Безумный шаг, но ведь и всё это разве не безумие? Однако хватит! У меня нет ни минуты времени, надо спешить. Ступайте к себе в

отель. Отдохните. Завтра в двенадцать я буду с вами. Итак, в двенадцать в ротонде. Спокойной ночи! Прощайте!

И не успел я попросить объяснения или сказать слово, как креол быстро отошёл от меня, повернул в узкую улочку и скрылся из виду.

Размышляя о бессвязных словах д'Отвиля, о его туманных обещаниях и странном поведении, я медленно направился к отелю.

Очутившись в своём номере, я, не раздеваясь, повалился на постель. Но мне было не до сна.

Глава LIX. РОТОНДА

Всю эту бессонную ночь в моём мозгу проносились тысячи мыслей, тысячи раз надежда, сомнение и страх сменяли друг друга, и я строил сотни всевозможных планов. Но когда настало утро и в глаза мои ударил яркий свет солнца, я так ничего и не придумал. Все надежды я возлагал на д'Отвиля, ибо я понял, что рассчитывать на почту бесполезно.

Однако, чтобы удостовериться в этом, я, как только наступило утро, ещё раз отправился в банк Брауна и К°. Получив отрицательный ответ, я не почувствовал разочарования — я его предвидел. Когда человек попадает в беду, бывало ли хоть раз, чтобы деньги пришли вовремя? Медленно катятся золотые кружочки, медленно переходят они из рук в руки, и никто не расстаётся с ними по доброй воле. Почта должна была доставить деньги в срок, но друзья, которым я доверил управление моими делами, видимо, опоздали с отправкой.

"Никогда не доверяйте своих дел друзьям! Никогда не надейтесь получить деньги в обещанный срок, если вы поручили отправку их другу!" — так сетовал я, покидая Брауна и К°.

Было уже двенадцать часов, когда я вернулся на рю Сен-Луи. Но я не пошёл в гостиницу, а направился прямо в ротонду.

Перо не в силах описать мрачные чувства, терзавшие мою душу, когда я ступил под её высокие своды. Сколько я себя помню, никогда не испытывал я ничего подобного.

Мне случалось стоять под сводами кафедрального собора, и благоговейный трепет охватывал меня перед его величием; я бывал в раззолоченных залах королевского дворца, и два чувства боролись во мне — жалость и презрение: жалость к рабам, на чьих костях воздвигались эти хоромы, и презрение к теснившимся вокруг низкопоклонникам и льстецам: я посещал тёмные тюремные камеры, и сердце моё сжималось от сострадания, но ни одно из этих зрелищ не произвело на меня такого удручающего впечатления, как то, которое теперь представилось моим глазам.

Это место не было священным. Наоборот, оно было осквернено самым гнусным кощунством. Здесь был знаменитый новоорлеанский невольничий рынок, где людей, их тело и даже душу, продавали и покупали с торгов!

Эти стены были свидетелями многих жестоких и мучительных разлук. Здесь мужа отрывали от жены, дитя — от матери. Как часто горькие слёзы орошали эти мраморные плиты, как часто под высокими сводами раздавались тяжкие вздохи, и не только вздохи, но и крики разбитых сердец!

Я уже сказал, что, когда вошёл под своды этого обширного зала, душа моя была полна самых мрачных чувств. И неудивительно, что сердце у меня сжалось при виде открывшейся передо мной картины.

Вы, вероятно, надеетесь, что я подробно опишу её вам. Но вас ждёт разочарование: я не в силах этого сделать. Если бы я пришёл сюда как

праздный зритель, как холодный репортёр, которого не трогает то, что происходит перед его глазами, я заметил бы все подробности и пересказал бы их вам. Но дело обстояло совсем не так. Меня преследовала одна-единственная мысль, мои глаза искали только одно лицо, и это мешало мне следить за тем, что происходит вокруг.

Кое-что всё-таки сохранилось у меня в памяти. Так, я помню, что ротонда, отвечая своему названию, была большим круглым залом с полом, выложенным мраморными плитами, со сводчатым потолком и белыми стенами. Окон в ней не было, и она освещалась сверху. В глубине на помосте стояло что-то вроде кафедры, а возле неё большая каменная глыба кубической формы. Я сразу отгадал назначение этих предметов.

Вдоль стены тянулся выступ в виде каменной скамьи. Назначение его я также понял без труда.

Когда я вошёл, в зале собралось уже много народу. Публика пришла самая разношёрстная, всех возрастов и сословий. Люди стояли кучками, непринуждённо разговаривая, точно собрались для какой-то церемонии или забавы и ждут начала. По поведению присутствующих было видно, что предстоящее дело не настраивает их на торжественный лад; наоборот, судя по грубым шуткам и взрывам громкого смеха, поминутно раздававшимся в зале, можно было предположить, что они ждут какого-то развлечения.

Однако здесь была группа людей, резко выделявшаяся среди шумной толпы. Эти люди теснились на каменной скамье или возле неё, сидели на корточках или стояли, прислонившись к стене во всевозможных позах. Их чёрная или бронзовая кожа, густые курчавые волосы, грубые красные башмаки, одежда из дешёвых хлопчатобумажных тканей, окрашенных в коричневый цвет соком катальпы, — все эти характерные черты отличали их от остальных людей, собравшихся в зале; это были существа из другого мира.

Но даже независимо от различия в одежде или цвета кожи, от толстых губ, широких скул и курчавых волос можно было сразу сказать, что люди, сидевшие на каменной скамье, были в совсем ином положении, чем те, что расхаживали по залу. Одни громко разговаривали и весело смеялись, тогда как другие сидели молчаливые и удручённые. Одни выступали с видом победителей, другие застыли с безнадёжностью пленников, устремив в одну точку унылый взгляд. Одни были господа, другие — рабы! Это были невольники с плантации Безансонов.

Все молчали или переговаривались шёпотом. Большинство казались встревоженными. Матери сидели, нежно прижимая к груди своих малюток, шептали им ласковые слова и старались их убаюкать. Порой, когда материнское сердце сжималось от страха, крупная слеза скатывалась по смуглой щеке. Отцы смотрели на них застывшими от скорби глазами, с выражением беспомощности и отчаяния на суровых лицах; они знали, что не в силах изменить свою участь, не в силах отвратить удар, какое бы решение ни приняли окружавшие их бессердечные негодяи.

Впрочем, не все были печальны и напуганы. Кое-кто из молодых невольников, юношей и девушек, разоделся в яркие костюмы и платья с оборками, складочками и лентами. Эти, по-видимому, не тревожились о будущем и даже казались довольными; они весело смеялись, переговариваясь друг с другом, а иногда даже перекидывались словечком с кем-нибудь из белых. Перемена хозяина не казалась им такой уж страшной после того обращения, какому они подвергались последнее время. Некоторые из них ожидали перемены даже с радостной надеждой. Так были настроены молодые франты и светлокожие красавицы с плантации. Быть может, они останутся в этом городе, о котором они столько слышали; быть может, их ждёт здесь более светлое будущее. Трудно представить, что оно будет безотраднее, чем их недавнее прошлое.

Я окинул беглым взглядом всю группу, но сразу же увидел, что Авроры там нет. Трудно было спутать её с кем-либо из этих людей. Её здесь не было. Благодарение Небу! Оно избавило меня от этого унижения. Аврора, наверно, где-нибудь поблизости, и её приведут, когда до неё дойдёт очередь.

Я не мог примириться с мыслью, что её выставят напоказ, что её коснутся грубые и оскорбительные взгляды, а может, и оскорбительные замечания толпы. Однако это испытание ещё предстояло мне.

Я решил не подходить к невольникам: я знал их непосредственность и предвидел, какую это вызовет сцену. Они встретят меня приветствиями и мольбами, и их громкие голоса привлекут ко мне внимание всех присутствующих.

Чтобы этого избежать, я стал позади кучки людей, загородившей меня от невольников, и, наблюдая за входом в зал, поджидал д'Отвиля. Теперь он был моей последней и единственной надеждой.

Я невольно следил за всеми, кто входил или выходил из зала. Тут были, конечно, только мужчины, но самой разнообразной внешности. Вот, например, типичный работорговец, долговязый детина с грубым лицом барышника, одетый как попало, в свободной куртке, в широкополой, свисающей на глаза шляпе, грубых башмаках и с арапником из сыромятной кожи — эмблемой его профессии.

Ярким контрастом ему служил молодой, изящно одетый креол в парадном костюме: в сюртуке вишнёвого или голубого цвета с золотыми пуговицами, в присобранных у пояса брюках, в прюнелевых башмаках, в рубашке с кружевным жабо и брильянтовыми запонками.

Был там и образец креола постарше — в широких светлых панталонах, нанковом жакете того же цвета и в шляпе из манильской соломы или в панаме на белоснежных, коротко остриженных волосах.

Был и американский торговец во фраке из чёрного сукна, блестящем чёрном атласном жилете, в брюках из той же материи, что и фрак, в опойковых башмаках и без перчаток.

Был и расфранчённый стюард с парохода или приказчик из магазина — в полотняном сюртуке, белоснежных парусиновых брюках и палевой касторовой шляпе с длинным ворсом. Здесь можно было увидеть выхоленного толстяка-банкира; самодовольного адвоката, не такого надутого и чинного, как у себя в конторе, а пёстро разодетого; речного капитана, утратившего свой суровый вид; богатого плантатора из долины Миссисипи; владельца хлопкоочистки. Все эти типы и другие, но столь же выразительные фигуры составляли толпу, заполнившую ротонду.

В то время как я стоял, рассматривая их разнообразные лица и костюмы, в зал вошёл рослый коренастый человек с красным лицом, в зелёном сюртуке. В одной руке он держал пачку бумаг, а в друюй — небольшой молоток слоновой кости с деревянной ручкой, указывавший на его профессию.

При его появлении толпа загудела и зашевелилась. Я услышал слова. "Вот он!", "Он пришёл!", "Вон идёт майор!"

Присутствующим не надо было объяснять, кто этот человек. Жители Нового Орлеана прекрасно знали майора Б. — знаменитого аукциониста. Он являлся такой же достопримечательностью Нового Орлеана, как прекрасный храм Святого Карла.

Через минуту круглое, благодушное лицо майора появилось над кафедрой, несколько ударов его молотка восстановили тишину, и торги начались.

Сципиона поставили на каменную глыбу первым. Толпа покупателей обступила его; ему щупали рёбра, хлопали его по ляжкам, как если бы

он был откормленным быком, открывали ему рот и разглядывали зубы, словно лошади, и называли цену.

В другое время я почувствовал бы жалость к несчастному малому, но сейчас сердце моё было переполнено, в нём не осталось места для бедного Сципиона, и я отвернулся от этого возмутительного зрелища.

Глава LX. НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Я снова уставился на дверь, пристально рассматривая каждого входящего в зал. Д'Отвиль всё не появлялся. Он, конечно, скоро придёт. Он сказал, что будет в двенадцать, но пробило час, а его всё нет.

Наверно, он скоро явится, он не опоздает. В сущности, мне было рано тревожиться: имя Авроры стояло последним в списке. Оставалось ещё много времени. Я вполне полагался на моего нового друга, хотя и мало мне знакомого, но уже испытанного. Своим поведением прошлой ночью он полностью завоевал моё доверие. Он не обманет меня. Его опоздание не поколебало моей веры. Очевидно, когда он доставал деньги, ему встретились какие-то затруднения, ведь я надеялся, что он выручит меня. Он сам намекал на это. Вот что задержало его, но он ещё подоспеет. Он знает, что её имя стоит последним в списке — под № 65.

Несмотря на моё доверие к д'Отвилю, я был очень встревожен. Да это и понятно. Я не спускал глаз с двери, каждую минуту надеясь его увидеть.

Позади меня раздавался тягучий голос аукциониста, монотонно повторявший все те же фразы; время от времени его прерывал резкий стук молотка. Я знал, что торги уже в полном разгаре, а частые удары молотка говорили о том, что они неуклонно подвигаются вперёд. Хотя пока было продано только с полдюжины рабов, я с тревогой думал, что список быстро уменьшается и скоро — увы, слишком скоро! — наступит

и её черёд. При этой мысли сердце бешено колотилось у меня в груди. Только бы д'Отвиль не обманул меня!

Неподалёку стояла кучка хорошо одетых молодых людей; все они, по-видимому, происходили из знатных креольских семей. Они весело болтали, и я ясно слышал их разговор.

Я, наверно, не обратил бы внимания, если бы один из них не назвал фамилии Мариньи, которая показалась мне знакомой. У меня сохранилось неприятное воспоминание об этой фамилии: Сципион рассказывал мне, что какой-то Мариньи хотел купить Аврору. Я сразу вспомнил это имя.

Теперь я стал прислушиваться.

— Итак, Мариньи, вы решили купить её? — спрашивал один из собеседников.

— Да, — отвечал молодой щёголь, одетый по последней моде и с некоторым фатовством. — Да-а, да-а, — продолжал он, томно растягивая слова, и, поправив сиреневые перчатки, стал помахивать тросточкой. — Это верно… Я думаю её купить…

— Сколько же вы за неё дадите?

— Гм… Не слишком большую сумму, дорогой мой.

— За небольшую сумму вы её не получите, — возразил первый. — Я знаю уже человек пять, которые будут добиваться её, и все они чертовски богаты.

— Кто они такие? — спросил Мариньи, сразу теряя своё томное равнодушие. — Кто такие, позвольте вас спросить?

— Кто? Пожалуйста! Гардет — зубной врач, он прямо сходит по ней с ума. Затем старый маркиз. Потом плантаторы Виларо и Лебон из Лафурша, да ещё молодой Моро — винный торговец с рю Дофин. А кто знает, сколько богатых янки-хлопководов захотят взять её себе в экономки! Ха-ха-ха!

— Я могу назвать ещё одного, — заметил третий собеседник.

— Кого? — спросило несколько голосов. — Может, себя самого, Ле Бер? Вам, кажется, нужна швея, чтобы пришивать пуговицы к вашим рубашкам?

— Нет, не себя, — возразил тот. — Я не собираюсь покупать швею за такие бешеные деньги. Она стоит не меньше двух тысяч долларов, друзья мои. Нет, нет! Я найду себе швею подешевле.

— Кого же тогда? Скажите!

— С полной уверенностью могу назвать старого сморчка Гайара.

— Гайара — адвоката?

— Как, Доминик Гайар?

— Не может быть! — возразил третий. — Гайар — человек строгих правил, уравновешенный, скупой.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Ле Бер. — Я вижу, господа, вы совершенно не представляете себе характера Гайара. Я знаю его получше вас. Он, конечно, скупец, вообще говоря, но есть вещи, на которые он не жалеет денег. У него было, наверно, с десяток любовниц. Кроме того, вы знаете, что он холостяк и ему нужна хорошая экономка или служанка. Да, друзья мои, я кое-что слышал об этом. И готов биться об заклад, что этот скупец перебьёт цену каждого из вас, даже самого Мариньи!

Мариньи стоял, кусая губы. Но он чувствовал лишь досаду или разочарование, я же испытывал смертельную муку. Я не сомневался, о ком идёт речь.

— Банкротство было объявлено по иску Гайара? — спросил первый собеседник.

— Так говорят.

— Но ведь он считался старым другом семьи, доверенным лицом старика Безансона?

— Ну да, его советчиком и адвокатом. Ха-ха! — многозначительно рассмеялся другой.

— Бедная Эжени! Теперь она уж не будет первой красавицей в округе. И ей не придётся корчить из себя разборчивую невесту.

— Это послужит вам утешением, Ле Бер, ха-ха!

— О, последнее время у Ле Бера было мало шансов, — вставил третий. — Говорят, её фаворитом стал молодой англичанин, тот самый, что приплыл с ней к берегу после взрыва на "Красавице". Так мне, по крайней мере, передавали. Это правда, Ле Бер?

— Вы бы лучше спросили у Эжени Безансон, — ответил Ле Бер с раздражением, и все засмеялись.

— Уж я бы спросил, — продолжал его собеседник, — да не знаю, как её найти. Где она сейчас? Её нет на плантации. Я заезжал туда, но мне сказали, что два дня назад она уехала. Нет её и у тётки. Где же она, господа?

Я с интересом ждал ответа на этот вопрос. Я тоже не знал, где находится Эжени, и ещё сегодня пытался её разыскать, но тщетно! Говорили, что она приехала в город, но никто не мог сказать, где она остановилась. Я вспомнил, что она писала мне о монастыре Сакре-Кер. Быть может, думал я, она действительно ушла в монастырь? Бедная Эжени!

— В самом деле, господа, где же она? — спросил другой.

— Очень странно! — заметил третий. — Где она может быть? Ле Бер, вы, наверно, знаете?

— Я понятия не имею о действиях мадемуазель Безансон, — ответил молодой человек с досадой и недоумением; по-видимому, он и вправду ничего не знал о ней и был оскорблён замечаниями своих собеседников.

— Тут кроется какая-то тайна, — сказал один из них. — Я был бы очень удивлён, если бы это касалось кого-нибудь другого, но с Эжени Безансон ничему не приходится удивляться.

Нечего и говорить, что этот разговор очень заинтересовал меня. Каждое слово жгло меня будто калёным железом, и я готов был броситься и задушить этих болтунов. Они и не подозревали, что "молодой англичанин" стоял возле них и слышал их беседу, не знали, какое ужасное впечатление производят на него их слова.

Меня терзали не их рассуждения об Эжени, но нескромные отзывы об Авроре. Я не стану повторять здесь грубые шутки на её счёт, непристойные намёки, низкие предположения и язвительные насмешки над её невинностью.

Один из собеседников, некий Севинье, был особенно отвратителен, и раза два я чуть не бросился на него. С большим трудом мне удалось себя побороть. Не знаю, долго ли я выдержал бы эту пытку, но тут

произошло событие, которое сразу вытеснило у меня из головы и этих сплетников и их гнусную болтовню: в зал вошла Аврора.

Они как раз снова заговорили о ней — о её скромности и необыкновенной красоте. Они спорили о том, кому она достанется, и уверяли, что, кто бы ни стал её хозяином, он сделает её своей наложницей. Они разгорячились, описывая её прелести, и начали заключать пари, чем кончатся торги, как вдруг спор их прервали слова:

— Смотрите, смотрите! Вот она!

Я невольно обернулся. В дверях стояла Аврора.

Глава LXI. МОЮ НЕВЕСТУ ПРОДАЮТ С ТОРГОВ

Да, Аврора показалась в дверях этого проклятого зала и робко остановилась на пороге.

Она была не одна. Рядом с ней стояла девушка-мулатка, тоже невольница и, как Аврора, тоже приведённая на продажу.

С ними вместе вошёл ещё один человек — вернее, он ввёл их в зал, так как шёл впереди, — и сразу направился к месту торгов. Это был не кто иной, как Ларкин, жестокий надсмотрщик.

— А ну, пошевеливайтесь! — грубо сказал он, оборачиваясь к ним. — Живее, девушки! Идите за мной!

Они послушались его грубого окрика и, войдя в зал, направились за ним к помосту.

Я стоял, опустив голову и надвинув шляпу на глаза. Аврора меня не видела. Как только они прошли мимо, я повернулся и посмотрел им вслед. О прекрасная Аврора! Прекрасная, как всегда!

Не я один восхищался ею. Появление квартеронки произвело сенсацию. Гомон стих, как по сигналу. Громкие разговоры смолкли, и все глаза были прикованы к ней, пока она шла через зал. Кто стоял далеко, спешил протиснуться поближе, чтобы лучше разглядеть её; другие почтительно расступались перед ней, будто перед королевой. И так вели себя те, кто никогда не стал бы оказывать уважение другой женщине её расы, хотя бы девушке-мулатке, что шла с ней рядом. О красота! Никогда твоё могущество не проявлялось с такой силой, как при появлении этой бедной невольницы.

Я слышал удивлённый шёпот, видел восхищённые и наглые взгляды, которые следили за ней и ловили каждое движение её стройного тела, когда она проходила мимо.

Всё это терзало меня сильнее, чем муки ревности, которые я недавно испытал. Грубость моих соперников удесятеряла мои страдания.

Аврора была очень скромно одета. Она не постаралась принарядиться, как её более смуглая спутница, платье которой украшало множество оборок и лент. Такое кокетство противоречило бы выражению гордой печали на её прекрасном лице.

Платье из светлого муслина, сшитое просто и со вкусом, с длинной юбкой и узкими рукавами, какие носили в то время, подчёркивало женственные очертания её фигуры. Мадрасский клетчатый платок, повязанный в виде тюрбана — головной убор всех квартеронок, — казался короной над её высоким лбом. Его красные, зелёные и жёлтые клетки красиво оттеняли её чёрные, как смоль, волосы. На ней не было никаких драгоценностей, кроме двух золотых колец в ушах, которые

своим блеском подчёркивали её яркий румянец, а на пальце золотое колечко — знак её помолвки. Как хорошо я знал его!

Я спрятался в толпу и надвинул шляпу так, что лицо моё не было видно со стороны помоста. Мне не хотелось, чтобы она меня заметила, но сам я не мог оторвать от неё глаз. В то же время я продолжал следить за дверью в зал. Отсутствие д'Отвиля начинало меня сильно тревожить.

Аврору поставили около помоста. Поверх толпы я видел краешек её тюрбана, а если становился на цыпочки, то видел и лицо; к счастью, она стояла ко мне вполоборота. Ах, как больно сжималось моё сердце, когда я старался понять выражение её лица, когда пытался прочесть её мысли!

Она казалась печальной и встревоженной, и это было вполне естественно. Но мне хотелось увидеть на её лице другое выражение — нетерпеливое ожидание, в котором страх сменяется надеждой.

Глаза её блуждали по толпе. Она всматривалась в окружавшие её лица. Она кого-то искала. Не меня ли?

Когда она смотрела в мою сторону, я опускал голову. Я не решался встретить её взгляд. Я боялся, что не удержусь и заговорю с ней. Любимая Аврора!

Я опять взглянул на неё. Глаза её по-прежнему искали кого-то. Ах, конечно, меня! Я снова скрылся в толпе, и взгляд её скользнул мимо.

Но тут я вновь посмотрел на неё. Лицо её омрачилось. Глаза словно потемнели — в них светилось отчаяние.

"Мужайся, Аврора! — шепнул я про себя. — Взгляни сюда ещё раз, любимая! Теперь я встречу твой взор. Мои глаза будут говорить с тобой. Я отвечу на твой призыв".

Она смотрит… Она узнала меня! Радость блеснула в её глазах. Улыбка тронула уголки её губ. Глаза её больше не блуждают — они смотрят в мои… О, верное сердце! Она искала меня!

Да, глаза наши встретились наконец и засветились горячей любовью. На минуту я потерял власть над собой, я не мог оторвать взгляда от неё и весь отдался своему чувству. И она — тоже. Я не сомневался в этом. Я почувствовал, как между нами протянулся луч любви, и сразу забыл, где я нахожусь.

Ропот и движение толпы заставили меня очнуться. Окружающие заметили её пристальный взгляд, и многие, умеющие читать подобные взгляды, поняли его значение. Они стали оборачиваться, отыскивая того, кто был её избранником. Я вовремя заметил это движение и отвернулся.

По-прежнему я смотрел на дверь и ждал д'Отвиля. Почему его всё нет? Моя тревога усиливалась с каждой минутой.

Правда, пройдёт ещё час, а может, и два, пока настанет её очередь… Но что это?..

Внезапно наступила тишина — по-видимому, толпу что-то заинтересовало… Я взглянул на помост, чтобы узнать, в чём дело. Какой-то чернявый человек поднялся на ступеньки и шептался с аукционистом.

Они говорили очень недолго. Казалось, человек о чём-то попросил и, получив согласие, отошёл на своё прежнее место в толпе.

Прошла минута, и вдруг, к своему удивлению и ужасу, я увидел, что надсмотрщик взял Аврору за руку и помог ей подняться на камень. Всё было ясно: следующей будут продавать её.

Я не могу теперь припомнить, что делал в первые минуты.

Как безумный бросился я к выходу и высунулся за дверь. Я глядел направо и налево, всматриваясь в прохожих. Д'Отвиля не было.

Я кинулся обратно, пробиваясь сквозь толпу, окружавшую помост.

Торги уже начались. Я не слышал вступительных фраз, но когда подошёл, над ухом у меня прозвучали ужасные слова:

— Тысячу долларов за квартеронку! Дают тысячу долларов!

"О Небо! Д'Отвиль обманул меня! Она погибла! Погибла!"

В отчаянии я хотел прервать торги. Я решил громко объявить, что они незаконны, так как нарушен порядок продажи, указанный в объявлении. В этом я видел последнюю надежду. Это была соломинка, за которую хватается утопающий, но я решил попытаться.

С губ моих чуть не сорвался возглас протеста, но тут я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав, и обернулся. Это был д'Отвиль. Слава Создателю, это был д'Отвиль!

Я едва удержался от радостного крика. Взгляд его сказал мне, что он принёс деньги.

— Ещё не поздно, но нельзя терять ни минуты, — прошептал он, всовывая мне в руку бумажник. — Здесь три тысячи долларов, их должно хватить. Это всё, что мне удалось достать. Я не могу оставаться

с вами: тут есть люди, с которыми я не хочу встречаться. Увидимся после торгов.

Я едва успел поблагодарить его. Я не видел, как он ушёл: глаза мои были заняты другим.

— Тысячу пятьсот долларов за квартеронку, прекрасную экономку и швею! Тысячу пятьсот долларов!

— Две тысячи! — крикнул я хриплым от волнения голосом.

Такая большая надбавка привлекла ко мне внимание толпы. Люди обменивались многозначительными взглядами, улыбками и отпускали шутки по моему адресу.

Я не замечал их, вернее — не обращал на них никакого внимания. Я видел только Аврору, стоявшую на возвышении, как статуя на пьедестале, — воплощение печали и красоты. Чем скорее я уведу её отсюда, тем лучше. Вот почему я сразу назвал большую сумму.

— Дают две тысячи долларов! Две тысячи! Две тысячи сто? Дают две тысячи сто. Кто больше? Две тысячи двести? Две тысячи двести!

— Две тысячи пятьсот! — снова крикнул я как можно твёрже.

— Две тысячи пятьсот долларов! — повторил аукционист, монотонно растягивая слова. — Две тысячи пятьсот! Кто больше? Шестьсот, сэр? Хорошо, благодарю вас. Две тысячи шестьсот долларов за квартеронку! Две шестьсот!

"О Боже! Они могут дать больше трёх тысяч, и тогда..."

— Две тысячи семьсот! — крикнул щёголь Мариньи.

— Две тысячи восемьсот! — отозвался старый маркиз.

— Две тысячи восемьсот пятьдесят! — добавил молодой торговец Моро.

— Девятьсот! — бросил чернявый человек, который шептался с аукционистом.

— Дают две тысячи девятьсот! Две девятьсот!

— Три тысячи! — крикнул я в отчаянии, сдавленным голосом.

Это была моя последняя ставка.

Я ждал, что будет дальше, как пригопоренный ждёт, когда на шею ему опустится топор или когда палач выбьет скамью у него из-под ног. Сердце моё не вынесло бы долго такого напряжения. Но ждать пришлось недолго.

— Три тысячи сто долларов! Дают три тысячи сто!

Я бросил взгляд на Аврору. В нём было безнадёжное отчаяние, и повернувшись, я, шатаясь, побрёл через зал.

Не успел я дойти до дверей, как услышал, что монотонный голос аукциониста, всё так же растягивая слова, прокричал:

— Три тысячи пятьсот за квартеронку!

Я остановился и стал слушать. Торг, по-видимому, близился к концу.

— Три тысячи пятьсот — раз! Три тысячи пятьсот — два! Три тысячи пятьсот — три!

Раздался резкий удар молотка. Он прозвучал одновременно со словом "продана", которое смертельной болью отдалось в моём сердце.

В зале поднялись шум и суета; слышались взволнованные и сердитые возгласы разочарованных покупателей. Кто же был счастливый победитель?

Я взглянул поверх толпы. Высокий чернявый человек разговаривал с аукционистом. Аврора стояла возле него.

Теперь я вспомнил, что видел его на пароходе: это был тот самый агент, о котором говорил д'Отвиль. Молодой креол предвидел, чем всё это кончится. Он был прав. Прав был и Ле Бер.

Гайар перебил её у всех прочих претендентов!

Глава LXII. НАЁМНЫЙ ЭКИПАЖ

Некоторое время я стоял как потерянный, без мысли, без цели. Закон, всеми признанный позорный закон отнял у меня ту, кого я любил и которая меня любила. Её безжалостно оторвали от меня, похитили на моих глазах, и я, быть может, никогда её больше не увижу. Да, очень возможно, что я больше не увижу Аврору! Она потеряна для меня, более безнадёжно потеряна, чем если бы стала невестой другою. Тогда она, по крайней мере, была бы свободна в своих мыслях и поступках. Тогда я мог бы надеяться снова встретить её, увидеть хотя бы издали, безмолвно поклоняться ей в своём сердце, утешать себя мыслью, что она ещё любит меня. Да, будь она невестой, даже женой другого, я перенёс бы это спокойнее. Но теперь она станет не женой другого, а его рабыней, он насильно сделает её своей наложницей. И будет её господином… О! Сердце моё разрывалось от этих дум.

Что же делать? Как мне поступить? Покориться судьбе? Оставить всякие попытки помочь ей… вернее, спасти её?

Нет, ещё не всё потеряно! Как ни мрачно было наше будущее, всё же оставался слабый луч надежды; этот луч поддерживал меня и вливал в меня новые силы для дальнейшей борьбы.

У меня ещё не было готового плана, но зато была ясная цель: освободить Аврору и соединиться с ней, несмотря ни на какие опасности. Я больше не надеялся выкупить её. Я знал, что её хозяином стал Гайар, и понимал, что теперь купить её невозможно. Он заплатил за неё огромную сумму и ни за какие деньги не расстанется с ней. Да на это не хватило бы и всего моего состояния. Я даже не стал и думать о выкупе, зная, что это бесполезно.

У меня в голове созревало теперь новое решение, воскрешая угасшую было надежду. Я сказал — созревало! Нет, к тому времени, когда голос аукциониста замолк, произнеся заключительные слова, оно уже созрело. Когда прозвучал удар молотка, я уже принял его. Цель была ясна, оставалось только наметить план действий. Я решил нарушить закон и стать вором или разбойником — кем угодно будет судьбе сделать меня. Я задумал похитить мою невесту!

Мне грозили позор, лишение свободы, даже смерть. Но позор не пугал меня, и я не думал об опасностях. Выбор мой был сделан, решение принято.

Я недолго раздумывал, прежде чем принять его, тем более что оно и раньше приходило мне в голову, а теперь я понимал, что у меня нет иного средства спасти Аврору. Это было единственное, что мне оставалось, иначе мне пришлось бы уступить без борьбы ту, кого я любил больше всего на свете. А я никому не собирался её уступать. Позор, даже самая смерть меньше меня страшили, чем разлука с ней.

У меня ещё не было никакого плана. Об этом можно будет подумать потом, но действовать надо немедленно. Моё бедное сердце

разрывалось от горя при мысли, что Аврора проведёт хотя бы одну ночь под кровлей этого негодяя.

Где бы она ни была сегодня ночью, я твёрдо решил находиться поблизости от неё. Пускай нас разделяют стены, но Аврора должна знать, что я тут, недалеко. Это решение заменило пока всякий план.

Отойдя в сторону, я вынул записную книжку и быстро написал:

"Жди меня сегодня вечером. Эдвард".

У меня не было времени вдаваться в подробности; её каждую минуту могли увезти. Вырвав листок, я сложил его и стал у выхода из ротонды.

К дверям подкатил наёмный экипаж и остановился прямо против входа. Поняв его назначение, я, не теряя времени, нанял себе другой у ближайшей стоянки и поспешил обратно. Я вернулся как раз вовремя. Когда я входил в зал, Аврору уводили с помоста.

Смешавшись с толпой, я стал в таком месте, где Аврора должна была пройти мимо меня. Когда она поравнялась со мной, руки наши встретились, и я сунул ей записку. Я не успел шепнуть ни слова, ни даже нежно пожать ей руку — её быстро провели через толпу, и дверца кареты захлопнулась.

Аврору сопровождали девушка-мулатка и ещё одна невольница. Все они сели в карету. Работорговец вскарабкался на козлы к кучеру, и экипаж запрыгал по камням мостовой.

Я кивнул своему вознице, и он, взмахнув кнутом, последовал за ним.

Глава LXIII. В БРИНДЖЕРС

Извозчики в Новом Орлеане достаточно сообразительны, и звон лишней серебряной монеты звучит для них заманчиво и убедительно. Им приходится быть свидетелями разнообразных романтических похождений и хранителями многих любовных тайн. В ста ярдах от нас ехал экипаж, увозивший Аврору, то поворачивая за угол, то обгоняя фуры, гружённые кипами хлопка или бочками с сахаром, но мой возница зорко следил за ним, и мне нечего было беспокоиться.

Он поехал по рю Шартр и вскоре свернул в один из переулков, идущих от неё под прямым углом к набережной. Сначала я подумал, что экипаж направляется к пристани, но, добравшись до угла, увидел, что, проехав полулицы, он остановился. Мой возница, с которым я заранее обо всём договорился, придержал лошадей и стал за углом, ожидая дальнейших приказаний.

Экипаж, за которым мы следили, остановился против какого-то дома; выглянув из-за угла, я увидел, как несколько человек пересекли тротуар и исчезли в подъезде. Несомненно, все ехавшие в экипаже, в том числе и Аврора, вошли в этот дом.

Затем из дома вышел человек и, заплатив кучеру, вернулся обратно. Кучер подобрал вожжи, взмахнул кнутом, экипаж повернул снова выехал на рю Шартр. Когда он проезжал мимо меня, я заглянул в окно: там никого не было. Значит, Аврора вошла в дом вместе со всеми.

Теперь я знал, куда её привезли. На углу я прочитал: "Рю Бьенвиль". Дом, перед которым остановился экипаж, был городским жилищем Доминика Гайара.

Несколько минут я сидел в карете, раздумывая о том, что мне делать дальше. Будет ли она теперь жить здесь? Или её привезли сюда на время, а затем снова отправят на плантацию?

Внутренний голос подсказывал мне, что её не оставят на рю Бьенвиль, а отправят в старый, унылый дом в Бринджерсе. Не знаю, почему я так думал. Быть может, потому, что мне этого хотелось.

Я решил, что мне нужно караулить здесь, чтобы её не увезли без моего ведома. Куда бы её ни отправили, я решил следовать за ней.

К счастью, я мог пуститься в любое путешествие. При мне были три тысячи долларов, данные мне д'Отвилем. С такими деньгами можно ехать хоть на край света.

Я жалел, что со мной нет молодого креола. Мне не хватало его советов и его общества. Как теперь его найти? Он не сказал, где мы увидимся, только обещал встретиться со мной после торгов. У выхода из ротонды я его не видел. Хотел ли он прийти за мной туда или в гостиницу? Но сейчас я не мог покинуть свой пост, чтобы пойти его разыскивать.

Я всё раздумывал, как мне дать знать д'Отвилю. Но тут мне пришло в голову, что мой возница мог бы последить за домом, пока я пойду на поиски креола. Стоит мне только заплатить ему, и он охотно согласится.

Я уже начал объяснять ему свои намерения, когда услышал стук колёс по мостовой. Оглянувшись, я увидел, что на рю Бьенвиль въезжает старомодная карета, запряжённая парой мулов. На козлах сидел кучер-темнокожий.

Это было обычным явлением в Новом Орлеане; подобные колымаги, запряжённые либо лошадьми, либо мулами, с темнокожегоми на козлах, постоянно встречались на здешних улицах. Но этих мулов и этого темнокожего я сразу узнал.

Да, я узнал эту упряжку. Я часто встречал её на дороге возле Бринджерса. Она принадлежала Доминику Гайару!

Я тут же убедился в этом, увидев, что колымага остановилась перед его домом. Сразу отказавшись от намерения разыскивать д'Отвиля, я забился в угол кареты, чтобы наблюдать в окно за тем, что происходит на рю Бьенвиль.

По-видимому, в этой колымаге кто-то собирался уехать. Дверь в дом осталась открытой, и слуга разговаривал с кучером. По движениям темнокожего было видно, что он намерен скоро трогать.

Снова появился слуга, нагружённый вещами, и стал укладывать их на крышу кареты; за ним вышел мужчина — я узнал работорговца — и взобрался на козлы; вскоре появился ещё мужчина, но он так поспешно перебежал тротуар и скрылся в карете, что я не успел его разглядеть; однако я догадался, кто он. Потом из дома вышли две женщины: пожилая мулатка и девушка; несмотря на то что она была тщательно закутана в плащ, я узнал Аврору. Мулатка усадила Аврору в карету, а затем и сама села с ней. В эту минуту на улице показался верховой; он подъехал и остановился возле кареты. Поговорив с кем-то, сидевшим внутри, он снова тронул лошадь и ускакал вперёд. Этот верховой был надсмотрщик Ларкин.

Дверца захлопнулась, щёлкнул кнут, карета, громыхая, покатила по улице и вскоре свернула вправо, на береговую дорогу.

Мой кучер, следуя данному ему приказанию, хлестнул лошадь и двинулся следом, держась на некотором расстоянии.

Мы проехали длинную Чупитулас-стрит, миновали предместье Мариньи и уже оставили за собой полдороги до местечка Лафайет, когда я наконец подумал: куда же я еду? До сих пор я только старался не потерять из виду карету Гайара. Теперь я спросил себя: зачем я еду за ним? Не собираюсь же я преследовать его в наёмном экипаже до самого дома, за тридцать миль от города?

Если бы я даже и принял такое решение, ещё неизвестно, как отнесётся к этой затее мой возница и выдержит ли его заморённая кляча столь долгий путь.

Зачем же я гонюсь за ними? Чтобы напасть на них по дороге и отнять Аврору? Но ведь их трое мужчин, и, вероятно, они хорошо вооружены, а я один!

Но я успел уже проехать несколько миль, прежде чем понял, как нелепа эта погоня. Теперь я приказал кучеру остановнться. Некоторое время я сидел в экипаже, продолжая следить из окна за удалявшейся каретой, пока она не скрылась из глаз за поворотом.

"А всё же, — сказал я себе, — я правильно сделал, что последовал за ней. По крайней мере, я знаю, куда её повезли".

— А теперь — назад, в гостиницу "Сен-Луи"!

Последние слова относились к кучеру, который повернул лошадь и поехал обратно.

Я пообещал хорошо заплатить ему, если он поторопится, и вскоре колёса моего экипажа уже гремели по мостовой на рю Сен-Луи.

Расплатившись с возницей, я вошёл в гостиницу. К своей радости, я застал там д'Отвиля, который дожидался меня. Не прошло и нескольких минут, как я уже посвятил его в своё намерение похитить Аврору.

Верный и преданный друг! Он одобрил моё решение и предложил мне свою помощь.

Тщетно предупреждал я его об опасности этого предприятия. С непонятной горячностью, очень меня удивившей, он настаивал на том, что будет сопровождать меня и разделит со мной все опасности.

Быть может, отговаривая его, мне следовало бы проявить большую твёрдость, но я понимал, насколько мне необходима его помощь.

Не могу передать, какую уверенность придавало мне одно присутствие этого юного, но мужественного креола. Я против собственного желания убеждал его отказаться от своего намерения. В душе я жаждал, чтобы он поехал со мной, и был счастлив, когда он всё же настоял на своём.

В этот вечер не отплывал ни один пароход, однако нам удалось найти выход из положения. Мы достали верховых лошадей, лучших, каких можно было нанять, и к заходу солнца, миновав городские предместья, уже скакали по дороге, ведущей в Бринджерс.

Глава LXIV. ДВА НЕГОДЯЯ

Мы быстро двигались вперёд. На пути нам не встречалось никаких подъёмов, которые могли бы нас задержать. Мы скакали по береговой дороге, идущей от Нового Орлеана всё время вдоль реки, мимо плантаций и посёлков, разбросанных в нескольких сотнях ярдов друг от друга. Дорога эта такая же ровная, как беговая дорожка; копыта лошадей мягко ступали по толстому слою укатанной пыли, и мы ехали без всяких затруднений. Наши лошади — мустанги из техасских прерий — бежали лёгкой иноходью, как и все верховые лошади в юго-западных штатах. Это были прекрасные иноходцы, и до наступления ночи мы уже проскакали больше половины дороги.

Всё это время мы почти не разговаривали. Я молчал, обдумывая дальнейший план действий: мой юный спутник был, видимо, тоже занят своими мыслями.

Когда стало темнеть, мы подъехали ближе друг к другу, и я поделился с ним составленным мною планом.

Впрочем, какой же это был план! Я просто хотел пробраться на плантацию Гайара, незаметно проскользнуть к дому и через кого-нибудь из слуг передать записку Авроре. Если мне это не удастся, я попытаюсь выяснить, в какой части дома она должна провести ночь, и, когда все заснут, проникну в её комнату, предложу ей бежать и тем или иным путём уведу её.

Только бы выбраться из дома! Я мало думал о дальнейшем. Дальше всё казалось мне несложным. Наши лошади доставят нас в город. Там мы можем скрываться, пока какой-нибудь пароход не увезёт нас из этой страны. Таков был мой план, и, сообщив его д'Отвилю, я ждал от него ответа.

Поразмыслив несколько минут, он сказал, что считает его правильным. Как и я, он не мог придумать ничего более разумного. Прежде всего надо было во что бы то ни стало вырвать Аврору из лап Гайара.

Теперь оставалось обсудить подробности. Мы старались предусмотреть каждую мелочь, которая могла бы нам помешать.

Мы оба считали, что труднее всего будет снестись с Авророй. Удастся ли это нам? Надо надеяться, её не будут держать под замком. При всей своей подозрительности Гайар вряд ли станет запирать или охранять её. Теперь он полновластный хозяин сокровища, которого так долго домогался, и всякий, кто попытается завладеть его невольницей, нарушит закон и рискует подвергнуться тяжкому наказанию. Возможно, он и подозревает, что между мной и Авророй существуют какие-то отношения, но не представляет себе силы моей любви, не знает, что ради неё я готов пожертвовать всем, даже жизнью.

Где уж ему! Судя по себе, по своей собственной низменной натуре, Гайар мог подумать, что меня, как и его, увлекла лишь красота квартеронки и что я готов был заплатить изрядную сумму — три тысячи

долларов, — чтобы завладеть ею. Но то, что я не пошёл дальше этой суммы, — а его агент, конечно, обо всём доложил ему, — убедило его, что любовь моя имеет свои границы и что на этом она кончилась. Он больше не считает меня своим соперником. Нет! Доминик Гайар даже не подозревает, что существует такая любовь, как моя, и не может себе представить, на что она способна. Мой романтический план показался бы ему просто невероятным. Поэтому (так рассуждали мы с д'Отвилем) вряд ли Аврору будут запирать или охранять. Но даже если она свободна, каким образом нам дать ей знать о себе? Это очень трудно.

Я возлагал все надежды на клочок бумаги со словами: "Жди меня сегодня вечером". Конечно. Аврора не ляжет спать. Так говорило мне сердце, и это вливало в меня мужество и уверенность. Этой же ночью я попытаюсь увезти её. Мне была невыносима мысль, что она проведёт хотя бы одну ночь под кровлей своего владыки.

А ночь обещала быть для нас благоприятной. Едва зашло солнце, как небо сразу омрачилось и словно налилось свинцом. Короткие сумерки быстро сгустились, и весь небесный свод так потемнел, что мы не могли различить на нём очертаний леса. Не видно было ни одной звезды: низкие, тёмные тучи скрывали их от нас. Даже желтоватую воду реки было трудно отличить от берегов, и только пыльная дорога слегка белела впереди, указывая нам путь.

В лесу или среди тёмных полей мы ни за что бы не нашли дороги, ибо густая мгла покрыла всё кругом.

Можно было опасаться, что в таком мраке мы собьёмся с пути, но я ничего не боялся. Я был уверен, что меня ведёт сама звезда любви.

Темнота благоприятствовала нам. Под её дружеским покровом мы могли незаметно подкрасться к дому, тогда как в лунную ночь нам грозила бы опасность, что нас обнаружат.

Я считал это изменение погоды не дурным знаком, а залогом успеха.

В воздухе чувствовалось приближение грозы. Но к чему нам хорошая погода? Пусть будет ливень, буря, ураган — что угодно, только не ясная ночь!

Когда мы добрались до плантации Безансонов, было не очень поздно, полночь ещё не наступила. Мы мчались во весь опор, чтобы поспеть на место до того, как в доме Гайара все улягутся спать. Мы надеялись, что найдём способ дать о себе знать Авроре через невольников. Я знал одного из них. Когда я жил в Бринджерсе, я оказал ему небольшую услугу. Он доверял мне настолько, что я мог его подкупить. Он нам поможет, лишь бы удалось его найти.

На плантации Безансонов царило безмолвие. Большой дом, казалось, опустел. Нигде не видно было света: только слабый огонёк мерцал вдалеке, в окне надсмотрщика. В негритянском посёлке стояла тишина, из мрака не доносилось обычного в этот час говора. Те, чьи голоса ещё так недавно звучали у хижин, были теперь далеко. Их дома опустели. Песни, шутки и весёлый смех умолкли; только вой брошенных хозяевами собак нарушал ночную тишину.

Мы молча проехали мимо ворот, пристально всматриваясь в дорогу перед нами. Мы двигались вперёд с величайшей осторожностью. Здесь мы могли встретить того, кого больше всего опасались, — надсмотрщика, работорговца, а может быть, и самого Гайара. Даже встреча с кем-нибудь из его невольников могла расстроить все наши планы. Я так боялся подобной встречи, что, если бы не глубокий мрак, свернул бы с дороги и выбрал какую-нибудь знакомую тропинку в лесу. Но тьма стояла такая, что, пробираясь по тропинке, мы потеряли бы много времени. Поэтому мы пока держались дороги, думая свернуть с неё, когда подъедем к плантации Гайара.

Между двумя плантациями шла просёлочная дорога, по которой возили дрова из леса. На неё я и собирался свернуть. Здесь нам вряд ли кто-кибудь встретится, а лошадей мы спрячем под деревьями, недалеко от полей сахарного тростника, В такую ночь даже негритянские охотники за енотами не рискнут отправиться в лес. Тихонько продвигаясь вперёд, мы уже собирались свернуть на эту дорогу, как вдруг услышали впереди голоса.

Мы натянули поводья и прислушались. Голоса были мужские и становились всё громче — значит, люди приближались к нам. Они двигались от посёлка. По стуку копыт мы поняли, что они едут верхом, — следовательно, это белые.

На обочине рос громадный тополь. С его ветвей почти до самой земли свешивались длинные кисти испанского мха. Дерево могло служить прекрасным убежищем, и мы едва успели скрыться под его ветвями со своими лошадьми, как всадники поравнялись с нами.

Хотя было очень темно, мы разглядели их, когда они проезжали мимо нас. Их было двое: силуэты чётко выделялись на желтоватой поверхности реки. Если бы они ехали молча, мы, быть может, не узнали бы, кто они, но голоса их выдали. Это были Ларкин и работорговец.

— Отлично! — прошептал д'Отвиль, когда мы их узнали. — Они выехали от Гайара и направляются домой, в поместье Безансонов.

То же самое подумал и я. Они, видимо, возвращались домой: надсмотрщик — на плантацию Безансонов, а работорговец — к себе; я знал, что он живёт ниже, у реки. Теперь я вспомнил, что нередко видел этого человека в обществе Гайара.

Эта мысль пришла мне в голову одновременно с д'Отвилем. Но откуда он знал? Должно быть, он не раз бывал в здешних местах.

Однако я не мог сейчас раздумывать или задавать ему вопросы. Всё моё внимание сосредоточилось на разговоре этих двух негодяев, ибо, несомненно, оба были негодяями. Они, видимо, были в прекрасном настроении и громко хохотали, обмениваясь грубыми шутками. Надо думать, их грязную работу щедро оплатили.

— Ну, Билл, — сказал работорговец, — в жизни своей я не платил таких бешеных денег за темнокожего!

— Чёрт подери! Ишь, старый греховодник! Дорого же обошлась ему новая игрушка! Он обычно не любит раскошеливаться. Проклятый скряга!

— А ведь красотка хороша, что говорить! На неё не жалко денег, если у человека водятся лишние доллары. Такую аппетитную штучку не найдёшь во всей Луизиане. Я бы и сам не прочь…

— Ха-ха-ха! — громко захохотал надсмотрщик. — Ну что ж, попробуй, если есть охота, — добавил он многозначительно.

— Сознайся, Билл, только без увёрток: может, ты и сам уже пытался?..

— Сказать по правде — нет, не пришлось. Уж я бы сумел, если бы взялся за дело. Да только я слишком мало пробыл на плантации. К тому же она чертовски задирает нос, гордится своей учёностью и прочим и думает, что она не хуже белой. Сдаётся мне, что старая лисица быстро собьёт с неё спесь. Девочка немножко побудет с ним — и тогда будет рада погулять в лесу с каждым, кто её позовёт. Тут уж мы не упустим своего, будь покоен!

Работорговец что-то пробормотал в ответ, но они уже отъехали довольно далеко, и мы не расслышали продолжения их разговора. Как ни нелепа была эта болтовня, всё же она причинила мне новую боль и

ещё усилила моё желание скорее спасти Аврору от грозившей ей жестокой участи.

Я подал знак своему спутнику, и мы выехали из-под дерева, а через несколько минут уже свернули на дорогу, ведущую в лес.

Глава LXV. В ЛЕСНОЙ ЧАЩЕ

По этой дороге нам пришлось ехать очень медленно. На ней не было белой пыли, которая указывала бы нам путь. Мы чуть ли не ощупью пробирались между извилистыми изгородями. Лошади спотыкались в глубоких колеях, оставленных тяжёлыми возами, и мы насилу заставляли их идти вперёд. Мой спутник, казалось, ориентировался лучше меня: он так уверенно правил лошадью, словно дорога была ему хорошо знакома, или же он был ещё безрассуднее, чем я. Я удивлялся ему, но ничего не говорил.

После получаса очень тяжёлой езды мы добрались до конца изгороди; дальше начинался лес. Ещё сотня ярдов — и мы въехали под высокие деревья, где остановились передохнуть и посоветоваться, что делать дальше. Я вспомнил, что видел поблизости густые заросли папайи.

— Хорошо бы найти их и привязать там лошадей, — сказал я моему спутнику.

— Ну что ж, это совсем нетрудно, — ответил он, — хотя и необязательно искать чащу. Сейчас так темно, что можно не прятать лошадей… Впрочем, нет! Смотрите!

Яркая голубая вспышка озарила тёмный небосвод. Она осветила чёрную глубину леса, и мы ясно увидели стволы и ветви обступивших нас могучих деревьев. Несколько мгновений этот свет трепетал, словно

гаснущая лампа, и вдруг потух, после чего окружавший нас мрак стал как будто ещё гуще.

Но за вспышкой не последовало грома — это была беззвучная зарница. Вслед за ней, однако, послышался гомон диких обитателей леса. Свет разбудил белоголового орлана, взобравшегося на вершину высокого тюльпанного дерева, и его дикий смех резко прозвучал в ночной тиши. Он разбудил и жителей болот — уток, кроншнепов и больших голубых цапель, которые закричали все разом. Не спавший филин заухал ещё громче, упорно повторяя всё ту же ноту, а из глубины леса послышался вой волка и более резкий крик кугуара.

Казалось, вся природа дрогнула от этой ослепительной вспышки. Но через минуту всё снова стихло и погрузилось во мрак.

— Скоро начнётся гроза, — заметил я.

— Нет, — возразил мой спутник, — грозы не будет: не слышно грома, значит, не будет и дождя. Нас ожидает тёмная ночь с редкими зарницами. Вот опять!

Это восклицание было вызвано новой вспышкой, ярко осветившей окружавший нас лес; как и первая, она не сопровождалась громом. За ней не послышалось никаких раскатов, никакого гула, только дикие обитатели леса вновь ответили на неё разноголосым криком.

— Да, нам придётся спрятать лошадей, — сказал мой спутник, — По дороге может пройти какой-нибудь бродяга, и при таком свете он издали увидит их. Заросли папайи — самое подходящее место. Сейчас мы их разыщем, они должны быть вон в той стороне…

Д'Отвиль ехал между стволами деревьев, а я послушно следовал за ним. Я видел, что он знает местность лучше меня. Он, конечно, бывал здесь раньше, подумал я.

Мы проехали всего несколько шагов, когда снова вспыхнула зарница. Прямо перед собой мы увидели гладкие блестящие ветви и широкие зелёные листья папайи, образующие здесь густой подлесок.

Когда зарница вспыхнула ещё раз, мы уже углубились о их густую чащу.

Спешившись среди зарослей, мы привязали лошадей к ветвям и, предоставив их самим себе, направились к опушке.

Через десять минут мы уже подошли к изгороди, огибавшей плантации Гайара. Двигаясь вдоль неё, мы вскоре оказались против его дома. В свете зарниц мы ясно видели его очертания сквозь листву окружавших его высоких тополей.

Здесь мы снова остановились, чтобы осмотреться и решить, как действовать дальше.

За изгородью тянулось широкое поле, доходившее почти до самого дома. От поля дом отделялся садом, вокруг которого шла невысокая ограда. В стороне виднелись крыши многих хижин — там находился негритянский посёлок. Неподалёку возвышалась сахароварня и ещё кое-какие постройки: тут же стоял и домик надсмотрщика.

Это место нам следовало обойти стороной. Надо было избегать и негритянского посёлка, чтобы не поднялась тревога. Самыми страшными врагами для нас будут собаки. Я знал, что Гайар держит много собак, и часто видел, как они бегали по дорожкам вокруг дома. Это были громадные злые псы. Как нам избежать встречи с ними? Чаще всего они слонялись вокруг негритянских хижин, поэтому лучше подойти к дому с противоположной стороны.

Если нам не удастся узнать, в какой комнате находится Аврора, тогда мы ещё успеем пойти на разведку к негритянскому посёлку и попытаемся отыскать невольника Катона.

Мы видели, что в доме горят огни. Многие окна в нижнем этаже были ярко освещены. Значит, люди разбрелись по дому. Это укрепляло наши надежды. В одной из этих комнат должна находиться Аврора.

— А теперь, мсье, — сказал д'Отвиль, когда мы обсудили все подробности, — предположим, что мы потерпим неудачу, что поднимется тревога и нас обнаружат до того, как...

Я обернулся, посмотрел моему юному другу прямо в лицо и, прервав его, сказал:

— Д'Отвиль, быть может, мне никогда не удастся отплатить вам за вашу великодушную дружбу. Вы сделали для меня больше, чем самый преданный друг. Но я не допущу, чтобы ради меня вы рисковали жизнью. Этого я не могу позволить.

— Разве я рискую жизнью, мсье?

— Если я потерплю неудачу, если поднимется тревога, если нас увидят и будут преследовать... — Я распахнул куртку и показал ему пистолеты. — Да, — продолжал я, — я не остановлюсь ни перед чем. Если понадобится, я воспользуюсь ими. Я готов убить всякого, кто станет на моём пути! Я решился на всё. Но вы не должны подвергать себя такой опасности. Вы останетесь здесь, я войду в дом один.

— Нет! — поспешно ответил он. — Я пойду с вами.

— Этого я не допущу. Останьтесь лучше здесь. Вы можете подождать у изгороди, пока я не вернусь к вам... пока мы не вернёмся, хочу я сказать, так как твёрдо решил, что не вернусь без неё.

— Не будьте опрометчивы, мсье!

— Нет, но я буду действовать решительно. Я готов на всё. Вам нельзя идти дальше.

— А почему? Меня это тоже близко касается.

— Вас? — спросил я, удивлённый как его словами, так и его тоном. — Касается вас?

— Конечно, — спокойно ответил он. — Я люблю приключения. Это так увлекательно! Вы должны позволить мне пойти с вами.

— В таком случае, как хотите, мсье. Не бойтесь, я буду очень осторожен. Идёмте!

Я перескочил через изгородь, д'Отвиль последовал за мной.

Не произнося больше ни слова, мы двинулись через поле по направлению к дому.

Глава LXVI. ПОХИЩЕНИЕ

Мы шли через поле сахарного тростника. Это был раттан, особый сорт тростника, прошлогодней посадки; его срезанные старые стебли и молодые побеги скрывали нас с головой. Даже при дневном свете мы могли бы подойти к дому незамеченными.

Скоро мы были у садовой ограды. Здесь мы остановились, чтобы осмотреться. С одного взгляда мы определили, с какой стороны удобнее незаметно подойти к дому.

Дом был старый и запущенный, но построенный с претензиями. Это было двухэтажное деревянное здание с фронтонами, широкими окнами и открывающимися наружу жалюзи. И стены и жалюзи были когда-то покрашены, но краска выцвела и порыжела; жалюзи были, видимо, зелёными, но теперь их было трудно отличить от серых стен. Вокруг всего дома шла открытая галерея, или веранда, поднимавшаяся на три-четыре фута над землёй. На эту веранду, обнесённую невысокой балюстрадой, выходили окна и двери дома. Небольшая лестница в пять-шесть ступеней вела к главному входу, но вокруг дома, ниже пола, веранда была не огорожена, так что немного нагнувшись, можно было залезть под неё.

Подкравшись к самой веранде, мы увидим сквозь балюстраду все выходящие на неё окна; а в случае тревоги — спрячемся под неё. Здесь мы будем в безопасности, если только нас не учуют собаки.

Мы шёпотом сговорились, что делать дальше. Решили дойти до угла веранды, пристально всматриваясь в окна, пока не найдём комнату Авроры; тогда мы постараемся подать ей знак и увести её. Всё зависело от случая, от благосклонности судьбы.

Судьба, по-видимому, к нам благоволила, ибо не успели мы двинуться вперёд, как в одном из окон, прямо против нас, появилась женская фигура. С первого взгляда мы узнали квартеронку.

Как я уже говорил, окно доходило до самого пола веранды, и когда она подошла к нему, мы увидели её всю, с ног до головы. Мадрасский платок на чёрных волосах, изящные очертания фигуры, резко выделявшейся на фоне ярко освещённой комнаты, не оставляли никаких сомнений.

— Это Аврора! — шепнул мой спутник.

"Откуда он знает? Разве он видел её? Ах, да! — вспомнил я. — Он видел её сегодня утром в ротонде".

— Да, это она! — пробормотал я, и сердце моё забилось так сильно, что я не мог больше произнести ни слова.

Окно было завешено, но она приподняла занавеску одной рукой и смотрела в сад. Взгляд её был устремлён вперёд, как будто она старалась разглядеть что-то во мраке. Я заметил это даже издали, и сердце у меня запрыгало от радости. Она поняла мою записку. Она ждёт меня!

Д'Отвиль тоже так думал. Это укрепляло нашу надежду. Если ей понятны наши намерения, тем легче нам будет их осуществить.

Но она пробыла у окна всего две-три секунды. Затем отошла, и занавеска снова опустилась; однако мы всё же успели заметить тёмную тень мужчины на дальней стене. Без сомнения, это был Гайар!

Я не мог больше сдерживаться и, перескочив через садовую ограду, пробрался к веранде, сопровождаемый д'Отвилем.

Через несколько секунд мы заняли намеченную позицию — прямо против окна, от которого нас теперь отделяла деревянная балюстрада веранды. Если мы немного нагибались, наши глаза приходились как раз над полом. Занавеска опустилась не до конца и неплотно закрывала окно, так что сквозь небольшую щель мы могли видеть почти всё, что делалось в комнате. В ночной тиши далеко разносился каждый звук, и мы ясно слышали разговор находившихся там людей.

Наше предположение оказалось правильным: Аврора разговаривала с Гайаром.

Я не стану описывать вам эту сцену. Я не могу повторять слова, которые мы услышали. Я не хочу воспроизводить гнусные речи этого негодяя, сначала льстивые и заискивающие, а потом всё более грубые, наглые и оскорбительные. Под конец, не добившись успеха уговорами, он перешёл к угрозам.

Д'Отвиль удерживал меня и шёпотом умолял не горячиться.

Раза два я уже готов был броситься вперёд, выбить окно и уложить негодяя на месте. Но благодаря настояниям моего осторожного спутника я всё-таки сдержался.

Сцена закончилась тем, что Гайар ушёл взбешённый, но всё же немного присмиревший. Смелый отпор, данный ему квартеронкой, которая, во всяком случае, была не слабее своего тщедушного поклонника, по-видимому, на время охладил его пыл, иначе он, наверно, прибег бы к насилию.

Однако его угрозы перед уходом не оставляли сомнений в том, что он скоро возобновит свои грубые домогательства. Он был уверен, что справится со своей жертвой: она его рабыня и должна будет покориться. У него достаточно времени и средств, чтобы принудить её. Ему незачем сразу прибегать к крайним мерам. Он может подождать, когда к нему вернётся утраченная храбрость и вдохновит его на новое нападение.

Уход Гайара давал нам возможность сообщить Авроре, что мы тут. Я собирался подняться на веранду и постучать в окно, но мой спутник удержал меня.

— Не делайте этого, — прошептал он. — Она знает, что вы должны быть здесь. Она, наверно, скоро подойдёт к окну. Терпение, мсье! Неосторожный шаг может всё погубить. Помните о собаках!

Совет был благоразумен, и я послушался его. Через несколько минут всё выяснится. Мы оба прильнули к балюстраде, следя за каждым движением Авроры.

Мы обратили внимание на комнату, в которой она находилась. Это была не гостиная и не спальня, а скорее библиотека или кабинет, о чём свидетельствовали полки с книгами и письменный стол, на котором лежало много бумаг. По-видимому, это был рабочий кабинет адвоката, в котором он занимался делами.

Почему Аврору поместили тут? Этот вопрос занимал нас, но нам было некогда задерживаться на нём. Мой спутник предположил, что по приезде её привели сюда на время, пока ей готовят другое помещение. На эту мысль его навели голоса слуг и звуки передвигаемой мебели в верхнем этаже. Очевидно, какую-то комнату приводили в порядок.

Тут мне пришла в голову новая мысль: Аврору могут неожиданно увести из библиотеки и отправить наверх, тогда нам будет гораздо труднее дать ей знать о себе. Лучше попробовать сейчас же увести её.

Несмотря на советы д'Отвиля, я уже готов был двинуться к окну, когда поведение Авроры остановило меня.

С того места, где мы стояли, была видна дверь, в которую вышел Гайар. Аврора осторожно подошла к ней, как будто с каким-то тайным намерением. Взявшись за ключ, она тихонько повернула его. Зачем она это сделала?

Мы подумали, что она собирается бежать из дома через окно, и заперла дверь, чтобы задержать погоню. Если так, нам лучше остаться на месте и не мешать ей выполнять её намерение. Мы успеем дать ей знак, когда она подойдёт к окну. Так советовал д'Отвиль.

В углу комнаты стояла конторка красного дерева со множеством полочек. На них лежало много бумаг — наверно, всякие закладные, расписки и другие документы адвоката.

К моему большому удивлению, Аврора, заперев дверь, поспешно подошла к этой конторке и, остановившись против полочек, стала внимательно разглядывать бумаги, словно стараясь найти какой-то документ.

Таково, видно, и было её намерение, ибо она протянула руку, вытащила связку каких-то листков и, быстро присмотрев их, спрятала у себя на груди.

"Боже мой! — воскликнул я про себя. — Что это значит?"

Не успел я подумать об этом, как Аврора подошла к окну. Она подняла занавеску, и яркий свет упал на моё лицо и на лицо моего спутника, так что она сразу увидела нас. У неё вырвалось лёгкое восклицание — не удивления, а радости, но она тут же сдержалась. Впрочем, восклицание было такое тихое, что его не могли бы услышать в соседней комнате.

Окно тихонько открылось, она бесшумно проскользнула на веранду, и в следующую минуту моя невеста была уже у меня в объятиях. Я перенёс её через балюстраду, и мы быстро пересекли сад.

Мы вышли в поле, никем не замеченные, и, пробираясь в густом тростнике, направились к лесу, который вырисовывался вдали тёмной стеной.

Глава LXVII. СБЕЖАВШИЕ МУСТАНГИ

Зарницы по-прежнему вспыхивали в небе, и нам было нетрудно найти дорогу. Мы вышли около того места, где свернули в тростниковое

поле, и, двигаясь вдоль изгороди, поспешно направились к зарослям папайи, в которых оставили своих лошадей.

Мой план состоял в том, чтобы ехать сейчас же и постараться прискакать в город до рассвета. Я надеялся, что в городе мне удастся скрыться с моей невестой до того времени, когда мы сможем уехать за море или вверх по реке, в один из свободных штатов. О том, чтобы прятаться в лесу, я не помышлял. Правда, я случайно знал о прекрасном убежище, в котором мы, без сомнения, могли бы укрыться на некоторое время. Но хотя эта мысль мелькнула у меня, я даже не остановился на ней. Такое убежище могло быть только временным; нам всё равно пришлось бы его покинуть, и тогда было бы так же трудно выехать из этих краёв, как и сейчас.

Для гонимого, как и для преступника, нет лучшего убежища, чем густо населённый город с его разношёрстной толпой, а в Новом Орлеане, где половину населения составляют приезжие, особенно легко скрыться под вымышленным именем.

Поэтому я решил — и д'Отвиль поддержал меня — сейчас же сесть на лошадей и скакать прямо в город.

Нашим бедным лошадям предстоял тяжёлый труд, особенно той, которой достанется двойная ноша. Правда, эти выносливые животные бодро пробежали путь до Бринджерса, но теперь им придётся напрячь все свои силы, чтобы вернуться обратно до рассвета.

При вспышках зарниц мы легко находили дорогу между деревьями и вскоре увидели заросли папайи, которые выделялись своими большими продолговатыми листьями; при свете они казались белёсыми. Радуясь тому, что достигли цели, мы ускорили шаг. Когда мы сядем на коней, нам не страшна будет никакая погоня!

— Странно что лошади не ржут и никак не дают о себе знать! А ведь наше приближение могло бы их встревожить… Но нет, не слышно ни ржанья, ни стука копыт, хотя мы, кажется, совсем близко. Быть не может, чтобы лошади стояли так тихо. Что с ними случилось? Где они?

— В самом деле, где они? — повторил д'Отвиль. — Вот то место, где мы их оставили.

— Да, конечно, здесь. Постойте!.. А вот тот самый сук, к которому я привязал свою лошадь. Видите, вот и следы копыт… О Боже! Лошади пропали!

Я убедился, что это так. Не могло быть никаких сомнений. Вот истоптанная земля там, где они стояли. Вот то самое дерево, к которому мы их привязывали, — я сразу узнал его, оно было выше всех.

"Кто их увёл?" — вот первый вопрос, который мы себе задали. Может, кто-нибудь выслеживал нас? Или кто-то случайно проходил мимо и увидел их? Последнее предположение было наименее вероятно. Кто мог бродить по лесу в такую ночь? А если бы даже здесь кто-то и проходил, зачем ему было забираться в эти заросли?.. Ба! Мне пришла в голову новая мысль: быть может, лошади сбежали сами?

Весьма возможно. Как только снова блеснёт зарница, мы увидим, сами ли они сорвались с привязи или чья-то неизвестная рука отвязала повода. Мы стояли у дерева, дожидаясь зарницы. Ждать пришлось недолго; вскоре вспышка света рассеяла наши сомнения. Моё предположение оказалось правильным: лошади сорвались сами, об этом говорили обломанные ветви. Быть может, их напугала зарница, а верней — какой-нибудь рыскавший поблизости дикий зверь, и они умчались в лес.

Теперь мы упрекали себя за то, что так небрежно привязали их и что выбрали для этого папайю — дерево заведомо менее прочное, чем

любое другое дерево в лесу. Всё же я почувствовал некоторое облегчение, когда обнаружил, что животные сбежали сами. У нас оставалась надежда их отыскать. Быть может, они щиплют траву где-нибудь поблизости, волоча за собой повода, и мы их ещё поймаем.

Не теряя времени, мы пошли на поиски: д'Отвиль в одну сторону, я — в другую, а Аврора осталась в зарослях. Я осмотрел все ближние места, повернул обратно, к изгороди, прошёл вдоль неё до дороги и даже осмотрел часть дороги. Я обшаривал каждый уголок, обходил каждое дерево, забирался в кусты и в заросли тростника, а когда вспыхивали зарницы, осматривал землю, отыскивая следы. Несколько раз я возвращался назад, но лишь для того, чтоб убедиться, что поиски д'Отвиля столь же безуспешны.

Прошло около часа в бесплодных розысках, и я решил прекратить их. Я больше не надеялся найти лошадей и направился обратно с отчаянием в душе. Д'Отвиль вернулся ещё раньше меня.

Когда я подходил, я увидел при свете зарницы, что он стоит возле Авроры и непринуждённо разговаривает с ней. Мне показалось, что он с ней очень любезен, а она благосклонно слушает его. Эта мелькнувшая передо мною сцена произвела на меня неприятное впечатление.

Д'Отвиль тоже не нашёл следов наших исчезнувших лошадей. Теперь уж было бесполезно их разыскивать, и мы решили прекратить поиски и провести ночь в лесу.

Я согласился на это с тяжёлым сердцем, однако у нас не оставалось выбора. За ночь мы не могли добраться пешком до Нового Орлеана; если же нас увидят утром на дороге, то сейчас же поймают. Такие люди, как мы, не могли пройти незамеченными, и я не сомневался, что на рассвете за нами уже вышлют погоню и что искать нас будут по дороге в город.

Самое благоразумное провести ночь на месте и возобновить поиски, как только рассветёт. Если нам удастся найти лошадей, мы спрячем их в зарослях до вечера, а когда стемнеет, отправимся в город. Если же мы их не найдём, то пустимся в путь сразу после заката, иначе до рассвета нам в город не добраться.

Пропажа лошадей поставила нас в чрезвычайно трудное положение. Она очень уменьшила наши шансы на успех и увеличила грозившую нам опасность.

Я сказал — опасность. Да, нам грозила смертельная опасность. Вам трудно понять, как трагично было наше положение. Вам, вероятно, кажется, что вы читаете описание обычного побега влюблённых, какие часто изображают в романах.

Но вы глубоко заблуждаетесь. Знайте, что все мы совершили поступок, за который должны были ответить перед судом. Знайте, что я совершил преступление, которое сурово каралось по законам этой страны, и что я мог подвергнуться ещё более жестокому наказанию до применения этих законов. Всё это я знал, Я знал, что за свой поступок могу поплатиться жизнью.

Вспомните об угрожавшей нам опасности — и вы поймёте, с какими чувствами вернулись мы назад после тщетной попытки отыскать наших лошадей.

У нас не было выбора — приходилось оставаться на месте до утра.

Мы потратили полчаса на то, чтобы нарвать побольше испанского мха и мягких листьев папайи; я уложил на них Аврору и накрыл её своим плащом.

Сам я не нуждался в ложе. Я сел возле своей невесты и прислонился спиной к дереву. Мне хотелось положить её голову себе на грудь, но

присутствие д'Отвиля стесняло меня. Впрочем, это меня не удержало бы, но когда я об этом заикнулся, Аврора отклонила мою просьбу. Она даже мягко, но решительно отняла свою руку, когда я хотел удержать её в своей.

Признаться, меня немного удивила и обидела эта сдержанность.

Глава LXVIII. НОЧЬ В ЛЕСУ

Я был легко одет, и ночная сырость не давала мне уснуть, однако, будь у меня перина из гагачьего пуха, я всё равно не сомкнул бы глаз.

Д'Отвиль великодушно предложил мне свой плащ, но я отказался. Он тоже был одет в лёгкую полотняную одежду, но не это явилось причиной моего отказа. Даже если бы я сильно страдал от холода, я не принял бы услуги от него. Я начинал его опасаться.

Аврора вскоре уснула. При свете зарниц я видел, что глаза её закрыты, а её спокойное, ровное дыхание свидетельствовало о том, что она спит. Это тоже огорчило меня. Я ждал каждой новой зарницы, чтобы взглянуть на неё. Каждый раз, как вспышка света озаряла её прелестное лицо, я вглядывался в её черты со смешанным чувством любви и боли. О, может ли коварство скрываться под этой прекрасной внешностью? Может ли таиться обман в этой благородной душе? Разве я не уверен, что она любит меня?

Как бы то ни было, у меня теперь отрезаны пути к отступлению. Я должен довести до конца начатую игру хотя бы ценой моей жизни или моего счастья. Я должен думать только о той цели, которая привела меня сюда.

Когда я немного успокоился, я опять принялся думать о том, как нам выбраться. Лишь только рассветёт, я снова пойду на поиски лошадей,

постараюсь найти их по следам и поймать, а затем спрячу в лесу, где нам придётся укрываться до следующего вечера.

А если мы не найдём лошадей?

Долгое время я не мог решить, как нам тогда поступить. Наконец мне пришёл в голову новый, вполне осуществимый план, и я поспешил поделиться им с д'Отвилем, который тоже не спал. Мой план был так прост, что я удивлялся, как не додумался до этого раньше. Д'Отвиль отправится в Бринджерс, наймёт новых лошадей или экипаж и на следующий вечер встретит нас на береговой дороге.

Что могло быть проще? В Бринджерсе ничего не стоило нанять лошадей, а тем более экипаж. Д'Отвиля там не знают, и, конечно, никто не заподозрит, что он связан со мной. Я не сомневался, что в похищении квартеронки станут обвинять меня. Гайар, во всяком случае, это подумает — значит, разыскивать будут меня одного. Д'Отвиль согласился, что так и нужно сделать, если мы не найдём сбежавших лошадей; договорившись о подробностях, мы уже с меньшей тревогой стали дожидаться рассвета.

Наконец рассвело. Первые бледные лучи медленно проникали сквозь густые вершины деревьев, но всё же было настолько светло, что мы могли возобновить поиски. Аврора осталась на месте, а мы с д'Отвилем снова разошлись в разные стороны. Он направился в глубину леса, а я — к дороге.

Вскоре я подошёл к изгороди, окружавшей поля Гайара, ибо мы всё ещё находились очень близко от его плантации. Затем я двинулся вдоль изгороди к тому месту, где просёлочная дорога углублялась в лес. Я решил снова проделать путь, по которому мы ехали прошлой ночью, так как думал, что лошади могли убежать по знакомой дороге.

И я оказался прав. Когда я подошёл к этому месту, я увидел на земле следы подков двух лошадей, направлявшихся к реке. Там же виднелись и следы, оставленные нами прошлой ночью. Я сравнил: несомненно, это были одни и те же лошади. У одной из них была сломана подкова, и я с первого взгляда узнал её след. Я заметил ещё одну подробность: рядом с отпечатками подков виднелись полосы, прочерченные обломками сучьев, к которым были привязаны повода. Это подтвердило мои догадки о том, что лошади сами сорвались с привязи.

Теперь вопрос был в том, далеко ли они убежали. Стоит ли мне идти за ними и пытаться их поймать? Уже совсем рассвело, и это было бы очень опасно. Гайар и его люди уже, наверно, давно на ногах и рыщут по окрестностям. Отдельные группы, конечно, скачут вдоль береговой дороги и обшаривают просёлки между плантациями. На каждом шагу я могу встретить кого-нибудь из его шайки.

По следам лошадей было видно, что они неслись во весь опор. Они нигде не останавливались, чтобы пощипать траву. Вероятнее всего, они выскочили на береговую дорогу и помчались прямо в город. Лошади были наёмные и, наверно, хорошо знали дорогу домой. Кроме того, это были мексиканские мустанги, которым нередко случается после долгого путешествия возвращаться домой без седоков.

Пытаться догнать их значило бы бессмысленно подвергать себя опасности: я сразу отказался от этой мысли и повернул обратно к лесу.

Подходя к нашему лагерю, я старался ступать неслышно — мне стыдно сознаться, из каких побуждений: в моём сердце шевелились недостойные чувства.

Мне послышались звуки голосов.

"Боже мой! Опять д'Отвиль поспел раньше меня!"

Несколько секунд я боролся с собой, но не устоял и стал приближаться к ним, крадучись, как вор.

"Д'Отвиль снова оживлённо и дружески разговаривает с ней! Они стоят так близко, что лица их почти соприкасаются. Как они поглощены разговором! Они говорят очень тихо, они шепчутся, как влюблённые! О Боже!"

В эту минуту я вспомнил сцену на пристани. Вспомнил, что на юноше был такой же плащ и что он был небольшого роста…

Это он стоял передо мной! Теперь загадка объяснилась. Я был лишь ширмой, жалкой игрушкой в руках этой кокетки!

Вот он, настоящий возлюбленпый Авроры!

Я остановился как поражённый громом. Острая боль пронзила сердце, будто отравленная стрела впилась глубоко в мою грудь и застряла в ней, терзая меня. Ноги у меня подкосились, и я чуть не потерял сознание.

"Она что-то вынула из-за корсажа. Она что-то протягивает ему! Залог любви!.. Нет, я ошибся. Это — бумаги, те самые, что она взяла с конторки у Гайара. Что это значит? Здесь скрыта какая-то тайна. О! Я потребую объяснений у вас обоих! Я всё узнаю! Терпение, сердце! Терпение!"

Д'Отвиль взял бумаги и спрятал их под блузу. Затем он повернулся, и взгляд его упал на меня.

— А, мсье! — воскликнул он, направляясь ко мне. — Ну, как дела? Вы не нашли лошадей?

Я сделал над собой усилие и ответил спокойно:

— Только их следы.

Но даже произнося эту короткую фразу, голос мой дрогнул от волнения.

Д'Отвиль должен был заметить моё состояние, однако не показал и виду.

— Только следы, мсье? Куда же они вели?

— К береговой дороге. Больше нечего рассчитывать на них.

— Значит, мне надо сейчас же отправляться в Бринджерс?

Он интересовался моим мнением.

Его вопрос обрадовал меня. Мне хотелось, чтобы он ушёл: я жаждал остаться наедине с Авророй.

— Я думаю, это было бы лучше всего, если вы не считаете, что ещё слишком рано.

— О нет! Кроме того, у меня есть дела в Бринджерсе, и они займут весь день.

— Вот как!

— Будьте спокойны, я вовремя приеду за вами. Не сомневаюсь, что достану лошадей или экипаж. Через полчаса после того, как стемнеет, я буду ждать вас у просёлочной дороги. Не бойтесь, мсье! Я твёрдо верю, что для вас всё кончится благополучно. А для меня, увы!..

Вместе с последними словами у него вырвался глубокий вздох.

"Что это значит? Уж не смеётся ли он надо мной? Нет ли у этого странного юноши ещё тайны, кроме моей? Он, верно, знает, что Аврора, любит его! Неужели он так уверен в её любви, что, не колеблясь, оставляет нас наедине? Или он играет мной, как тигр своей жертвой? Может, они оба играют мной?.."

Все эти ужасные мысли теснились у меня в голове и помешали мне ответить на его последнее замечание. Я только пробормотал, что не теряю надежды, но он не обратил внимания на мои слова. По какой-то причине он, видимо, хотел скорей уйти и, попрощавшись с Авророй и со мной, резко повернулся и пошёл быстрым, лёгким шагом через лес.

Я глядел ему вслед, пока он не скрылся за деревьями, и почувствовал облегчение, когда он ушёл. Хотя нам была нужна его помощь, хотя от неё зависело наше спасение, в ту минуту мне хотелось никогда больше не видеть его.

Глава LXIX. УПРЁКИ ВЛЮБЛЁННОГО

Теперь я объяснюсь с Авророй. Теперь я дам волю мучительной ревности, облегчу своё сердце в горьких упрёках и упьюсь сладостной местью, осыпая её обвинениями.

Я не мог больше сдерживать своё волнение, не мог скрывать свои чувства. Я должен был высказать всё!

Пока д'Отвиль не исчез из виду, я нарочно стоял, отвернувшись от Авроры. И даже долее того. Я старался сдержать бешеные удары своего сердца, старался казаться спокойным и равнодушным.

Тщетное притворство! От её глаз не укрылось моё состояние, в таких вещах инстинкт никогда не обманывает женщин.

Так было и на этот раз. Она всё поняла. Вот почему в ту минуту она дала волю своему порыву.

Я повернулся, чтобы заговорить с ней, но тут почувствовал, что руки её обвились вокруг моей шеи; она нежно прильнула ко мне, а лицо поднялось навстречу моему. Её большие, ясные глаза смотрели в мои с нежным вопросом.

В другое время этот взгляд успокоил бы меня: её глаза светились горячей любовью. Так могли смотреть только глаза истинно любящей девушки.

Но сейчас я не знал жалости. Я пробормотал:

— Аврора, ты не любишь меня!

— Ах, почему ты так жесток со мной? Я люблю тебя, Бог свидетель, люблю всем сердцем!

Но и эти слова не рассеяли моих подозрений. Обвинения мои были слишком обоснованны, ревность пустила слишком глубокие корни, чтобы её могли успокоить пустые уверения. Только доказательства или признания могли убедить меня.

Раз начав, я уже не мог остановиться. Я припомнил ей всё: сцену, которую видел на пристани, дальнейшее поведение д'Отвиля, мои наблюдения прошлой ночью и то, чему я только что был свидетелем. Я ничего не забыл, но ни в чём не упрекал её. У меня впереди было достаточно времени для упрёков, я хотел сначала услышать её ответ.

Она отвечала мне со слезами. Да, она знала д'Отвиля раньше, она сразу мне в этом призналась. В их отношениях была какая-то тайна, но она умоляла меня не спрашивать у неё объяснений. Она просила меня

быть терпеливым. Эта тайна принадлежит не ей. Скоро я всё узнаю. Пройдёт немного времени, и всё раскроется.

С какой готовностью моё сердце впитывало эти утешительные слова! Я больше не сомневался. Как мог я не верить этим чистым, омытым слезами глазам, сияющим глубокой любовью?

Сердце моё смягчилось. Я снова нежно обнял мою невесту, и горячий поцелуй скрепил нашу клятву верности.

Мы могли бы долго пробыть на этом месте, освящённом нашей любовью, но осторожность требовала его оставить. Опасность была слишком близка. В двухстах ярдах от нас тянулась изгородь, отделявшая плантацию Гайара от леса; оттуда можно было даже видеть его дом, стоявший вдали, среди полей. Густые заросли служили нам укрытием, но, если бы погоня направилась в нашу сторону, люди прежде всего стали бы обыскивать эту чащу. Нам надо было найти себе другое убежище, поглубже в лесу.

Я вспомнил о цветущей поляне, где меня ужалила змея. Вокруг неё рос густой, тенистый подлесок, там мы могли найти укромное место, где нас не обнаружил бы и самый зоркий глаз. В ту минуту я думал только о таком убежище. Мне не приходило в голову, что есть способ отыскать нас в самой густой чаще или в непроходимых зарослях тростника. И я решил спрятаться на этой поляне.

Чаща папайи, в которой мы провели ночь, находилась близ юго-восточного края плантации Гайара. Чтобы добраться до поляны, нам надо было пройти около мили к северу. Если бы мы пошли напрямик через лес, мы почти наверное сбились бы с пути и, возможно, не нашли бы надёжного убежища. Кроме того, мы могли бы заблудиться в лабиринте болот и проток, изрезавших лес по всем направлениям.

Поэтому я решил идти вдоль плантации, пока мы не выйдем на тропинку, которая когда-то привела меня на поляну, — я хорошо её запомнил. Конечно, это было немного рискованно, пока мы не дойдём до северного края плантации, но мы могли держаться подальше от изгороди и по возможности не выходить из подлеска. К счастью, по опушке леса параллельно изгороди тянулась к северу широкая полоса пальметто, отмечавшая границу ежегодного паводка. Эти причудливые растения с широкими веерообразными листьями могли служить отличным прикрытием: человека, пробирающегося среди них, нельзя было увидеть издали. Их густая решётчатая тень становилась совсем непроницаемой благодаря высоким стеблям алтея и других цветов из семейства мальв, густо разросшихся вокруг.

Мы осторожно пробирались сквозь эти заросли и вскоре вышли к тому месту, где прошлой ночью перелезли через изгородь. Тут лес ближе всего подходил к дому Гайара. Как я уже говорил, здесь нас отделяло от него только поле в милю шириной. Однако его ровная поверхность сильно скрадывала расстояние, и, подойдя к изгороди, можно было ясно разглядеть дом.

Сейчас я не собирался доставлять себе это удовольствие и уже двинулся прочь, когда мне послышался звук, от которого кровь застыла в моих жилах.

Моя спутница схватила меня за руку и тревожно взглянула мне в лицо.

Я только кивнул ей, чтобы она молчала, нагнулся и, приложив ухо к земле, стал слушать.

Вскоре я снова услышал этот звук. Моё предположение оправдалось: это был собачий лай! Я не мог ошибиться. Я был достаточно опытным охотником, чтобы сразу узнать в нём лай

длинноухой ищейки. Хоть он слышался издалека и казался не громче жужжания пчелы, я больше не сомневался в его зловещем значении.

Почему же меня так испугал лай собаки? Ведь было время, когда собачий лай и крики "Ату его! Держи!" звучали для меня, как и для многих других, самой приятной музыкой на свете. А теперь?.. Ах, вспомните, в каком положении я находился, вспомните о часах, проведённых мною с заклинателем змей, обо всём, что он рассказал мне в своём тёмном дупле: о беглецах, о собаках-ищейках, белых охотниках, охоте за темнокожегоми, об обычаях, которые считались возможными разве что на Кубе, но на деле процветали и в Луизиане, — вспомните всё это, и вы поймёте, почему я затрепетал, услышав вдали собачий лай.

Этот лай раздавался очень далеко, где-то около дома Гайара. Он звучал с перерывами и не был похож на голос собаки, бегущей по следу, а скорее напоминал разноголосый лай выпущенной из псарни своры, радующейся предстоящей охоте.

Мои худшие опасения подтвердились: они спустят на нас собак!

Глава LXX. ТРАВЛЯ

О Боже! Они спустят на нас собак! Скоро спустят или уже спустили — этого я не мог определить, но я не решался двинуться дальше, пока не узнаю наверное. Я оставил Аврору под деревьями и бросился к изгороди, у которой кончался лес. Добежав до неё, я схватился за сук и подтянулся: теперь поверх макушек сахарного тростника мне виден был весь дом, ярко освещённый лучами взошедшего солнца.

С первого взгляда я понял, что не ошибся. Как ни далёко было до дома, я разглядел вокруг него людей; многие из них сидели на лошадях, их головы двигались над тростником. А раздававшийся время от времени громкий лай указывал, что собак там целая свора. Со

стороны могло показаться, что партия охотников готовится к охоте на оленя, и если бы не время, место и прочие обстоятельства, я, может быть, и принял бы их за обыкновенных охотников. Но сейчас они произвели на меня совсем иное впечатление. Я прекрасно понимал, зачем они собрались вокруг дома Гайара. Я знал, какую охоту они затевают.

Поглядев на них не дольше минуты, я понял, что погоня уже готова двинуться в путь.

С сильно бьющимся сердцем я бросился назад к своей спутнице, которая дожидалась меня, дрожа от волнения.

Мне незачем было рассказывать ей, что я увидел, — она прочла это по моему лицу. Она тоже слышала лай собак. Она родилась в здешних местах и знала обычаи этой страны. Знала, что с собаками охотятся на оленей, лисиц и пантер, но ей было также известно, что на многих плантациях держат собак и для совсем других целей, собак-ищеек, обученных охоте на людей!

Будь она менее проницательна, я, может быть, попытался бы скрыть от неё то, что увидел, но она сразу всё поняла.

Сначала нас охватило полное отчаяние. Казалось, у нас нет никакой надежды спастись. Где бы мы ни укрылись, собаки, приученные выслеживать людей, везде сумеют нас найти. Нет никакого смысла прятаться в болотах или зарослях. Ни самое высокое дерево, ни самый густой подлесок не могут спасти нас от он навевал такое гнетущее чувство одиночества, какого не Итак, первым нашим чувством была полная безнадёжность, первым бессознательным побуждением — никуда не двигаться, остаться на месте и дать себя схватить. Быть может, нам и не грозила смерть, хотя я знал, что, если меня поймают, я должен быть готовым ко всему.

Я знал, как относились здесь к аболиционистам[26]: в то время их бешено ненавидели. Я слышал о свирепых расправах ярых рабовладельцев с этими "фанатиками", как они их называли. Я не сомневался, что и меня отнесут к их числу, а может быть, и того хуже — обвинят в краже темнокожих. Во всяком случае, меня ждёт расправа, и, вероятно, очень жестокая.

Но мой страх перед наказанием был ничем в сравнении с уверенностью, что, если нас поймают, Аврора снова попадёт в руки Гайара.

Вот какие думы сильнее всего терзали меня и заставляли колотиться моё сердце. Эти думы вновь наполнили меня решимостью не сдаваться, пока мы не испробуем все средства, какие в наших силах.

С минуту я стоял, размышляя о том, что же нам предпринять. И тут мне пришла в голову мысль, которая спасла меня от отчаяния: я вспомнил беглого темнокожего Габриэля.

Не думайте, что до этой минуты я забыл о нём и о его убежище или что я не вспоминал о нём раньше. С тех пор, как мы вошли в лес, я много раз думал о беглом темнокожем и его дупле. И я бы сразу направился к нему, но меня удерживала дальность пути. Решив после заката выйти на береговую порогу, я выбрал поляну, так как она была ближе.

Теперь, когда я узнал, что по нашему следу пустят собак, я снова подумал об убежище Габриэля, но отбросил эту мысль, считая, что собаки всюду отыщут нас и, спрятавшись у Габриэля, мы его невольно выдадим.

Все эти мысли вихрем проносились у меня в голове, и в первую минуту я не сообразил, что собаки не могут преследовать нас по воде. И

только когда я стал искать способ скрыть наши следы и подумал о темнокожем и его сосновой смоле, я вспомнил про воду.

Вот где для нас ещё оставалась надежда! Теперь я оценил, как умно он выбрал себе жилище. Да, это было именно такое место, где его не могли отыскать проклятые собаки.

Как только я подумал об этом, я решил бежать к Габриэлю.

Я был уверен, что найду дорогу. Недаром я старался запомнить её. В тот день, когда меня ужалила змея, у меня были какие-то смутные мысли, скорее неясное предчувствие, что убежище темнокожего ещё может мне пригодиться. Последующие события, в частности моё намерение сразу бежать с Авророй в город, вытеснили эти мысли у меня из головы. Во всяком случае, я хорошо запомнил путь, по которому меня вёл Габриэль, и мог быстро найти его, хотя в лесу не было ни дорожек, ни тропинок, а только еле заметные стёжки, протоптанные дикими лесными обитателями.

Но я был уверен, что не собьюсь с пути. Я запомнил знаки и зарубки на деревьях, которые мне показывал мой спутник. Я помнил, где нужно пересечь большую протоку по стволу поваленного дерева, который служил темнокожему мостиком. Помнил, где он вёл меня по болотцу, по которому не прошла бы лошадь, где пробирался сквозь заросли камыша, между громадными стволами и корнями кипарисов, где спустился вниз, к воде. Помнил, где лежит огромное упавшее дерево, протянувшее над озером свой толстый ствол с ветвями, густо заросшими мхом — тайную гавань для маленькой пироги, — и был уверен, что найду его.

Я не забыл и условного сигнала, которым должен был известить беглеца о своём приходе. Он научил меня особому свисту и сказал, сколько раз я должен просвистеть.

Я не тратил времени на размышления. Всё это я обдумал уже дорогой. Едва я вспомнил об озере, как сразу принял решение. Я только сказал своей спутнице несколько ободряющих слов, и мы сразу двинулись в путь.

Глава LXXI. СИГНАЛ

Изменение наших планов не изменило направления, в котором мы двигались. Мы продолжали идти в ту же сторону. Дорога к озеру лежала через поляну, где мы сначала думали дождаться темноты, — это был кратчайший путь к убежищу беглого темнокожего.

В памятную мне встречу с Габриэлем он вечером вывел меня к северо-восточной окраине плантации Гайара. Мы находились как раз на том месте, где просёлок углублялся в лес. Зарубка на стираксовом дереве, которую я хорошо запомнил, указала мне направление. И я поспешил свернуть из кустов в чащу, тем более что, когда мы добрались до этого места, до нас ясно донёсся громкий и протяжный лай собак. Прислушавшись, я заключил, что псы уже отыскали в поле сахарного тростника наш вчерашний след.

Нам предстояло пройти ещё несколько сот ярдов по вырубке. Множество торчащих вокруг пней свидетельствовало, что здесь поработал топор дровосека. Тут рубили лес для нужд плантации, и справа и слева от тропы возвышались аккуратно сложенные поленницы дров. Ужасаясь при мысли, что мы можем столкнуться с дровосеком или возчиком, мы прибавили шагу. Такая встреча оказалась бы для нас роковой: любой заметивший нас человек непременно навёл бы погоню на наш след.

Впрочем, будь я способен тогда спокойно рассуждать, я понял бы, что эти страхи мои излишни. Если собаки выследят нас здесь, никаких указаний от лесорубов и возчиков не потребуется. Но тогда я об этом не

подумал и вздохнул с облегчением, когда вырубка осталась позади и нас скрыл густой шатёр девственного леса.

Теперь всё зависело от быстроты наших ног: успеем ли мы добраться до озера, вызвать темнокожего с пирогой и скрыться из виду, прежде чем собаки примчатся туда? Если нам посчастливится — мы спасены или, во всяком случае, можем надеяться на спасение. Собаки, конечно, приведут погоню к тому месту, где мы сядем в лодку, — к поваленному дереву, но дальше и люди и собаки потеряют след. Угрюмое лесное озеро представляло собой подлинный лабиринт. Зеркало воды было очень невелико, но зато с места нашей посадки ни это оконце, ни дерево, росшее посередине и похожее на островок, не были видны, а кроме того, затопленный участок занимал значительную площадь леса. Даже если Гайар и другие догадаются, что мы бежали по воде, они дважды подумают, прежде чем рискнуть нас разыскивать в этих зарослях, особенно в такое время года, когда пышная листва не пропускает солнечных лучей и в лесу всегда царит полумрак.

Однако вряд ли им придёт в голову, что мы скрылись от них таким путём. На поваленном дереве, под ветвями которого пряталась пирога, не останется ни следа, ни знака. Да и кто подумает, что в таком отдалении от человеческого жилья, в какой-то стоячей луже, не соединённой протокой ни с рекой, ни с одним из её заболоченных рукавов, может быть укрыта пирога? Следов, которые удалось бы разглядеть в лесном мраке, мы за собой не оставляли — за этим я тщательно смотрел.

Погоня решит, что собаки напали на след медведя, пумы или болотной рыси, — все эти звери, уходя от охотников, имеют обыкновение бросаться вплавь. Такими рассуждениями я старался подбодрить себя и свою спутницу, в то время как мы торопливо продолжали наш путь.

Скоро ли Габриэль откликнется на наш сигнал? — эта мысль терзала меня. Услышит ли он его сразу? Поспешит ли на мой зов? Подоспеет ли вовремя? Вот что занимало меня сейчас.

Всё теперь зависело от быстроты. О, почему я не вспомнил о Габриэле раньше? Почему мы сразу же не пустились в дорогу?

Сколько времени потребуется нашим преследователям, чтобы нагнать нас? Я боялся даже подумать об этом.

Верховой всегда обгонит пешего, а собаки, как известно, бегут по следу во весь дух.

Одна надежда поддерживала меня. Место нашего ночлега они обнаружат без труда: сложенные в кучу листья папайи и мох укажут им, где мы провели ночь. Ну, а дальше? Когда мы искали пропавших лошадей, мы рыскали по лесу во всех направлениях. Я вернулся на просёлок и прошёл по нему порядочный кусок. Всё это, несомненно, хоть на время запутает собак. Кроме того, д'Отвиль вышел из зарослей папайи другой дорогой. Ищейки могут погнаться по его следу. О, если бы это было так!

Все эти предположения проносились в моём мозгу, в то время как мы спешили вперёд. Мне даже пришла в голову мысль сбить собак со следа. Я вспомнил о побегах скипидарной сосны, к помощи которой прибегал темнокожий. Но, к сожалению, ни одна нам ни попалась, а тратить время на поиски я побоялся. Кроме того, я не очень-то верил в это средство, хотя Габриэль и клялся мне, что так можно провести любую собаку. Обыкновенная красная луковица, по его словам, тоже убивала всякий запах. Но красный лук не растёт в лесах, а скипидарную сосну я так и не нашёл.

Однако я принимал все доступные мне меры предосторожности. Несмотря на свою молодость, я был старый охотник и кое-чему

научился, выслеживая оленей и другую дичь в родных горах. Да и три четверти года, проведённые мною в Новом Свете, не все прошли в городе, и я до известной степени уже приобщился к тайнам здешних чащоб. Поэтому мы не бежали вперёд очертя голову. Там, где было можно, я старался запутать след.

В одном месте нам предстояло пересечь болотце — участок со стоячей водой, заросший тростником и растением, носящим название болотного дерева. Воды в болоте было по колено, и его ничего не стоило перейти вброд. Я знал это, так как недавно перебирался через него. Итак, взявшись за руки, мы пустились прямо через болото и благополучно выбрались на другую сторону; но чтобы не оставлять в грязи отпечатков наших ног, я сначала отыскал на берегу сухое местечко, откуда можно было прямо ступить в воду; то же самое я проделал при выходе из болотца.

Знай я, что среди участников погони имеются опытные следопыты, я, пожалуй, не стал бы напрасно стараться. Я думал, что Гайар и его подручные наспех собрали кое-кого из окрестных плантаторов и жителей посёлка, людей неопытных, которых легко обманут мои незамысловатые уловки.

Если бы я догадывался, что их ведёт человек, о котором мне рассказывал Габриэль, — известный всей округе следопыт, сделавший охоту на темнокожих своей профессией, я не стал бы трудиться. Но я не подозревал, что за нами гонится этот негодяй со своими натасканными на людей собаками, и потому старался сбить погоню со следа.

Перейдя болотце, мы скоро очутились перед большой протокой и переправились на другую сторону по стволу повисшего над водой дерева. О, если бы в моих силах было разрушить этот мост, сбросить его в воду! Но я утешался тем, что если даже собаки и пройдут за нами по этой переправе, то верховые потеряют время, разыскивая брод.

Вот наконец и поляна: но я не стал мешкать ни секунды. Мы даже не кинули взгляда на яркий ковёр цветов, не заметили их благоухания. Когда-то я мечтал побывать здесь с Авророй. Вот мы и попали в этот земной рай, но при каких обстоятельствах! Страшные мысли теснились в моём мозгу, когда мы почти бегом пересекали залитую солнцем и усыпанную цветами прогалину, чтобы снова углубиться в призрачный полумрак леса.

Тропу я запомнил хорошо и шёл по ней без колебаний. Однако время от времени я всё же останавливался, чтобы послушать, не приближается ли погоня, и дать своей спутнице отдышаться. От непривычного напряжения грудь Авроры тяжело вздымалась, но в глазах её светилась непоколебимая решимость, а улыбка подбадривала меня.

Наконец мы очутились среди болотных кипарисов, окаймлявших озеро, и, обходя их толстые стволы, вскоре добрались до поваленного дерева. Ещё несколько секунд — и нас скрыли огромные ветви, опутанные мхом. По пути я запасся дудочкой, которую, вспомнив уроки темнокожего, вырезал из тростника, росшего здесь в изобилии. Дудка эта издавала очень своеобразный пронзительный свист, слышный даже в самых отдалённых уголках озера.

Ухватившись покрепче за ветку, я нагнулся к самой воде и, приложив тростинку к губам, подал условный сигнал.

Глава LXXII. ИЩЕЙКИ

Пронзительный звук далеко разнёсся по воде и, казадось, проник в самые глухие закоулки леса. Он всполошил пернатых обитателей озера, и они ответили на непривычный свист нестройным и крикливым концертом. Отчаянное курлыканье журавлей и луизианских цапель, хриплое уханье сов и ещё более хриплый крик пеликана слились в сплошной гомон, но всех заглушали рыболов и белоголовый орлан, чей

резкий голос удивительно напоминает металлический скрежет напильника, которым точат зубья пилы.

Шум долго не стихал, и я подумал, что если придётся повторить сигнал, то темнокожий его не услышит — даже самый пронзительный свист потонет в этом содоме.

Спрятавшись среди ветвей, мы ждали дальнейшего развития событий. Мы не разговаривали. Опасность была слишком велика, чтобы в эти секунды напряжённого ожидания испытывать какое-либо чувство, кроме чувства величайшей тревоги. Брошенное время от времени слово утешения, высказанная вполголоса надежда — вот и весь наш разговор.

В мучительном ожидании смотрели мы на воду и с опаской озирались на берег. С надеждой ждали плеска весла и со страхом — воющего лая собаки. Никогда не забуду я этих минут — минут тягостного, мучительного ожидания! До самой смерти не изгладятся они из моей памяти.

Всё, что я передумал в эти мгновения, все, даже самые мельчайшие подробности того, что я пережил, встают передо мной так живо, будто это произошло только вчера.

Помню, раз или два нам показалось, что в тени деревьев пробежала лёгкая рябь. Сердце у нас радостно забилось — мы подумали, что это пирога.

По радость наша была недолгой. Волнение поднял аллигатор, и минуту спустя отвратительное животное, почти одной длины с чёлном, проскользнуло мимо нас, с необыкновенной быстротой рассекая воду.

Помню, я подумал тогда, что темнокожего может и не быть в его убежище. Что, если он охотится в лесу? Да мало ли куда он мог отлучиться! Но в таком случае я нашёл бы возле дерева его пирогу. А

если у него есть и другие потайные стоянки — например, по другую сторону озера? Он ничего мне такого не говорил, но это было весьма возможно. Все эти догадки лишь усиливали мою тревогу.

Но тут у меня возникло ещё одно предположение, более страшное, ибо оно было более вероятным: темнокожий мог попросту спать! Более вероятное потому, что ночь была для него днём, а день — ночью. По ночам он выбирался из своего убежища, бродил по лесу, охотился, а днём прятался в дупле и спал.

"О Боже! Неужели он в самом деле спит и не слышал моего сигнала?" — в ужасе спрашивал я себя.

Следовало бы повторить сигнал, хотя я и понимал, что, если предположение моё верно, он всё равно меня не услышит. Темнокожий спит, как залёгший в берлогу медведь, его и пушками не разбудишь. Как же мог я надеяться разбудить его своей жалкой дудкой, тем более что птичий концерт всё продолжался?

— А если Габриэль и услышит, — обратился я к Авроре, — вряд ли он отличит мой свисток от… Боже милостивый!

Это восклицание сорвалось у меня помимо моей воли, и я не успел договорить начатой фразы. Протяжный и полный значения звук, который я услышал сквозь птичий гомон и, услышав, тотчас узнал, был заливистый лай собаки, идущей по следу, Я нагнулся и прислушался. Вот опять! Эту мелодию ни с чем не спутаешь. Недаром у меня слух охотника и я не раз наслаждался этой музыкой.

Но этот лай отнюдь не казался мне музыкальным. Он звучал, как крик мести, как грозное предзнаменование гибели.

Я уже не помышлял о том, чтобы повторить сигнал. Даже если темнокожий меня услышит, будет уже поздно. Отшвырнув тростинку,

как бесполезную игрушку, я привлёк к себе Аврору и, поставив её за собой, выпрямился во весь рост и повернулся к берегу. Снова прокатившийся по лесу заливистый собачий лай прозвучал на этот раз так близко, что я невольно нагнулся, думая увидеть пса.

Ждать пришлось недолго. В сотне метров зеленели заросли тростника. Я заметил, как тростник зашевелился. Верхушки заколыхались, полые стебли затрещали, клонясь под напором подминавшего их живого существа. Какой-то зверь продирался сквозь их гущу.

Но вот тростник заколыхался ещё сильнее, последний ряд его подался, и я увидел то, чего ждал, — пегую рубашку огромной собаки! Одним прыжком она выскочила из зарослей, на мгновение замерла на открытом пространстве, потом, глотнув воздух, протяжно взвыла и понеслась вперёд.

За ней выскочила вторая, потревоженный тростник сомкнулся за ними, и обе побежали в сторону поваленного дерева.

Кустарника здесь не было, поэтому я хорошо их видел. Несмотря на царивший вокруг полумрак, я даже разглядел их породу и масть: это были огромные ирландские борзые, так называемые дирхаунды, серо-чёрный и рыжий. По тому, как они приближались, видно было, что они хорошо натасканы, и натасканы не на оленей, а на людей. Ни одна охотничья собака не шла бы так по человеческому следу, как шли они по нашему.

Увидев собак, я сразу приготовился к схватке. Их величина, широкие и тяжёлые челюсти, злобный вид указывали на свирепость этих тварей. Можно было не сомневаться в том, что они кинутся на меня, едва только заметят. Поэтому я вытащил пистолет и, ухватившись за ветку, чтобы удержать равновесие, ждал их приближения.

Я не ошибся. Добежав до поваленного дерева, собака приостановилась лишь на долю секунды, потом вскочила на ствол и побежала к нам. Она уже не принюхивалась к следу; я видел её горящие яростью глаза и с минуты на минуту ждал нападения.

Если бы я готовился к этой встрече заранее и искал наиболее выгодной позиции, то и тогда не выбрал бы удачнее. Вынужденный приближаться ко мне по прямой, мой враг не мог метнуться ни вправо, ни влево, так что мне оставалось только твёрдой рукой направить на него пистолет и, когда нужно, нажать гашетку. Даже новичок, впервые взявший в руки огнестрельное оружие, и тот бы не промахнулся.

Гнев напряг мои нервы, в груди горело чувство беспредельного негодования, которое придало мне твёрдость стали. При мысли, что меня травят, как волка, я пришёл в бешенство, но то было холодное бешенство.

Я выждал, пока морда собаки не оказалась на расстоянии нескольких дюймов от дула пистолета, и нажал гашетку. Собака рухнула в воду.

За ней почти вплотную следовала вторая. Не дожидаясь, когда облако дыма рассеется, я прицелился и снова нажал гашетку.

Добрый мой пистолет не подвёл меня. За выстрелом я услышал громкий всплеск падающего в воду тела.

Собак уже не было на стволе. Одна свалилась направо, другая — налево, в чёрную воду озера.

Глава LXXIII. ОХОТНИК ЗА ЛЮДЬМИ

Собаки упали в воду — одна была убита наповал, другая тяжело ранена. Но эта собака уже была обречена: пулей ей перешибло ногу, и

хотя она судорожно билась в воде, пытаясь выплыть, это ей никак не удавалось. Через несколько минут она камнем пошла бы ко дну, но, как видно, ей не суждено было утонуть. Рок уготовил ей иную кончину, и предсмертный вой её пресёкся довольно необычным образом.

Визг собаки — сладчайшая музыка для аллигатора. Для него собака — самая лакомая добыча, и, услышав вой гончей или даже простой дворняжки, он готов проплыть любое расстояние.

Натуралисты объясняют это любопытное явление иначе. Они утверждают — и это в самом деле соответствует истине, — что вой собаки имеет отдалённое сходство с криком молодого аллигатора, и взрослые кидаются на этот вой якобы по двум причинам: самка — чтобы защитить своё детище, а самец — чтобы его пожрать.

Наблюдение это ещё оспаривается наукой, одно лишь неоспоримо — аллигатор никогда не упустит случая полакомиться собакой. Схватив добычу страшными челюстями, он утаскивает её в свои подводные владения. При этом он действует с такой жадностью, которая красноречиво говорит о том, что собачье мясо и впрямь его любимое блюдо.

Поэтому я нисколько не удивился, когда с полдюжины этих гигантских пресмыкающихся вдруг вынырнули среди тёмных стволов деревьев и быстро поплыли к раненой собаке.

Они устремились к тому месту, откуда слышался непрерывный визг, окружили барахтающуюся борзую плотным кольцом и ринулись на свою жертву.

Стая акул и та уступила бы им в проворстве. Удар хвостом одного из аллигаторов пресёк вой пса, три или четыре пары грозных челюстей одновременно щёлкнули, последовала недолгая борьба, потом длинные костлявые головы разомкнулись, и чудовища поплыли в разные

стороны, каждое унося в зубах по куску. Только несколько пузырей да красная пена, выступившая на чернильной поверхности воды, указывали место, где ещё недавно билась собака.

Примерно такая же сцена разыгралась и по ту сторону поваленного дерева — озеро здесь едва достигало нескольких футов глубины, и на дне было хорошо видно тело убитой собаки. Три или четыре аллигатора, приблизившихся к дереву с этой стороны, заметили собачий труп и, кинувшись вперёд, разделались с ним так же ловко, как их сородичи с другим псом. Пара ирландских борзых исчезла в пасти этих прожорливых тварей быстрее, чем крошка хлеба, брошенная в стаю голодных пескарей. Но как ни поразительно было это зрелище, я почти не обратил на него внимания. Мысли мои были заняты другим.

После выстрела я продолжал стоять на поваленном дереве, устремив взгляд в ту сторону, откуда появились собаки.

Я пристально всматривался в просветы между стволами, в тёмную глубину леса. Я следил за зарослями тростника, стараясь уловить малейшее движение, прислушивался к каждому звуку и шороху, но сам хранил молчание и жестом велел молчать своей дрожащей спутнице.

Надежды почти не оставалось. Вот-вот появятся ещё собаки, другие, отставшие ищейки, а с ними верховые — охотники за людьми. Они близко и скоро подойдут — скоро, потому что мои выстрелы укажут им путь. Оказывать сопротивление отряду разъярённых людей бессмысленно. Оставалось одно — сдаться.

Аврора, видя, что я выхватил второй пистолет, умоляла меня сдаться, не пуская в ход оружия. Но я и не собирался стрелять в людей — я приготовил пистолет, чтобы защищаться от нападения собак, если они появятся.

В лесу стояла тишина, и ничто не указывало на приближение моих преследователей. Что могло их задержать? Может быть, переправа через протоку или болотце? Я знал, что лошадям там не пройти и всадники вынуждены будут искать объезд. Но все ли они верхом?

Я даже начал надеяться, что Габриэль подоспеет. Если он не слыхал моего сигнального свиста, то не мог же он не слышать выстрелов! Но потом мне пришло в голову, что это ещё, чего доброго, его отпугнёт. Он не поймёт, кто и зачем стрелял, и побоится выехать на своей пироге.

Хорошо, если он услышал первый сигнал и находится в пути! Прошло не так много времени, и ещё оставалась надежда. Пусть здесь было немало пережито, но пришли мы сюда совсем недавно. Если Габриэль услышал выстрелы по пути сюда, то он решит, что я стрелял из своей двустволки, стрелял в какую-нибудь дичь, и не оробеет. Может быть, он ещё подоспеет вовремя и мы благополучно доберёмся до его дупла.

Кроме двух-трёх пятен крови на шероховатой коре дерева, ничто не указывало на то, что здесь побывали собаки, да и эти пятна вряд ли видны с берега. Если у охотников нет других собак, которые доведут их до меня, им нелегко будет обнаружить эти следы в царящем тут полумраке, и, может быть, нам всё-таки удастся ускользнуть.

С новой надеждой я повернулся к воде и стал глядеть в ту сторону, откуда, как мне казалось, должна была появиться пирога. Увы, ничто не говорило о её приближении. Кроме крика потревоженных птиц, ни звука не доносилось с озера.

Я снова повернулся к берегу.

Заросли тростника колыхались. Длинные стебли гнулись и трещали под тяжёлой поступью человека. Вот он уже показался из зарослей и вразвалку пошёл к воде.

Он шёл один, лошади и собак с ним не было, но перекинутый через плечо длинноствольный винчестер и охотничье снаряжение указывало на то, что это хозяин ирландских борзых.

Густая чёрная борода, гетры и куртка из оленьей кожи, красный шейный платок и енотовая шапка, а главное, свирепое выражение лица не оставляли сомнений в том, кто этот субъект. Он в точности соответствовал описанию, которое я слышал от беглого темнокожего. Это мог быть только Рафьен — охотник за людьми!

Глава LXXIV. ВЫСТРЕЛ ЗА ВЫСТРЕЛ

Да, субъект, который вышел из зарослей, был действительно Рафьен, охотник за людьми, и пристреленные мною собаки принадлежали ему. Это была пара хорошо известных всей округе ищеек, специально обученных выслеживать несчастных темнокожих, когда, не выдержав зверского обращения надсмотрщика, те бежали в леса. Не меньшую известность снискал и их хозяин — распутный и грубый малый, добывавший себе пропитание отчасти охотой, отчасти кражей свиней. Жил он в лесу, как дикарь, и изредка нанимался к окрестным плантаторам, нуждавшимся в его услугах и услугах его омерзительных псов.

Как я уже говорил, мне никогда не приходилось встречаться с этим субъектом, хотя я достаточно слышал о нём и от Сципиона, и от Габриэля. Последний весьма подробно описал мне наружность Рафьена и сообщил немало поистине потрясающих историй, свидетельствующих о его злобном и лютом нраве: нескольких беглых темнокожих он убил, а других затравил своими свирепыми псами.

Его ненавидели и боялись во всех негритянских посёлках побережья, а матери-негритянки пугали именем Рафьена своих малышей, когда они капризничали, и те сразу затихали. Да и имя-то какое! Ведь Рафьен означает "головорез"!

Такая слава шла о Рафьене, охотнике за людьми, среди чёрных рабов на плантациях. Его имя внушало больше страха, чем пытка и ремённая плеть. По сравнению с ним какой-нибудь палач-надсмотрщик вроде Билла-бандита показался бы ангелом.

При виде этого человека я сразу же оставил всякую мысль о побеге.

Уронив руку, сжимавшую пистолет, я ждал, когда он подойдёт, чтобы сразу сдаться. Сопротивление не привело бы ни к чему, кроме бессмысленного кровопролития. Поэтому я стоял молча и посоветовал своей спутнице тоже хранить молчание.

Выйдя из зарослей, Рафьен не сразу нас заметил. Меня наполовину скрывали густые фестоны испанского мха, а Аврору за зеленью и вовсе не было видно. Кроме того, охотник не смотрел в нашу сторону, глаза его были устремлены на землю. Он, конечно, слышал выстрелы, но больше полагался на своё чутьё следопыта. По тому, как он шёл, низко пригнувшись к земле, я понял, что он идёт по следу собственных псов почти так, как шла бы собака.

Когда он приблизился к озеру, на него вдруг пахнуло затхлым запахом воды. Он остановился, поднял голову и посмотрел вперёд. То, что перед ним оказалось озеро, видимо, его озадачило, и он выразил своё удивление коротким ругательством:

— Чёрт!

Затем взгляд его упал на поваленное дерево и, следуя дальше по стволу, остановился на мне.

— Лопни мои глаза! — воскликнул он. — Так это вы? А где мои собаки?

Я тоже смотрел на него в упор, но молчал.

— Я вас спрашиваю, чёрт бы вас побрал, где мои собаки?

Я всё молчал.

Взгляд его упал на ствол дерева. Он заметил пятна крови на коре, вспомнил про выстрелы.

— Проклятье! — прорычал он. — Ты убил моих собак!

И вслед за тем полился нескончаемый поток угроз и брани, сопровождаемой такой дикой жестикуляцией, что я подумал — уж не сошёл ли он с ума.

Но вскоре он прекратил свои бессмысленные прыжки и кривлянья, широко расставил ноги, вскинул к плечу винчестер и закричал:

— Слезай с дерева и тащи свою черномазую! Живо, чёрт тебя побери! Слезай, говорят! Будешь долго раздумывать — пристрелю!

Я уже говорил, что при первом взгляде на этого человека я оставил всякую мысль о сопротивлении и намеревался сразу же сдаться, но его наглое требование и оскорбительный тон задели меня за живое, и я решил защищаться.

Злоба придала мне новые душевные и телесные силы, мой дух и моя рука обрели утраченную было твёрдость. Этот негодяй травит меня, как дикого зверя, но я ему не поддамся!

К тому же, против ожидания, Рафьен явился сюда один. Он шёл за своими собаками пешком, тогда как другие ехали верхами и, должно быть, задержались у протоки или болота. Если бы преследователи подошли все вместе, я волей-неволей вынужден был бы покориться. Но охотник за людьми, каким бы опасным противником он ни был, явился сюда в единственном числе, а безропотно сдаваться одному человеку

не позволяли мне понятия чести, унаследованные от моих воинственных предков. Как-никак, в моих жилах текла кровь вольных горцев, и я решил сразиться, а там будь что будет!

Крепко сжав в руке пистолет, я прямо посмотрел в налитые кровью глаза наглеца и крикнул:

— Стреляйте! Но смотрите не промахнитесь, потому что я-то уж не промахнусь!

Направленное на него дуло пистолета поколебало решимость Рафьена, и будь у него малейшая возможность, я не сомневаюсь, что он уклонился бы от поединка. Он не ждал такой встречи.

Но он зашёл уже слишком далеко, и отступать было поздно. Винтовка была вскинута к плечу, и в ту же секунду я увидел вспышку и услышал выстрел. Услышал я и щелчок пули, ударившейся в ветку, на которую я опирался. Хоть Рафьен по праву слыл метким стрелком, вид моего пистолета помешал ему хладнокровно прицелиться, и он промахнулся.

Зато я не промахнулся: Рафьен упал с диким воплем, и когда дым от выстрела рассеялся, он уже барахтался в чёрной тине.

Я хотел было послать вдогонку вторую пулю, чтобы прикончить негодяя, — такая меня душила злоба, но в эту минуту услышал позади себя плеск весла и мужской голос. Обернувшись, я увидел темнокожего.

Габриэль пригнал пирогу почти к тому самому месту, где мы стояли среди ветвей, и теперь жестами и словами торопил нас садиться в неё:

— Скорее, масса! Скорее, Popa! Прыгайте! Прыгайте скорей! Верьте старому Габу — он умрёт, а будет биться до последнего вместе с молодым массой.

Машинально, не отдайая себе отчёта в том, что делаю, я послушался беглеца, хотя почти не верил в успех нашего предприятия, и, усадив Аврору в чёлн, спрыгнул сам и сел с ней рядом. Несколько сильных взмахов весла — и берег остался далеко позади, а через пять минут мы уже подплывали к огромному кипарису, возвышавшемуся на середине озера.

Глава LXXV. ЛЮБОВЬ В ЧАС ОПАСНОСТИ

Лодка скользнула в тень дерева, и мы подплыли под свисающие с него гирлянды испанского мха. Ещё мгновение — и нос пироги уткнулся в ствол. Всё так же машинально я вскарабкался на широкий комель и помог взобраться Авроре.

И вот мы в дупле, потаённом убежище беглеца, и на время вне опасности. Но мы не радовались. Мы понимали, что это всего лишь краткая передышка и нам не укрыться здесь от погони.

Встреча с Рафьеком погубила всё. Умер ли охотник или остался жив, он приведёт сюда остальных. Догадаться, куда мы бежали, не так уж трудно, и наше убежище очень скоро обнаружат.

То, что произошло, лишь усилит ярость наших врагов, и они ещё настойчивее будут продолжать поиски. До появления Рафьена могла быть ещё какая-то надежда ускользнуть. Большинство наших преследователей вышли в погоню за нами, как на обычную охоту за беглым темнокожим, и, коль скоро наш след будет затерян, утратят свой боевой пыл. Да и Гайар не пользовался такой популярностью, чтобы ради него особенно старались; кровно заинтересован в успехе был лишь он сам да его подручные. Если бы около поваленного дерева не осталось следов нашего пребывания, мрачный лабиринт затопленного леса, возможно, отпугнул бы наших преследователей, большинство махнули бы рукой на безнадёжную затею и разошлись по домам. Тогда, отсидевшись до вечера в нашем дупле, мы с

наступлением темноты вновь переплыли бы озеро, высадились в другом месте, и темнокожий вывел бы нас к береговой дороге, где нас должен был ждать д'Отвиль с лошадьми. А оттуда мы, как и предполагали раньше, двинулись бы в город.

Таков был придуманный мною наспех план действий, и до появления Рафьена, возможно, его удалось бы осуществить.

Даже после того, как я пристрелил собак, мы не отчаивались: кое-какие шансы на успех всё же оставались. Задержавшись у протоки и потеряв из виду собак, наши преследователи могли сбиться со следа или, во всяком случае, продвигались бы много медленнее. Если даже они догадаются об участи, постигшей собак, то ни пешему, ни конному всё равно не добраться до нашего убежища. Им потребуются лодки или пироги. Доставить сюда лодки с реки не так-то просто, а там наступит ночь. Единственной моей надеждой были ночная мгла и д'Отвиль.

Но перестрелка с Рафьеном спутала все карты.

После нашего поединка положение изменилось. Живой или мёртвый, Рафьен приведёт погоню к нашему убежищу. Если он жив, — теперь, когда гнев мой улёгся, я дорого бы дал, чтобы он остался жив, — охотник сразу направит погоню за нами.

Мне казалось, что он жив, что я только ранил его. Смертельно раненный человек не мог бы так барахтаться. Я думал и надеялся, что он жив, но не потому, что испытывал угрызения совести, а лишь из чувства самосохранения. Если Рафьен мёртв, тело его не замедлят найти у поваленного дерева, и оно будет свидетельствовать против меня. Поймать нас всё равно поймают, но только последствия будут самые трагические.

Словом, встреча с этим негодяем оказалась для нас роковой. Она коренным образом изменила всё. В защиту беглой невольницы была

пролита кровь белого! Весть эта быстро дойдёт до посёлка, облетит все плантации. Вся округа поднимется на ноги, и число преследователей утроится. За мной станут охотиться как за человеком, совершившим двойное преступление, и рвение моих врагов будет подогреваться яростью и жаждой мести. Всё это я знал и уже не рассчитывал на спасение. У нас не оставалось теперь и тени надежды.

Я привлёк к себе свою наречённую, обнял её и прижал к своей груди. Нас разлучит только смерть! В этот грозный и мрачный час она дала мне клятву. Только смерть разлучит нас!

Любовь Авроры вдохнула в меня мужество, и я бесстрашно ждал того, чего не в силах был предотвратить.

Прошёл ещё час.

Несмотря на грозившую нам опасность, мы не заметили, как пролетело время. Вы, вероятно, удивитесь, если я скажу, что это был один из счастливейших часов в моей жизни. Впервые после дня помолвки с Авророй я беседовал с ней без свидетелей. Мы остались наедине — преданный темнокожий стоял на страже возле пироги.

Недавние ревнивые подозрения ещё сильнее разожгли мои чувства, ибо таков закон природы, и, воспламенённый любовью, я почти забыл о нашем отчаянном положении.

Снова и снова давали мы друг другу обеты верности, снова и снова повторяли клятвы любви с горячностью и красноречием, подсказанными истинной страстью. О, то были счастливые минуты!

Увы, нашему счастью, скоро пришёл конец! Конец горестный, но не неожиданный. Когда в лесу затрубил рог, когда там стали громко перекликаться десятки людей, я ничуть не удивился. Не удивился я и тогда, когда услышал гулко разносящиеся по воде голоса,

выкрикивавшие ругательства и проклятья, скрип уключин и плеск вёсел. И когда Габриэль сообщил, что несколько лодок с вооружёнными людьми приближаются к нашему дереву, известие не застало меня врасплох: я это предвидел.

Я спустился вниз по стволу дерева и, наклонившись, выглянул из-под завесы свисающего мха. Отсюда мне было видно всё озеро. Я хорошо различал людей в пироге и яликах, как они гребли и жестикулировали.

Дойдя примерно до середины озера, они бросили вёсла и принялись совещаться. Немного погодя они разбились на группы и стали объезжать дерево, как видно, решив нас окружить.

Задуманный манёвр был выполнен в несколько минут, и теперь лодки со всех сторон приближались к нам, пока не очутились среди низко склонившихся к воде ветвей болотного кипариса. Торжествующий крик оповестил о том, что убежище наше обнаружено, и сквозь фестоны испанского мха я увидел насторожённые лица.

Нас заметили; заметили пирогу и стоящих у её носа Габриэля и меня.

— Сдавайтесь! — раздался чей-то повелительный голос. — А станете сопротивляться — пеняйте на себя!

Но, несмотря на предложение сдаться, лодки не трогались с места. Сидевшие в них знали, что я ношу при себе пистолеты и умею ими пользоваться — они имели случай убедиться в этом, — и, боясь, как бы я снова не пустил в ход оружие, они не слишком спешили подойти.

Но страхи их были напрасны — я и не думал стрелять. Пытаться оказать сопротивление двум десяткам хорошо вооружённых людей, — а в лодках сидело никак не меньше, — было бы чистейшим безумием. Я и

не помышлял о том. Однако, решись я на такой шаг, не сомневаюсь, что Габриэль дрался бы бок о бок со мной до последнего. Смелый темнокожий, отвагу которого удесятеряла весть о грозящей ему каре, сам предложил дать бой. Но смелость его граничила с безумием, и я молил его не сопротивляться, потому что его наверняка уложат на месте.

Я не собирался пускать в ход оружие, но медлил с ответом.

— Мы хорошо вооружены, — продолжал парламентёр, по-видимому, пользовавшийся авторитетом у остальных. — Сопротивляться бессмысленно, лучше вам сразу сдаться…

— Что с ними долго разговаривать! — прервал его другой грубый голос.

— Подпалим дерево и выкурим их оттуда. Мох сразу же вспыхнет!

Я узнал этот голос. Бесчеловечное предложение исходило от бандита Ларкина.

— Я и не собираюсь сопротивляться, — ответил я их предводителю, — и готов следовать за вами. Никакого преступления я не совершил. За свои поступки я готов ответить перед законом.

— Вы ответите н а м! — рявкнул кто-то с другой лодки. — Мы здесь закон!

В его словах прозвучала скрытая угроза, которая заставила меня насторожиться, но наши переговоры на этом закончились. Ялики и челны устремились к дереву. Я увидел направленный на меня десяток винчестеров и пистолетов, и десяток голосов хором скомандовал нам сесть в лодки.

По свирепому и решительному виду этих грубых людей я понял, что нам не остаётся ничего другого, как покориться или умереть.

Я отвернулся, чтобы попрощаться с Авророй: она выбралась из дупла и, рыдая, стояла подле меня.

Воспользовавшись этим, несколько человек влезли на дерево, набросились на меня сзади, скрутили мне руки за спиной и крепко связали.

Я едва успел сказать последнее прости Авроре, которая уже не плакала, а взирала на суетившихся вокруг меня людей с нескрываемым презрением. А когда меня втолкнули в лодку, смелая девушка крикнула дрожащим от негодования голосом:

— Трусы! Жалкие трусы! Ни один из вас не осмелился встретиться с ним в открытом бою! Ни один! — И в этих словах прозвучало всё благородство её души.

Этот порыв моей невесты восхитил меня, он явился лучшим доказательством её любви. Я восторгался ею и с наслаждением выразил бы ей свой восторг, если бы моя стража, явно пристыжённая словами Авроры, не поспешила отчалить. В следующую секунду пирога, в которую меня поместили, вылетела из-под низко нависших ветвей и заскользила по озеру.

Глава LXXVI. СТРАШНАЯ УЧАСТЬ

Аврору я больше не видел. Не видел и беглого темнокожего. Но из разговоров сопровождавших меня людей я понял, что обоих должны были увезти в одной из оставшихся лодок и что высадят их где-то в другом месте. Понял я также, что несчастного темнокожего ждало страшное наказание, которого он так боялся: ему отрубят правую руку!

Как ни горько мне было это узнать, ещё тяжелее было выслушивать их грубые шутки. Я даже не могу повторить те оскорбления, которыми они осыпали меня и мою возлюбленную.

Но я не пытался защищать ни её, ни себя. Я не отвечал им. Я сидел молча, устремив мрачный взгляд на воду, и почувствовал даже какое-то облегчение, когда пирога снова поплыла среди поднимавшихся из воды стволов кипарисов и тёмная тень их скрыла моё лицо от посторонних взглядов. Меня везли к поваленному дереву.

Подъезжая, я увидел на берегу толпу людей и среди них свирепого Рафьена с обмотанной кровавой тряпкой рукой, висевшей на перевязи, которой служил красный шейный платок. Как ни в чём не бывало стоял он вместе с остальными.

"Слава Богу, я не убил его! — мысленно воскликнул я. — Хоть за это не придётся быть в ответе!"

К тому времени подоспели остальные ялики и пироги, за исключением лодки с беглым темнокожим и Авророй, и все высадились. На берегу собралось человек тридцать или сорок взрослых мужчин и подростков. Большинство были вооружены пистолетами или винчестерами и на фоне тёмной зелени леса представляли довольно живописную группу. Но в ту минуту я не склонен был любоваться картинами такого рода.

Меня высадили и под надзором двух вооружённых конвоиров, из которых один шагал впереди, а другой — сзади, повели куда-то. Толпа повалила за нами; кто забежал вперёд, кто отстал, а мальчишки и кое-кто из мужчин шли рядом и глумились надо мной.

Я не стерпел бы подобного издевательства, но понимал, что, дав волю своему гневу, ничего этим не достигну, разве только доставлю

лишнее удовольствие моим мучителям. Поэтому я упорно молчал и старался глядеть в сторону или в землю.

Мы шли быстро, насколько позволял густой кустарник, через который приходилось продираться окружавшей меня толпе, и я был рад этому. Я полагал, что меня ведут к какому-нибудь должностному лицу или мировому судье, как их здесь обычно называют. Во всяком случае, под стражей закона и его блюстителей я буду ограждён от издевательств и оскорблений, которые градом сыпались на меня со всех сторон. Единственное, чего мне не пришлось испытать, — это побоев, хотя среди моего эскорта находились и такие, которые не прочь были бы пустить в ход кулаки.

Но вот лес поредел, между стволами засинело небо. Я решил, что мы каким-то ближним путём дошли до лесосеки. Но я ошибся, ибо несколько мгновений спустя мы выбрались на поляну. Снова эта поляна!

Здесь шествие остановилось, и в ярком сиянии солнечных лучей мне представилась возможность разглядеть моих мучителей. С первого же взгляда я понял, что попал в руки разнузданного сброда.

Тут был Гайар собственной персоной со своим надсмотрщиком, работорговцем и негодяем Ларкином.

С ними пришли человек пять или шесть креолов-французов из собственников победнее — владельцы двух-трёх ткацких станков — и мелкие плантаторы. В остальном же здесь собрались одни отбросы общества — пьяные лодочники, которых я часто видел ораторствующими у бакалейной лавочки, местные буяны и отъявленные головорезы. И ни одного мало-мальски уважаемого землевладельца, ни одного уважаемого человека!

Но почему мы остановились на поляне? Я торопился поскорее попасть к судье и возмутился задержкой.

— Почему мы стали здесь? — раздражённо осведомился я.

— Потише, мистер! Больно уж ты прыток! — ответили мне из толпы. — Не торопись, скоро всё узнаешь.

— Я протестую и требую, чтобы меня немедленно отвели к судье! — продолжал я возмущённо.

— Не бойся, отведут! Идти недалеко: судья-то — он здесь!

— Кто? Где? — спросил я, оглядываясь и полагая, что судья в самом деле находится в толпе.

Я слышал о дровосеках, исполняющих обязанности мировых судей, даже сам встречался с одним таким судьёй, и теперь, обводя взглядом грубые лица, надеялся найти среди них представителя закона.

— Где же судья? — повторил я.

— Тут, тут, не беспокойся! — ответил один.

— Где судья? — гаркнул другой.

— Судья! Куда ты запропастился? Судья! — закричал третий, словно обращаясь к кому-то в толпе. — Валяй сюда, ваша милость! Прошу покорно, тут вас желают видеть!

Сначала я подумал, что он говорит всерьёз и что в толпе действительно стоит судья.

Единственное, что меня поразило, — это слишком вольное обращение с представителем закона.

Но моё заблуждение длилось недолго, ибо в то же мгновение ко мне почти вплотную подскочил перевязанный и перепачканный тиной Рафьен и, пронзив меня взглядом своих злых, налитых кровью глаз, пригнулся к самому моему лицу и прошипел:

— Неужто, пускаясь воровать темнокожих, мистер никогда не слыхал о судье Линче?

Кровь застыла у меня в жилах. Только теперь я понял страшную правду: меня собираются линчевать!

Глава LXXVII. ПРИГОВОР СУДЬИ ЛИНЧА

У меня и раньше мелькало подобное подозрение. Я вспомнил, как мне крикнули из лодки: "Вы ответите нам! Мы здесь закон!" Я слышал какие-то загадочные обрывки фраз, пока мы шли лесом, а когда мы выбрались на поляну, обратил внимание на то, что все обогнавшие нас чего-то ждали, но я не мог понять причины этой остановки.

Теперь я увидел, что мужчины отошли в сторону и стали в круг; их торжественный вид указывал на то, что они готовятся к какому-то важному делу. Возле меня остались одни только подростки да темнокожие, ибо и темнокожие участвовали в моей поимке. Рафьен же подошёл ко мне, желая, очевидно, насладиться местью и помучить меня.

Всё это пробудило во мне страшные подозрения, которые были сначала только подозрениями. Я даже намеренно гнал прочь подобные мысли; мне представлялось, что если я стану думать об этом, то непременно накликаю на себя беду. Но теперь это уже были не подозрения — это была уверенность. Они линчуют меня!

Многозначительный и ехидный вопрос Рафьена о судье Линче был встречен дружным взрывом смеха собравшихся возле меня подростков. И Рафьен продолжал:

— Нет, видно, ты не слышал о таком судье — ведь ты приезжий, англичанин. А среди ваших париков такого нет. Он-то уж не станет тебя мариновать двадцать лет под следствием. Нет, лопни мои глаза! Живо рассудит. Оглянуться не успеешь!

Не довольствуясь словами, этот мерзавец сопровождал свою речь издевательскими ужимками и жестами, к вящему удовольствию нетребовательной аудитории, которая буквально покатывалась со смеху.

Если бы меня не связали, я кинулся бы на него, но, даже связанный и даже зная, с каким грубым человеком я имею дело, я не удержался от искушения и крикнул ему:

— Ты не посмел бы так глумиться надо мной, негодяй, если б у меня не были скручены руки! А пока что не мне досталось, а тебе! На всю жизнь останешься калекой! Впрочем, что за беда: стрелок ты всё равно неважный.

Слова мои привели Рафьена в ярость, тем более что мальчишки принялись теперь хохотать уже над ним. Было бы несправедливо назвать их всех испорченными вконец. В их глазах я был аболиционистом и, по их понятиям, просто воровал темнокожих, а пример и прямое поощрение старших пробуждали в них самые тёмные инстинкты. Однако в основе своей это были незлые ребята. Простые мальчуганы, выросшие в лесной глуши, они оценили смелость моего ответа и больше уже не насмехались надо мной.

Иное дело Рафьен. Он разразился потоком ругательств и угроз и уже потянулся было, чтобы схватить меня здоровой рукой за горло, но

тут его позвали на совет, и, помахав несколько раз кулаком перед моим носом и выругавшись на прощанье, он оставил меня в покое.

Несколько минут я провёл в томительном ожидании. Я не знал ни того, что обсуждает толпа, ни того, что собираются со мной сделать, одно только было мне ясно — к судье меня не поведут. Из долетавших до меня обрывков фраз, как, например: "Выпороть его, подлеца!", "Обвалять в дёгте и перьях!", я понял, какое наказание меня ждёт. Но, вслушавшись внимательно, я убедился, что очень многие из моих судей считают эту кару ещё чересчур мягкой. Некоторые прямо утверждали, что за нарушение закона я должен поплатиться жизнью.

На эту точку зрения стало большинство, и они призвали Рафьена себе на подмогу.

Постепенно мною начал овладевать страх, вернее — ужас, который достиг предела, когда я увидел, как кольцо мужчин разомкнулось и двое из них, взяв верёвку, подошли к стираксовому дереву, росшему на краю поляны, и перекинули конец через толстый сук.

Судебное разбирательство кончилось, теперь оставалось вынести приговор. Даже у судьи Линча была своя процедура.

Когда верёвку закрепили, один из мужчин — это был работорговец — подошёл ко мне и в подражание судье огласил обвинение и приговор.

Я нарушил закон, совершив два тягчайших преступления: украл двух рабов и покушался на жизнь своего ближнего. Присяжные в числе двенадцати человек, рассмотрев обвинение, признали меня виновным и приговаривают меня к смерти через повешение. Он даже в точности повторил принятую в судопроизводстве формулу: меня "повесят за шею, пока я не буду мёртв — мёртв!"

Вы сочтёте мой рассказ преувеличенным, даже невероятным. Вы подумаете, что я шучу. Вы не поверите, что подобное беззаконие может твориться в христианской — в цивилизованной — стране. Вы решите, что люди эти просто хотели подшутить надо мной и что у них и в мыслях не было меня вешать.

Ваше право сомневаться, но клянусь, что таково действительно было их намерение, и тогда я был так же убеждён в том, что они меня повесят, как теперь убеждён в том, что остался жив.

Хотите — верьте мне, хотите — нет, но не забывайте, что я был бы не первой жертвой суда Линча, и, слушая приговор, я хорошо помнил это. А кроме того, передо мной были такие вещественные доказательства, как верёвка, дерево и судьи, один вид которых мог бы убедить любого. Ни проблеска милосердия не отражалось на их лицах!

Не знаю, что я говорил и что делал в эту страшную минуту. Помню только, что негодование пересиливало страх, что я возмущался, угрожал, слал им проклятия, а мои беспощадные судьи лишь смеялись в ответ.

Приговор должен был быть с минуту на минуту приведён в исполнение, и меня уже потащили к дереву, как вдруг послышался топот копыт, и несколько мгновений спустя из леса выскочила группа всадников.

Глава LXXVIII. В РУКАХ ШЕРИФА

Первое, что мне бросилось в глаза, было спокойное, решительное лицо скакавшего впереди Рейгарта, и сердце у меня затрепетало от радости. За ним ехал окружной шериф в сопровождении отряда добровольной полиции — десятка полтора человек, среди которых были наиболее уважаемые местные землевладельцы. Они на всём скаку

ворвались на лужайку, и эта спешка доказывала, что прибыли они сюда неспроста. Все они были вооружены винчестерами либо пистолетами.

Да, сердце моё затрепетало от радости. Настоящий преступник, стоя у подножия виселицы, не обрадовался бы гонцу, принёсшему ему весть о помиловании, больше, чем обрадовался я. В приехавших я сразу узнал друзей, на их лицах прочёл своё спасение. Поэтому я нимало не огорчился, когда шериф, спешившись, подошёл ко мне и, положив руку мне на плечо, объявил, что арестовывает меня "именем закона". Не огорчила меня ни резкость тона, ни даже грубоватый жест. Эта внешняя грубость была явно намеренной, и арест я принял с ликованием, ибо он сохранял мне жизнь. Я понял, что спасён!

Но то, что так обрадовало меня, отнюдь не пришлось по вкусу моим самозванным судьям, и они стали громко выражать своё недовольство. Меня уже осудил суд присяжных из двенадцати свободных граждан, кричали они, суд признал меня виновным в краже темнокожих, двух темнокожих; когда меня хотели задержать, я оказал сопротивление и "малость продырявил" одного человека, и поскольку вина моя доказана, нечего тут рассусоливать: вздёрнуть преступника на первом дереве, и всё тут!

Шериф ответил, что это незаконно, что нужно уважать правосудие, что если я совершил преступления, в которых меня обвиняют, то я буду наказан со всей строгостью закона, но что сперва меня нужно отвести к судье, где мне будет предъявлено обвинение по всей форме, и наконец выразил своё намерение доставить меня к мистеру Клейборну, здешнему мировому судье.

Толпа начала громко пререкаться с отрядом шерифа, и нельзя сказать, чтобы этому высокому должностному лицу оказывали подобающее почтение; некоторое время я даже опасался, как бы негодяи не настояли на своём. Но американский шериф мало похож на вялого джентльмена, обычно отправляющего эту должность в Англии. В девяти случаях из десяти это человек решительный и смелый, и шериф

Хикмен, с которым пришлось столкнуться моим судьям, не составлял исключения из общего правила. Кроме того, на моё счастье, в наспех собранном моим другом Рейгартом отряде оказались люди такого же склада. Сам Рейгарт, хотя и мирный человек, был известен своим хладнокровием и отвагой, а хозяин гостиницы и несколько сопровождавших шерифа плантаторов славились как люди надёжные, ревнители закона и справедливости. Вооружённые до зубов, они положили бы жизнь в защиту шерифа и его требований. Правда, численно их было меньше, но на их стороне был закон, и это давало им преимущество.

В одном мне сильно повезло — моих обвинителей недолюбливали. Хотя Гайар, как уже говорилось раньше, всячески старался создать себе репутацию человека высоконравственного, он не пользовался уважением окрестных плантаторов, особенно плантаторов американского происхождения. Кроме того, все понимали, что главных крикунов тайно подбил против меня адвокат. Что касается Рафьена, которого я ранил, то участники моей поимки слышали выстрел его винчестера и знали, что стрелял первым он.

В спокойную минуту они признали бы за мной законное право защищаться, во всяком случае по отношению к этому субъекту.

Однако, если бы обстоятельства сложились иначе, если бы "оба темнокожего" были украдены у всеми уважаемого землевладельца, а не у мсье Доминика Гайара, если бы Рафьен был человеком достойным, а не жалким пропойцей и бродягой, и если бы присутствующие сразу не почувствовали, что здесь речь идёт не о простой краже, — тогда дело могло обернуться для меня плохо, несмотря на вмешательство шерифа и его отряда.

Но и тут не обошлось без длительной и гневной перебранки; и та и другая сторона орала, грозила друг другу кулаками, защёлкали даже взводимые курки винчестеров и пистолетов.

Но храбрый шериф не дрогнул, Рейгарт держался весьма мужественно, хозяин гостиницы и несколько молодых плантаторов выказали должную отвагу — и закон восторжествовал.

Да, волею судеб и благодаря вмешательству десятка благородных людей закон восторжествовал, иначе мне ни за что не уйти бы живым с этой поляны.

Судья Линч вынужден был отступить перед судьёй Клейборном, и жестокий приговор первого был на время отменён.

Одержавший победу шериф и его отряд окружили меня, и мы тронулись в путь.

Но хотя мои кровожадные судьи уступили, они могли ещё передумать и попытаться вырвать меня из рук правосудия. Поэтому шериф велел дать мне лошадь и сам ехал рядом со мной, а с другой стороны меня охранял его испытанный помощник. Рейгарт и плантаторы старались держаться поближе к нам, а кричащая и ругающаяся толпа замыкала шествие, кто на лошадях, а кто и просто пешком.

В таком порядке мы проследовали через лес и поле, спустились по дороге, ведущей в Бринджерс, и наконец прибыли в резиденцию сквайра Клейборна — мирового судьи округа.

К дому его примыкала большая комната, где сквайр имел обыкновение отправлять правосудие. Этот "судебный зал" сообщался с домом простой дверью, и, кроме двух-трёх скамеек да стоящей в углу невысокой кафедры, ничто не указывало на его назначение.

За этой кафедрой судья улаживал мелкие ссоры, снимал за четверть доллара показания под присягой и вершил прочие гражданские дела. Но чаще всего его судейская деятельность сводилась к тому, чтобы

назначать строптивому темнокожему соответствующее количество плетей по жалобе совестливого хозяина, ибо несчастный раб, хотя бы теоретически, находился под защитой закона.

В эту-то комнату и ввёл меня шериф и его помощники; толпа ввалилась за нами, и скоро там яблоку негде было упасть.

Глава LXXIX. РАЗВЯЗКА

Как видно, судья был оповещён заранее, ибо мы застали сквайра Клейборна в его судейском кресле готовым выслушать стороны. В худом седовласом и благообразном старце я сразу признал достойного представителя закона — одного из тех почтенных судей, которые внушают уважение не только в силу преклонного возраста и занимаемого поста, но прежде всего своими высокими добродетелями. Несмотря на окружавший меня шумный сброд, я прочёл в ясном и твёрдом взгляде судьи решимость оставаться до конца беспристрастным.

Теперь я уже не боялся. В пути Рейгарт успел сказать мне, чтобы я не падал духом. Он шепнул мне что-то о новом, неожиданном повороте дела, но я плохо расслышал его и не понял, что он имел в виду, а в спешке и сумятице мне не представилось случая его переспросить.

— Не падайте духом! — сказал он, когда, подстегнув свою лошадь, поравнялся со мной. — И не бойтесь. Всё будет хорошо. Это довольно необычное дело, и кончится оно необычно и кое для кого весьма неожиданно. Ха-ха-ха!

К моему удивлению, Рейгарт захохотал — казалось, он чему-то искренне радовался. Я с недоумением взглянул на него.

Но мне так ничего и не удалось узнать, потому что в эту минуту шериф повелительным тоном запретил вести разговоры с

арестованным, и нас разлучили. Как ни странно, но я не рассердился на шерифа. Что-то подсказывало мне, что грубость его притворная и что шериф Хикмен прибег к этой уловке, желая умиротворить толпу.

Когда меня подвели к кафедре, шериф и судья не без труда водворили в зале порядок. Судья, воспользовавшись относительным затишьем, наконец приступил к делу.

— Итак, джентльмены! — произнёс он твёрдым официальным тоном. — Я готов выслушать выдвинутые против этого молодого человека обвинения. В чём он обвиняется, полковник Хикмен? — обратился он к шерифу.

— В краже темнокожих, насколько я понимаю, — ответил тот.

— Кто предъявляет обвинение?

— Доминик Гайар! — раздался голос из толпы, и я узнал его: это был голос самого адвоката.

— Присутствует ли здесь мсье Гайар лично? — осведомился судья.

Голос ответил утвердительно, и лисья физиономия моего врага вынырнула из толпы.

— Мсье Доминик Гайар, — произнёс судья, — в чём обвиняете вы арестованного? Изложите ваше обвинение подробно и под присягой.

Покончив с формулой присяги, Гайар изложил свой иск со всеми тонкостями и вывертами, достойными прожжённого крючкотвора.

Мне незачем здесь воспроизводить все его юридические хитросплетения. Достаточно сказать, что обвинение состояло из нескольких пунктов.

Во-первых, я будто бы подстрекал к мятежу и пытался взбунтовать невольников плантации Безансонов, помешав "справедливому" наказанию одного из темнокожих. Во-вторых, я подучил другого невольника ударить надсмотрщика, после чего склонил его бежать в лес и помог ему скрыться. Имелся в виду тот самый Габриэль, который сегодня был пойман вместе со мной. В-третьих — и тут Гайар дошёл до самого выигрышного пункта своего обвинения...

— В-третьих, — продолжал он, — проникнув в мой дом в ночь на восемнадцатое октября, арестованный выкрал оттуда невольницу Аврору Безансон...

— Ложь! — прервал его чей-то голос. — Ложь! Аврора Безансон не невольница!

Гайар вздрогнул, словно его ударили ножом.

— Кто смеет это утверждать? — осведомился он, но уже без прежнего апломба.

— Я! — отвечал тот же голос, и в то же мгновение молодой человек вскочил на скамью; теперь он на голову возвышался над толпой. Это был д'Отвиль!

— Я утверждаю! — повторил он так же твёрдо. — Аврора Безансон не невольница, а свободная квартеронка! Судья Клейборн, — продолжал д'Отвиль, — сделайте милость, прочтите этот документ! — С этими словами он передал стоявшему рядом человеку сложенный вчетверо пергамент, а тот передал его дальше.

Шериф вручил документ судье; тот развернул бумагу и прочёл её вслух.

Это оказалась "вольная" квартеронки Авроры — свидетельство о том, что она отпускается на волю, составленное по всем правилам и подписанное её покойным хозяином Огюстом Безансоном. Старик приложил его к своему завещанию.

Толпа окаменела от изумления, никто не мог вымолвить ни слова. Настроение в зале явно переменилось.

Все глаза обратились к Гайару. А он, запинаясь от смущения, произнёс только:

— Я протестую!.. Эту бумагу выкрали из моего секретера и...

— Тем лучше, мсье Гайар! — снова прервал его д'Отвиль. — Тем лучше! Признавая, что бумагу выкрали у вас, вы этим самым признаёте её подлинность. Но скажите, сударь, почему, имея на руках этот документ и зная его содержание, вы осмеливаетесь утверждать, что Аврора Безансон — ваша невольница?

Гайар был сражён. Его мертвенно-бледное лицо сделалось зеленовато-серым, и обычно злобное выражение уступило место растерянности и страху. Чувствовалось, что он дорого бы дал, чтобы очутиться за тридевять земель отсюда, да и сейчас он уже прятался за спины стоявших возле него мужчин.

— Постойте, мсье Гайар! — продолжал неумолимый д'Отвиль. — Я ещё не кончил. Вот, пожалуйста, судья Клейборн, ещё один документ, который не лишён для вас интереса. Попрошу вас уделить ему внимание.

С этими словами д'Отвиль вынул из кармана другой сложенный лист пергамента, который передал судье, и тот, развернув бумагу, огласил её содержание.

Это было дополнительное распоряжение к завещанию Огюста Безансона, по которому тот оставлял своей дочери, Эжени Безансон, пятьдесят тысяч долларов, каковые, по достижении совершеннолетия, должны были быть выплачены ей обоими опекунами — господином Домиником Гайаром и Антуаном Лере, причём существование этих денег должно было храниться от подопечной в тайне до дня их выплаты.

— А теперь, мсье Доминик Гайар, — продолжал д'Отвиль, лишь только судья дочитал бумагу, — я обвиняю вас в присвоении этих пятидесяти тысяч долларов, равно как и других сумм, о которых будет сообщено особо. Я обвиняю вас в том, что вы утаили самый факт существования этих денег и не показали их в активе состояния Безансонов, в том, что вы попросту украли их!

— Это весьма тяжкое обвинение! — произнёс судья Клейборн; он, видимо, не сомневался в истинности всего сказанного и намеревался дать ход делу.

— Но позвольте узнать ваше имя, сударь? — мягко осведомился он у д'Отвиля.

Я впервые видел д'Отвиля при дневном свете. До сих пор мы встречались с ним лишь в ночных сумерках или при искусственном освещении. Правда, сегодня утром мы провели несколько минут вместе, но нас окутывал полумрак леса, и я лишь смутно различал его черты.

Теперь, когда из окна на него лился яркий свет солнечного дня, я мог хорошенько его разглядеть. И снова мне показалось, что я уже встречал его где-то. Чем пристальнее я в него вглядывался, тем больше

убеждался в этом, и когда он ответил на вопрос судьи, ответ его не так уж потряс меня, как можно было предположить.

— Позвольте узнать ваше имя, сударь, — повторил судья.

— Эжени Безансон!

В то же мгновение шляпа и чёрный парик были сорваны с головы, и на плечи прекрасной креолки упала волна золотых волос.

Зал отвечал дружным "ура", в котором не участвовали лишь Гайар и двое или трое отпетых головорезов из его шайки. Я понял, что свободен!

Всё изменилось, как по мановению волшебного жезла: обвинитель стал обвиняемым. Волнение в зале ещё не улеглось, как шериф, побуждаемый Рейгартом и другими, направился к Гайару и, положив руку ему на плечо, объявил, что он арестован.

— Это всё ложь! — кричал Гайар. — Всё это подстроено, нарочно подстроено! Документы подложные! Подпись подделана!

— Нет, господин Гайар, — веско произнёс судья, — документы не подложные. Это почерк Огюста Безансона. Я имел честь хорошо знать его и могу засвидетельствовать это лично.

— И я! — отозвался низкий строгий голос, заставивший всех обернуться.

Если превращение Эжена д'Отвиля в Эжени Безансон удивило толпу, то теперь всех ждало ещё большее чудо — воскрешение считавшегося погибшим управителя Антуана!

Читатель! История моя окончена. Над этой маленькой драмой опускается занавес. Я мог бы предложить, конечно, вашему вниманию картины, рисующие дальнейшую судьбу действующих лиц, но достаточно будет и краткого итога. Пусть фантазия ваша дополнит остальное.

Вам, несомненно, приятно будет узнать, что Эжени Безансон вернули её имение, которое заботами верного Антуана скоро опять пришло в прежнее цветущее состояние.

Но есть, увы, невозвратимые утраты — разве вернёшь юные надежды, жизнерадостность, очарование первой любви!

Не думайте, однако, что Эжени Безансон поддалась отчаянию, что она навсегда осталась жертвой своей несчастной любви. Нет, у неё была твёрдая воля, и она употребила все усилия, чтобы вырвать из сердца роковую страсть.

Время и чистая, спокойная жизнь залечивают такие раны, но несравненно большее облегчение может принести участие того, кого любили. Это участие взамен любви Эжени познала в полной мере.

Её юные надежды рухнули, весёлость померкла, но ведь есть иные радости в жизни, помимо игры страстей, и, может быть, не на стезе любви находим мы истинное счастье.

О, если бы я мог этому поверить! Если бы я мог убедить себя, что это безмятежное спокойствие, эта светлая улыбка говорят о душевном мире! Увы, я не хочу кривить душой. Року нужны жертвы. Бедная Эжени! Бог да смилостивится над тобой! О, если бы я мог погрузить твоё сердце в струи Леты!

А Рейгарт? Читатель, вероятно, обрадуется, узнав, что честный доктор преуспел и, отложив ланцет, стал знатным землевладельцем и,

более того, выдающимся законодателем, одним из тех, кому принадлежит честь составления нынешнего кодекса законов штата Луизиана, наиболее прогрессивного в цивилизованном мире.

Вам приятно будет также узнать, что Сципион с Хлоей и малюткой Хло вернулись в своё старое и теперь счастливое гнездо, что заклинатель змей сохранил обе свои мускулистые руки и уже никогда больше не должен был искать прибежища в дупле.

И вас не огорчит известие о том, что Гайар провёл несколько лет в батонружской тюрьме, а потом куда-то бесследно исчез. Говорят, что под вымышленным именем он вернулся к себе на родину, во Францию. Доказать его виновность не составило труда. Антуан давно подозревал коварного адвоката в том, что он замыслил ограбить их подопечную, и решил его испытать. Плот из стульев всё-таки не потонул, и верный управитель добрался до берега, но много ниже по течению. Никто не знал, что он спасся, и чудаковатый старик решил на время скрыться, что дало ему возможность быть невидимым свидетелем всех неблаговидных дел Доминика Гайара.

Как только адвокат уверовал в его гибель, он стал действовать смелее и вскоре довёл дело до известной нам распродажи. Всё произошло так, как и предвидел Антуан, и, выступив в качестве истца, он быстро добился осуждения адвоката. Приговорённый к пяти годам заключения в исправительной тюрьме, Гайар уже более не встречался с действующими лицами этой истории.

Вряд ли также вы будете сожалеть, узнав, что бандита Ларкина постигла примерно такая же участь, что Рафьен — охотник за людьми — утонул во время наводнения и что торговец темнокожегоми сделался впоследствии похитителем темнокожих, и за это преступление суд Линча приговорил обвалять его в дёгте и перьях.

"Охотников" Чорли и Хэтчера я никогда больше не встречал, но мне известна их судьба. Отважный, но беспутный шулер-джентльмен Чорли был убит на дуэли креолом из Нового Орлеана, с которым он повздорил за картами. Банк Хэтчера вскоре "лопнул", и после долгой полосы невезения игрок окончательно превратился в мелкого жулика.

"Торговца свининой" я встретил много лет спустя в Мексике как удачливого банкомёта. Он отправился туда следом за американской армией и составил себе огромное состояние, держа игорный притон для офицеров. Но ему недолго пришлось наслаждаться своим добытым нечестными путями богатством. В Вера-Круце он схватил тропическую лихорадку, и прах его давно смешался с песками этого унылого побережья.

Итак, дорогие читатели, мне как автору выпало счастье воздать по заслугам всем действующим лицам, которые прошли перед вами на страницах этой книги.

Но я уже слышу, как вы восклицаете: а куда он девал героя и героиню? Позабыл о них?

Нет, я о них не забыл. Неужели вы хотите, чтобы я описывал свадебный обряд, его великолепие и пышность, ленты и бутоньерки и последующее неземное блаженство?

Упаси меня Гимен![27] Всё это я предоставляю восполнить вашей фантазии, если только она пожелает. Но весь интерес к приключениям влюблённого обычно утрачивается с достижением заветной цели, рассказ даже не всегда доводится до алтаря, а читатель вряд ли пожелает приподнять завесу, скрывающую мою мирную супружескую жизнь с прекрасной квартеронкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Де Сото Эрнандо (1500 — 1542) — испанский исследователь, которому приписывается открытие Миссисипи в 1541 году.

2

Ибервиль Пьер (1661 — 1706) — французский исследователь Северной Америки, основавший в 1698 году французскую колонию Луизиану.

3

Ла Салль Рене Робер Кавелье (1643 — 1687) — французский путешественник, первым проплывший по Миссисипи до самого устья.

4

8 января 1815 года, уже после подписания Гентского договора, завершившего англо-американскую войну 1812 — 1814 годов, у Нового Орлеана произошло сражение, в котором малочисленная и плохо организованная американская армия нанесла поражение регулярным английским войскам.

5

В Новом Орлеане существовал в то время клуб, объединяющий людей, которых дела задерживали в городе даже в самое жаркое время года. (Примеч. автора)

6

Автор имеет в виду английского реакционного государственного деятеля Пальмерстона (1784 — 1865) — в течение долгих лет министра иностранных дел и премьер-министра Англии. Он был проводником колонизаторской политики, вдохновителем многих захватнических войн, в том числе Крымской кампании 1853 — 1856 годов, закончившейся подписанием 30 марта 1856 года Парижского мира.

7

Автор называет выдающихся французских писателей и политических деятелей своего времени.

8

8 Квартерон или квартеронка (от латинского слова "кварта" — четверть) — человек по деду или бабушке негритянского происхождения.

9

Дю Пратц Ле Даж (умер в 1775 году) — французский путешественник по Америке, автор "Истории Луизианы" (1758)

10

Дю Пратц Ле Даж (умер в 1775 году) — французский путешественник по Америке, автор "Истории Луизианы" (1758)

11

Майк Финк (1770 — 1822) — герой многочисленных легендарных рассказов. Был лодочником на реках Огайо и Миссисипи, славился как непобедимый драчун, меткий стрелок, хвастун и повеса.

12

Пик — мелкая серебряная монета стоимостью в 6,25 цента.

13

Рапп Георг (1757 — 1847) — немецкий эмигрант в США. В 1804 году основал колонию "Гармония", члены которой должны были соблюдать равенство, общность имущества и безбрачие. В 1823 году "Гармония" была продана знаменитому социалисту-утописту Роберту Оуэну. Взамен неё Рапп основал колонию "Экономия".

14

Геслер Герман — ландфохт (наместник) швейцарских кантонов Швиц и Ури, посланный императором Альбрехтом, чтобы подчинить эти кантоны австрийскому владычеству. По преданию, был убит в 1307 году национальным швейцарским героем Вильгельмом Теллем.

15

Мутис Хосе Селестино (1732 — 1808) — ботаник, исследователь флоры Южной Америки.

16

Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769 — 1859) — знаменитый немецкий естествоиспытатель и путешественник. В 1799 — 1804 годах путешествовал по Америке.

17

Стикс — в древтемнокожемческой мифологии река подземного царства, через которую перевозчик Харон переправлял на челноке души умерших.

18

Лета — в древтемнокожемческой мифологии река забвения в подземном царстве. Её вода заставляла души умерших забывать перенесённые на земле страдания.

19

Вергилий (70 — 19 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт.

20

Колумб Христофор (1451 — 1506) — знаменитый генуэзский мореплаватель, открывший в 1492 году Америку.

21

Кортес Фернан (1485 — 1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики.

22

Терпсихора — в древтемнокожемческой мифологии одна из муз, покровительница танцев.

23

Братец Джонатан — прозвище американцев, так же как дядюшка Сэм.

24

Джон Буль — шутливое прозвище англичан.

25

Букмекер — лицо, собирающее и записывающее денежные заклады от публики на конских состязаниях.

26

Аболиционист — участник движения за освобождение темнокожих от рабства.

27

Гимен (Гименей) — в древтемнокожемческой мифологии бог брака.